

Гордин А.И.

ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ

Учебно-методическое пособие

Иркутск 2014

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная
академия образования»,
ФГБОУ ВПО
«Иркутский государственный университет»

А.И. Гордин

Искусство мыслить

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Иркутск - 2014

УДК 100.37(075)

ББК 87.153.4Я73

Г67

Печатается по решению редакционно-издательского совета ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия образования» и учебного совета ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет».

Рецензенты:

Н.А. Чапаргина, доктор пед. наук, профессор.

О.В. Гордина, канд. пед. наук, доцент.

Гордин А.И.

Искусство мыслить: учеб.-метод. пособие: авт.- сост. А.И. Гордин. – Иркутск: Изд-во ФГБОУ ВПО «ВСГАО», 2014. – 312 с.

Автор-составитель учебно-методического пособия знакомит студентов с теорией и практикой интуитивного, художественно-образного и понятийного мышления, синтез которых им мыслится на современном отрезке развития человеческой цивилизации как искусство мыслить. Для осмысления данной проблемы и развития мышления человека в этом аспекте автор-составитель активно обращается к теоретическим положениям, разработанным в трудах С.Л. Рубинштейна, М.М. Бахтина, Р.Р. Гельгардта, В.С. Библера, Н.А. Бердяева, М.К. Мамардашвили, Хосе Ортега-и-Гассета, Д. Клустера, Д. Халперн, М. Эпштейна, В. Франкла, Р. Штайнера, Ф. Шеллинга и др. Он выражает глубокую признательность за учебно-методический материал, который был активно использован при подготовке пособия, А.А.Ивину («Искусство правильно мыслить», 2000 г.), А.Д. Гетманову, А.Л. Никифорову, М.И. Панову («Логика», 1995 г.).

Для иллюстрации теоретических положений автор-составитель преимущественно обращается к педагогической практике и к практике журналистской деятельности. Книга адресована студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных вузов.

ISBN 978-5-904-740-19-1

© Гордин А. И., 2014

© ФГБОУ ВПО

«ВСГАО», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ I. ИСКУССТВО СОЗДАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ	11
1.1. Мышление как процесс творческого познания.....	11
1.2. Сознание как акт творческого восприятия разумом человека окружающей его действительности.....	27
1.3. Искусство публичного мышления.....	37
1.4. Мышление, язык, речь.....	48
1.5. Понятие как способ познания.....	63
1.6. Искусство определения содержания понятий.....	88
РАЗДЕЛ II. ИСКУССТВО ДИАЛОГА С ВНУТРЕННИМ «Я» И ОБЩЕСТВОМ	108
2.1. Общая характеристика диалогичности мышления.....	108
2.2. Социальная характеристика диалогичности мышления.....	120
2.3. Диалогичность мышления в письменной речи.....	129
2.4. Диалогичность мышления как основа формирования высказываний и умозаключений.....	149
2.5. Основы искусства индивидуального мышления	168
РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ	184
3.1. Конструктивное многофункциональное критическое мышление.....	184
3.2. Творческое мышление как форма потенцирования бытия человека.....	205
3.3. Логические парадоксы как способ познания.....	223
3.4. Гипотеза как форма исследования.....	240
3.5. Искусство ведения спора.....	253
3.6. Создание образа своего мышления.....	270
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	282
УПРАЖНЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ АЛГОРИТМЫ, ЗАДАНИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ	283

ВВЕДЕНИЕ

«Наука движет человечество вперёд, а искусство ввысь...»

Из эссе Даши Смирновой,
ученицы 9 класса,
гимназии №1 г. Усолья-Сибирского,
Иркутской области.

Ключ к пониманию специфики предмета «Искусство мыслить» содержится в неоднозначном содержании этого понятия, которое представляет собой более метафору, чем точное отражение процесса мышления. Автор-составитель данного учебного пособия частично позаимствовал название пособия у известного российского учёного А.А. Ивина («Искусство правильно мыслить»). Но при некоторой схожести этих понятий они скорее противоположны, чем тождественны.

Применяемое в названии предмета А.А. Ивиным определение «правильного» указывает на логическую основу мышления. Такая основа понимается им узко как «наука о формах и законах правильного мышления». При этом мыслится, что одна из главных задач такой логики – «определить, как прийти к выводу из предпосылок (правильное рассуждение) и получить истинное знание о предмете размышления, чтобы глубже разобраться в нюансах изучаемого предмета мысли и его соотношениях с другими аспектами рассматриваемого явления»¹.

Однако «правильность», которая в формальной логике понимается как «соразмерность», «последовательность», «основательность», «уравновешенность» и т.п. – всего лишь одна из бесконечных возможностей отображения действительности искусством. Важно понимать, что такая «правильность» ничего не отменяет в мышлении, а лишь дополняет его. У этой «логической правильности» есть свои строго определённые границы в познании, и выход за их пределы грозит превращением познания в догму, бездуховную технологию. В этом случае мышление, лишённое природной пластичности, способно на открытия только в рамках установленных мировоззренческих ограничений. Например, в виде религии, политики, т. н. научного знания и многого другого, под которые подводятся те или иные рационалистические основания. Из них следует, что предлагаемая модель мироустройства, общественного бытия и вообще чего угодно – есть истина в последней инстанции.

Между тем уже в самом содержании понятия «логика» существует некоторая множественность значений. Логика (др.-греч. λογική – «наука о

¹ Ивин А. А. Логика. — М.: Знание, 1998.

правильном мышлении», «искусство рассуждения» от λόγος – «речь», «рассуждение», «мысль», «слово») – раздел философии, нормативная наука о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемых с помощью логического языка.

Известно, что «классическая логическая теория далеко не совершенна: основное её содержание формулируется на особом, созданном специально для своих целей языке, использует абсолютное предметное мышление. В ней не предполагается использование контроля прагматических ошибок, погрешностей нелинейностей используемых систем отсчёта, пограничных ошибок описания, релятивизма масштабирования и т. п. Вследствие чего принято считать нормальным факт наличия в её языке парадоксов и априорных утверждений, кустовых эффектов словаря и т. п. Подобно тому как умение говорить существовало ещё до возникновения науки грамматики, так и искусство правильно мыслить существовало задолго до науки логики»².

Автор-составитель данного пособия («Искусство мыслить») убеждён, что процесс мышления гораздо сложнее и многообразнее, чем просто умение логично мыслить. Его можно, с некоторыми оговорками, назвать сторонником «диалектической логики – науки о мышлении, которая, как предполагается, даёт знание о способе рассуждения, расширяющем возможности формально-логического вывода. В этом случае понятие логики употребляется как в собственно логическом, так и в метафорическом смысле. Диалектическое рассуждение, конечно, учитывает законы формальной логики. Вместе с тем, осуществляя анализ динамики перехода понятий в свою противоположность, оно допускает, что противоположности совпадают, ориентируется на законы диалектики» (H. G. Gauch).

Автор убеждён, что интересный образ мышления – это скорее «прекрасная неправильность». Кроме того, сложная структура сознания человека, определяющая качественный уровень мышления, ориентирует даже неискущённых в этом сложном вопросе людей на то, что оно, по крайней мере, включает в себя три типа мышления: *интуитивное* (подсознательное или надсознательное), *художественно-образное* и *понятийное* (логическое).

Но справедливости ради надо заметить, что именно книга А. А. Ивина «Искусство правильно мыслить» мотивировала автора к созданию программы к данному предмету в 1993 году. Учебно-методическое пособие «Искусство мыслить» – своеобразный результат более чем двадцатилетнего преподавания в школе и вузах Иркутска. Дело в том, что А. А. Ивин в своей книге «Искусство правильно мыслить» невольно при рассмотрении теоретических материалов формальной логики выходил за её пределы. Книга написана живым языком, проиллюстрирована множеством примеров, в том числе из литературы и философии, которые сами по себе говорили о многообразии мышления человека.

² Gauch H. G. The PEL model of full disclosure // Scientific Method in Practice. – Cambridge University Press, 2003. — p.124

Итак, мышление может быть искусством, в арсенале которого у человека имеется интуиция, художественно-образное восприятие и способность логично, т. е. последовательно, непротиворечиво и обоснованно излагать свои мысли. Что же такое «искусство»?

Философский энциклопедический словарь нам сообщает, что это: «одна из форм общественного сознания, специфический род практически-духовного освоения мира». <...> В расширенном смысле слова «искусство», обозначая высокий уровень мастерства в любой области деятельности (в том числе нехудожественной), указывает на её красоту, эстетическую значимость. Однако главный отличительный признак художественного творчества состоит не в создании красоты ради возбуждения эстетического удовольствия, а в образном освоении действительности, то есть в выработке специфичного духовного содержания и в специфичном социальном функционировании, внедряющем это содержание в культуру»³.

Более кратко повествует нам о том, что такое искусство, толковый словарь С.И. Ожегова, который предлагает три значения этого понятия: «1) творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах; 2) умение, мастерство, знание дела; 3) самое дело, требующее такого умения, мастерства».⁴ Советский энциклопедический словарь даёт примерно такую же трактовку этого понятия, добавляя, что это «чувственное выражение сверхчувственного» и «единство созидания и познания»⁵.

На наш взгляд, очень верно осмыслил содержание понятия «искусство» в своей нобелевской речи Александр Солженицын, сказавший: *«Как тот дикарь, в недоумении подобравший странный выброс ли океана? захоронок песков? или с неба упавший непонятный предмет? — замысловатый в изгибах, отблескивающий то смутно, то ярким ударом луча,— вертит его так и сяк, вертит, ищет, как приспособить к делу, ищет ему доступной низшей службы, никак не догадываясь о высшей.*

Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, обновляем, реформируем, манифестируем, продаём за деньги, угрождаем сильным, обращаем то для развлечения — до эстрадных песенок и ночного бара, то — затычкой или палкою, как схватишь,— для политических мимобежных нужд, для ограниченных социальных. А искусство — не оскверняется нашими попытками, не теряет на том своего происхождения, всякий раз и во всяком употреблении уделяя нам часть своего тайного внутреннего света.

Но охватим ли весь тот свет? Кто осмелится сказать, что определил Искусство? перечислил все стороны его? А может быть уже и понимал, и называл нам в прошлые века, но мы недолго могли на том застояться: мы послушали, и пренебрегли, и откинули тут же, как всегда спеша сменить хоть и самое лучшее — а только бы на новое! И когда снова нам скажут старое, мы уже и не вспомним, что это у нас было.

³ Философский энциклопедический словарь. М. «Советская энциклопедия», 1989. – С.227.

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. «Русский язык», 1990. – С. 255.

⁵ Прохоров А.М. Советский энциклопедический словарь. М. «Советская энциклопедия», 1983. – С. 507.

Один художник мнит себя творцом независимого духовного мира, и взваливает на свои плечи акт творения этого мира, населения его, объемлющей ответственности за него,— но подламывается, ибо нагрузки такой не способен выдержать смертный гений; как и вообще человек, объявивший себя центром бытия, не сумел создать уравновешенной духовной системы. И если овладевает им неудача,— валят её на извечную дисгармоничность мира, на сложность современной разорванной души или непонятливость публики.

Другой — знает над собой силу высшую и радостно работает маленьким подмастерьем под небом Бога, хотя ещё строже его ответственность за всё написанное, нарисованное, за воспринимающие души. Зато: не им этот мир создан, не им управляется, нет сомненья в его основах, художнику дано лишь острее других ощутить гармонию мира, красоту и безобразия человеческого вклада в него — и остро передать это людям. И в неудачах и даже на дне существования — в нищете, в тюрьме, в болезнях — ощущение устойчивой гармонии не может покинуть его.

Однако вся иррациональность искусства, его ослепительные извивы, непредсказуемые находки, его сотрясающее воздействие на людей,— слишком волшебны, чтоб исчерпать их мировоззрением художника, замыслом его или работой его недостойных пальцев.

Археологи не обнаруживают таких ранних стадий человеческого существования, когда бы не было у нас искусства. Ещё в предутренних сумерках человечества мы получили его из Рук, которых не успели разглядеть. И не успели спросить: за чем нам этот дар? как обращаться с ним?

И ошибались, и ошибутся все предсказатели, что искусство разложится, изживёт свои формы, умрёт. Умрём — мы, а оно — останется. И ещё поймём ли мы до нашей гибели все стороны и все назначения его?

Не всё — называется. Иное влечёт дальше слов. Искусство растепляет даже захлаженную, затемнённую душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, — такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению.

Как то маленькое зеркальце сказок: в него глянешь и увидишь — lie себя,— увидишь на миг Недоступное, куда не доскакать, не долететь. И только душа занывает...»

Разумеется, в данном учебно-методическом пособии мы так же не претендуем на доскональное понимание великого смысла заложенного в содержание «искусства». Но те немногие данные, почерпнутые нами из подручных книг, позволяют предположить, что искусство мышления может быть:

- а) формой общественного сознания;
- б) специфическим родом практически-духовного освоения мира человеком;
- в) творческим отражением и воспроизведением действительности в художественных образах;

- г) высоким мастерством и знанием дела;
- д) единством созидания и познания.

Не менее просто разобраться и в содержании понятия «мышление». Главная трудность при осмыслении этого понятия заключается в том, что оно неразрывно связано с понятием «сознание», которое является камнем преткновения или, лучше сказать, столкновения различных философских школ. Если слишком общо говорить о проблеме, то её можно, перефразировав известный вопрос «что первично дух или сознание?», выразить в следующем не менее трудном вопросе «сознание порождает бытие или бытие сознание?».

Феномены мышления и сознания будут рассмотрены в методологической части данного пособия. Во введении мы ограничимся принятыми нами за основу определениями. Прежде всего, следует обратить внимание на то, что и мышление, и сознание – это процессы, а не статичные состояния. Следовательно, они способны к развитию и видоизменению. Такое утверждение раз и навсегда, с одной стороны, снимает опасность стереотипизации их потенциальных носителей (людей) по принципу «дурак» или «умный». А с другой стороны, указывает на пластичный характер этих социально-психологических явлений, даже если мы имеем дело с явными патологиями.

Мышление представляет собой социально обусловленный процесс поисков и открытий новых понятий, знаний, явлений действительности, а также их опосредованного отражения в результате анализа и синтеза. Мышление – манипулирование внутренними представлениями или их трансформация (Дайана Халперн). Мышление – синтез интуитивного, художественно-образного, логического восприятия и познания окружающего мира, на основе которого у человека вырабатываются понятия (представления-знания) об окружающем его мире, формулируемые в виде слов. То есть в виде абстрактных категорий, способных обозначать различные понятия, прежде всего конкретные и абстрактные. Поэтому процесс мышления в логике ещё называется понятийным мышлением.

Мышление непосредственно связано с сознанием, которое является его методологической основой. То есть совокупностью некоторых идей, которые определяют уровень и направление мышления. Вещи не входят в сознание извне, они содержатся в нём как идеи. Сознание человека формируется под влиянием различных психофизических и социальных обстоятельств.

Даже с точки зрения формальной логики, существует множество видов идей: конструктивные и деструктивные, спонтанные и продуманные, прикладные и отвлечённые, посредственные и гениальные, индивидуальные, групповые и коллективные, абстрактные и конкретные и т. п. И соответственно, структура идей не может быть однозначной (линейной), например, только имеющей форму логически правильного (корректного) суждения. Хотя именно такое представление об идее наиболее распространено. Если человек сказал: «У меня есть идея!», то наиболее вероятно его попросят объяснить, т. е. логически обосновать, в чём

заключается её суть. Но как быть с идеями наподобие «хорошего отдыха», «написания интересной книги», «сладкого ничегонеделания» и т. п.?

Когда сознание работает в режиме рационального поиска решений утилитарных (прикладных) задач, то предметы в него приходят извне и активно воздействуют на процесс мышления. Например, экстремальные жизненные обстоятельства, которые способствуют продуктивному мышлению.

Когда сознание работает в режиме подсознания и (или) воображения, не предметы приходят к нам по собственной воле – это мы вызываем их. С помощью воображения мы творим и рушим предметы, делим и перетасовываем их. А потому содержание мысли в данном режиме работы сознания не может войти в нас извне, мы должны извлечь его из собственных глубин. То есть из того, что в нас заложено природой или было сформировано внешним миром, но не было до этого востребовано. Например, человек чувствует неосознанную тягу к театральному искусству, хотя он из семьи потомственных рабочих или крестьян. Или наоборот, человек умственного труда имеет острую внутреннюю потребность к физической деятельности.

Чаще подобные мыслительные процессы протекают в различных пограничных формах сознания и порождают необычные творческие (нестандартные) ситуации в жизни людей.

Таким образом, сознание – это акт мыслительного творчества человека. Или точнее: сознание – акт творческого восприятия разумом человека (субъектом) окружающей его действительности (объекта).

Язык – обозначение событий и явлений окружающего мира с помощью особой знаковой системы. Речь – это одна из форм существования языка, которая обозначает видимое с помощью слов.

Между потенцией мысли и актуальностью вещи выстраивается следующий ряд опосредований: мысль – язык – речь – вещь. Идеи-потенции, переходящие через посредство слов в актуальность вещей

Мысль относится к слову как потенциальное к актуальному, и если слово вдруг обнаруживает свою антиномичность, раздвоение значений, парадокс, самоотрицание, – то это потому, что слово погружено в мысль, растворяется в ней, теряет свою тождественность себе, начинает источать новые и новые смыслы, играть смыслами, как сама мысль играет словами.

Язык не существует вне мышления, которое потенцирует язык, придаёт каждому слову множественность значений – возможных интерпретаций.

Данное учебно-методическое пособие состоит из трёх разделов: «Искусство создания содержания понятий»; «Искусство диалога со своим вторым «Я» и обществом»; «Искусство создания образа мышления». К каждому разделу прилагается сборник упражнений и творческих заданий, помогающий учащемуся (студенту, слушателю) на практике закрепить и развить полученные знания.

В разделе «Искусство создания содержания понятий» нами рассматривается мышление как процесс познания, которому сознание

способно сообщить творческий подход. А также то, какую роль играет мышление в различных сферах деятельности человека, и какая существует взаимосвязь между мышлением и языком, почему понятие является способом творческого познания мира.

В разделе «Искусство диалога со своим вторым «Я» и обществом» даётся социальная характеристика диалогичности мышления. Диалогичность рассматривается как фундаментальное свойство человеческой речи, способствующее формированию суждений и умозаключений. Обращается внимание на специфику различных форм диалогичности мышления, прослеживается связь общения и мышления, определяется его нравственно-эстетическая основа.

В разделе «Искусство создания образа мышления» даётся представление об особенностях творческого и критического мышления. Сравниваются дедуктивные и индуктивные рассуждения. Рассматривается особенность рассуждений по аналогии, логические парадоксы как способ познания, гипотеза как форма развития знаний, а также то, в чём заключается искусство спора как вида доказательства, опровержения и социального взаимодействия. Предлагаются способы моделирования и подходы к созданию индивидуального образа своего мышления.

Безусловно, учебно-методическое пособие и в методологической, и практической своей части не является однозначным рецептом того, как овладеть искусством мышления. Такого алгоритма нет и быть не может, потому что процесс мышления – индивидуальный феномен. Цель пособия – показать лишь некоторые подходы к потенцированию мышления, вдохнуть в человека веру в то, что этот процесс является творческим и способен в каком-то смысле творить чудеса в его жизни.

РАЗДЕЛ I. ИСКУССТВО СОЗДАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПОНЯТИЙ

1.1. Мышление как процесс творческого познания

«Познание реального мира – всегда творчество. Стандартные правила, принципы и приемы, какими бы совершенными они ни были, не дают гарантии достоверности нового знания. Самое строгое следование им не предохраняет от ошибок и заблуждений.

Всякое открытие требует таланта и творчества. И даже само применение разнообразных приемов, в какой-то мере облегчающих путь к открытию, является творческим процессом»

А. Ивин

Вы узнаете:

- Что такое чувственное познание человеком окружающего мира.
- В чём заключается суть абстрактного мышления.
- Почему мышление – это социально обусловленный процесс.
- В чём особенность причинно-следственной связи между творчеством и мышлением.
- Роль подсознания, воображения и логики в формировании образа мышления человека.
- Каковы основные приёмы формирования содержания понятий.
- Каковы основные законы мышления человека и специфика их применения в деятельности человека.

Процессу мышления предшествует чувственное познание человеком окружающего мира на уровне зрения, слуха, осязания и т. п. Такого рода эмоциональное осмысление видимых явлений подготавливает переход к абстрактному мышлению и во многом предопределяет его направленность и качество. Абстрактное мышление – это способность человека на основе непосредственных эмпирических наблюдений, с помощью сознания и через него (опосредованно) формировать свои отвлечённые представления о явлениях в виде понятий, рассуждений и умозаключений.

Ёмкое и краткое определение мышлению вообще как процессу восприятия было дано К. Г. Юнгом: «мышление есть рациональная способность структурировать и синтезировать дискретные данные путём концептуального обобщения. В своей простейшей форме мышление говорит субъекту, что есть присутствующая вещь. Оно даёт имя вещи и вводит

понятие». Мышление – это вид умственной деятельности, заключающейся в познании сущности вещей и явлений, закономерных связей и отношений между ними.

Таким образом, получается, что мышление представляет собой социально обусловленный процесс поисков и открытий новых понятий, знаний, явлений действительности, а также их опосредованного отражения в результате анализа и синтеза.

Прежде чем приступить к рассмотрению понятия «творчество познания», необходимо учесть, что творчество – это процесс нахождения нестандартных решений каких-либо задач. Творчество не может иметь однозначного алгоритма, так как решение этих задач тесно связано со спецификой деятельности и индивидуальными особенностями субъекта, который стремится их решать. Попытка унифицировать процесс творчества чревата превращением его в механистическую рутину.

Мы можем предположить, что творчество различных субъектов связано с индивидуальными особенностями осуществления их бытия. Для нас очевидным представляется, что творчество такого субъекта, как человек, непосредственно связано с феноменом мышления, в том виде, в котором его представляет себе человечество.

Мышление человека ориентировано на познание окружающего мира. Это прописная истина, кажется, не требующая доказательств. Какие бы цели ни преследовал человек для познания (сиюминутные или долгосрочные, практические или отвлечённые и т. п.), он вынужден опираться на:

а) *свои чувства*, интерпретируемые в интуиции и воображении;

б) *свой разум*, интерпретируемый в различных формах абстрактного мышления, известных под именами «понятие», «суждение», «умозаключение». Эффективное познание мира человеком посредством разума во многом зависит от осознания того, каким *творческим инструментарием* он обладает. Творческий инструментарий – это имеющийся у человека природный ресурс. Возьмём на себя смелость предположить, что пока у человечества достаточно смутное представление об имеющемся у него ресурсе. Но даже при таком «незнании» совершенно очевидно, что роль интуитивного, образного и логического мышления как минимум отрицать невозможно. Спор только разворачивается вокруг пропорциональности использования этого ресурса. Распространено мнение, что логическое (рациональное, понятийное) мышление должно доминировать. Так ли это?

Например, область подсознания вообще считается ненаучной и поэтому в должной мере не представлена в мышлении человека. Люди, которые в процессе познания опираются на свои сверхчувственные возможности (маги, колдуны, экстрасенсы, шаманы и т. п.), в научных кругах, да и у людей, мыслящих на бытовом уровне, вызывают недоверчивую улыбку.

Чувственное восприятие окружающего мира рассматривается как подготовка абстрактного, т. е. логического, понятийного мышления. И наконец, абстрактное мышление рассматривается как высшая форма интеллектуальной деятельности человека. Как говорится, номера расставлены: занимайте места согласно купленным билетам... Иерархия ценностей налицо. И никого не смущает, что первичное оказывается вторичным!!! А может, истина в том, что никакой иерархии на самом деле и нет? А все эти компоненты, входящие в процесс познания, равноправны? И только их полная независимость (субъектность) способна породить эффект истинно творческого решения.

Слабо изученные в этом аспекте примеры из истории человечества ясно на это указывают: подавляющее большинство гениев были синкретическими личностями. То есть они одновременно обладали даром провидения, незаурядными художественными способностями и зрелым рациональным мышлением. Каждая из этих отдельно взятых способностей, гипертрофированная в личности человека, порождает посредственность. И только органичное равносубъектное соединение их в одной личности порождает гениев. Казалось бы, мысль очевидная, неоднократно проверенная временем, но почему-то, мягко говоря, слабо тиражируемая в научном сообществе. Уж не потому ли, что в нём доминируют «гипертрофированные личности».

Процесс познание окружающего мира на уровне подсознания особенно актуален и продуктивен в первые годы жизни человека. Подсознание помогает ему в раннем детстве органично войти в окружающий материальный мир. Важно подчеркнуть, что наш разум – копилка информации, очевидно, никогда не была пустой. Сейчас в ней вместе с той информацией, которая вложена в неё природой (?), много информации, приобретенной предыдущими поколениями человечества.

При отсутствии жизненного опыта у малолетнего ребёнка его заменяет информация, содержащаяся в его организме на генетическом уровне. Волновая генетика утверждает, что такого рода информация может активироваться через подсознание в сознание и интерпретироваться в интуитивном и ассоциативном мышлении-поведении человека. В этом смысле современный ребёнок значительно отличается по качественной характеристике своего сознания от ребёнка, жившего десятки тысяч лет назад. Он ни лучше и ни хуже. Он – другой. Потому что его материальному воплощению должно исполнить другую задачу, вытекающую из проблем современной ему земной жизни.

В период «детства» человеческой цивилизации шаманы, колдуны, маги, волхвы, оракулы, жрецы были «главными» людьми. Умение их черпать информацию из своего подсознания, с помощью которого они общались с живой природой, точнее её олицетворением в виде многочисленных духов, во многом определяло успешность деятельности человеческих сообществ в так называемые доисторические времена. Совместная деятельность людей в

эту эпоху была ориентирована на их коллективное бессознательное начало, на способность заражаться на подсознательном уровне различными сверхчувственными импульсами.

По мере ослабления роли сверхчувственного в жизни людей на первые позиции в ней выходит религия, которая базируется на способности внушать человеку определённые чувства и управления через них его поведением.

В жизненном цикле человека чувства играют важную роль в детском и подростковом возрасте. Индивидуальные эмоции в этот период более важны для развития человека, чем коллективные переживания и представления. Хотя протекает этот процесс в контексте именно групповой деятельности. Но группа в данном случае, как это ни странно звучит, – средство обозначения своей уникальности на фоне коллективного портрета. Это совпадает с психофизической потребностью человека к самопознанию, а через неё к самоидентификации.

Век Просвещения в истории человечества ознаменовался разочарованием в осмыслении бытия на основе его некритического чувственного восприятия. Постепенно в большинстве видов деятельности человека начало доминировать рациональное мышление, которое и до сих пор пытается определить качество бытия человека. По словам Ф. Ницше, европейская культура пошла в своём развитии по пути подавления дионисийского начала (свободной природной игры жизни сил) аполлонической размеренностью, которая олицетворяется человеком виде «разума-истины», представленного в науке. Наука как высшее мерило деятельности человека стремится превратить мир в сплошную и обозримую упорядоченность. Обыденная жизнь строго регламентируется, в ней, по словам философа, остаётся всё меньше места для героизма и самостояния, всё больше торжествует «умная посредственность». Таким образом, современная наука с помощью аполлонического начала (размеренности, оформленности) стремится ограничить смысл видимых явлений с целью упрощения их понимания. Но такое искусственное упрощение не есть истина, а скорее завуалированный обман, так как они (явления) по своей природе значительно сложнее, многообразнее и труднодостижимее.

Это основная методологическая (концептуальная) проблема современного так называемого научного способа познания мира. В методическом плане это выражается в том, что научные мужи, как когда-то церковь, узурпировали право на истину. Истинным уже несколько тысячелетий считается то, что определяется с помощью логического (понятийного) мышления, без учёта «мнения» подсознания (интуиции) и художественно-образного (воображения) мышления. Такое одностороннее понимание процесса познания приводит к своеобразной понятийной мистификации: научными мужами выдаётся за истину только «одна точка зрения». В этом они сами противоречат себе (змий кусает сам себя за хвост!), потому что одним из критериев валидности мышления они считают сопоставление различных точек зрения на одно и то же явление. Как

известно, единичное мнение в формальной логике считается недостаточным основанием для утверждения истинности.

Критики современного научного познания (Кант и мн. др.) считают, что оно находится в глубоком кризисе, главным образом по причине выше указанных «нарушений» природного мышления. Потому что оно не использует все потенциальные возможности природой дарованного человеку образа мышления.

В жизни человека понятийное мышление наиболее продуктивно проявляется в зрелом возрасте. Именно в этот период жизни человек максимально рационален, поступки, совершаемые им, наиболее уравновешенные, его миропонимание приобретает прочное логическое основание, которое понятно ему самому и ближайшему окружению. Он презирает любые «иррациональные вылазки» своего и чужого подсознания и воображения.

Но может ли существовать абстрактное мышление человека, выражающееся в его способности давать определения понятиям, что-либо утверждать или отрицать с помощью суждений, искать причинно-следственные связи и делать выводы с помощью конструирования умозаключений, без чувственного восприятия?

Нам кажется, что, рассматривая, например, процесс создания понятий как базовой единицы познания мира человеком, целесообразно и естественно не исключать из него живое восприятие явлений, которое, как известно, основано на работе органов чувств (*обоняние, осязание, зрение, слух, вкус*). Деятельность органов чувств человека базируется на правом полушарии мозга, отвечающем за эмоциональную, художественную деятельность человека. Органы чувств формируют виртуальный образ будущего понятия, и только после этой, первично интуитивной, затем художественно-образной подготовки происходит процесс формирования абстрактной субстанции понятия в виде слова или комбинации нескольких слов, которые закрепляются в дальнейшем в сознании человека и позволяют ему маркировать явления, сообщать о них, осмысливать.

Более того, приёмы формирования понятий (*сравнение, анализ, абстрагирование, синтез, обобщение*) являются по своей природе виртуальными. То есть способность человека производить эти базовые логические операции, на которых держится всё современное научное представление о мире, является результатом способности человека интуитивно и образно мыслить. Ведь первично виртуальный образ в сознании человека создается воображением в правом полушарии, отвечающем за эту функцию, а затем уже передается в левое полушарие, отвечающее за организацию мыслительного процесса. Заметьте, процесса, который считается всеми специалистами формальной логики – абстрактным, т. е. основанном на создании смысловой реальности в виде особых знаков (имён), не имеющих адекватного предметного выражения, т. е. опять-таки являющихся по сути виртуальным, *воображаемым*.

Кроме того, *сравнение* увиденного нами предмета, о котором предстоит выработать свое мнение (представление, понятие), с другими ранее известными происходит в сознании произвольно и мгновенно. То есть на уровне интуиции. Мы можем отнести этот момент формирования понятия к области подсознания человека.

Анализ определяется в логике как мысленное разделение видимого предмета на составные части. Этот метод не что иное, как перечисление всех видимых нами признаков. Обращает человек свое внимание на них, в большей степени полагаясь на эмоции, т. е. чувства. Следовательно, мы можем в данном случае метод анализа отнести к чувственному мировосприятию человека.

Более сознательная природа у *абстрагирования*. Она не лишена чувственного и подсознательного начала, но всё-таки выбор нами тех или иных признаков из множества, полученного во время анализа, позволяет нам говорить о том, что здесь мы имеем дело с понятийным мышлением.

Далее идет метод *синтеза*. Это особый вид познавательной деятельности человека, когда полученная информация сопоставляется им и принимает в дальнейшем вид *обобщения*, т. е. последнего этапа (метода) формирования понятия.

Теперь представьте себе, что человечество – это один большой человек, который вырабатывает свое собственное представление об окружающем его мире. Выходит, что мы с вами миновали три этапа (уровня). Или значительно исчерпали три метода. Активно идущие интеграционные процессы в мировой общественной, культурной и экономической жизни косвенно подтверждают это.

Например, ранее строго дифференцированные области научной деятельности стремятся к взаимопроникновению. Соединения эти подчас причудливы. Теория игр демонстрирует нам интегрирование математики с управленческой деятельностью. Теория автоматов – математическое обеспечение процессов и технологии, вычислительной техники. Бионика – объединение биологии и кибернетики. Эта наука позволяет человеку, например, наблюдая за одуванчиками, принимать принципиально новые архитектурные решения. Генетика – синтез физики и биологии. Кибернетика – слияние математической логики и законов общественного развития. Экопсихология – соединение знаний социальной психологии, экологии и социологии и т.д.

Интеграционные процессы, в каком бы виде деятельности человека они ни происходили, сигнализируют нам, что у человека (человечества) наступает четвертый период (уровень) выработки своего представления об окружающем его мире. Мы переживаем такой момент, когда многое в этом процессе остается непонятным. Для такого явления, как синтез, характерна некоторая заданная неопределенность. Очевидно, это может быть одним из условий четвертого уровня мировосприятия.

Об одном можно говорить уже сейчас с уверенностью, что этот метод познания не будет исключать ни сравнения, ни анализа, ни абстрагирования.

То есть ни подсознания, ни чувственности, ни понятийного мышления. Наоборот, это будут его главные инструменты. Но, очевидно, этот новый тип духовно-интеллектуальной деятельности постарается снять существующие ограничения, например, внутри самого научного типа познания и, соответственно, сопутствующих ему методов. Можно предположить, что для него будет характерен поиск разумного противодействия (компромисса) между подсознанием, чувственным восприятием и понятийностью мышления человека. Значительный крен в сторону любого из них, как подавляющий два других, будет исключён. Такой подход в значительной степени обновит формы и методы познания человеком окружающего его мира. Он вложит в это понятие совершенно новое содержание и позволит во всех областях деятельности, прежде всего в науке, выйти на качественно новый уровень. Для этого в человеке, очевидно, заложены резервы психофизиологической и духовной деятельности. Они всегда наблюдались у конкретных людей, но воспринимались человечеством как исключение. А исключения, как известно, только подтверждают некие правила, то есть, говоря языком формальной логики, закономерности.

Об этих исключениях-закономерностях уже говорил основатель европейской формальной логики Аристотель, когда им были сформулированы первые три закона формальной логики: тождества, непротиворечия и исключенного третьего. Этого не отрицал и Лейбниц, автор четвёртого базового закона мышления – закона достаточного основания.

Законы правильного логического мышления не отрицают творческую природу познания человеком окружающего его мира. Они направлены на структурирование этого процесса в рамках конкретной деятельности. Как подчеркивают исследователи А.Д. Гетманова, А.Л. Никифоров, М.И. Панов: «Являясь законами правильного мышления, а не законами вещей, не законами объективного мира, законы логики выражают важнейшие свойства такого мышления – определенность, непротиворечивость, обоснованность, чёткость, выбор «или – или» в определённых жёстких ситуациях»⁶. В основе такого научного убеждения лежит то, что окружающий нас мир – это различные формы информации.

Недра земли могут «рассказать» человеку много о том, что происходило на планете миллионы лет назад, что происходит сегодня и что будет происходить в будущем. Умело «читают» историю земли и человеческого общества, например, геологи и археологии.

Однажды упавшее на землю яблоко «поведало» Ньютону, что существует особый закон, благодаря которому это плод не улетает в космос. Позже он назвал его законом земного притяжения.

Русский врач, исследователь И. Мечников, размышляя о том, как человеческий организм борется с инфекцией, однажды обратил внимание, что брошенные им в морскую воду шипы розы были схвачены скоплением

⁶ Логика: Учеб. пособие для общеобразоват. учеб. заведений, шк. и классов с углублённым изучением логики, лицеев и гимназий / А.Д. Гетманова, А.Л. Никифоров, М.И. Панов и др. – Дрофа, 1995. - С.87

личинок морских звёзд и через некоторое время «переварены» ими. Мечников тут же связал этот феномен с занозой, попадающей человеку в палец, которую подобным образом окружает гной и тем самым пытается «переварить» инородное тело. Так родилась особая теория о наличии у животных организмов защитного «механизма», работа которого заключается в том, что особые клетки – фагоциты – захватывают в плен любые инородные тела, попадающие в организм (в том числе и микробы), и пытаются их уничтожить, т. е. как бы «переварить». От того, насколько сильна и бдительна эта «сторожевая служба» живого организма, зависит сила его иммунитета, т. е. способность естественным путём сопротивляться различным заболеваниям.

Человеку необходимо быть внимательным «читателем». От того, насколько он будет правильно осваивать информацию, сконцентрированную для него в окружающем мире, в конечном счёте зависит его будущее, будущее Земли и, возможно, Вселенной. То есть можно предположить, что у него вообще не будет никакого будущего, если он неправильно «прочтёт» эту информацию, заложенную для него в листьях деревьев, в воде, в солнечном свете, в травах, в звёздах и прочем, что нас окружает в видимом мире. Или «прочтём» неправильно, или прочтём верно, но неправильно распорядимся полученными данными.

Но раз человек умеет «читать» информацию, заложенную в окружающей природе, то каков механизм, если можно так выразиться, восприятия этой информации, т. е. другими словами восприятия окружающего нас мира? Существуют ли какие-то законы, которые регулируют эту деятельность?

Поиском ответа на эти вопросы во многом и занимается логика, которая является неотъемлемой и, бесспорно, важной частью более широкого понятия «искусство мыслить». Формальная логика, при творческом использовании заложенного в ней потенциала, стремится помочь человеку осуществить познание окружающего его мира разумно, цивилизованно, т. е. руководствуясь некоторыми правилами и законами, помогающими этот процесс сделать более динамичным и осмысленным.

Конечно, простое изучение законов логики не может полностью застраховать человека от ошибок в процессе его мышления, т. е. в процессе сбора и обработки информации об окружающем мире, получаемой им с помощью зрения, слуха и других органов чувств. Логика лишь стремится сделать этот процесс более культурным.

Как важно, чтобы тебя правильно поняли! Это очевидная истина. Её необходимость интуитивно, особо остро, чувствую дети и подростки. Автор данного пособия в этом убеждён, потому что природа ежедневно побуждает детей упражняться в умении творчески мыслить. Для этого она «придумала» сотни загадок, игр, считалок, обманок и прочего, что мы именуем детским фольклором и порой не придаём этому серьёзного значения. А между тем это – громадная и наиважнейшая работа – тренировка человеческого разума, «замаскированная» под детскую игру.

Помните пословицу «На ошибках учатся»? Так вот, представьте себе, многие детские загадки, розыгрыши, как сейчас принято говорить – «приколы», анекдоты, шуточные фразы и есть такие сознательные ошибки.

Например, «великолепные нарушения» одного из законов логического мышления – Закона тождества («каждая мысль в процессе мышления должна быть тождественная сама себе») демонстрируют некоторые известные анекдоты.

Вовочку на уроке спрашивает преподаватель истории:

– Скажи, пожалуйста, кто взял Бастилию?

– Не знаю, – отвечает Вовочка, – Я не брал.

Возмущенный такой дерзостью, учитель ставит Вовочке два и отправляет за родителями. Приходит отец. Разговор происходит в кабинете директора школы. Учитель рассказывает:

– Представляете, я спрашиваю вашего сына на уроке «Кто взял Бастилию?». А он, явно издеваясь, отвечает «Я её не брал».

Отец перебивает учителя:

– Не знаю, брал он её или не брал, но домой точно не приносил!

Тут в разговор вмешивается директор. Он отводит в сторону учителя и тихо говорит, искоса поглядывая на отца Вовочки:

– Ах, оставь их! Я давно эту семейку знаю, если что возьмут – ни за что не признаются!

Весь этот анекдот построен на типичной ошибке Закона тождества – двусмыслице. В данном случае один и тот же глагол (в логике он называется понятием) «брать» одни герои анекдота воспринимают как «красть», другие как «завоевать».

Нарушение другого закона логики – Закона непротиворечия («два противоположных суждения не могут быть истинными в одно и то же время и в одном и том же отношении») можно наблюдать в некоторых сказках или высказываниях. Оно допускается, чтобы создать эффект неожиданности или комичности происходящего. Неслучайно эти приёмы часто используются в фольклоре.

Например, всем нам с детства известна сказка про курочку Рябу.

Жили-были дед да бабка, и была у них курочка ряба. Как-то снесла курочка яичко. Дед бил-бил яичко – оно не разбилось. Баба била-била яичко – оно не разбилось. Мышка бежала, хвостиком манула – яичко и разбилось.

Плачет дед, плачет бабка. Курочка Ряба говорит им:

– Не плач дед, не плач бабка, снесу я вам яичко не простое, а золотое...

В сказке два раза обыграно логическое противоречие. Во-первых, бабка с дедкой, имеющие больше силы, чем хвост мышки, почему-то не могли разбить яичко. Второе противоречие заключается в том, что дед с бабкой хотели разбить яичко, для чего его собственно и били. Но почему-то когда его мышка разбила своим хвостиком – они заплакали...

Другой пример. В иркутском микроавтобусе «на излёте» новогодних праздников встречаются почти трезвые мужчины, которые пытаются мучительно вспомнить, где виделись до этой встречи друг с другом.

Наконец, вспоминают и даже восстанавливают кое-какие детали дружеской попойки, на которой и состоялось их шапочное знакомство. В этот момент один из них радостно, но устало, подчеркивая юмористичность происходящего, произносит:

– Ну, вот видишь: Земля круглая, как чемодан...

Закон исключенного третьего («из двух противоречащих друг другу суждений одно истинно, другое ложно, а третьего не дано») навечно запечатлён в русских народных сказках в виде эпизода, когда богатырь выезжает на перекресток дорог, а перед ним камень на котором начертано: «Налево пойдёшь – жену потеряешь», «Направо пойдёшь – коня потеряешь», «Прямо пойдёшь – сам погибнешь». Разрешение этого сакрального противоречия лежит за рамками обыденной деятельности человека, но всё-таки в нём есть рациональное зерно: любое движение вперед, в том числе и на пути познания, предполагает потери. Но небольшой выбор есть: либо себя потеряешь, либо кого-то потеряешь и третьего не дано.

Сознательное нарушение Закона достаточного основания («всякая истинная мысль должна быть достаточно обоснованной») часто используется в анекдотах для достижения комического эффекта.

– Черное, квадратное, тархтящее – стоит на шифоньере. Что это такое?

– Мотоцикл.

– Почему мотоцикл и на шифоньере?

– Моя вещь – куда хочу туда и ставлю!

Нарушение логических законов как литературный приём активно используется в юмористической, да и в любой художественной литературе.

Например, построению логических парадоксальных фраз уделяли большое внимание Илья Ильф и Евгений Петров, авторы известных романов «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев». Многие из них стали крылатыми выражениями: «Погребальная контора «Милости просим!», «Похоронное бюро «Добро пожаловать!», «Снег падал тихо как в стакане», «Пролетарий умственного труда» и др.

Писатель начала века В.И. Дорошевич, в свое время прозванный королем русского фельетона, удачно использовал многозначность слов обычного языка в сатирическом рассказе «Дело о людоедстве».

Пьяный купец Семипудов дебоширил на базаре. При аресте, чтобы придать себе вес, он похвалился, что прошлым вечером «ел пирог с околоточным надзирателем». Но у полицмейстера Отлетаева, как на грех, оказался рапорт об исчезновении околоточного надзирателя Силуянова. Возникло подозрение, что он съеден в пирогах. Завертелось дело, последовали допросы с пристрастием, массовые аресты. В конце концов забулдыга надзиратель отыскался, но несчастный купец, обвиненный в людоедстве, уже был осужден на каторгу «по законам военного времени».

В романе испанского писателя К. Рохаса король говорит художнику Ф.Гойе: «...свободным на самом деле можно быть лишь в том случае, если

тебя не зачинали. Свободны только те, которые никогда не были, ибо даже мертвые отбывают наказание».

В «Гисторических материалах» Козьмы Пруткова повествуется о герцоге де Рогане, которому врач прописал принимать особое лекарство по двадцать капель в воде. Когда на другой день врач зашел к больному, тот сидел в холодной ванне и спокойно пил ложечкой прописанные капли.

«Так и великие люди иногда тоже недогадливыми были», — заключает Козьма Прутков. И в самом деле, герцогу не хватило сообразительности отличить приём двадцати капель лекарства, растворенных в воде, от приёма лекарства, сидя по шею в воде.

Ещё чаще согласно жанру к тем или иным логическим законам обращаются авторы детективов. Как правило, герои детективных романов демонстрируют читателям великолепные знания различных способов дедуктивного и индуктивного мышления, которые с особой тщательностью изучает формальная логика.

Так, в повести «Задиг, или судьба» французский философ и просветитель Вольтер (1694-1778 гг.) иронически описывает следующее событие.

Задиг прогуливался возле рощи, когда конюх спросил его, не видел ли он царского коня.

– Это конь, – отвечал Задиг, – у которого превосходнейший галоп; он пяти фунтов ростом, копыта у него очень мелкие, хвост в три с половины фута длины, бляхи его удил сделаны из золота в двадцать три карата и подковы из серебра...

– По какой дороге побежал он? Где он? – спросил конюх.

– Я не видел его, – ответил Задиг, – и даже никогда не слышал о нём.

Задига, разумеется, обвинили в краже лошади царя, и он ещё легко отделался, уплатив огромный штраф. Только после этого Задигу дали слово для оправдания. Он сказал:

– Прогуливаясь по дорогам этой рощи, я заметил следы лошадиных подков, которые все были на равномерном расстоянии друг от друга. «Вот, – сказал я, – лошадь с превосходным галопом».

Пыль с деревьев вдоль узкой дороги, шириной не более семи футов, была немного сбита справа и слева, в трёх с половиной футах от середины дороги. «У этой лошади, – сказал я, – хвост в три с половиной фута длины, который в своём движении направо и налево смёл эту пыль».

Я сидел под деревьями, образующими свод в пять футов высоты, листья, только что опавшие с ветвей, из этого я узнал, что лошадь дотрагивалась до них, И, следовательно, была пяти футов ростом.

Что касается удил, то они должны быть из золота в двадцать три карата достоинством, потому что она потёрлась бляхами о камень кремнёвой породы, который я потом исследовал.

Наконец, по следам подков, оставленным на камнях другой породы, я решил, что её подковы из серебра...

Иная ситуация описана Конан Дойлем в рассказе «Случай с переводчиком». Здесь, как вы уже догадываетесь, главное действующее лицо – знаменитый частный детектив Шерлок Холмс и его старший брат Майкрофт, которые как-то наблюдали из окна за случайным прохожим и соревновались в искусстве дедуктивных выводов, основанных на своих наблюдениях.

– Бывший военный, как я погляжу, – сказал Шерлок.

– И очень недавно отслужил службу, – заметил брат.

– Служил, я вижу, в Индии (Шерлок).

– Офицер по выслуге, ниже лейтенанта (Майкрофт).

– Я думаю, артиллерист, – сказал Шерлок.

– И вдовец (Майкрофт).

– Но имеет ребёнка (Шерлок).

– Детей, мой мальчик, детей (Майкрофт).

– Постойте, рассмеялся я (Уотсон) – для меня это многовато.

– Ведь не трудно же понять, – ответил Холмс, – что мужчина с такой выправкой, властным выражением лица и такой загорелый – солдат, что он не рядовой и недавно из Индии.

– Что службу он оставил недавно, показывают его, как их называют, «Амуничные» башмаки, – заметил Майкрофт.

– Походка не кавалерийская, а пробковый шлем он всё же носил надвинутый на бровь, о чём говорит более светлый загар с одной стороны лба. Сапёром он быть не мог – слишком тяжёл. Значит, – артиллерист (Холмс).

– Далее, глубокий траур показывает, конечно, что он недавно потерял близкого человека. Тот факт, что он сам делает закупки, позволяет думать, что умерла жена. А закупил он, как видите, массу детских вещей. В том числе погремушку, откуда видно, что один из детей – грудной младенец. Возможно, мать умерла родами. Из того, что он держит под мышкой книжку с картинками, заключаем, что есть и второй ребёнок (Майкрофт).

Жорж Сименон в рассказе «Капли стеарина» так же демонстрирует нам талант искусного мышления комиссара Мэгре.

«Это одно из тех редких дел, которые можно разгадать, исходя из схем и документов, методом дедукции и лабораторных исследований» – рассуждает в начале рассказа Жорж Сименон.

В глухой деревушке жили две сестры – старухи Маргарита и Амелия Потрю. Маргарита была убита, а Амелия ранена, пропали деньги и ценные бумаги. Подозрения пали на внебрачного сына Маргариты пьяницу Марселья. Но что же произошло на самом деле?

Вот как рассуждал комиссар Мэгре.

«Маргарита родила сына, познала любовь, а старшая сестра не испытала и этой малости! Лет до пятнадцати мальчишка держался за юбки, потом часто забегал поесть, выпить, выклянчить денег.

А ведь эти деньги принадлежали не одной Маргарите, но и Амелии. Ненависть Амелии к Марселью разжигали сотни мелких повседневных

событий: кролик, забитый в угоду Марселю, или предназначенная для продажи головка сыра, от которой он бесстыдно отхватил кусок, а мать даже не протестовала. Амелия боялась племянника. Она сердилась на сестру, которая открыла ему место (кожаный портфель (автр. прим.), где они прятали деньги...

Но будь убийцей Марсель, зачем бы ему понадобилось потрошить содержимое портфеля здесь, куда проще его унести с собой.

Всё могло произойти только так! Амелия убила уже задремавшую сестру, потом открыла комод, опустошила портфель – ведь для того, чтобы арестовали Марселя, деньги должны были исчезнуть! Поэтому Амелия прячет их, взяв свечку...».

Мэгре решает распилить пустую бочку, закапанную стеариновой свечёй. Он предпочёл завершить начатое дело и «не ощутил даже удовлетворения, когда бочка раскололась надвое, и внутри обнаружились связки бумаг – те самые облигации ренты и акции железнодорожной компании, которые были всунуты в бочку через отверстие».

Приведенные выше примеры могут создать впечатление, что логика, как искусство мыслить, это только главный инструмент у писателей при сочинении забавных историй, анекдотов и т. п. Или у сыщиков при раскрытии преступлений. Это, конечно же, не так. Логика полноправно участвует в жизни человека во всех сферах его деятельности. И все же, несмотря на это, логика, как искусство мыслить, прежде всего, философская наука, помогающая наиболее точно определить человеку свое место в окружающем его мире и продолжать искать ответ на самый важный вопрос: кто такой человек, каково его предназначение?

Разумеется, поиск ответа на этот вопрос сопряжен с нашей способностью давать имена явлениям, осуществлять речевое взаимодействие друг с другом посредством слова.

Какой загадочный смысл мерцает в первой строчке Святого Благовествования от Иоанна «В начале было Слово и Слово было у Бога, И Слово было Бог». Каждый, кто связал свою жизнь с литературой, просто не имеет право не верить в это.

Большинство слов – это понятия, которые преобразуются путём сочетания друг с другом в суждения, а те в свою очередь превращаются в умозаключения. Всё это подчиняется особым законам формальной логики, соблюдение или несоблюдение (сознательное и несознательное) которых в значительной мере определяет уровень культуры человеческого мышления и его пластичность. Чем выше уровень логического мышления и разнообразнее его интеграция и интерпретация в жизни человека на уровне подсознания и воображения, тем более он сам интересен себе и окружающим его людям. Это благотворно сказывается на результатах деятельности человека. Чем больше таких людей в обществе, тем более высок уровень его интеллектуального и духовного развития и, соответственно, социальной стабильности. В благополучном обществе у большинства его представителей

наблюдается высокий уровень самоактуализации, социального самочувствия и самоидентификации.

Неслучайно древние греки считали основой всех наук тесно связанные друг с другом логику, риторику и философию. Для того времени и по сегодняшний день их взаимодействие в процессе познания и является искусством мыслить.

Резюме

Чувственное познание человеком окружающего мира осуществляется на уровне зрения, слуха, осязания и т. п. Такого рода эмоциональное осмысление видимых явлений подготавливает переход к абстрактному мышлению и во многом предопределяет его направленность и качество.

Абстрактное мышление – это способность человека на основе непосредственных эмпирических наблюдений, с помощью сознания и через него (опосредованно) формировать свои отвлечённые представления о явлениях в виде понятий, рассуждений и умозаключений.

Мышление – это вид умственной деятельности, заключающейся в познании сущности вещей и явлений, закономерных связей и отношений между ними. Таким образом, получается, что мышление представляет собой социально обусловленный процесс поисков и открытий новых понятий, знаний, явлений действительности, а также их опосредованного отражения в результате анализа и синтеза.

Творчество – это процесс нахождения нестандартных решений каких-либо задач. Творчество не может иметь однозначного алгоритма, так как решение этих задач тесно связано со спецификой деятельности и индивидуальными особенностями субъекта, который стремится их решать. Попытка унифицировать процесс творчества чревата превращением его в механистическую рутину.

Мышление человека, ориентированное на познание окружающего мира, опирается на: *чувства*, интерпретируемые в интуиции и воображении; *разум*, интерпретируемый в различных формах абстрактного мышления, известных под именами «понятие», «суждение», «умозаключение».

Творческий инструментальный мышления человека – это имеющийся у него природный ресурс в виде подсознания, художественно-образного и понятийного (логического) мышления.

В подсознании на генетическом уровне хранится информация, приобретенная предыдущими поколениями человечества. Поэтому процесс познание окружающего мира на уровне подсознания особенно актуален и продуктивен в первые годы жизни человека. Подсознание помогает ему в раннем детстве восполнить недостающую информацию и органично войти в окружающий его материальный мир. В практической деятельности человека

подсознание актуализируется в основном через интуицию и ассоциативное мышление.

По мере ослабления роли сверхчувственного в жизни людей на первые позиции в ней выходит религия, которая базируется на способности внушать человеку определённые чувства и управлять через них его поведением. Чувственное познание мира человеком является важнейшим мотивационным фактором для удовлетворения его психофизиологических потребностей самопознания и самоидентификации.

Век Просвещения в истории человечества ознаменовался разочарованием в осмыслении бытия на основе его некритического чувственного восприятия. Постепенно в большинстве видов деятельности человека начало доминировать рациональное мышление, которое и до сих пор пытается определить качество бытия человека. В методическом плане это выражается в том, что научные мужи, как когда-то церковь, узурпировали право на истину. Истинным уже несколько тысячелетий считается то, что определяется с помощью логического (понятийного) мышления, без учёта «мнения» подсознания (интуиции) и художественно-образного (воображения) мышления. Такое однобокое понимание процесса познания приводит к своеобразной понятийной мистификации: научными мужами выдаётся за истину только «одна точка зрения». В этом они сами противоречат себе, потому что одним из критериев валидности мышления считается сопоставление различных точек зрения на одно и то же явление. Как известно, единичное мнение в формальной логике считается недостаточным основанием для утверждения истинности.

В жизни человека понятийное мышление наиболее продуктивно проявляется в зрелом возрасте. Именно в этот период жизни человек максимально рационален, поступки, совершаемые им, наиболее уравновешены, его миропонимание приобретает прочное логическое основание, которое понятно ему самому и ближайшему окружению.

Основными приёмами формирования понятий являются логические операции: сравнение, анализ, абстрагирование, синтез, обобщение, которые по своей природе являются психофизическими феноменами восприятия человеком окружающего мира. Этот «логический инструментарий», на котором держится всё современное научное представление о мире, есть результат способности человека интуитивно и образно мыслить. Ведь первично виртуальный образ в сознании человека создается воображением в правом полушарии, отвечающем за эту функцию, а затем уже передается в левое полушарие, отвечающее за организацию мыслительного процесса. Заметьте, процесса, который считается всеми специалистами формальной логики – абстрактным, т. е. основанным на создании смысловой реальности в виде особых знаков (имён), не имеющих адекватного предметного выражения, т. е. опять-таки являющихся по сути виртуальными, *воображаемыми*.

Являясь законами правильного мышления, а не законами вещей, не законами объективного мира, законы логики выражают важнейшие свойства

такого мышления – определенность, непротиворечивость, обоснованность, чёткость, выбор «или – или» в определённых жёстких ситуациях. В основе такого научного убеждения лежит то, что окружающий нас мир – это различные формы информации.

Закон тождества: «В процессе определённого рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны сами себе».

Закон непротиворечия: «Два противоположных суждения не могут быть истинными в одно и то же время и в одном и том же отношении».

Закон исключенного третьего: «Из двух противоречащих друг другу суждений одно истинно, другое ложно, а третьего не дано».

Закон достаточного основания: «Всякая истинная мысль должна быть достаточно обоснованной».

Термины для запоминания:

Мышление – это вид умственной деятельности, заключающейся в познании сущности вещей и явлений, закономерных связей и отношений между ними.

Подсознание – восприятие внешней реальности на основе интуиции, ассоциации и генетической памяти.

Чувственное восприятие – восприятие внешней реальности на основе органов чувств (*обоняние, осязание, зрение, слух, вкус*).

Сравнение – восприятие внешней реальности на основе уподобления с ранее известными событиями, явлениями, предметами.

Анализ – мысленное разделение видимого предмета на составные части (признаки)

Абстрагирование – фокусирование внимания на тех или иных признаках предмета.

Синтез – мысленное соединение наиболее существенных признаков познаваемого предмета, для создания нового представления о нём.

Обобщение – формирование более лаконичного представления о познаваемом предмете, событии, явлении с помощью создания новой смысловой реальности.

Генетика – область знания, в которой осуществляется синтез физики и биологии.

Кибернетика – область знания, в которой осуществляется слияние математической логики и законов общественного развития.

Экопсихология – область знания, в которой соединяются знания социальной психологии, экологии и социологии и т. п.

1.2. Сознание как акт творческого восприятия разумом человека окружающей его действительности

«Предметное познание во всех его областях есть нечто вроде отпирания замкнутого, проникновения в первоначально неведомую, скрытую от нас глубину, разгадывания загадки, преследования скрывающейся, ускользающей от нас добычи. Оно руководимо любопытством; оно должно дать ответ на вопрос: «Что собственно тут скрывается? Какова реальность, когда доберешься до нее и снимешь покрывающую ее оболочку?» <...> В каждом человеческом сознании, одержимом пафосом философствования, – попытка постигнуть, выразить адекватно в связной системе понятий все бытие без остатка»

С. Л. Франкл

Вы узнаете:

- Что такое объект и субъект познания.
- О противоречии между субъектом познания разумом (сознанием) и материальными объектами восприятия.
- О представлении античного мира о сознании.
- О представлении философов Нового времени 19-20 веков о сознании.
- О дисбалансе искусственного и естественного миров, возникающем вследствие идеалистического возвеличивания сознания человека.
- О формировании сознания человека на основе заложенных в нём на генетическом уровне психофизических условий, при активном воздействии на него внешней социальной среды.
- Что сознание человека работает в двух интеллектуальных режимах – отвлечённом и предметном.
- В чем особенность сознания как акта творческого восприятия разумом человека окружающей его действительности.

Существует множество попыток осмыслить содержание понятия «сознание». При рассмотрении его в нашем учебном пособии мы предпримем очередную попытку сформировать собственное представление об этом социально-психологическом явлении, опираясь на мнение специалистов, занимавшихся и занимающихся его изучением.

С позиции русского языка, сознание – это некоторое всеобщее (на это указывает частица «со»), неуничтожимое и вездесущее знание, которое организует мышление и, одновременно, творит с помощью его окружающее человека бытие. Это означает, что какими бы разными ни казались два предмета, они, во всяком случае, имеют одно общее свойство – *быть*

предметами нашей мысли, объектами для субъекта, который мы именуем разумом или сознанием.

От того, как мы представляем себе сознание, зависит весь наш образ мира. Но как себе его представить, если оно совершенно абстрактно, ведь наш разум – вне пространства, он безразмерен, бесцветен, не обладает сопротивлением. Итак, наше абстрактное сознание по отношению к наблюдаемым нами предметам является субъектом. При этом все объекты наблюдаемого им мира имеют материально выраженную сущность. Таким образом, субъект (сознание, разум) и объекты наблюдения (материальные предметы) имеют противоположные свойства, взаимно исключают друг друга и возможность всякой связи между собой, поскольку взаимное отрицание, конечно, не является предпосылкой для установления между ними конструктивных «взаимоотношений». Но сознание инструмент не только наблюдения, но и созидания как материальных, так и абстрактных сущностей. Точнее материальных сущностей с помощью создаваемых им же абстрактных сущностей.

Например, абстрактные размышления способны создать символический чертёж, отражающий их, а с помощью его создать какое-то строение. Или абстрактные размышления способны создать законы, а с помощью них осуществляется управление вполне конкретными (материальными) межличностными и общественными взаимодействиями людей.

Кроме того сознание обладает удивительной способностью наблюдать не только за материальными предметами внешнего мира, но и за собственными внутренними процессами и обозначать их абстрактными понятиями, такими как «любовь», «совесть», «добро», «зло» и т. п. А уже с помощью них идентифицировать в жизни различные ценности, выраженные в поступках людей.

Существующее противоречие между субъектом познания разумом (сознанием) и материальными объектами восприятия отмечает Хосе Ортега-и-Гассет в своей статье «Две метафоры». Его не смущает этот феномен на основании того, что противоречие, т. е. столкновение между собой двух противоречивых по смыслу понятий, является эффективным способом познания окружающего мира. Объясняет это исследователь следующим образом:

«И все же, глядя, например, на гору, субъект (разум) и объект восприятия (гора) образуют вполне положительную связь: они входят друг в друга, становясь одним... Противоречие, не так ли?»

«Столкнувшись с противоречием, разум теряет равновесие. Кружение расшатывает мысль, лишая ее покоя и безмятежности. Так начинается акт мышления... Мыслить – это значить преодолевать противоречия...»

«Каким образом двухтысячметровый пик может находиться в уме, который пространственных измерений не имеет? Прежде чем спросить «как гора может находиться в сознании?», надо ответить на вопрос «а что же такое сознание?» (Хосе Ортега-и-Гассет)

Далее Хосе Ортега-и-Гассет обращается к истории этого вопроса. Он рассматривает представление античного мира о сознании. Он утверждает, что для античности субъект (*разум*), осознавая нечто (*любой видимый объект*), как бы входит с ним в связь – так два физических тела, столкнувшись, оставляют отметины друг на друге. Метафора печати (*в образе печати*), с ее слабым, оттиснутым на воске следом (впечатление!) вошла в сознание эллинов и век за веком задавала ориентир мышлению.

Вышесказанное означает, что человек античного мира полагал: субъект (*разум*) и объект (*видимый предмет*) ведут себя ровно так же, как два любых других физических тела. Столкнувшись с разумом, предмет оставляет на нем отпечаток. Сознание – это *впечатление*. То есть впечатанный оттиск конкретного предмета в наше сознание, которое только после этого начинает его осмысливать. Поэтому сознание (или связь между субъектом и объектом) – *событие столь же реальное, как столкновение двух тел*.

Учёный предполагает: «Быть – для античности значит находиться среди других предметов. А они (предметы) существуют, опираясь друг на друга и складываясь в грандиозное здание вселенной. Личность всего лишь один из таких предметов, погруженных, по словам Данте, в «великое море бытия» (Хосе Ортега-и-Гассет). Т.е. сознание – крошечное зеркало, где отражается только внешность вещей.

Говоря о такой особенности понимания механизма восприятия сознанием предметов материального мира древними греками, учёный, так же как и мы, отмечает: «Но ведь очевидно, что они разные, потому что их природа разная, ну хотя бы уж потому, что объект воспринимается нашими органами чувств, а разум не имеет видимой (осязаемой) формы, пространства, массы и т.п.

Кроме того, если придерживаться версии древних греков, нам доступен лишь отпечаток «горы» в сознании, но не она сама» (Хосе Ортега-и-Гассет).

То есть, по мнению учёного, просто отпечаток в сознании материального мира не более чем галлюцинация. Например, мы в компьютерной игре видим виртуальную реальность, но это вовсе не означает, что она существует как полноценное жизненное действие. Его нет, но оно существует в нашем сознании при помощи самого же сознания. Причём пространство, время, действия и т. п. – всё условно, приблизительно, предположительно. «Но «объяснять» бесспорное через предполагаемое, один факт через другой, по меньшей мере, сомнительный шаг, – задача абсурдная», – заявляет Хосе Ортега-и-Гассет.

Проследивая историю формирования представления о сознании, учёный останавливается на материалистической точке зрения Декарта на этот социально-психологический феномен. Последний, как известно, утверждал, что единственно подлинное существование вещей – их существование в мысли. Он говорил, что «вещи умерли как реальности, чтобы воскреснуть как cogitations (рассуждение)». А, следовательно, их «воскрешение» и качество бытия (интерпретация сознанием) зависит от

психофизического состояния личности человека, который их производит на свет, ибо «Я сам не есть «Я», а есть вещь, которая мыслит» (Декарт).

Не все из современников Декарта, а тем более его последователей были согласны с тем что, человек всего лишь материальная субстанция («вещь, которая мыслит»), наделённая некой механической способностью мыслить.

Представители так называемой новой философии (Кант, Гёте, Лейбниц и др.) попробовали взглянуть на сознание с позиции идеализма. Хосе Ортега-и-Гассет говорит о том, что «на место печати и воцеленной дощечки заступает новая метафора — *сосуда и содержимого*. Вещи не входят в сознание извне, они содержатся в нем как идеи».

Что это означает? Для ответа на этот вопрос необходимо вспомнить, что основными формами сознания человека являются: *восприятие* на уровне чувств, мышление на уровне подсознания; *воображение*, художественно-образное мышление; *чистая мысль*, понятийное (логическое) мышление.

Идея осмысления феномена сознания человека представителей нового времени 19-20 веков основывалась на том, что античная философия выделяла, прежде всего, *восприятие, не уделяя должного внимания воображению*. Такой подход они считали неправильным и сосредоточились на *воображении*. Они говорили, что когда сознание работает в режиме воображения, не предметы приходят к нам по собственной воле – это мы вызываем их.

Они утверждали, что с помощью воображения мы творим и рушим предметы, делим и перетасовываем их. А потому содержание мысли не может войти в нас извне, мы должны извлечь его из собственных глубин.

По их мнению, сознание – *это творчество*. В таком понимании сознание – это не просто «связь между субъектом и объектом» (Ортега-и-Гассет), а связь творческая, которая предполагает неизбежное доминирование субъекта над объектом, так как инициатива этой связи (восприятия) исходит от субъекта (не гора же видит и воспринимает человека!). Другими словами сознание – это акт мыслительного творчества человека. Или точнее: *сознание – акт творческого восприятия разумом человека (субъектом) окружающей его действительности (объекта)*. «Идеалисты нового времени» утверждают, что такова его изначальная природа.

Получается, что на каком творческом уровне находится каждый человек, соответственно, на таком уровне осуществляется его разумное постижение мира. При такой постановке вопроса актуализируется проблема развития природой заложенных в человека способностей. Это вопрос отдельный, ответ на который зависит от многих психофизических, социальных и прочих факторов, влияющих на формирование и развитие личности.

Об этом в своих научных трудах, каждый по-своему, размышляли представители нового времени. Например, Гёте утверждал, что залог триумфа мироздания в «вечно беспокойной, вечно юной дочери Юпитера Фантазии». Лейбниц сводит реальность к монаде, чья суть – *в стихийной*

мощи представлений. Он утверждает, что «всякая монада есть живое зеркало, наделенное внутренним действием, воспроизводящее универсум со своей точки зрения и упорядоченное точно так же, как и сам универсум. То есть подобное создает подобное» (Хосе Ортега-и-Гассет). Кант создает систему мировосприятия, ось которой – воображение. Шопенгауэр заключает: мир – это *наше представление*, грандиозная фантазмагория, призрачная завеса образов, которые творит сокровенное космическое желание. А молодой Ницше обнаруживает в мироздании всего лишь театральную игру скучающего бога.

По представлению учёных, объединенных вокруг этой концепции, судьба личности в корне переменялась. Из простого регистратора действительности он превратился в творца. Как говорит Хосе Ортега-и-Гассет: «Как в восточных сказках, нищий проснулся принцем». В конце концов Лейбниц присваивает человеку имя *un petit Dieu* («маленький бог»). Кант возводит его (человека) в сан верховного законодателя природы. И, как всегда, не знающий меры Фихте заявляет: «Личность — это все»⁷.

К сожалению, такое чрезмерное идеалистическое возвеличивание сознания человека и его роли в мироздании привело к известному трагическому противостоянию искусственного, социального, создаваемого сознанием человека, естественному, природному миру. Очевидно, что роль человеческого сознания в формировании и развитии мироздания не может быть сведена к простой регистрации увиденного, но и гораздо скромнее, чем это считали «идеалисты». Человек занимает в этом космическом «архитектурном комплексе» своё место, исполняет возложенные на него функции. Но как только он выходит за положенные для него «пределы», наступает дисбаланс искусственного и естественного миров, который приводит к социальным или техногенным катастрофам, причины и последствия которых коллективное сознание, возможно, в силу своей незрелости или неспособности осмыслить пока не может. Подчеркнём, что сказанное выше касается исключительно коллективного сознания. На уровне индивидуального сознания это понимают многие, но как только речь заходит о необходимости коллективной рефлексии, принятия решений, осуществления необходимых действий – происходит «сбой в системе».

Кажется, вопрос, который стоит перед человечеством, совершенно ясен: сознание как некая психофизическая система имеет способность не только отображать (отпечатывать), но и преобразовывать материальный мир. То есть, другими словами, сознание человека и порождаемое им мышление имеет трансцендентальное свойство. Вопрос только в том, как научить это сознание осуществлять такого рода преобразования «с умом», не разрушая, а созидая. Логично предположить, что такого рода трансцендентальная деятельность сознания зависит от того, на какой «идеологической» основе оно сформировано. Если человек будет по образу своему и подобию, как создал

⁷ Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридлендера; Сост. В. Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – С. 203.

его Бог, создавать мир, тогда он должен соответствовать этому идеалу (Богу) – быть Человеком с большой буквы. Иначе мир может превратиться во что угодно, в том числе и в ад, если его будут творить исчадья ада в облике человека, но обладающие сознанием дьявола.

Таким образом, мы можем предположить, что сознание человека формируется на основе заложенных в нём на генетическом уровне психофизических условий, но под активным воздействием с первых своих лет жизни внешней социальной среды. В свою очередь, эта среда – есть «трансцендентальное произведение» человека, которое, отражая, преобразует действительность вообще и человека как её часть в частности.

Да! Человек рождается не с чистым сознанием. Оно не белый лист бумаги, на котором социум (семья, общество, государство) «напишет» нового человека.

Да! Слишком много случайностей должно произойти в жизни человека, чтобы это «равнодействие» между генетическим кодом (совокупностью надсознательных идей) и складывающейся социальной программой бытия человека (совокупность конкретно-содержательных идей) не превратилось в трагическое противостояние.

Кроме этого, сознание человека может работать в двух интеллектуальных режимах: *отвлечённом* при решении теоретических задач, решение которых пока прямо не востребовано в его жизни; и *предметном* для решения конкретных прикладных задач, сиюминутное решение которых необходимо в его жизнедеятельности.

Разумеется, данное разделение на два режима условно. В практической деятельности человека одно может предшествовать другому или быть его следствием. Например, сначала можно что-то выдумать, вычислить, а затем воплотить в материальный объект. Или, наоборот, в процессе создания или наблюдения за материальным объектом прийти к рождению какой-то отвлечённой идеи. То и другое не отрицает акта творчества. Мы можем строить дом или писать книгу по предварительному плану, а можем «сочинять» его по ходу создания произведения архитектуры или литературы.

Такая «пограничная» работа сознания даёт возможность решать поставленные задачи более творчески. При этом остаётся несомненным то, что когда мы мыслим отвлечённо, наше сознание более ориентировано на интуицию, ассоциативное мышление (подсознание) и художественно-образное мышление (воображение), которое в процессе упорядочивается (структурируется) рациональным мышлением. А когда мы мыслим конкретно, предметно, то нашему рациональному (логическому) мышлению придаются подсознанием и воображением чувственные импульсы, позволяющие найти нестандартные (творческие) решения прикладных задач. Это естественные творческие свойства нашего сознания. Искусственное разделение их приводит к ущербности мышления, которая при видимой его правильности в любом виде деятельности человека (искусство, экономика, образование и т. п.) приводит к созданию посредственных по содержанию материальных или иных объектов.

Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что *сознание* – акт творческого восприятия разумом человека окружающей его действительности с целью её преобразования. При этом, на наш взгляд, надо помнить, по крайней мере, о двух обстоятельствах.

Во-первых, человек является равнозначной и равноправной частью этой действительности. То есть, преобразовывая действительность, он неизбежно преобразовывает себя.

Во-вторых, «преобразовывать» не значит переделывать, рушить, словом, производить насилие чего-то над чем-то во имя достижения каких-либо временных целей для удовлетворения своих квазипотребностей. «Преобразовывать» – значить придавать образность чему-либо, делать это что-то лучше, развивая, не нарушая в целом сложившийся порядок вещей. Это очень сложная задача. Но она вполне «по плечу» нашему уникальному сознанию при ясном понимании его возможностей.

На этом фоне важнейшей задачей человечества на современном этапе видится осознание человеком (просим прощения за тавтологию), что представляет собой его сознание и для чего оно дано ему, условно говоря, природой.

При этом мы вполне отдаём себе отчёт, соглашаясь с С.Л. Франклом, что «как только наша мысль доходит до осознания самой себя, до ясного узрения своего значения перед лицом самой реальности – исторически с полной отчетливостью в лице Сократа, но по существу уже в лице изумительного мудреца Гераклита и – вдругом конце мира – в лице индусской мудрости Упанишад – она с очевидностью осознает неосуществимость этого своего первоначального замысла. Но именно в этом осознании впервые осуществляется сполна подлинный замысел и подлинное высокое назначение философии. Ибо лишь этим она доводит человеческую мысль до ее высшего, последнего достижения, до состояния умудренного, ведающего неведения – того неведения, которое есть высшее и сполна адекватное ведение. Ибо сознание, что и глубочайшая мысль, именно в качестве мысли, имеет свою имманентную последнюю границу, лишь за которой нам открывается живая и полноценная реальность, – эта мысль, преодолевающая всякую мысль, ибо основанная на узрении запредельного мысли, – именно и есть последнее и единственное адекватное достижение человеческой мысли».

Резюме

Наше абстрактное сознание по отношению к наблюдаемым нами предметам является субъектом. При этом все объекты наблюдаемого им мира имеют материально выраженную сущность. Таким образом, на первый взгляд, субъект (сознание, разум) и объекты наблюдения (материальные

предметы) имеют противоположные свойства, взаимно исключают друг друга и возможность всякой связи между собой, поскольку взаимное отрицание, конечно, не является предпосылкой для установления между ними конструктивных взаимоотношений.

Но сознание инструмент не только наблюдения, но и созидания как материальных, так и абстрактных сущностей. Точнее, материальных сущностей с помощью создаваемых им же абстрактных сущностей.

Кроме того, сознание обладает удивительной способностью наблюдать не только за материальными предметами внешнего мира, но и за собственными внутренними процессами и обозначать их абстрактными понятиями, такими как «любовь», «совесть», «добро», «зло» и т. п. А уже с помощью них идентифицировать в жизни различные ценности, выраженные в поступках людей.

Существующее противоречие между субъектом познания разумом (сознанием) и материальными объектами восприятия, по мнению Хосе Ортега-и-Гассета, является основанием для творческого преобразования. Столкнувшись с противоречием абстрактно воспринимаемых вещей, разум, сравнивая одно с другим, теряет равновесие. Это «кружение», с точки зрения учёного, «расшатывает мысль, лишая ее покоя и безмятежности. Так начинается акт мышления... Мыслить – это значит преодолевать противоречия...».

Для античного мира разум, осознавая воспринимаемый им материальный объект, как бы входит с ним в связь – так два физических тела, столкнувшись, оставляют отметины друг на друге. Метафора печати, с её слабым, оттиснутым на воске следом (впечатление!) вошла в сознание эллинов и век за веком задавала ориентир мышлению. Поэтому человек античного мира полагал, что разум и видимый предмет ведут себя ровно так же, как два любых других физических тела. Столкнувшись с разумом, предмет оставляет на нем отпечаток. И, следовательно, сознание – это впечатление. То есть впечатанный оттиск конкретного предмета в наше сознание, которое только после этого начинает его осмысливать.

Декарт утверждал, что сознание – это социально-психологический феномен. А единственно подлинное существование вещей – их существование в мысли. Он говорил, что «вещи умерли как реальности, чтобы воскреснуть как cogitations (рассуждение)». Следовательно, их «воскрешение» и качество интерпретируемого сознанием бытия зависит от психофизического состояния личности человека, который их производит на свет, ибо «Я сам не есть «Я», а есть вещь, которая мыслит» (Декарт).

Представители нового времени 19-20 веков полагали, что античная философия выделяла, прежде всего, восприятие, не уделяя должного внимания воображению. Такой подход они считали неправильным и сосредоточились на воображении. Они говорили, что когда сознание работает в режиме воображения, не предметы приходят к нам по собственной воле – это мы вызываем их. В таком понимании сознание – это не просто «связь между субъектом и объектом» (Ортега-и-Гассет), а связь творческая,

которая предполагает неизбежное доминирование субъекта над объектом, так как инициатива этой связи (восприятия) исходит от субъекта (не гора же видит и воспринимает человека!). Другими словами сознание – это акт мыслительного творчества человека.

Идеалистическое возвеличивание сознания человека и его роли в мироздании привело к известному трагическому противостоянию искусственного, социального, создаваемого сознанием человека естественному, природному миру. Очевидно, что роль человеческого сознания в формировании и развитии мироздания несводима к простой регистрации увиденного, но и гораздо скромнее, чем это считали «идеалисты». Человек занимает в этом космическом «архитектурном комплексе» своё место, исполняет возложенные на него функции. Но как только он выходит за положенные для него «пределы», наступает дисбаланс искусственного и естественного миров, который приводит к социальным или техногенным катастрофам.

Сознание человека формируется на основе заложенных в нём на генетическом уровне психофизических условий, но и под активным воздействием с первых своих лет жизни внешней социальной среды.

Человек рождается не с чистым сознанием. Оно не белый лист бумаги, на котором социум (семья, общество, государство) «напишет» нового человека. Слишком много случайностей должно произойти в жизни человека, чтобы «равнодействие» между генетическим кодом (совокупностью надсознательных идей) и складывающейся социальной программой бытия человека (совокупность конкретно-содержательных идей) не превратилось в трагическое противостояние.

Сознание человека может работать в двух интеллектуальных режимах: отвлечённом при решении теоретических задач, решение которых пока прямо не востребовано в его жизни; и предметном для решения конкретных прикладных задач, сиюминутное решение которых необходимо в его жизнедеятельности.

Когда мы мыслим отвлечённо, наше сознание более ориентировано на интуицию, ассоциативное мышление (подсознание) и художественно-образное мышление (воображение), которое в процессе упорядочивается (структурируется) рациональным мышлением. А когда мы мыслим конкретно, предметно, то нашему рациональному (логическому) мышлению придаются подсознанием и воображением чувственные импульсы, позволяющие найти нестандартные (творческие) решения прикладных задач.

Это естественные творческие свойства нашего сознания. Искусственное разделение их приводит к ущербности мышления, которая при видимой его правильности в любом виде деятельности человека (искусство, экономика, образование и т. п.) приводит к созданию посредственных по содержанию материальных или иных объектов.

Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что *сознание* – акт творческого восприятия разумом человека окружающей его

действительности с целью её преобразования. При этом надо помнить о двух обстоятельствах:

– *во-первых*, человек является равнозначной и равноправной частью этой действительности. То есть, преобразовывая действительность, он неизбежно преобразовывает себя;

– *во-вторых*, «преобразовывать» не значит переделывать, рушить, словом, производить насилие чего-то над чем-то во имя достижения каких-либо временных целей для удовлетворения своих квазипотребностей. «Преобразовывать» – это значит придавать образность чему-либо, делать это что-то лучше, развивая, не нарушая в целом сложившийся порядок вещей.

Термины для запоминания:

Сознание – это акт творческого восприятия разумом человека (субъектом) окружающей его действительности (объекта) с целью её преобразования.

Искусственная социальная среда – созданная человеком, с помощью полученных знаний, умений и навыков для осуществления своей экономической, политической, общественной и индивидуальной жизнедеятельности.

Идеализм – философское учение, утверждающее, что сознание первично, а материя вторична.

Материализм – философское учение, утверждающее, что первична материя, а сознание вторично.

Генетический код – свойственная живым организмам единая система записи наследственной информации в молекулах нуклеиновых кислот в виде последовательности нуклеотидов.

Социальная программа жизни человека – совокупность конкретно-содержательных идей-задач, которые решаются человеком в период его жизнедеятельности.

Квазипотребности – сиюминутные, не учитывающие влияние их удовлетворения на завтрашний день.

1.3. Искусство публичного мышления

*«Все жалуются на свою память,
по никто не жалуется на свой разум»*

Ларошфуко

Вы узнаете:

- Чем живое мышление отличается от механического мышления.
- О диалогичной природе мышления.
- Что общего и различного в содержании понятий «культура мышления» и «искусство мышления».
- Как искусство мышления через культуру мышления «проникает» во все сферы деятельности человека.
- Об особенностях искусства мышления журналиста и педагога.
- О сходстве и различиях искусства звучащего слова (риторики) и искусства мыслить.

Можно убедительно рассуждать, логично строить свои умозаключения, опровергать доводы противника, и не зная правил логики, особенностей художественно-образного и ассоциативного мышления, подобно тому, как нередко люди выражают свои мысли на языке, не зная его грамматики.

Вместе с тем люди, обладающие таким даром, как и все остальные, часто догадываются, что рассуждают «неправильно» и видят подобные недостатки в речи окружающих, даже если говорящий излагает своим мысли логично. То есть мысли, которые он вербализует, ясны, последовательны и достаточно аргументированы. Известно, для того, чтобы убедить в чём-то другого человека, необходимо как минимум сначала почувствовать, интересна или нет ему обсуждаемая проблема. Затем «разбудить» его интерес к обсуждаемой теме. Часто это делается посредством воздействия на его воображение. И только потом, соблюдая правила формальной логики, выстроить своё рассуждение таким образом, чтобы человеку было понятно, о чем и для чего обсуждается данная проблема.

Интересно в связи с этим напомнить, что логика – теория логически правильного рассуждения (формальная логика) начала формироваться Аристотелем, который в качестве эмпирического материала в своих исследованиях использовал именно живую, а не письменную речь. Разумеется, логика построения письменной речи и логика построения живого межличностного общения, при некоторой их схожести, имеют существенные различия. Межличностное общение в большей степени интуитивно, поэтому требует более устойчивых навыков импровизации, образного «раскрашивания» своих мыслей, явного и неявного определения понятий, логически правильных рассуждений и т.п. То есть живые публичные рассуждения имеют тесную связь с риторикой – искусством звучащего слова, которое и является в первоначальном своём виде – искусством мыслить.

Письменная речь, особенно научная, склонна дистанцироваться от этого искусства. Главным образом потому, что бытует ошибочное представление о монологичности этой речи. С психологической точки зрения, человеческая речь по своей природе диалогична. Даже если человек визуально ни с кем не общается, ежеминутно идет непрерывный диалог со своим внутренним «Я». Даже во сне. Причем как на подсознательном, чувственном, так и понятийном уровнях. Этот диалог во всех его формах (с внутренним «Я», с другим человеком, с группой и т.п.) и делает человека мыслящим существом.

Человек, который создает письменную речь и полагает, что он пишет только для себя, – поддается самообману, который приводит к ущербности эту речь. Она становится мало внятной и выразительной и, по сути, разрушает коммуникацию с внешним миром, без которой человек не может оставаться человеком. Такая позиция – сознательная патология, которая может привести в действительной психофизической патологии.

Искусство мыслить это, в бытовом плане, умение в процессе сомыслия с другим человеком опираться на свою интуицию, образное и логическое мышление для наиболее эффективного донесения ему своей точки зрения. Культура мышления от искусства мышления отличается тем, что она включает в себя ещё и цивилизованные, корректные социально-психологические навыки общения. То есть она шире по своему содержанию, чем «искусство мыслить». Поэтому, с одной стороны, искусство мыслить является важной составляющей культуры мышления.

С другой стороны, культура мышления должна учитывать специфику субъектов сомыслия, чтобы процесс мышления был максимально эффективным и продуктивным. В этом смысле содержание данного понятия уже понятия «искусство мыслить», и мы можем говорить о культуре научного, художественного, публицистического, национального, религиозного и т.п. мышления.

Таким образом, искусство мышления через культуру мышления «проникает» во все сферы деятельности человека. Если все эти виды мысленно разделить на три основные «отрасли» – научную, прикладную и творческую деятельность, то мы обнаружим следующие закономерности.

Научная деятельность человека опирается на разнообразные законы логического мышления: приёмы формирования, правила определения, деления понятий, на виды и типы связей между суждениями, на основные законы формальной логики, на особенности дедуктивного и индуктивного установления причинных связей в умозаключении, на теорию аргументации и многое другое. Вместе с тем все фундаментальные открытия в науке, далеко опережавшие своё время, делались людьми, обладающими так называемым синкретическим типом мышления, для которого свойственно органичное соединение в его процессе подсознания (интуиция, догадки), художественно-творческого (воображение, образность) и понятийного (логика, рационализм) мировосприятия. Доказательством этого может служить тот факт, что большинство из них были разносторонне развитыми

личностями. Леонардо до Винчи – писатель, математик, механик, живописец, музыкант, врач. М.Ломоносов – физик, химик, поэт, живописец. Данный список можно продолжать долгое время. И это исторический факт, который невозможно опровергнуть.

Успех прикладной деятельности человека в любой области во многом зависит от умения мечтать и претворять свои мечты в жизнь. Такого рода людям часто приходится рисковать, полагаясь не только на трезвый расчёт, но и на удачу, т.е. на собственную интуицию. Но такая деятельность также не может быть успешной и без трезвого расчёта. Лучший пример – это первооткрыватели на земле, на море и в космосе. Их имена также хорошо известны человечеству – от Колумба до советского академика Королева.

Разнообразная творческая деятельность человека опирается на художественно-образное мышление. Но без интуиции и целеполагания в творчестве, как известно, также не обойтись.

Особенно отчётливо прослеживается взаимосвязь подсознания, художественно-образного и понятийного (логического) мышления во многих видах деятельности в сфере «человек-человек», в которых она ярко проявляется в идее различных предметов, которые необходимо знать носителю данной профессии.

Например, журналисту необходимы фундаментальные знания русского языка, литературы, психологии межличностного, делового общения и социологии. Разумеется, этим списком не исчерпывается профессиональное образование журналиста. В зависимости от его специализации в сферу его интересов может попасть не один десяток предметов – от любого из иностранных языков до политологии или социальной политики.

Но в основе именно «фундаментальных предметов» заложены знания, умения и навыки ситуативного поведения (психология общения), художественно-образного (литература, русский язык) и логического (социология) мышления. Потому что журналист вынужден часто осуществлять свою профессиональную деятельность в непредвиденных или трудно прогнозируемых ситуациях, например, такова деятельность военного (и не только!) корреспондента.

Журналист просто обязан делать свою работу творчески, то есть интересно для читателей, зрителей, слушателей. Его материалы не должны быть ни по форме, ни по содержанию «сухими» статистическими отчётами. Они должны «обращаться» к разуму, чувствам и подсознанию человека одновременно. Другими словами, они должны быть эмоционально привлекательными и содержать в себе некоторую недосказанность, простор для самостоятельного домысливания читателем, зрителем, слушателем.

И, наконец, профессиональной обязанностью журналиста также является основывать свои материалы на достоверных фактах, которые выражаются в различных количественных показателях, в поиске и нахождении причинно-следственных связей, в системе доказательств и опровержений.

Кроме того, профессиональная деятельность журналиста предполагает: некоторый артистизм, особенно при работе на телевидении и радио; навыки эмпирической исследовательской деятельности; знание и умение применять на практике различные формы организаторской деятельности. И, наконец, сам язык публицистических выступлений – это синтез интуитивного, художественно-образного и логического мышления, так как он синкретичен по своей сути: догадки, предположения, художественные образы, статистические данные, гипотезы, выводы – обыкновенный инструментарий, которым журналист активно пользуется при создании своих материалов. Особенность обращения к нему зависит от жанра и специфики информационного канала.

Например, журналистское расследование напрямую связано с поиском причинно-следственных связей, а успех его во многом зависит от умения журналиста отбирать наиболее достоверные и эмоционально «сильные» факты. В то же время журналист – это не судья, он не имеет право выносить кому бы то ни было приговор. Со своими «подследственными» он работает, как правило, заочно. Журналист, скорее, народный контролёр, который собирает факты для публичного представления их обществу (формирует общественное мнение), а оно уже ими распоряжается так, как считает нужным. Эти факты могут опровергаться, на основе них выносятся общественное порицание, они передаются в прокуратуру и т.п.

Для наглядности приведём ещё один пример. Особенный стиль мышления должен быть у журналиста, который специализируется на ток-шоу. Ведущий ток-шоу не имеет возможности предугадать поведение всех участников передачи. Прямой эфир лишает его возможности перезаписи. Всё это требует от него умения импровизировать, эмоционально точно воздействовать на участников дискуссии или круглого стола. В то же время он должен быть предельно собранным: контролировать время, реакции участников, собственное поведение. Кроме того, как шутят журналисты: «Любая импровизация должна быть хорошо подготовлена». Это означает, что при подготовке к разговорному шоу пишется сценарий, подбирается определенный видео, аудиоматериал, приглашаются специальные люди и т.п. То есть осуществляются некие осмысленные действия ведущего журналиста, требующие от него умения логически мыслить.

Любой журналистский жанр требует особого процесса мышления. Например, в корне отличается сбор информации и написания: репортажа и эссе, зарисовки и памфлета, интервью и аналитической статьи и т.п.

Своя специфика искусства мышления при сборе, подготовке и транслировании информации в печатных и электронных СМИ, включая Интернет.

Важнейшим условием активного обращения к подсознанию, художественно-образному и понятийному мышлению является и профессия педагога. Она предполагает овладение знаниями, умениями и навыками по таким предметам, как общая (возрастная) и социальная психология, психология межличностного взаимодействия, педагогика или андрагогика,

социальная педагогика и профилирующая дисциплина (математика, русский язык, литература, физика и т.п.).

Педагогическая деятельность несводима к любому из видов педагогических технологий или механистическому оказанию образовательных услуг. Она, несомненно, вид творческой деятельности, который требует: так же, как и от журналиста, артистизма (даже есть такой специальный предмет – педагогический артистизм); умения действовать в непредвиденной социально-психологической ситуации общения с учеником (студентом), родителями, коллегами по работе; планировать, организовывать, самостоятельно осмысливать (рефлексировать) результаты своей деятельности, прогнозировать её, определять ценностный смысл.

На педагоге, так же как и на журналисте, лежит колоссальный груз социальной ответственности. Социально-педагогическая миссия специалиста области образования заключается не в механической передаче некой суммы знаний следующему поколению людей, а выработке духовно-нравственных основ для того, чтобы эти знания использовались и развивались во благо всего сущего на земле и в космосе. Чтобы человек не превратился в биологического робота, который целью своего бытия считает удовлетворение своих или сторонних (некого элитного меньшинства) квазипотребностей.

Для этого педагогу необходимо в меру сил и способностей растить в своем ученике творческую личность. Именно растить, а не строить и не ломать, потому что нельзя «изготовить цветка лепесток, Если в вашей руке – молоток, молоток...». В противном случае ученик будет выходить к доске как на плаху (см. Приложение №1).

Ещё великий русский педагог К.Д. Ушинский в своих трудах утверждал, что педагогика – это одновременно наука и искусство. А это означает, что педагогу как профессионалу кроме здравого смысла должно быть присуще вдохновение, умение создавать не только свой собственный образ, но и способствовать созданию интеллектуально-духовного образа ученика. Собственно, эта задача очень ёмко отражена в этимологии самого понятия «образование», которое означает некий процесс, способствующий формированию образа человека.

Этот процесс направляется и контролируется с помощью слов-имен, отражающихся через сознание педагога в сознании ученика. Это может означать только одно: педагог, должен не только сообщать и фиксировать в памяти ученика некую сумму умений, знаний и навыков, а, прежде всего, формировать его собственный образ мышления, который и «вылепит» из ученика неповторимую личность.

В такой ситуации формальные законы логики в процессе преподавания любого предмета перестают быть самоцелью и превращаются в эффективное средство развития не линейного, а многофункционального мышления, каким оно и является от природы. Это серьезная заявка на противостояние формированию так называемого искусственного интеллекта, базовая основой которого является двухмерное линейное мышление.

Конечно, такой взгляд на процесс человеческого мышления не отвергает важности и значимости формальной логики как таковой, которая имеет право на равноправное (!) участие в многообразных процессах человеческого мышления. Более того, в контексте любой учебной дисциплины по формальной логике об этом обязательно говорится. Это выражается в традиционном дихотомическом делении процесса мышления на чувственное и абстрактное.

В основу методики преподавания любого учебного предмета может быть положен принцип философского осмысления традиционного учебного материала через погружение в проблему сначала на уровне подсознания, потом образного восприятия и последнее – осмысление её на понятийном уровне. В течение всего курса должна подчеркиваться неразрывная связь этих уровней, отсутствие одного из них должно восприниматься как противоестественное явление, которое невольно приводит к понижению предметной и общей культуры мышления ученика.

Наверное, любому из нас хотя бы раз в жизни приходилось видеть и слушать лектора, излагающего интересные мысли, речь которого с точки зрения формальной логики выстроена безупречно, но, при отсутствии эмоциональной окраски, она превратилась в искусственную речь, потеряв обаяние живого мышления. И, как принято говорить, смысл её так и «не доходил» до студентов. На таких лекциях студенты в лучшем случае «спят с открытыми глазами», а чаще занимаются какими-то своими делами, не имеющими никакого отношения к изучаемому предмету.

Или, напротив, излишне эмоциональная речь лектора без четкого акцентирования на самом главном, без продуманной последовательности изложения основных положений – также образец невысокой культуры мышления. Такой преподаватель раздражает студентов, его эмоциональный сумбур передается аудитории, после таких лекций в тетрадях у студентов не остаётся никаких записей, в голове – никаких мыслей, в душе – горькая досада о напрасно потерянном времени.

Профессия педагога ещё больше, чем журналиста, который может специализироваться, например, только на печатных текстах, связана с искусством публичного общения – риторикой. Как нами уже отмечалось выше, именно опыт риторики стал, когда-то основным эмпирическим материалом для силлогистики Аристотеля.

Звучащее слово, по мнению исследователя Н.А. Михайличенко: «... одно из величайших способностей человека, возвышающее его над миром всего живого и делающее собственно человеком. <...> Слово – это средство общения между людьми, способ обмена информацией, инструмент воздействия на сознание и поступки другого человека. <...> Для интеллигентного человека, отмечал А.П. Чехов, дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать»⁸.

⁸ Михайличенко Н.А. Риторика: Учебное пособие для учащихся гимназий, лицеев и школ гуманитарного профиля – М.: Новая школа, 1994. – С. 4

Риторика близка искусству мыслить ещё и потому, что это особая наука о законах «изобретения, расположения и выражения мыслей в речи»⁹. Авторитет этой науки в древности, её влияние на жизнь общества и государства были столь велики, что риторику называли «искусством управлять умами» (Платон).

Риторика как искусство публичного мышления и способ управления умами является достоянием любой профессии, но особенно необходимо владеть этим искусством не только журналистам и педагогам, но и всем, кто работает в сфере «человек-человек». Юрист, социальный работник, менеджер, политик, проповедник и другие должны овладеть искусством публичного мышления. Само же это искусство является своеобразным видом эмоционально-интеллектуального творчества¹⁰: Оно одновременно воздействует на сознание и на чувства человека. Мастерство публичного мышления и состоит в том, чтобы умело использовать обе эти формы человеческого мышления.

С античных времён на ораторское искусство человечество смотрело как «на часть системы знаний, как на способ познания и толкования сложных явлений жизни». Особенно очевидна связь риторики и логики; в древности они даже рассматривались в неразрывном единстве.

«Красноречие – дитя знаний», – говорили древние. Цицерон полагал, что выдающимся оратором может стать лишь тот, кто владеет тремя необходимыми для красноречия данными: талантом, навыком и знаниями»¹¹. Нетрудно заметить, что талант – это способности, которые заложены в человеке на генетическом уровне и проявляются в его практической деятельности помимо его воли и разума, т.е. на уровне подсознания. Навыки – это результат эмпирического опыта, который связан, прежде всего, с чувственным восприятием действительности, т.е. его эмоционально-волевой, художественно-образной сферами. Под знаниями, можно почти с уверенностью сказать, Цицерон предполагал некую сумму абстрактного опыта мышления, полученную в результате интеллектуальных усилий человека.

Развитие этой мысли мы находим в работах М.В. Ломоносова. Он определяет красноречие как «искусство о всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об одной мнению»; также он указывает: «К приобретению оного требуется пять следующих следствий: первое – природные дарования, второе – наука, третье – подражание авторов, четвертое – упражнение в сочинении, пятое – знание других наук». При этом «наука» состоит в познании «нужных правил, которые показывают подлинный путь к красноречию, т.е. собственно риторика, а значить и логика»¹².

⁹ Античные риторики. – М., 1978. – С.28

¹⁰ Апресян Г.З. Ораторское искусство. – М., 1978. – С.75

¹¹ Михайличенко Н.А. Риторика: Учебное пособие для учащихся гимназий, лицеев и школ гуманитарного профиля – М.: Новая школа, 1994. – С.10.

¹² Михайличенко Н.А. Риторика: Учебное пособие для учащихся гимназий, лицеев и школ гуманитарного профиля – М.: Новая школа, 1994. – С.10.

Кроме того, по Цицерону, в задачу человека, который публично мыслит, входит: расположить к себе слушателей, установить спорный вопрос (предмет разговора), опровергнуть мнение противника, в заключительной части речи закрепить свою победу.

Н.А. Михайличенко замечает, что у людей, только начинающих публично мыслить, например, в рамках своей профессиональной деятельности, «иногда складывается неверное представление об ораторской речи как о чистой импровизации, без особой подготовки, без опоры на чёткий и строгий план, без анализа результатов»¹³. Конечно, это не так.

На этапе подготовки публичной мыслительной деятельности главенствующая роль принадлежит логике, использование законов которой необходимо в процессе подбора и отбора фактического материала, разработки плана и композиции выступления, формулировки тезиса (основной мысли), обеспечения доказательности и аргументированности речи.

Другой существенный аспект – языковая культура публично мыслящего человека, умение из всех богатств родного языка выбрать именно те средства речевого взаимодействия, которые обеспечивают эффективность, доходчивость и выразительность выступления.

Для тех, кто публично мыслит в устной форме, весьма существенным моментом является элемент техники речи, отточить которую можно только в практике выступлений, опираясь на данные физиологии, анатомии, акустики, фонетики, орфоэпии, сценической речи и т.д.

Даже когда только формируется замысел публичного мышления (письменной или устной речи) и на других этапах выступления, необходимо ориентироваться на аудиторию, продумывать позицию коммуникатора, учитывать специфику информационного канала, время и логику выступления.

Например, надо уметь мысленно представить образ аудитории: её возрастной состав, образовательный уровень, приверженность к идеологическим установкам и т.п. В первые минуты выступления этот образ «оживает», наполняется конкретным содержанием, слушатели вступают в непосредственный контакт с выступающим и друг другом, начинается увлекательный поединок мотивов, установок, ценностей, волевых качеств, намерений и эмоций. Чтобы максимально точно предугадать характер этого «состязания» и «победить» в нём, выступающий должен хорошо ориентироваться в вопросах общей и социальной психологии, педагогики, владеть художественно-выразительными средствами публичного выступления¹⁴.

¹³ Михайличенко Н.А. Риторика: Учебное пособие для учащихся гимназий, лицеев и школ гуманитарного профиля – М.: Новая школа, 1994. – С.11.

¹⁴ Михайличенко Н.А. Риторика: Учебное пособие для учащихся гимназий, лицеев и школ гуманитарного профиля – М.: Новая школа, 1994. – С. 14.

Думается, что к этому может быть способен только тот человек, который обладает развитой культурой мышления вообще и, в частности, искусством мышления на уровне подсознания, художественно-образного и понятийного мышления.

Резюме

Чтобы убедить в чём-то другого человека, необходимо как минимум сначала почувствовать, интересна или нет ему обсуждаемая проблема. Затем «разбудить» его интерес к обсуждаемой теме. Часто это делается посредством воздействия на его воображение. И только потом, соблюдая правила формальной логики, выстроить своё рассуждение таким образом, чтобы человеку было понятно, о чем идет речь и для чего обсуждается данная проблема.

Человеческая речь по своей природе диалогична. Даже если человек визуально ни с кем не общается, ежеминутно идет непрерывный диалог со своим внутренним «Я». Даже во сне. Причем как на подсознательном, чувственном, так и понятийном уровнях. Этот диалог во всех его формах (с внутренним «Я», с другим человеком, с группой и т.п.) и делает человека мыслящим существом.

Человек, который создает письменную речь и полагает, что он пишет только для себя, – поддается самообману, который приводит к ущербности речи. Она становится мало внятной и выразительной и, по сути, разрушает коммуникацию с внешним миром, без которой человек не может оставаться человеком.

Культура мышления от искусства мышления отличается тем, что она включает в себя ещё и корректные социально-психологические навыки общения. То есть она шире по своему содержанию, чем «искусство мыслить». Поэтому, с одной стороны, искусство мыслить является важной составляющей культуры мышления. С другой стороны, культура мышления должна учитывать специфику субъектов сомыслия, чтобы процесс мышления был максимально эффективным и продуктивным. В этом смысле содержание данного понятия уже понятия «искусство мыслить», и мы можем говорить о культуре научного, художественного, публицистического, национального, религиозного и т.п. мышления.

Таким образом, искусство мышления через культуру мышления «проникает» во все сферы деятельности человека (научную, прикладную и творческую и т.п.).

Научная деятельность человека опирается на разнообразные законы логического мышления. Вместе с тем все фундаментальные открытия в науке, далеко опережавшие своё время, делались людьми, обладающими так называемым синкретическим типом мышления, для которого свойственно органичное соединение в его процессе подсознания (интуиция, догадки), художественно-творческого (воображение, образность) и понятийного

(логика, рационализм) мировосприятия. Доказательством этого может служить тот факт, что большинство из них были разносторонне развитыми личностями. Успех прикладной деятельности человека в любой области во многом зависит от умения мечтать и претворять свои мечты в жизнь. Такого рода людям часто приходится рисковать, полагаясь не только на трезвый расчёт, но и на удачу, т.е. на собственную интуицию. Но такая деятельность также не может быть успешной и без трезвого расчёта. Разнообразная творческая деятельность человека опирается на художественно-образное мышление. Но без интуиции и целеполагания в творчестве, как известно, также не обойтись.

Журналисту необходимы фундаментальные знания русского языка, литературы, психологии межличностного, делового общения и социологии. Разумеется, этим списком не исчерпывается профессиональное образование журналиста. В зависимости от его специализации в сферу его интересов может попасть не один десяток предметов от любого из иностранных языков до политологии или социальной политики.

Но в основе именно «фундаментальных предметов» заложены знания, умения и навыки ситуативного поведения (психология общения), художественно-образного (литература, русский язык) и логического (социология) мышления. Потому что журналист вынужден часто осуществлять свою профессиональную деятельность в непредвиденных или трудно прогнозируемых ситуациях. Журналистские материалы должны быть: эмоционально привлекательными и содержать в себе некоторую недосказанность, простор для самостоятельного домысливания читателем, зрителем, слушателем; основываться на достоверных фактах, которые выражаются в различных количественных показателях, в поиске и нахождении причинно-следственных связей, в системе доказательств и опровержений.

Кроме того, профессиональная деятельность журналиста предполагает: некоторый артистизм, особенно при работе на телевидении и радио; навыки эмпирической исследовательской деятельности; знание и умение применять на практике различные формы организаторской деятельности. И, наконец, сам язык публицистических выступлений – это синтез интуитивного, художественно-образного и логического мышления, так как он синкретичен по своей сути: догадки, предположения, художественные образы, статистические данные, гипотезы, выводы – обыкновенный инструментарий, которым журналист активно пользуется при создании своих материалов.

Педагогическая деятельность несводима к любому из видов педагогических технологий или механистическому оказанию образовательных услуг. Она, несомненно, вид творческой деятельности, который требует, так же как и от журналиста, артистизма (даже есть такой специальный предмет – педагогический артистизм); умения действовать в непредвиденной социально-психологической ситуации общения с учеником (студентом), родителями, коллегами по работе; планировать, организовывать,

самостоятельно осмысливать (рефлектировать) результаты своей деятельности, прогнозировать её, определять ценностный смысл.

В основу методики преподавания любого учебного предмета может быть положен принцип философского осмысления традиционного учебного материала через погружение в проблему сначала на уровне подсознания, потом образного восприятия и последнее – осмысление её на понятийном уровне. В течение всего курса должна подчеркиваться неразрывная связь этих уровней, отсутствие одного из них должно восприниматься как противоестественное явление, которое невольно приводит к понижению предметной и общей культуры мышления ученика.

На этапе подготовки публичной мыслительной деятельности главенствующая роль принадлежит логике, использование законов которой необходимо в процессе подбора и отбора фактического материала, разработки плана и композиции выступления, формулировки тезиса (основной мысли), обеспечения доказательности и аргументированности речи.

Другой существенный аспект – языковая культура публично мыслящего человека, умение из всех богатств родного языка выбрать именно те средства речевого взаимодействия, которые обеспечивают эффективность, доходчивость и выразительность выступления.

Для тех, кто публично мыслит в устной форме, весьма существенным моментом является элемент техники речи, отточить которую можно только в практике выступлений, опираясь на данные физиологии, анатомии, акустики, фонетики, орфоэпии, сценической речи и других наук.

Термины для запоминания:

Монологичная речь – от первого лица, речь одного человека.

Интуитивное мышление – основанное на ассоциациях, предчувствии и догадках.

Рациональное мышление – прагматично преследующее достижение поставленных задач, невзирая на положительные или отрицательные нравственно-духовные эффекты.

Иррациональное мышление – более полагающееся на чувства, чем на разум.

Понятийное мышление – руководствующееся законами формальной логики.

Культура мышления – имеющая высокий уровень интуитивного, критического, конструктивного и творческого мышления.

Искусство мышления – органичное сочетание всех разновидностей рационального и иррационального мышления.

Социально-психологические навыки мышления – умение сомыслия с группой, коллективом, своим внутренним «Я».

Риторика – учебная дисциплина, занимающаяся развитием знаний, навыков и умений публичных выступлений.

1.4. Мышление, язык, речь

«Ум, мысль и язык переплелись настолько, что их невозможно отделить друг от друга»

Майкл Стаддерт-Кеннеди

Вы узнаете:

- О пространстве возможностей смысла слова.
- О возможной бюрократической диктатуре слова над сознанием.
- О способности слов актуализовать в деятельности человека определённые смыслы.
- О способности слов менять свой первоначальный смысл.
- О способности устной речи активно воздействовать на образное мышление человека.
- О сходствах и различиях языка и мышления.
- Какие основные функции выполняет язык в жизни человека.
- О том, чем устная речь отличается от письменной.

Александр Архипович Ивин в своей книге «Искусство правильно мыслить» говорит: «Каким образом вам удастся выражать свои мысли в словах и фразах? Насколько влияет на ваше мышление язык, на котором вы говорите? Вам будет нелегко ответить на эти вопросы потому, что вы пользуетесь и тем и другим почти автоматически, и потому, что вы не осознаете, как именно ваши мысли превращаются в слова, с помощью которых вы их выражаете. Если же вы попытаетесь проследить за тем, как произносите слова, то обнаружите, что в плавной речи, которая до этого давалась вам столь легко, начнут появляться сбои и заминки. Создается впечатление, что речь возникает автоматически и формируется заранее. Направляя свое внимание на этот процесс, вы вносите в него помехи».

Так же «автоматически» мы воспринимаем имена предметов, так словно они родились в нашем сознании вместе с наклеенными на них этикетками, обозначающими их бытие. И только, проникая в

этимологический смысл слов, мы обнаруживаем, что их конструкция излучает мысль, что они имеют основу живого наблюдения разума человека, который дал когда-то то или иное имя предмету. Слово хранит в себе информацию об этом человеке, о его быте, времени и многом другом, с чем была связана особенность его земного бытия, и является маленьким фрагментом общечеловеческой памяти. Например, медведь – это не просто животное, а то, которое «мёдом ведаёт». Человеку, давшему ему имя, это было хорошо известно, это означает, что он знал толк в бортничестве (сборе меда диких пчёл в лесу) и, скорее всего, проживал в лесу. Что, в свою очередь, означает: он был не только добытчиком естественных даров природы, но охотником и рыболовом. Все эти промыслы требуют особой физической сноровки, наблюдательности, усидчивости, умения «читать» информацию о жизни окружающей природы по следам, листьям, травам, звёздам, небу, ветру и т.п.

Уникальная особенность индивидуальной мысли, которая отражена в имени предмета, заключается в том, что её «читатель» не просто получает информацию, но и неизбежно её интерпретирует сообразно своему образу мышления. С этой точки зрения слово является первоначальным и мощнейшим инструментом развития мышления человека. И не только!

М.Н. Эпштейн в своем научном труде «Философия возможного» рассказывает: «Фердинанд де Соссюр сформулировал общеизвестный постулат о том, что означающее и означаемое в языке связаны между собой произвольно. Между словом «стол» и действительным столом нет никакого тождества или сходства. Но условность знака может быть понята как возможностный характер самой значимости. Расстояние между означающим и означаемым есть пространство возможностей. Слово «стол» обозначает то, что могло бы называться «столом», а могло бы называться и иначе (как и называется в других языках). Недаром «слово» и «условность» одного корня: всякое слово есть «если бы», сказанное о вещи. Любое высказывание есть свободное предположение о своем предмете, о том, что он может называться так, а не иначе. Только насилие над языком приводит к тому, что значение слов отождествляется с означаемым, т. е. приобретает характер утвердительный или повелительный. Такой фетишизм языка свойствен тоталитарным режимам, которые рассматривают означающее и означаемое как нечто цельное, абсолютно тождественное. Слова приобретают функцию заклинания предметного мира. Устанавливается своего рода семиократия¹⁵ – царство безусловных знаков, якобы неотличимых от обозначаемой реальности. И борьба с семиократией – это, прежде всего, демонстрация условности знаков. В критической рефлексии о тоталитаризме его идеологемы¹⁶ («социализм», «партия», «народ», «равенство» и т. п.)

¹⁵ Семиократия – диктатура знаков (слов), бюрократическая их власть над сознанием человека.

¹⁶ Идеологемы – политический термин, часть какой-либо идеологии, элемент идеологической системы. Нет строго определенного (ограниченного) значения, оно меняется в соответствии с политической прагматикой. Например, «фашизм», «кулак», «культ личности», «тоталитаризм», «коллективное руководство», «демократия», «толерантность» и др.

выводятся из тождества с реальностью, их значения лишаются презумпции актуального существования» (М.Эпштейн).

Таким образом, слово – это социально-психологический инструмент конструирования пространства возможностей, что в социальной практике иначе называется – пространством свободы.

«Если знак соотносится с вещью произвольно, – говорит М.Эпштейн, – Следовательно, само значение есть возможностная связь между ними». Потенциально каждый человек может устанавливать собственную связь с любой вещью. Другое дело, что это делать необязательно. Гораздо удобнее пользоваться уже сконструированными и принятыми в обществе понятиями, которые обеспечивают продуктивную коммуникацию между людьми. Представьте себе, что бы произошло, если бы каждый человек изобретал собственное имя для каждой вещи!

Но знать и помнить о том, что «само слово есть потенция вещи, а вещь есть актуализация этой потенции», что имя «смысловое семя вещи» и её «умная энергия» (А.Лосев), которая придаёт форму бытию – надо, хотя бы для того, чтобы уметь правильно отличать смыслы, заложенные в них разумом. Понятия «мысль» и «мыслишка», «воин» и «войка», «свобода» и «воля» имеют разные смысловые оттенки и не тождественны по содержанию. Это важно ещё и потому, что с помощью слов мы актуализуем вещи в широком смысле этого слова от конкретных предметов и явлений – «дом», «государство», «работа» и т.п. – до абстрактных представлений типа «красота», «демократия» и др. Логически некорректно актуализированное понятие «демократия» может стать причиной пролития человеческой крови в том обществе, где народовластие принимает формы власти толпы над действиями разумного меньшинства. «Идея красоты, говорит М.Эпштейн, – есть чистая потенциальность, способность множества вещей быть красивыми, – свойство, которое как таковое не может актуализироваться ни в одном реальном предмете (вопреки учениям реализма)». Сложность интерпретации содержания этого понятия отражена в русской пословице «Не всё красиво то, что блестит».

Известно, что мысль относится к слову как потенциальное к актуальному. Трудно не согласиться с М.Эпштейном в том, что «слово погружено в мысль, растворяется в ней, теряет свою тождественность себе, начинает источать новые и новые смыслы, играть смыслами, как сама мысль играет словами. По замечанию математика и философа Василия Налимова, «чтобы перейти от анализа языка к изучению мышления, надо суметь хоть как-то оценить степень размытости слов».

Именно мысль, как область чистой потенциальности, постоянно «размывает», переиначивает и умножает значения слов, вплоть до их противоположности себе, хотя эта противоположность – лишь одна из крайних точек в непрерывной игре значений» (В.Налимов).

Например, русский поэт М. Волошин как-то сказал: «Никогда не говорите «подлинная правда», потому что это правда добытая под пытками». И действительно первоначально «подлинная правда» означала информацию,

которую добывали палачи, сдирая с живого человека кожу в виде ремней-линок. Трансформация смысла этого понятия произошла в течение длительного периода русской истории, в которой пытки были обыкновенной практикой. Таким образом, в содержании этого понятия запечатлены представления не одного поколения русских людей, что настоящую правду можно узнать от человека только под пытками.

Таким образом, «смысловое поле слов безгранично делимо». Представление об атомах смысла, столь необходимое для построения логической семантики, в психологическом плане не более чем некоторая иллюзия. По глубокому замечанию В. Налимова, «противоречия возникают из-за приписывания словам слишком жесткого смыслового значения. Эти грубые противоречия немедленно исчезнут, как только мы обратимся к вероятностной модели языка».

«Вероятностная модель языка» в языковой практике означает предельную размытость, вероятность смысловой структуры слов. Если довести до абсурда данный тезис, то получится, что любое понятие, будь оно конкретное или абстрактное, – это метафора.

Но слова не только обозначают вещи, но и выполняют служебные коммуникативные функции. Во время интенсивных коммуникативных процессов никому нет дела до их метафоричной сущности. Стремительно несущийся поток событий в нашей жизни стирает метафоричное значение слов, но именно эта в какой-то мере хаотичная социальная действительность в наиболее напряженные моменты возвращает нас, говоря словами М. Эпштейна, к «ино-полагающим, ино-сказующим» их основаниям. И происходит небольшое чудо, которое напоминает нам, кто является творцом живого языка».

По словам В. Налимова, «...метафоры могут быть заданы только конструктивно – новыми фразами, отражающими новую жизненную ситуацию или новый поворот мысли. <...> Так происходит обогащение языка – он обогащается, когда открывается то, что в нем уже было потенциально заложено». М. Эпштейн заявляет: «Именно мышление и заложено в языке как потенциальность, ведущая ко всем последующим актуализациям: мышления – в языке, языка – в речи, речи – в действиях, действий – в вещах. Но при этом каждая последующая актуализация обнаруживает свою недостаточность, запас невоплощенных вариантов и альтернатив, игру потенциалов, придающую размытый и даже противоречивый смысл всем формам актуализации, включая слова и поступки. Именно на границе с мыслями и вещами обнаруживается наибольшая напряженность языка – не как законченной системы, а как процесса, конструирующего и одновременно деконструирующего значения знаков, так что каждая актуализация мысли в слове есть одновременно и потенциация самого слова, умножение и размывание его смысла».

Именно это свойство мышления и языка имел в виду А.А. Ивин, когда говорил: «Понимание речи – это процесс, при котором на основании некоторого сообщения создается мысленный образ (представление)

информации, содержащейся в этом сообщении. Последовательность произносимых нами звуков должна соответствовать смыслу сообщаемого, если мы хотим, чтобы нас поняли. Кроме того, «отправитель» («адресант») и «получатель» («адресат») должны обладать общим знанием значений слов и правил грамматики. Поскольку речь всегда отличается незаконченностью, «адресат», для того чтобы создать верный мысленный образ сообщаемого, должен полагаться на свои предварительные знания, контекст или обстановку и другие «ключи», облегчающие понимание».

Психологи, изучающие то, как люди пользуются речью и понимают её, разделяют речь на две структуры, или разновидности представления. Глубинное представление речи имеет отношение к ее смысловому компоненту – это те мысли, которые вы хотите передать. Поверхностная структура соответствует звукам вербального выражения мыслей или их письменному аналогу, тексту, который может быть представлен на бумаге, экране компьютера или ином материале, предназначенном для письма.

«Адресант» хочет сообщить «адресату» свою мысль. Мысль (глубинная структура) известна только «адресанту». Она трансформируется с помощью звуков речи или букв (поверхностная структура), которые помогают «адресату» реконструировать мысль, выраженную в словах «адресанта».

Как видите, мысль, возникшая в уме «адресанта», это внутренняя, или глубинная, структура. Она известна только ему. Задача «адресанта» – создать поверхностную структуру на основании своего глубинного представления, в то время как задача «адресата» – вернуться от поверхностной структуры к глубинному представлению говорящего, или автора текста. Язык неотъемлем от этих процессов, ибо он является тем посредником, с помощью которого чаще всего выражаются и интерпретируются мысли и эмоции (хотя иногда для этого используются и другие средства, такие как танец, мимика и изобразительное искусство).

Коммуникация оказывается «успешной», глубинное представление, созданное «адресантом», соответствует глубинному представлению «адресанта». Представление «адресата» о смысле сообщения складывается не сразу, а в течение некоторого времени, так как речь является процессом, характеризующимся определенной последовательностью и длительностью, — произнесенные или написанные слова следуют одно за другим. Все стратегии, направленные на лучшее понимание сообщения, заключаются в следующем: необходимо выстроить свое представление таким образом, чтобы оно максимально точно отражало представление, созданное «адресантом». Пониманию между людьми способствует существующий в их сознании образ окружающего мира, «архитектура когнитивной системы» (А. Ивин).

Далее А.А.Ивин приводит примеры, поясняющие эту его мысль.

«Если речь отличается неоднозначностью, поверхностной структуре может соответствовать более чем одна смысловая конструкция или глубинное представление. Вот несколько примеров двусмысленных фраз:

☪ Дети радуются приглашению артиста. Эти слова могут означать, что «дети обрадовались тому, что к ним приедет приглашенный артист», или «дети обрадовались тому, что их пригласил к себе артист».

☪ Я развожу гусей (Эту фразу можно истолковать трояко: «я занимаюсь разведением гусей», «я шофер и развожу гусятину по магазинам», «я пасу гусей, а потом веду их по домам»).

☪ Этот дуб был описан Толстым. (Я не буду пояснять, какие два возможных истолкования могут быть здесь даны – можете сами догадаться).

Каждая из этих фраз двусмысленна, поскольку налицо одна поверхностная структура (звучание фразы) и, по крайней мере, два возможных глубинных представления, или интерпретации. Однозначные сообщения лишены этого недостатка. Можно без особого труда превратить двусмысленное утверждение в однозначное, с тем чтобы оно соответствовало лишь одному глубинному представлению.

Человек не только принимает адресованную ему информацию, но и развивает её, чтобы глубже понять подразумеваемый смысл. В ходе этого процесса новая информация объединяется с тем, что уже ему известно, и в результате рождается новая смысловая интерпретация. Этот эффект когда-то осмыслил Брюнер, дав сжатое определение мышлению как «выходу за пределы наличной информации» (А. Ивин).

Этот «выход» у разных людей неоднозначен. Его качественный уровень прямо зависит от способности человека в процессе интерпретации информации опираться на свою интуицию, образное и логическое мышление. Развитое интуитивное мышление позволяет человеку быстро находить аналогичные примеры из своей жизненной практики. Образное – сообщать мысли необходимую эмоциональную экспрессию для плодотворного осмысления. А развитое логическое мышление – устанавливать необходимые причинно-следственные связи, достоверные основания и т.п. Это способность называлась Р. Декартом «способностью нормально использовать язык». Эта способность, по мнению французского философа, «является единственным достоверным признаком того, что некоторое существо обладает человеческим разумом». Ибо язык является единственным способом проявления разума вовне.

Язык – необходимое условие существования абстрактного мышления. Язык возникает одновременно с сознанием и мышлением. Являясь чувственно воспринимаемой оболочкой мышления, язык обеспечивает мыслям человека реальное, предметное существование не только в общении людей друг с другом, но в умениях творить духовную и интеллектуальную реальность, которые могут выражаться в материальных сущностях: книгах, фильмах, компьютерах, автомобилях, строениях и мн. другом.

А. Ивин подчёркивает, что, как и мышление, язык диалогичен: он существует для отдельного человека лишь постольку, поскольку существует для других. Логический анализ мышления всегда есть исследование языка, в котором оно протекает и без которого оно не является возможным. В этом плане логика и искусство мышления – есть в равной мере и наука о языке.

Мышление и использование языка – две предполагающие друг друга стороны как процесса познания, так и процесса общения. Язык, как нами уже отмечалось выше, участвует не только в выражении мысли, но и в самом её формировании.

Вместе с тем язык и мышление не тождественны. Каждая из сторон единства, составляемого ими, относительно самостоятельна и обладает специфическими законами.

Язык – это знаковая система, используемая для целей коммуникации и познания. Все языки делятся на естественные, искусственные и частично искусственные. Первые, называемые также «повседневными», «разговорными», «обычными» и т. п., складываются стихийно и постепенно. История каждого такого языка неотделима от истории народа, владеющего им. Искусственные языки сознательно создаются людьми для каких-либо специальных целей. Таковы, например, языки математики, логики, шифры и т. п. Языки естественных и гуманитарных наук относятся к частично искусственным. Скажем, учебник химии написан всегда на каком-то естественном языке: русском, английском, немецком и т. п. Вместе с тем, помимо слов этого языка, учебник обязательно включает собственно химическую терминологию и символику, являющуюся по преимуществу интернациональной.

Язык науки отличается точностью и однозначностью своих понятий. Даже те понятия, которые заимствуются наукой из повседневного языка, например, «сила», «скорость», «тяжесть», «звезда» и т. п., получают гораздо более точное и порой даже парадоксальное, с точки зрения здравого смысла, значение. Если на первом этапе своего развития наука в основном пользуется понятиями естественного языка, то по мере углубления в предмет исследования появляются теории, вводящие совершенно новые термины, относящиеся к абстрактным, идеализированным объектам, их свойствам и связям.

Характерной особенностью искусственных языков является однозначная определенность их словаря, правил образования выражений и правил придания им значений. Во многих случаях – но не во всех – эта особенность оказывается несомненным преимуществом таких языков: словарный запас их органичен и поэтому удобен для распознавания узкому числу специалистов. Но искусственные языки генетически и функционально вторичны в отношении естественного языка: искусственные языки возникают на базе естественного и могут функционировать только в связи с ним¹⁷.

Группа исследователей А.Д. Гетманова, А.Л. Никифоров, М.И. Панов называют основные функции языка, те, которые выполняются языком в процессе коммуникации и познания.

В числе функций языка особое место занимает *описательная* – сообщение о реальном положении вещей. Если это сообщение соответствует действительности, оно является истинным. Сообщение, не отвечающее

¹⁷ Ивин А.А. Логика: Пособие для учащихся. – М.: Просвещение, 1996. – 206 с.

реальному положению дел, ложно. К примеру, описание «Снег бел» является истинным, а описание «Кислород – металл» – ложно. Иногда допускается, что описание может быть неопределённым, лежащим между истиной и ложью. К неопределённым можно отнести многие описания будущего («Через год в этот день будет пасмурно» и т. п.).

Долгое время считалось, что описание – это единственная функция языка или, во всяком случае, та его функция, к которой может быть сведено любое иное его употребление. Предполагалось, что любое грамматически правильное повествовательное предложение является описательным и, значит, истинным или ложным. Как мы убедимся далее, описание, несмотря на всю его важность, – не единственная задача, решаемая с помощью языка. Оно не является даже главной его задачей. Перед языком стоят многие задачи, не сводимые к описанию.

Еще одна функция языка – *нормативная*. С помощью языка формулируются нормы – выражения, в которых реализуется намерение говорящего добиться того, чтобы слушающий его человек совершил нечто. Нормы чрезвычайно разнообразны и включают команды, приказы, требования, предписания, законы, правила и т. п. Примерами могут служить выражения: «Прекратите говорить!», «Старайтесь приносить максимум пользы как можно большему числу людей», «Следует быть стойким» и т. п. Нормы, в отличие от описаний, не являются истинными или ложными, но могут быть обоснованными или необоснованными, способствующими достижению каких-то целей или нет и т. п.

Язык также может использоваться для выражения *разнообразных чувств*: «Сожалею, что разбудил вас», «Искренне сочувствую вам», «Поздравляю с праздником», «Приветствую всех, кто пришел», «Извините, но не смогу быть» и т. п. Выражения чувств называются экспрессивами. В них выражаются определенные психические состояния, связанные с конкретной ситуацией. Например, я вправе поздравить вас с победой на соревнованиях, если вы действительно победили и если я на самом деле рад вашей победе. В этом случае поздравление будет искренним, и его можно считать истинным, т. е. соответствующим внешним обстоятельствам и моим чувствам. Если же я поздравляю вас с тем, что вы хорошо выглядите, хотя на самом деле вы выглядите неважно, мое поздравление неискренне. Оно не соответствует реальности, и если я знаю об этом, то не соответствует и моим чувствам. Такое поздравление можно оценить как ложное. Ложным было бы и поздравление с тем, что вы открыли квантовую механику: и мне, и вам было бы заведомо известно, что это не так, и поздравление выглядело бы насмешкой.

Язык может использоваться для *изменения мира словом*. Именно эта задача решается, например, выражениями: «Назначаю вас председателем», «Ухожу в отставку», «Я заявляю: наш договор расторгнут», «Увольняю вас», «Объявляю военное положение», «Обручаю вас» («Объявляю вас мужем и женой») и т. п. Такие выражения называются декларациями и выполняют специальную функцию – меняют существовавшее до их произнесения

положение вещей. Если я успешно осуществляю акт назначения вас председателем, вы становитесь председателем, а до этого акта вы не были им; если я успешно выполняю акт производства вас в генералы, в мире сразу же становится одним генералом больше и т. д. Когда футбольный арбитр говорит: «Вы удаляетесь с поля», вы оказываетесь вне игры, и она, по всей вероятности, меняется.

Декларации не описывают некоторое существующее положение дел. В отличие от норм они не направлены на то, чтобы кто-либо в будущем создал предписываемое положение вещей. Декларации непосредственно меняют мир и делают это самим фактом своего произнесения. Очевидно, что декларации не являются истинными или ложными. Но, подобно нормам, они могут быть обоснованными или необоснованными (я могу назначить кого-то председателем, если у меня есть право сделать это), способствующими достижению каких-то целей или нет и т. п.

Язык может использоваться также для *обещаний*, т. е. для того, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить некоторое будущее действие или придерживаться определенной линии поведения. Обещаниями являются, к примеру, выражения: «Обещаю вести себя примерно», «Клянусь говорить правду и только правду», «Буду всегда вежлив» и т. п. Обещания можно истолковать как просьбы к самому себе, т. е. как нормы, адресованные говорящим самому себе и в чем-то предопределяющие его поведение в будущем. Как и все нормы, обещания не являются истинными или ложными. Они могут быть обдуманными или поспешными, целесообразными или нецелесообразными и т. п.

Язык может использоваться, наконец, для *оценок*, т. е. для формирования положительного, отрицательного или нейтрального отношения к рассматриваемому объекту или, если сопоставляются два объекта, для выражения предпочтения одного из них другому или утверждения равноценности их друг другу. Оценками являются, к примеру, выражения: «Хорошо, что погас свет», «Плохо, когда кто-то опаздывает», «Лучше прийти раньше, чем опоздать» и т. п. Об оценках будет подробно говориться в дальнейшем, здесь же отметим только, что оценки столь же фундаментальны и ни к чему не сводимы, как и описания. Только в отличие от описаний они не являются истинными или ложными, а могут быть глубокими или поверхностными, общепринятыми или нет, эффективными или нет и т. п.¹⁸.

Имеется, таким образом, шесть разных задач, решаемых с помощью языка: сообщение о положении дел (описание), попытка заставить сделать что-либо (норма), выражение чувств (экспрессив), изменение мира словом (декларация), принятие обязательства что-то сделать (обещание) и выражение позитивного или негативного отношения к чему-то (оценка).

Язык и речь, так же как мышление и язык, – понятия, содержание которых не тождественно. У этих есть сходные и различные признаки.

¹⁸ Логика: Учеб. пособие для общеобразоват. учеб. заведений, шк. и классов с углубл. изуч. логики, лицеев и гимназий / А.Д. Гетманова, А.Л. Никифоров, М.И. Панов и др. – М.: Дрофа, 1995. – 256 с

Основная функция языка и речи – коммуникативная: речь служит для сообщения и сохранения информации, как средство связи поколений.

Вторая функция, общая языку и речи, – функция выражения мысли. «Человек может выражать свои мысли, – отмечает М.Р. Львов, – не только вербально, но и рисунком, чертежом, формулами, моделями, музыкальными звуками, красками, жестами, однако универсальным средством оформления и материализации мысли служит язык. Этот вывод относится в первую очередь к отвлеченному, речевому мышлению (логическому)». В речи мысль становится доступной не только другим людям, но и более понятной тому, кто ее произносит.

Третья функция языка и речи – познавательная. Все человеческое знание прошлых веков и настоящего заключено в произведениях речи, в текстах; это книги, журналы, рукописи, звукозаписи докладов, спектаклей и пр.

Следующие две функции присущи только речи. Это функции выражения эмоций (эмотивная), потому-то и говорят о воздействии автора на читателя или слушателя, и регулятивная и планирующая: человек устно, письменно или мысленно проектирует свои действия, анализирует, критикует, оценивает свои поступки и поступки других людей.

М.Р. Львов указывает на характерные отличия языка от речи.

1. Язык – это общая система, отвлеченная от конкретных ситуаций жизни. Речь же всегда конкретна.

2. Язык лишь создает возможности для целенаправленных действий людей. Речь всегда преднамеренна и направлена на достижение какой-либо цели.

3. Язык характеризуется обобщенностью и статичностью. Речь развертывается во времени и пространстве, подвижна, динамична.

4. Языку свойственны строгая система, стабильность и обязательность его единиц. Речь индивидуальна, произвольна.

5. Язык является средоточием коллективного опыта многих поколений целого народа. Речь отражает опыт индивидуума.

6. Различны и их структуры. Язык имеет уровневую организацию (морфологический, синтаксический и другие уровни). Речь же линейна: это последовательность слов, предложений и компонентов текста, связываемых по законам логики, синтаксиса, композиции.

7. Речи (как виду деятельности индивида) в отличие от языка присущи: свой темп, громкость, эмоциональная окрашенность, индивидуальная степень стройности и связанности, эстетические качества; речи свойственны также различные стили (научный, официально-деловой, разговорный, публицистический, художественный).

Виды речи (речевой деятельности): а) внутренняя (для себя) и внешняя (для других); б) устная; в) письменная; г) звуковая (вербальная) и незвуковая (невербальная, например, у глухонемых).

Внутренняя речь – это обычно сжатое, свернутое оформление мысли без ее устного или письменного сообщения другим (например, воспоминание

о прошедших событиях с помощью образов). В экстремальных ситуациях человеку, в доли секунды принимающему решение, от которого, возможно, зависит его жизнь, для полного языкового оформления мысли не хватает времени. В этом случае внутренняя речь выполняет регулятивную функцию. Внутренняя речь, свернутая и фрагментарная, понятная самому субъекту с полуслова, при рассказе может быть плохо оформлена и, следовательно, не понята другим человеком (или понята искаженно). Поэтому надо учиться четко выражать свои мысли во внешней речи.

Внешняя речь бывает в виде монолога или диалога (полилога). Наиболее важным при оформлении внешней речи является передача содержания мысли. Важную роль при речевом общении играют и невербальные средства: жесты, мимика, умолчание, взгляды, указание на окружающие предметы, интонация, громкость речи и т.д.

В истории развития логики и языкознания неоднократно предпринимались попытки оторвать мышление от языка. К чему это может привести, показывает такой пример. У известного своими социально-фантастическими романами американского писателя Э. Беллами есть рассказ «Остров ясновидцев», в котором описывается следующая ситуация. За три столетия до нашей эры один из парфянских царей изгоняет из своего царства магов и прорицателей, которые оказались более других наделены даром гипноза и телепатии. Их вместе с семьями отправили на Цейлон, но корабль разбился, и маги оказались на необитаемом острове. Через несколько поколений жители острова просто упивались своей новоприобретенной способностью прямого ясновидения, когда, вместо несовершенных описаний отдельных мыслей при помощи «неуклюжих слов», появляется возможность общаться посредством передачи картин душевного состояния. У островитян вырабатывается «непреодолимое отвращение к вымученному бессилию языка»; «удручающему бессилию слов при попытках выразить состояние души в ее цельности», а также к «неизбежным искажениям, которые вносят слова при передаче мыслей от одного человека к другому». Но очень скоро, с иронией пишет автор, «интеллектуальный восторг» заметно поубавился, так как обнаружилось, что «весьма желательно хранить информацию о прошлом, а для записи этой информации необходимо обратиться к презренному средству – к словам»¹⁹.

Культура, образно говоря, это своеобразный банк информации, о прошлом опыте жизнедеятельности человека. Но она же – дело мыслей и рук человеческих, ибо этот «банк» всегда осмысленный. Характер этой осмысленности (проще говоря, написанной истории) предопределяет будущее развитие человечества. Преднамеренно или непреднамеренно изменяя «историю», мы изменяем своё будущее.

Благодаря формированию культуры человек создал мир символов, который отображает окружающую действительность и в то же время выходит за ее рамки. Мир символов нашел выражение в такой чисто

¹⁹ Логика: Учеб. пособие для общеобразоват. учеб. заведений, шк. и классов с углубл. изуч. логики, лицеев и гимназий / А.Д. Гетманова, А.Л. Никифоров, М.И. Панов и др. – М.: Дрофа, 1995. – 256 с.

человеческой способности, как речь. Она является «тем термином, который мы употребляем для обозначения кодов, посредством которых осуществляется сообщение» (И.А. Негодаев). Речь, сыгравшая значимую роль в эволюции человека, является истинно человеческим феноменом. Н. Винер писал, что «вся человеческая социальная жизнь в ее нормальных проявлениях сосредоточивается вокруг речи... Речь вызывает у человека величайший интерес и представляет собой наиболее характерное достижение человека». Ни одно живое существо на Земле не способно на это. Создание мира символов – прерогатива человека в его культуротворческой деятельности, которое не менее значимо для развития человека, чем его орудийная деятельность. Л. Мэмфорд пишет, что «достижения человека в области сформированной его разумом культуры остаются бесконечно важнее, чем его нынешние успехи в покорении природных сил или все его мыслимые космические полеты. Такой подвиг техники, как преодоление гравитационного поля земли, тривиален в сравнении с подвигом человека, сумевшего оторваться от грубой бессознательности материи и от замкнутого круга органической жизни». И дальше: «все эти недавние технические победы являются лишь крупницей в бесконечном количестве разнообразных слагаемых, которые входят в нынешнюю технологию, и составляют лишь ничтожнейшую часть всего наследия человеческой культуры» (И.А. Негодаев).

Письменная речь, в отличие от устной, «есть потенциальность, а не актуальность знакового общения. Собственно, этим и объясняется бесконечная множимость значений в тексте при несводимости их к некоему начальному, единственному, подлинному значению. Значения «рассеиваются» текстом в том же смысле, в каком рассеиваются возможности чтения, уводя далеко от письма и в то же время исходя из его собственной «пустотности», непрерывно потенцирующей из себя все новые прочтения. Ведь и сами семена, если использовать деревенскую метафору семантического процесса как «осеменения», суть потенции, зачатки возможных миров, а вовсе не развернутые реальности. Текст, в сравнении с устной коммуникацией, есть набор умолчаний, ожиданий, расположений, которые никогда и ни в ком полностью не сбываются. У текста не может быть идеального читателя, ибо нет и реального, здесь и сейчас говорящего автора, который своим присутствием подтверждал бы правду и подлинный смысл сказанного. Всякая интерпретация проходит сквозь текст, как сквозь решето, оставляя свободные ячейки. Те три присутствия, которые совмещаются в устной речи: говорящий, слушающий, предмет разговора – остаются в тексте как пустоты, подлежащие все новому заполнению и никакому заполнению недоступные. Отсюда смысловая жадность текста, который, как губка, втягивает все новые толкования, не насыщаясь ни одним из них. Вся культуру можно представить как вереницу полых текстов, которые вампирически припадают к очередным поколениям читателей, насыщаясь их кровью. Но, конечно, текст не есть чистый вакуум, это именно решето, где пустые ячейки вплетены в кружево знаков, – не равнодушная

пустота, а положительная возможность, которая побуждает читателя одновременно и к актуализации своих мыслей и настроений, и к осознанию бесконечной потенциальности самого текста» (М. Эпштейн).

Таким образом, мы можем констатировать, что язык и речь (устная и письменная) имеют тесную взаимно обусловленную связь, имеющую форму взаимодействия, в результате которого происходит смыслообразование в процессе мышления человека.

Резюме

Проникая в этимологический смысл слов, мы обнаруживаем, что их конструкция излучает мысль, что они имеют основу живого наблюдения разума человека, который дал когда-то то или иное имя предмету. Слово хранит в себе информацию об этом человеке, о его быте, времени и многом другом, с чем была связана особенность его земного бытия, и является маленьким фрагментом общечеловеческой памяти.

«Слово» и «условность» одного корня: всякое слово есть «если бы», сказанное о вещи. Любое высказывание есть свободное предположение о своем предмете, о том, что он может называться так, а не иначе. Только насилие над языком приводит к тому, что значение слов отождествляется с означаемым, т. е. приобретает характер утвердительный или повелительный.

Таким образом, слово – это социально-психологический инструмент конструирования пространства возможностей, что социальной практике иначе называется – пространством свободы. «Слово погружено в мысль, растворяется в ней, теряет свою тождественность себе, начинает источать новые и новые смыслы, играть смыслами, как сама мысль играет словами» (М. Эпштейн).

Но слова не только обозначают вещи, но и выполняют служебные коммуникативные функции. Во время интенсивных коммуникативных процессов никому нет дела до их метафоричной сущности. Стремительно несущийся поток событий в нашей жизни стирает метафоричное значение слов, но именно эта в какой-то мере хаотичная социальная действительность в наиболее напряженные моменты возвращает нас, говоря словами М.Эпштейна, к «ино-полагающим, ино-сказующим» их основаниям. И происходит небольшое чудо, которое напоминает нам, кто является творцом живого языка.

Психологи, изучающие то, как люди пользуются речью и понимают ее, разделяют речь на две структуры, или разновидности представления. Глубинное представление речи имеет отношение к ее смысловому компоненту – это те мысли, которые вы хотите передать. Поверхностная структура соответствует звукам вербального выражения мыслей или их письменному аналогу, тексту, который может быть представлен на бумаге, экране компьютера или ином материале, предназначенном для письма.

«Адресант» хочет сообщить «адресату» свою мысль. Мысль (глубинная структура) известна только «адресанту». Она трансформируется с помощью звуков речи или букв (поверхностная структура), которые помогают «адресату» реконструировать мысль, выраженную в словах «адресанта».

Человек не только принимает адресованную ему информацию, но и развивает её, чтобы глубже понять подразумеваемый смысл. В ходе этого процесса новая информация объединяется с тем, что уже ему известно, и в результате рождается новая смысловая интерпретация. Этот эффект когда-то осмыслил Брюнер, дав сжатое определение мышлению как «выходу за пределы наличной информации».

Язык – необходимое условие существования абстрактного мышления. Язык возникает одновременно с сознанием и мышлением. Являясь чувственно воспринимаемой оболочкой мышления, язык обеспечивает мыслям человека реальное, предметное существование не только в общении людей друг с другом, но в умениях творить духовную и интеллектуальную реальность, которые могут выражаться в материальных сущностях: книгах, фильмах, компьютерах, автомобилях, строениях и мн. другом. Мышление и использование языка – две предполагающие друг друга стороны как процесса познания, так и процесса общения.

Вместе с тем язык и мышление не тождественны. Каждая из сторон единства, составляемого ими, относительно самостоятельна и обладает специфическими законами.

Все языки делятся на естественные (бытовой, разговорный), искусственные (научный, специальный) и частично искусственные (публицистика, литература и т.п.).

Имеется шесть разных функций-задач, решаемых с помощью языка: сообщение о положении дел (описание), попытка заставить сделать что-либо (норма), выражение чувств (экспрессив), изменение мира словом (декларация), принятие обязательства что-то сделать (обещание) и выражение позитивного или негативного отношения к чему-то (оценка).

Основные совместные функции языка и речи: коммуникативная, выражения мысли, познавательная. Функции, присущие только речи: выражения эмоций (эмотивная), регулятивная и планирующая.

Характерные отличия языка от речи.

1. Язык – это общая система, отвлеченная от конкретных ситуаций жизни. Речь же всегда конкретна.

2. Язык лишь создает возможности для целенаправленных действий людей. Речь всегда преднамеренна и направлена на достижение какой-либо цели.

3. Язык характеризуется обобщенностью и статичностью. Речь развертывается во времени и пространстве, подвижна, динамична.

4. Языку свойственны строгая система, стабильность и обязательность его единиц. Речь индивидуальна, произвольна.

5. Язык является средоточием коллективного опыта многих поколений целого народа. Речь отражает опыт индивидуума.

6. Различны и их структуры. Язык имеет уровневую организацию (морфологический, синтаксический и другие уровни). Речь же линейна: это последовательность слов, предложений и компонентов текста, связываемых по законам логики, синтаксиса, композиции.

7. Речи (как виду деятельности индивида) в отличие от языка присущи: свой темп, громкость, эмоциональная окрашенность, индивидуальная степень стройности и связанности, эстетические качества; речи свойственны также различные стили (научный, официально-деловой, разговорный, публицистический, художественный).

Виды речи (речевой деятельности): а) внутренняя (для себя) и внешняя (для других); б) устная и письменная; в) звуковая и незвуковая (например, у глухонемых).

Термины для запоминания:

Идеологемы – политический термин, часть какой-либо идеологии, элемент идеологической системы. Нет строго определенного (ограниченного) значения, оно меняется в соответствии с политической прагматикой. Например, «фашизм», «кулак», «культ личности», «тоталитаризм», «коллективное руководство», «демократия», «толерантность» и др.

Семиократия – диктатура знаков (слов), бюрократическая их власть над сознанием человека.

Экспрессивы – речевое выражение чувств.

1.5. Понятие как способ познания

*«Предположивши, что произносимое нами слово
есть только нозма, «то, что мыслится о» чём-нибудь,
мы не выходим за пределы процесса мышления...
А между тем тайна слова заключается именно в общении с
предметами и в общении с другими людьми»*

А.Ф. Лосев

*«Живое слово не означает предмета,
а свободно выбирает, как бы для жилья,
ту или иную предметную значимость,
вещность, милое тело.*

*И вокруг вещи слово блуждает свободно,
как душа вокруг брошенного, но не забытого тела»*
О. Мандельштам

Вы узнаете:

- Что такое синкретичный вид познания окружающего мира.
- Об исторических фактах присутствия в познании человека сверхчувственного, образного и понятийного мышления.
- О человеческом опыте художественного отображения действительности как одном из способов мышления.
- О влиянии рационализации и информатизации человеческого общества на его мышление.
- Что такое знак и чем он отличается от имени.
- Что такое имя с точки зрения логики и философии.
- Что представляет собой понятие как форма абстрактного мышления и предмета «Искусство мыслить».

Перед человеком простирается огромный труднодоступный мир. С самого рождения и до последней минуты своей жизни он его познает. Методы этого познания многообразны. Ребенок, еще не обладающий инструментом сложнейших умозаключений, многое проясняет для себя на уровне интуиции, врожденных инстинктов, подсознания. Он «почему-то» боится темноты, склонен больше доверять маме, чем посторонним людям, во время сна его жизнь также полноценна и продуктивна, как наяву. И хотя золотистое пространство детства так стремительно тает в душе ребенка, как льдинка на ладони, он, взрослея, успевает так почувствовать этот мир, что в дальнейшем только одни воспоминания об этой большой вседержавшей любви к открывшейся ему жизни, будут согревать ему разум до самого конца пребывания на земле. Он так любит, ненавидит, страдает, что любое неприятное, но малозначительное, с точки зрения взрослого человека, событие воспринимается им как трагедия – все уничтожающая катастрофа.

Не понимая этого, мы в полном недоумении стоим перед ребенком, который рыдает не потому, что он не хочет спать, а потому, что мы бесцеремонно прерываем его игру на самом интересном месте. Потому что игра для него в этот период жизни – синкретичный²⁰ вид познания

²⁰ Синкретичный вид познания, от «синкретичное мышление», т.е. синкретическое и комплексное мышление отличаются высокой степенью структурной целостности, нерасчлененности и недифференцированности, оплазмирующей в себе те фрагменты, полюса, оппозиции, выделением которых обычно достигается структуризация на рационально-логическом уровне.

Стадии синкретов и комплексов проходятся в "свёрнутом" виде каждым из нас. Синкретическое мышление доминирует у ребенка в возрасте 4-7 лет

окружающего мира, имеющий специфическую форму и соответствующие этой форме методы. Но мы непреклонны... Мы забыли об этом. Формально признавая роль воображения, чувств, все-таки стремимся вполне сознательно перевести ребенка из плоскости сверхчувственного и чувственного мировосприятия в понятийную. Сопровождается это окриками. Бесконечные эмоциональные эмпирические детские «Почему?» вызывают в нас раздражение и соответственно резкие ответы: «Потому что так надо! Потому что ночь! Потому что все уже ложатся спать!»

Ребенок, в большей степени находящийся в другой плоскости мировосприятия, резонно недоумевает: почему он должен ложиться спать, когда делают это другие, почему так быстро наступает ночь и т.д. Нам очень трудно принять особую логику его размышлений. Вспомнить природу мировосприятия ребенком. Потому мы часто прерываем своего ребенка командами: «Ну, хватит вопросов – марш спать! Завтра поговорим...»

Между тем ребенок взрослеет. Его потребность в понятийном мышлении все возрастает. И вот, наконец, это потребность становится ведущей. Тогда мы с удовлетворением констатируем, что наше чадо стало взрослым.

Но это вовсе не обозначает, что наши дети, находясь во младенческом возрасте, не умеют мыслить. Более того, они могут дать «сто очков вперед» взрослым в этом искусстве. Потому что они, имея в своем арсенале детское воображение, подходят более раскованно к решению любой логической проблемы. Давайте припомним, как они умеют формировать понятия, то есть «сочинять слова».

Сколько раз каждый из нас мучительно напрягал свою память, чтобы вспомнить вдруг выскочившее из памяти слово. Дети предпочитают в таких ситуациях не комплексовать, а создавать новые слова (неологизмы), содержание которых часто неожиданно и интересно.

Например, у нас существует представление, что мы мясо на мясорубке «вертим», а вот ребенок, не задумываясь, обращается к маме: «Дай пожалуйста помясорубить мясо!» Выглянув утром в окно, если на улице шел дождь, мы непременно заметим себе и окружающим, что он «шел». Ребенку трудно поверить в это: ног у дождя он никогда не видел. Поэтому он предпочитает спросить: «Папа, а кто налужил ночью?»

Человечество подобно большому ребенку. При видимом многообразии форм и методов познания окружающего мира все они для него, с точки зрения разработанной им методологии, имеют обычное дихотомическое деление: они эмпирические, либо рациональные. На протяжении всего времени существования человечества у лучших его представителей в их оригинальных системах миропонимания поочередно доминировали либо эмпирический, либо рационалистический взгляд на мир. И почти полностью отсутствует или делается вид, что отсутствует описание сверхчувственного восприятия, а значит, познания окружающего мира. Попытка описания того вида бытия есть у Р. Штайнера и многочисленных его последователей, в разных религиях и мифах многих народов мира, включая русские былины.

Но такая точка зрения считается ненаучной и поэтому не признаётся истинной научным сообществом.

Вполне естественно, что познание окружающего мира человеком на уровне подсознания – не описано в традиционной научной форме. Это был другой способ мышления, а значит, и бытия. То, что было очевидным для «образованного» древнего человека, – сегодня для нас «знание за семью печатями». Знание, как и слово, в те времена имело сакральный смысл и было доступно лишь избранным. Не зря эти понятия имеют сходный смысл.

Ничего не изменилось и сегодня: умение читать, писать и считать немногим помогают нам хотя бы приблизиться к пониманию того, что такое истинное знание. Во всяком случае, это не механическая сумма знаний и совсем не обязательно, что количество их должно непременно в каждом отдельном случае, т.е. у каждого человека, перейти в качество.

Человечество загипнотизировано одной единственной гипотезой происхождения жизни на Земле, которая со многими произвольными допущениями с трудом укладывается в современную научную парадигму мышления. Но почему бы, не отрицая эволюционный путь развития, не рассматривать на равноправной основе параллельно несколько других гипотез? С точки зрения формальной логики, которая является основным инструментарием современного научного познания мира, это вполне разумно. Почему процесс познания упорно загоняется в узкие рамки только понятийного мышления, а знания, полученные всеми другими способами, объявляются сомнительными, что на языке формальной логики звучит как «ложные».

История развития мышления человека показывает, что люди уже не однажды заходили в тупик, уповая только на один из методов познания. Так было в явственно обозримом нами прошлом с магией и религией, когда, например, древние греки поклонялись безликому космосу, человек средних веков духовному личностному абсолюту (Богу). И каждая новая концепция познания мира в категоричной форме отрицала предыдущую. Магов-колдунов сжигали на кострах инквизиции. Представление верующих о происхождении мира предаётся публичному осмеянию, а их ценности «задвинуты» наукой на периферию сознания человека. Кто может поручиться, что сегодняшнюю так называемую научную картину мира не постигнет подобная участь? Более того, само рациональное мышление человека настаивает на неопределённости процессов познания, что позволяет говорить о необходимости постоянного осмысления-пересмотра его модели.

Как показывает практика социального общежития человека, мысль, низведённая до утилитарного уровня обыкновенного инструмента или средства достижения какой-то цели, может превратиться в смертоносное оружие, когда «цель начинает оправдывать средства». Мысль, лишённая сакральной тайны и чувствительности, из волшебной палочки превращается в скальпель, которым человечество без разбора препарирует всё живое. В таких случаях многообразное и трудно постижимое понятие «мысль»

подменяется «мыслишкой» – рациональным намерением человека-червяка, вообразившего себя Богом.

Некая способность человека просчитывать свои поступки и поступки других не есть мышление. Мышление – категория эстетическая, то есть область человеческой морали, требующая «чувственного суда» совести и таинственно-возвышенного контроля души. Между тем большинство людей пребывает в твёрдом убеждении, что умение прагматично организовывать свою жизнедеятельность и добиваться в процессе её «материальных успехов» и есть признак мыслящего человека. Это опасная подмена содержания понятия приводит к вульгарному упрощению смысла жизни человека до элементарного удовлетворения своих материальных потребностей. Эта подмена способствует нисхождению (вырождению) больших масс людей до полуживотного состояния – превращения их в некий новый вид биологической особи, которая упакована в красивую бытовую материалистическую упаковку, убеждена, что она из праха возникла и превратится в прах и т.п. Эта особь руководствуется в своей жизнедеятельности потребностью удовлетворения своих инстинктов, она спешит взять от жизни всё на «полную катушку», потому что никакого «завтра» у неё нет, впереди маячит только мрачная перспектива разложения тела в могиле. Необходимое для человека духовное рождение в среде таких особей становится явлением исключительным. Именно поэтому большинство из них, ошибочно называющих себя людьми, лишены способности мыслить на том высоком уровне, который предопределен человеку природой. То есть радостно и грустно, возвышенно и просто, безбрежно и умеренно одновременно. Способность мыслить так открывает для человека перспективу превращения материальной своей субстанции в духовную. В какой-то иной вид энергии, бытия, который явно присутствует в человеке в зачаточном состоянии. Парадокс заключается в том, что к этой бессознательной (лучше сказать – подсознательной) трансформации из биологического состояния в духовное человек должен подойти сознательно. Но, очевидно, в этом есть какой-то смысл, потому что мы знаем, что парадокс как логическая категория это инструмент конструирования новой смысловой реальности из двух взаимно исключающих друг друга понятий. Так парадоксален любой оксюморон (например, «живой труп»), который становится благодаря соединению, казалось бы, несоединимых смыслов, основой для порождения нового смысла. Если вдуматься, даже наше бытие является в каком-то смысле таким оксюмороном, потому что нематериальная сущность – сознание (средоточие идей, души, совести и т.п.) находится в материальной «матрице», которая доставляет этому сознанию много болезненных неприятностей, заканчивая мрачной перспективой смерти, которая никак «не укладывается» в сознание человека. Кстати, о «живых трупах», это как раз те, кто в преддверии столь мрачной перспективы, заранее предпочли духовно умереть, чтобы без помех придаваться в течение «жизни» наслаждением своей материальной матрицы.

У человечества накоплен значительный опыт познания окружающего мира на основе его логического мышления. Наступил период необходимости произвести глобальное переосмысление процесса познания, с учётом имеющегося, но не полноценно осмысленного потенциала подсознания и чувственного восприятия. Расширение границ нашего представления о себе самих как важной, но всё-таки частице окружающего мира может дать информацию о смысле нашего материального воплощения.

Наиболее близка к позиции равно субъектного познания окружающего мира с помощью природного мышления художественная литература. Именно в ней ассоциативное, образное и логическое мышление относительно уравновешено. Она напоминает нам о возможности многовариантности мышления, которая отражена в древнеиндийских, тибетских и других манускриптах. В них в образной форме отражены малопонятные для нас события, реальность которых, начиная с раскопок Трои, периодически подтверждается исследованиями археологов. Зачем было нужно документальные факты облекать в столь необычные для мышления современного человека формы? Что это? – Наивность древних людей или в этом есть какой-то неведомый для нас умысел?

Человеческий опыт художественного отображения действительности традиционно относят к области чувственного познания человека. Ведущий метод такого познания – эмпирическое мировосприятие. Какова же специфика познания окружающего мира, например, с помощью художественного слова?

В практической логике есть такое понятие, как «сообщения коллективной обращенности». Это книги, периодические издания, теле и радиопередачи. Т.е. те явления нашей жизни, которые активно участвуют в формировании логосферы²¹ нашего общества, а если говорить шире – человеческого общества вообще, потому что логосфера, как особое ценностно-смысловое поле, помимо выполнения коммуникативных функций, в значительной мере определяет образ мыслей человечества и его «нравственное здоровье» на каждом из этапов его развития. Конкретно-содержательная, прикладная (утилитарная) и метаинформация (социальная, духовная), содержащаяся в совокупности слов (логосов), которые образуют логосферу и используются людьми, – формирует представление человека о его месте и значении в установившемся природном и искусственном (социально-экономическом), созданным им самим миропорядке.

На протяжении многих веков литература была единственным из «сообщений коллективной обращенности». О том, насколько велико было ее влияние на настроения общества, можно судить хотя бы по тому, как преследовались в некоторых странах церковью и политиками писатели, художественные произведения которых были способны существенно влиять

²¹Логосфера - (от греч. *logos* — слово, учение, наука и *sphaira* — сфера), качественно новый этап эволюции биосферы, означающий преобладание во взаимоотношениях человека и природы строго научного подхода, когда все взаимоотношения общества и биосферы будут строиться на строго научной основе.

на формирование общественного сознания. Здесь и далее мы будем говорить именно о художественной литературе, причисляя к ней и публицистику. Хотя публицистика – это своеобразный синтез художественной и научной литератур.

В связи с этим достаточно вспомнить такие имена, как В. Гюго, Ш. Бодлер, Д. Байрон, О. Уайльд. наших А. Пушкина и М. Лермонтова, а в более поздние времена, например, А. Солженицына, А. Сахарова, А. Зиновьева и многих других. Книги уничтожались церковью, сжигались на кострах фашистами, брались под арест коммунистическими и прочими режимами. Все это – косвенное признание могущественной силы литературы. Сегодня во время интенсивной информатизации на арену общественной жизни вышли другие «сообщения коллективной обращенности». Роль художественной литературы в формировании логосферы общества стала скромнее. Но она все еще достаточно значительна.

Счастливая жизнеспособность художественной литературы объясняется тем, что при определяющей роли чувственного мировосприятия в процессе её создания ей не чужды идеи трансцендентального отражения психофизических особенностей личности на уровне подсознания. А так же умозрительного отражения человека и, создаваемой им социальной действительности, на уровне художественно-образного и понятийного мышления. Причём в литературном произведении при наличии всех факторов искусства мыслить доминировать может какой-то один из них.

Чтобы почувствовать и увидеть это «глазами разума», достаточно прочитать и сравнить между собой, например, стихотворения «Февраль. Достать чернил и плакать...» Б. Пастернака, «Завещание» Н. Заболоцкого и «Вечер. Тени» В. Хлебникова.

В первом из них поэт стремится с помощью слова остановить мгновение и запечатлеть настроения, чувства, владевшие им, которые он облекает в оригинальные художественные образы. Читая стихотворение, мы имеем дело со своеобразным импрессионизмом в поэзии, когда: *«И как обугленные груши // С деревьев тысячи грачей // Сорвутся в лужи и обрушат // Сухую грусть на дно очей»*. Главным для поэта остается отождествление весны его души с весной, пришедшей на землю. Состояние весны торжествует в стихотворении: *«И чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд...»*.

Второе стихотворение, принадлежащее перу замечательного русского поэта Н. Заболоцкого, демонстрирует нам силу логического мышления человека. Это философское размышление о том, какое содержание видит поэт в понятиях «жизнь», «бытие», «мироздание». В стихотворении все строго соразмерено мыслью. Мало того, подчеркивается её первостепенность для человека. Он не согласен с тем, что его душа и разум превратятся в прах вместе с его телом: *«Я не умру, мой друг... // Многовековый дуб мою живую душу обовьёт печален и суров. // В его больших листах я дам приют уму. // Я с помощью ветвей свои взлелею мысли...»*.

Своеобразный поток сознания (подсознания) демонстрирует в своем стихотворении В. Хлебников. Первый «председатель земного шара» занимается любимейшим своим делом – игрой слов. У него одно слово как бы перетекает в другое. Он пытается найти смысловые соответствия в них на уровне ассоциативного мышления. Главный арбитр здесь также – случай. Но он не просто констатируется в стихотворении, а предметно выражается самим его содержанием. В данном стихотворении содержанием можно назвать возникающие звуковые и образные соответствия. Когда читаешь: *«Вечер. Тени. Сени. Лени. Мы сидели, вечер пья...»* – невольно возникает ощущение, похожее на восприятие ташизма, который в живописи принято называть искусством случайных цветовых соотношений или просто «искусством случая». Двигаясь интуитивно в этом направлении, поэт доходит до невозможных утверждений. Он, полагаясь исключительно на свое подсознание, стремится воплотить в слове его мистическую речь, которая близка по внешним признакам к речи шамана или колдуна. Во всяком случае, он ощущает себя таковым во время творческого акта: *«И скорее справа, чем правый. Я был более слово, слева»*.

Мы привели три так называемых крайних примера из поэзии, когда поочередно в каждом из них доминирует словесно-образный, понятийный и подсознательный уровень. Разумеется, «преимущество» одного из них в каждом из приведенных стихотворений не перечеркивает присутствия двух других. В «Завещании» Н. Заболоцкого, например, прекрасная образная суть: *«Над головой твоей, далекий правнук мой. // Я в небе пролечу, как медленная птица. // Я вспыхну над тобой, как бледная зарница. // Как летний дождь прольюсь, сверкая над травой»*. А некоторые из прозрений в этом стихотворении – на уровне подсознания: *«Я не умру, мой друг. // Дыханием цветов себя я в этом мире обнаружу...»*.

Импрессионизм Б. Пастернака также не лишен смысла, а метафора «сухая грусть» явно из области подсознания.

И даже стихотворение В. Хлебникова, прежде всего, своей необычной формой и способом самовыражения проводит определенную мысль, суть которой сводится к тому, что «искусство случая» имеет право на существование, что в нём есть своя самоценность. И действительно, такие стихи – настоящая находка, например, для филологов. Прекрасны в стихотворении и метафоры: *«Мы сидели, вечер пья...»* и *«В каждом глазе – бег оленя, в каждом взоре – лет копыя»*.

Надо сказать, что литературе в сравнении с другими видами искусств очень повезло. Главное средство ее – слово имеет уникальные свойства, которые соединяют в себе преимущества звукового, зрительного и смыслового восприятия. Сказанное относится, прежде всего, к письменной литературе.

Если мы проведем в данном смысле аналогию с живописью и музыкой, то легко обнаружим, что для специфики их восприятия характерно приблизительное толкование смысла в любой из форм этих видов искусств. Звук и цвет не способны передать оттенки мышления. Им под силу лишь его

общее настроение. Для них характерно: отсутствие зрительного восприятия в музыке и, наоборот, слухового – живописи. Конечно, звуки у нас ассоциируются с определенными сочетаниями цветов, а цвета с определенными звуками, но характер их восприятия еще более приближен, чем восприятие мысли.

Хотелось бы подчеркнуть, что размышляя таким образом, мы не должны говорить о глобальном преимуществе литературы над музыкой и живописью. Дело не в этом, и речь идет не о том. Просто нам необходимо выяснить, чем отличается один вид искусства от другого. Чтобы через эти сопоставления лучше почувствовать объемность художественного литературного мышления. Ведь, в конечном счёте, прелесть каждого вида искусства как раз и заключается в его неповторимости. Кто знает, может, от того, что литература имеет такой широкий спектр восприятия, она что-то и теряет? Ведь приобретений без потерь не бывает. Но еще раз подчеркнем – речь сейчас не об этом.

Для нашего размышления на предложенную тему гораздо важнее выяснить как раз обратное: что эти виды искусства объединяет. Несмотря на их непохожесть, красной нитью, соединяющей живопись, музыку и литературу, можно назвать способ эмпирического познания мира.

Трудно себе сейчас представить, но когда-то эмпирическое мироощущение и методы, характеризующие этот вид, как достаточно самостоятельный и интересный, были принадлежностью не только полотен, музыкальных произведений и книг, но и самого человека. Его воображение, соединенное с интуицией (уровень подсознания), вершило чудеса. Слово, цвет и звук могли нести гораздо больше информации для человека при тех же объемах. Потому что система восприятия и обработки информации у него была несколько иная. В связи с этим, очевидно, был совершенно другой уровень общения между людьми (не лучше или хуже, а – другой!), с окружающей его природой и, возможно, с космосом. Это был особый синкретический тип мышления. Синкретический и комплексный типы мышления часто называют наивным, примитивным, дологическим, пралогическим мышлением. В таких определениях есть рациональное зерно, поскольку эти два типа мышления действительно предшествуют развитию абстрактной логики, присущей зрелому сознанию. На стадии зрелости комплексы и синкреты, разумеется, никуда не исчезают, но перестают занимать доминирующее положение. Психологи, однако, отмечают, что у творческих натур (особенно у художников) переориентации с синкретов и комплексов на доминанту абстрактной логики не происходит; сознание художника свободно проявляет себя во всех доступных ему формах и, прежде всего, – в формах синкретов и комплексов, формах конкретных и наглядных.

Синкреты и комплексы способны поддержать целостность картины мира там, где абстрактное мышление оступает и падает. В некотором смысле это общая, тотальная основа бытия, без проработки и усвоения которой немислима эволюция сознания. Каждый из нас постоянно, сам не

подозревая о том, «проваливается» в синкреты и комплексы, полагая, что он действует разумно и логично. Психологи полагают, что большая часть взрослых людей на самом деле находится на стадии комплексного мышления, не имеющего ничего общего с абстрактной логикой. С этой точки зрения синкретическое мышление является «универсальным, и его проявление отнюдь не ограничивается стадиями возрастного психогенеза»²².

Мы можем предположить, что как раз о том, когда в жизни человека доминировал синкретический тип мышления, и говорят нам предания, известной присказкой которых является фраза: «Это было так давно, когда человек понимал еще язык птиц и зверей».

Может быть, и сегодня «всё то, что мы не можем объяснить с позиций логики и автоматически относим к области фантазии, вымысла, сказки, существует по строгим законам «неизвестного сознания», лежащего за пределами обычной логики» (А. Орлов).

Так это или иначе, но, очевидно, с исчезновением необходимости визуального «считывания» человеком информации о космосе, о природе, о жизни животных, всё более возрастала самостоятельность понятийного мышления человека, которая начала заменять ему ранее жизненно необходимые врождённые способности (наблюдательность, интуицию, обоняние и т.п.). Процесс его дальнейшего интеллектуального самоуглубления сопровождался потерей живой связи, образно говоря, с колыбелью своего сознания – природой. Так мало-помалу и был перестроен механизм человеческого восприятия действительности (сознания), а значит, и мышления человека.

Точнее будет выразиться, «подстроен», ибо коренных изменений в нем не произошло, а лишь изменился режим его работы. Это было вызвано необходимостью обеспечения самостоятельности интеллектуальных процессов в человеке, которые должны были обеспечить появление у него чувства самостоятельности и самооценности. К сожалению, такое самоуглубление дало побочный отрицательный эффект. Человек со временем как бы переоценил свои интеллектуальные возможности. И сегодня, вследствие этого, происходит отторжение человека от естественной среды обитания, и даже противопоставление ей. Видимо, наступил момент, когда необходимо уже на новом интеллектуальном уровне вновь (возможно, так уже было не однажды!) восстановить утраченные связи с природой, с космосом. Этого невозможно сделать без возвращения к синкретическому типу мышления и сознания. Во всяком случае, наши почти интуитивные действия в последние десятилетия явно направлены на проникновение в тайны подсознания и чувственного восприятия мира. Об этом свидетельствует, в частности, проникновение психологии во все виды деятельности человека.

²² Орлов А.М. Аниматограф и его анима. Психогенные аспекты экранных технологий. Москва..Изд, «ИМПЭТО», 1995. – 384 с.

Все это напрямую связано и с проблемой философского осмысления бытия человека. Ибо сейчас это познание осуществляется исключительно на уровне слова-понятия. Это дает ощущения беспредметности самого процесса. А между тем в данных условиях, в данном режиме работы механизма человеческого восприятия и способов обработки им внешней информации он, без сомнения, остается пока самым мобильным и эффективным. Очевидно, вместе с изменением качественного уровня приёма, обработки и передачи информации будут изменяться и некоторые функции-значимости цвета, звука и слова в жизни человека. В частности, слово должно стать предметнее, осязаемее нашими органами чувств. То, что оно сегодня преимущественно используется только как средство коммуникации – противоестественно. Природа заложила в нём большие возможности, скорее всего, не только для человека. Если это произойдёт, станут «предметнее», более чувственно воспринимаемыми, а значит и интеллектуально-регулируемыми все области человеческой деятельности, потому что без Слова любые дела человека неосуществимы.

К сожалению, сейчас мы наблюдаем обратное. Чрезмерно развитое понятийное мышление человека нанесло колоссальный ущерб высокому значению Слова, которое почти утратило свою трансцендентальную²³ сущность, заменив ее более примитивными коммуникативными функциями. Акцентирование на одном лишь его свойстве – коммуникативности – привело к его обезличиванию и обесцениванию. Увы, из плоскости накопления и передачи глобальной информации очень высокого потенциального уровня оно перешло на более низкий бытовой уровень имитации утилитарных²⁴ смыслов. Слово потеряло для человека, присущую ему некогда трансцендентальную силу. В подавляющем большинстве случаев оно употребляется человеком как заурядное средство для передачи информации. Причем информации бытового, подчас ничего не значащего, а иногда и вредного содержания. Мы засорили сами себя (свою душу и разум!) такого рода «словами». Вообще обращаться к слову как способу самовыражения и коммуникативной связи желательно более экономно. Оно должно быть необходимостью. Чрезмерность в употреблении слов подобна чрезмерному и бездумному употреблению пищи. Слова, при бездумном и тем более бесчувственном обращении с ними, способны нанести непоправимый ущерб интеллектуальному и духовному содержанию человека. В силу объективных причин мы запомнили, что коммуникативная функция слова – важная, но лишь одна из многих его функций. И человечеству, очевидно, в ближайшие времена придется их осмыслить и сделать нормой своего речевого поведения, что должно положительно сказаться на взаимоотношении его с окружающим миром.

²³ Трансцендентальную сущность - (от лат. Transcendens) - выходящий за пределы, в данном случае сущность, выходящая за пределы установленных традиционных функций слова: коммуникация, отображение действительности в сознании человека и т.п.

²⁴ Утилитарных - рассчитанных только на получение пользы, выгоды, для достижения узко практических целей.

Есть основания полагать, что осознанность природной сбалансированности в живом слове подсознания, образного и логического мышления даст новый импульс для развития искусства мышления, которое сможет вывести человечество на новый виток познания, а значит и своего физиологического и интеллектуально-духовного развития.

Конечно, образно говоря, спор о том, что важнее в жизни человека рациональное или иррациональное начало, ещё не окончен. В каком-то смысле он бесконечен, по крайней мере, для тех, кто не понимает, что их противостояние диалектически предопределено. Важно, чтобы в этом «споре» не оказалось победителей. Может быть, в вечном стремлении к равновесию рационального и иррационального начала в деятельности человека и есть секрет его жизни, ключом к которому является равное взаимодействие этих двух разнонаправленных сил (энергий).

Пока же мы видим, что в интеллектуальном запале человек стремится даже в искусстве, области деятельности человека, в которой чувственное начало должно доминировать по определению, коммуникативные функции сделать определяющими. Это выражается в ориентации некоторых так называемых деятелей искусства на создание, под предлогом более интенсивного его распространения, образцов массовой культуры. На самом деле это приводит к обратному – выхолащиванию индивидуальных ценностей, превращению большинства людей в идолопоклонников, к формированию массового сознания и, в конечном счёте, к разрушению культуры как таковой за счёт подмены её понятием «массовой культура», которая является частью культуры, но не исчерпывает и не может исчерпывать её более глубокий смысл.

К счастью, сопротивляемость материала (слова, цвета, формы, звука, движения и т.п.) в данном случае оказалась гораздо сильнее. Хочу напомнить, что именно живопись, а затем и музыка начали бунт против рационализма в виде французского импрессионизма. Дальше этот бунт продолжили различные течения в музыке, живописи и литературе. Не последнюю и неоднозначную роль в этой «борьбе» рационального и иррационального начала в искусстве сыграли различные литературные течения русской литература начала двадцатого века, такие как символизм (А. Блок, А. Белый и др.), имажинизм (Н. Клюев, С. Есенин и др.), кубо и эгофутуризм (И. Северянин, Д. Бурлюк, В. Хлебников, В. Маяковский и др.), обэриуты (К. Вагин, Д. Хармс, А. Введенский, Н. Заболоцкий и др.) и т.п., а также писатели, формально не входившие в них, А. Чёрный, М. Цветаева и др.

Лучшие писатели всех стран мира всегда стояли на страже сохранности животворящих качеств слова, которое одновременно развивает и обеспечивает экзистенциальную связь с подсознанием, художественно-образным и логическим мышлением человека. В этом смысле русская литература – одна из самых крепких мировых²⁵ «застав». Иногда кажется, что

²⁵ Мировых – от русских понятий «мировое соглашение», «строить всем миром», т.е. сообща, вкладчину, на общественных началах.

писатели вообще, особенно лучшие из них, для того и существуют, чтобы противостоять обезличиванию слова, лик которого ежеминутно, ежечасно, ежедневно стирается в сознании человека и подменяется информационно-коммуникативной «жвачкой» в средствах массовой коммуникации (включая Интернет), в наружной рекламе на улицах городов, сёл, в живом бытовом общении и в других «средствах массовой коммуникативной обращенности», которые всё более и более начинают напоминать российские места так называемого общественного пользования.

Понять человечеству смысл этой работы-борьбы писателей, которых обыватели представляют белоручками и дармоедами, должны литературоведы. И некоторые из них первые шаги в этом направлении сделали. Например, А. Левидов в своей книге «Автор – образ – читатель»²⁶.

В частности, он утверждает, что в самой природе художественного образа и в механизме воздействия его на человека кроется, если не отгадка, то существенная подсказка, как живое восприятие читателя, в процессе чтения преобразуется в абстрактное, т. е. логическое мышление. Он пишет: «Способность к абстрактному мышлению дает возможность «отойти» от сюжета, освободиться от его власти над сознанием. У одних вообще нет этой способности, у других же абстрактное мышление в полной мере участвует в восприятии литературного произведения при перечитывании... Перечитывание литературного произведения создает прочную связь абстрактного мышления с «живым созерцанием»; абстрактное мышление без «живого созерцания» имеет ограниченные познавательные способности»²⁷.

Литературовед верно подмечает, что к переходу от «живого созерцания» к абстрактному мышлению, при чтении, готов далеко не каждый читатель. Но «высокая литература» рассчитана именно на интеллектуально развитого читателя, который сам процесс знакомства с литературным произведением воспринимает как творческий акт, в котором ведущую роль выполняет понятийное начало сознания человека. А. Левидов продолжает размышлять: «Перечитывание характеризует и читателя, и автора. Как правило, литературное произведение, которое неоднократно перечитывается, отличается богатством конкретного и глубиной абстрактного... Читатель должен в какой-то степени быть адекватен автору. Оценить широкий охват автором различных сторон жизни, верность, глубину его понимания закономерностей социальной действительности и психики людей, проникнуть вслед за ним в самую суть явлений может только тот человек, у которого развита способность к абстрактному мышлению при «живом созерцании» конкретного»²⁸.

Развивая мысль А. Левидова, можно предположить, что с первых же шагов существования письменной художественной литературы, которая давала возможность человеку ее перечитывать и осмысливать, вносила и вносит серьезный вклад в совершенствование понятийного мышления

²⁶ Левидов А.М. Автор-образ-читатель. Изд. Ленинградского университета, 1983. – 349 с.

²⁷ Там же С.32-35

²⁸ Там же С. 35.

человека. Выходит, что сам принцип чтения – своеобразная его тренировка. И первые ростки литературы дали побеги могучему растению человеческого познания, которое впоследствии дало ему возможность выработать собственное научное представление об окружающем его мире. Так в свое время сверхчувственное по своей природе подсознание поделилось своей силой с живым созерцанием, т.е. чувственным способом познания. Смысл этой эстафеты потерян в глубине веков. Но взаимосвязь их сегодня и всегда оставалась очевидной. Подсознание способно каким-то странным образом предугадывать конкретные события нашей жизни. Кто из нас не испытывал ощущения, что некоторые из событий своей жизни он переживал дважды. Обычно это связано с нашей способностью видеть сны. В некоторых из них проигрываются ситуации, которым еще только предстоит возникнуть в нашей судьбе. Кроме того, природа чувственного познания мира в целом такова, что этот вид деятельности немислим без интуиции.

Например, пять методов-приёмов формирования понятий, о которых мы говорили в п. 1.1. (сравнение, анализ, абстрагирование, синтез и обобщение), были выделены в логике в 4 веке до Р.Х.²⁹, но существовали всегда. Применяем мы их интуитивно, т.е. мгновенно и несознательно, словно кем-то запрограммированные. Эти пять методов как будто код, который кроется в нашем подсознании. В нужную минуту мы к нему обращаемся, не давая сами себе ясного отчета в том.

Продолжая эту цепочку умозаключения, было бы логичным предположить, что понятийный уровень мышления также имеет ростки в себе нового духовно-интеллектуального способа познания. Его связь с предыдущими типами познания очевидна и не требует доказательств, так как сам принцип его основан на синтезе предшествующего опыта. Без их опыта он был бы просто невозможен. Остается только пока неясным, в чем будет выражаться принципиально новый подход в познании. Необходимо углубление в интересующую нас проблему. Только рассмотрение деталей поможет нам объяснить целое. Эти детали, скорее всего, рассыпаны повсюду в нашей жизни. И тем более в литературе, которая является не просто ее частью, но и отражением посредством человеческого сознания.

Одна из таких «деталей» – метафора как один из способов образного познания окружающего нас мира. Об этом нам напоминает испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет в своей статье «Две главные метафоры»³⁰.

«Когда тот или иной автор упрекает философию в использовании метафор, он попросту признается, что не понимает и философию, и метафору. Ни один из философов не избежал подобных упреков. Метафора – незаменимое орудие разума, форма научного мышления <...>. Чувство, по Аристотелю, есть способность воспринимать различия. Оно схватывает разнообразное и переменчивое, но притупляется и слепнет перед устойчивым и неизменным. Потому и Гете парадоксально по-кантовски считает предметы

²⁹ Р.Х. – Рождества Христова

³⁰ Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридлендера; Сост. В. Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – 588 с.

различиями, которые мы между ними проводим. Сама по себе ничто, тишина, реальна для нас лишь на фоне шума. Стоит шуму вдруг внезапно стихнуть, и обрушившаяся тишина захлестывает нас, цепеня, словно кто-то суровый и важный, склонился над нами, пригвождая взглядом.

Поэтому отнюдь не в равной мере поддается мысли, оставляя по себе отчетливый образ, резкий и ясный профиль. Разум склонен опираться на легкое и доступное, чтобы достигнуть более трудного и неуловимого.

Подытожим: метафора – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям. Посредством близкого и подручного мы можем мысленно коснуться отдаленного и недостижимого. Метафора удлиняет радиус действия мысли, представляя собой в логике нечто вроде удочки или ружья.

Я не хочу сказать, будто благодаря ей обеспечиваются границы мышления. Она всего лишь обеспечивает практический доступ к тому, что брезжит на пределе достижимого. Без нее на горизонте сознания оставалось бы невозделанная область, в принципе, входящая в юрисдикцию разума, но на самом деле безвестная и неприрученная. Мало кто в должной мере понимает, что метафора – это истина, проникновение в реальность. И стало быть, поэзия есть, среди прочего, исследование: она вырабатывает столь же положительные знания, как и наука»³¹.

Очевидно, это еще понимали древние греки. Иначе как объяснить их потребность причудливо сочетать в мифах реальность и вымысел. Кто может поручиться после открытия Трои Генрихом Шлиманом, что древние рукописи этого народа не дадут нам со временем еще более ошеломляющую информацию? Да и только ли этого народа. А манускрипты древнетибетской медицины? А иероглифы древнеегипетских пирамид?

Означает ли это то, что информация от предыдущих поколений для нас была заложена в древнейших памятниках письменности нашими предками сознательно? – Определенно об этом судить сейчас, спустя много лет после их написания, затруднительно.

Это ещё одна причина того, что нам необходимо более пристально вглядываться в современный литературный процесс. Ведь механизм создания художественной литературы во многом остался таким же. По отдельным его признакам (деталям), очевидно, можно восстановить, каково было значение образного, художественного мышления для людей минувших эпох. Кроме того, преимущество изучения литературы наших современников в том, что мы можем воочию (наяву, а не «во сне истории») проследить связь художественного вымысла с реальностью. Только разгадав «механизм» этой связи, мы можем с достаточной уверенностью, используя те же (еще в значительной степени нам сегодня непонятные) принципы, реконструировать минувшие картины мира, облик людей, характер их мировосприятия.

³¹ Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридлендера; Сост. В. Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – С. 203-208.

Понятно, что делать эту работу выпадет на долю тех исследователей литературы, которые смогут разорвать границы своего узкого представления о литературоведении как только о «количественном или качественном методе»³². В таких исследованиях надо выходить за рамки традиционных научных представлений. То есть активнее обращаться к «опыту» подсознания и образного мышления, активнее «выходить» на уровень философских обобщений, помнить о том, что гипотетико-дедуктивный метод, литература и искусство – это такие же равноправные способы познания окружающего мира, как логика. Такого рода исследования могут напоминать по форме собственно художественные произведения и будут, по сути, исследованием «художественного с помощью художественного» или, точнее, «художественного пространства с помощью научно-публицистического осмысления». Такие научно-популярные исследования существуют, но отношение к ним в научных кругах недоверчивое, если не сказать пренебрежительное.

Исследователь, использующий такой метод, позволяет себе при анализе произведения более свободно соотносить полученный результат с имеющимися данными в родственных областях деятельности человека (логике, философии, истории и т. д.) и проецировать свое видение предметов, близко и далеко стоящих от него во времени, – в будущее.

Возвращаясь в целом к вопросу познания, надо отметить, что для формирования собственного образа мышления в контексте понимания его как искусства желательно произвести сравнительный анализ родственных, но не тождественных понятий «знак», «имя» и «понятие».

Что такое знак и чем он отличается от имени? Знак – это материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации). С точки зрения формальной логики, понятие «знак» гораздо шире понятия «имя».

Знаки подразделяются на языковые и неязыковые. К неязыковым знакам относятся знаки-копии (например, фотографии, отпечатки пальцев, репродукции и др.), знаки-признаки, или знаки-показатели (например, дым – признак огня, повышенная температура тела – признак болезни), знаки-сигналы (например, звонок – знак начала или окончания занятия), знаки-символы (например, дорожные знаки) и другие виды знаков. Существует особая наука – семиотика – общая теория знаков. Разновидностями знаков являются языковые знаки, использующиеся в целях общения. Одна из важнейших функций языковых знаков состоит в обозначении ими предметов. Для обозначения предметов служат имена, которые являются разновидностью языковых знаков.

Что такое имя? Отвечая на этот вопрос, А. Ивин говорит: «Особый интерес среди разных выражений языка представляют имена. Попадая в

³² Как только о «количественном или качественном методе» – в данном контексте имеется в виду как только о математическом (логическом, рациональном) и вербальном (иррациональном) методах

совершенно незнакомое место, человек тут же снабжает его именем: «незнакомое место». Даже не имеющая имени вещь оказывается обладательницей имени – она так и называется: «вещь без имени».

Имена являются естественными и привычными, как те вещи, с которыми они связаны. Настолько естественными, что когда-то они казались принадлежащими самим вещам, подобно тому как им присущи цвет, тяжесть, упругость и другие природные свойства.

Первобытные люди рассматривали свои имена как нечто конкретное, реальное и часто священное. Собственное имя считалось не простым ярлыком, а частью личности, чем-то вроде глаз или зубов. От злонамеренного употребления такого имени ожидали такого же верного страдания, как и от раны на теле.

Исследованием имен как одного из основных понятий и естественных, и искусственных языков занимаются все науки, изучающие язык. Имя, с точки зрения формальной логики, – это выражение языка, обозначающее отдельный предмет или некоторую совокупность предметов, свойства предметов, их отношения».

Таково «простое» толкование, с точки зрения формальной логики, содержания понятия «имя». Мы в контексте нашего предмета должны расширить наши представления о его содержании с помощью обращения к научному труду А.Ф. Лосева «Философия имени». По мнению академика, имя имеет многослойную, сложную структуру. Она состоит из «до-предметной сущности имени», состоящей из звукового, фонетического, символического, смыслового и идейного тел. И предметной (эйдетической) сущности имени (схема, топос, эйдос в узком смысле, символ, миф), которая формируется «при помощи неизбежно-логических и притом формально-логических методов мысли», т.е. при помощи абстрактного логического мышления.

Формальная логика, размышляя о сущности понятия как категории абстрактного мышления, говорит, прежде всего, о предметной сущности имени, потому что «эйдос³³ видится мыслью, осязается умом, созерцается интеллектуально». Формальная логика при этом опирается на некий свод законов, которые А.Ф. Лосев называет логосом, который «является как принцип и метод проявления эйдоса в «ином», он – некий «закон осмысления и объединения» всей информации, полученной человеком о вещи.

А сама физическая вещь – «только инобытие, только иное сущности, или смысла», с помощью которого и она утверждает себя в имени (слове). Дальше человек, по А.Ф. Лосеву, проходит несколько стадий формирования имени, которые вполне укладываются в наши представления об искусстве мыслить.

³³ Эйдос (др.-греч. — вид, облик, образ), термин античной философии и литературы, первоначально обозначавший «видимое», «то что видно», но постепенно получивший более глубокий смысл — «конкретная явленность абстрактного», «вещественная данность в мышлении»; в общем смысле — способ организации и/или бытия объекта. В средневековой и современной философии — категориальная структура, интерпретирующая исходную семантику какого-либо понятия.

Раздражением он называет «инобытие, уже утверждающие, но пока не себя, а только иное в себе». Т.е. некие сверхчувственные (подсознательные) импульсы, которые вследствие своей способности «раздражать» обозначают в сознании наличие воспринимаемой вещи как факт. Явление этой вещи сознанию похоже на явление незваного гостя, которого никто не ждал, и поэтому он раздражает. Правда, в нашем случае это раздражение может иметь различные чувственные оттенки от положительных, до крайне негативных.

Восприятие характеризуется А.Ф. Лосевым как «инобытие, утверждающее себя как себя, но только утверждённое инобытием». Т.е. утверждение себя через вещь, которая утверждена уже в сознании иных людей. По сути, это чувственное согласие видеть вещь посредством данного имени такой, какой её видят многие.

Представление мыслится А.Ф. Лосевым как «инобытие, утверждающее себя как себя» с помощью своего внутреннего инобытия». Т.е. на основании своего внутреннего представления о вещи, которое носит «общее имя», но всё-таки человек имеет своё индивидуальное о ней представление-образ.

Мышление, утверждает А.Ф. Лосев, «есть утверждение себя как себя в качестве начала, порождающего и утверждающего уже самое своё инобытие». Т.е. мышление по мнению учёного - это рациональное осмысление себя через имя вещи. Посредством этого он уточняет, почему он понимает её (вещь) именно так, а не иначе. В чём его точка зрения на вещь совпадает или не совпадает с иными людьми и почему.

Потенциальные же возможности имени (слова), по мнению А.Ф., Лосева заключаются в гипер-ноэзисе. Таким термином он обозначает «сверх-умное мышление», которое потенциально заложено в слове. Если раздражение, восприятие, представление и мышление являются в большей или меньшей степени видами раздельного мышления от «иноного», то «в сверх-умном мышлении мы, в результате длинного и трудного пути, наконец, вновь встречаемся с первожданной сущностью, которая выводится из перво-сущности как её адекватное повторение в инобытии»³⁴.

В этом смысле имя отражает не только самотрансцендентные способности человека отражать видимый мир, а через него себя, но и – вечную перспективу познания себя через слово. Искусство мыслить в том виде, в котором мы его представляем в контексте данного предмета, – это попытка выйти на уровень сверх-умного мышления, интеллектуально-духовное движение в направлении первожданной сущности бытия человека через познания себя, то есть познания «иноного» с помощью слова.

Для нас важны до-предметная и предметная сущности имени, но также и то, как формируются эти сущности-смыслы в процессе реального познания человеком окружающего мира. Такие языковые выражения, как «самое глубокое озеро мира», «пресноводное озеро в Восточной Сибири на высоте около 455 метров», «озеро, имеющее свыше 300 притоков и единственный исток – реку Ангару», «озеро, глубина которого 1620 метров», имеют одно и

³⁴ А.Ф. Лосев. Бытие. Имя. Космос / Изд. «Мысль». Русский открытый университет. М.: 1993. – С. 631-681

то же значение (озеро Байкал), но различный смысл, поскольку эти языковые выражения представляют озеро Байкал с помощью различных его свойств, т.е. дают различную информацию о Байкале.

Значение – обозначаемый именем предмет или класс предметов. *Имя* – языковое выражение, обозначающее предмет. *Смысл* – способ, каким имя обозначает предмет (информация о предмете).

Поиск различных способов обозначения (смыслов) предмета тем или иным именем – одна из важнейших задач предмета «Искусство мыслить».

Что представляет собой понятие как форма абстрактного мышления?

Отдельные предметы и их свойства отражаются с помощью форм эмпирического познания – ощущений, восприятий и представлений, которые предмет «Искусство мышления» изучает вместе с абстрактным мышлением.

Если человек встречается с каким-то предметом, он его, как правило, сначала наблюдает, т.е. видит. Например, мы нашли (увидели) в тайге неизвестный нам гриб. Сначала мы непременно его трогаем (осязаем). Потом гриб желательно понюхать – ощутить с помощью обоняния: у съедобных грибов имеется специфический запах, который их отличает от ядовитых грибов. И, наконец, гриб пробуется на вкус. Всё это позволяет воспринять новый гриб в целом с помощью имеющихся у человека органов чувств. Так человек интуитивно создает чувственный образ нового предмета, который попадает в специальное «хранилище» – память, где он находится в виде первичного виртуального представления. Для того чтобы его воспроизвести, человеку уже необязательно его непосредственно наблюдать. Тот, кто когда-нибудь долго собирал грибы, знает, что их образы потом снятся: человек под впечатлением «общения с грибами» продолжает их собирать ночью во сне. Виртуальная реальность, создаваемая сознанием человека, активно участвует в обработке полученной информации о предмете в процессе непосредственного контакта с ним на уровне чувств. Таким образом, мы можем утверждать, что создаваемая человеком искусственная виртуальная реальность (компьютерная и прочая) базируется на природной способности нашего сознания.

В режиме реального познания окружающего мира ощущения, чувственное обобщение (восприятие), первичные виртуальные представления и абстрактное мышление – неразделимы. Умелое использование их в процессе познания и есть искусство мышления. Условно считается, что чувства подготавливают абстрактное восприятие предмета с помощью простейших логических операций, которые в логике называются приёмами формирования понятий: сравнение, анализ, абстрагирование, синтез и обобщение.

Основной задачей абстрактного мышления является нахождение с помощью этих операций таких признаков предмета, которые позволили бы его отличить от множества других. Например, грибы как класс имеют свои собственные признаки, по которым легко их отличить от других растений. В свою очередь различные грибы имеют свои признаки, по которым мы так же

легко отличаем рыжик от подосиновика, подосиновик от подоабка, подоабков от груздя и т.д.

В формальной логике принято выделять различные виды понятий. С точки зрения этой науки, понятия можно классифицировать по объему и по содержанию. По объему понятия делятся на единичные, общие и пустые.

Объем единичного понятия составляет одноэлементный класс (например, «великий американский писатель Теодор Драйзер»; «река Кама»). Объем общего понятия включает число элементов, большее единицы (например, «велосипед», «компьютер» и др.).

Среди общих понятий особо выделяют понятия с объемом, равным универсальному классу, т. е. классу, в который входят все предметы, рассматриваемые в данной области знания или в пределах данных рассуждений (эти понятия называются универсальными). Например, натуральные числа – в арифметике, растения – в ботанике и др.

Кроме общих и единичных понятий по объему выделяют понятия пустые (с нулевым объемом), т. е. такие, объем которых представляет пустой класс (например, «вечный двигатель», «человек, проживший 300 лет», «Снегурочка», «Дед Мороз», персонажи сказок, басен и др.)

По содержанию в формальной логике принято выделять следующие четыре пары понятий.

1. Конкретные и абстрактные понятия. Конкретными называются понятия, в которых отражены одноэлементные или многоэлементные классы предметов (как материальных, так и идеальных). К их числу относятся понятия «школа», «опера», «Александр Македонский», «землетрясение» и др.

Абстрактными называются понятия, в которых мыслится не предмет, а какой-либо из признаков предмета, взятый отдельно от самого предмета (например, «белизна», «несправедливость», «честность»). В действительности существуют белые одежды, несправедливые действия, честные люди, но «белизна» и «несправедливость» как отдельные чувственно воспринимаемые вещи не существуют. Абстрактные понятия кроме отдельных свойств предмета отражают и отношения между предметами (например, «неравенство», «подобие», «тождество», «сходство» и др.).

2. Относительные и безотносительные понятия. Относительные – это такие понятия, в которых мыслятся предметы, существование одного из которых предполагает существование другого («дети» – «родители», «ученик» – «учитель», «начальник» – «подчиненный», «северный полюс магнита» – «южный полюс магнита»)³⁵.

Безотносительные – это такие понятия, в которых мыслятся предметы, существующие самостоятельно, вне зависимости от другого предмета («карандаш», «город», «овца», «сильное наводнение»).

3. Положительные и отрицательные понятия. Положительные понятия характеризуют в предмете наличие того или иного свойства или отношения.

³⁵ Не надо путать относительные понятия с понятиями типа: «больше», «равно», «позже», выражающими отношения.

Например, «грамотный человек», «алчность», «отстающий ученик», «красивый поступок» и т. д.³⁶

Если частица «не» или «без» («бес») слились со словом и слово без них не употребляется (например, «ненастье», «беспечность», «безупречность», «ненависть», «неряха»), то понятия, выраженные такими словами, также называются положительными. В русском языке нет понятия «нависть» или «настье», и частица «не» в приведенных примерах не выполняет функцию отрицания, а поэтому понятия «ненастье», «ненависть» и другие являются положительными, так как они характеризуют наличие у предмета определенного качества (может быть, даже и плохого — «неряха», «беспечность»).

Отрицательными называются те понятия, которые означают, что указанное свойство отсутствует в предметах (например, «неграмотный человек», «некрасивый поступок», «ненормальный режим», «бескорыстная помощь»). Эти понятия в языке выражены словом или словосочетанием, содержащим отрицательную частицу «не» или приставку «без» («бес»), присоединенную к соответствующему положительному понятию и выполняющую функцию отрицания.

4. Собираемые и несобираемые понятия. Собираемыми называются понятия, в которых группа однородных предметов мыслится как единое целое (например, «полк», «стадо», «стая», «созвездие»). Например, об одном дереве мы не можем сказать, что это лес; один корабль не является флотом, а один футболист не составляет футбольную команду. Собираемые понятия бывают общими (например, «роща», «детский хор») и единичными («созвездие Большая Медведица», «Государственная научная педагогическая библиотека им. К. Д. Ушинского Российской Академии образования»).

Содержание несобираемого понятия можно отнести к каждому предмету данного класса, мыслимого в понятии («ручка», «река», «игрушка», «растение»). При этом будут возникать истинные суждения. Например, о каждом данном растении можно сказать, что оно является растением, и это утверждение является истинным.

В суждениях (высказываниях) общие и единичные понятия могут употребляться как в несобираемом (разделительном), так и в собираемом смысле. Возьмем суждение: «Все яблоки в этой корзине спелые». В нем понятие «яблоко в этой корзине» является общим и употребляется в несобираемом смысле, т. е. каждое отдельное яблоко

³⁶ В логике понятие «алчность» является положительным, так как указывает на присущность предмету (в данных случаях человеку) определенного признака — «быть алчным». Логическая характеристика понятия иногда не совпадает с оценками предметов, отраженными в понятии (например, с моральной). Разумеется, алчный человек вызывает не положительную, а резко отрицательную оценку. Понятие «стихийное бедствие» в логике квалифицируется как положительное, хотя в жизни стихийное бедствие, рассматривается как отрицательное, нежелательное явление, приносящее людям много горя, разрушений, бед.

является спелым. В суждении «Все яблоки в этой корзине весят 5 кг» понятие «яблоки в этой корзине» употреблено в собирательном смысле, так как они весят 5 кг все вместе, а не каждое в отдельности.

Таким образом, с позиции процесса познания как искусства мыслить понятию можно дать несколько определений.

Понятие, с точки зрения формальной логики, это форма абстрактного мышления, в которой на основе существенных признаков обобщаются в некоторый класс и выделяются предметы.

Понятие, с точки зрения художественно-образного мышления, – это образ вещи, который легко запоминается, тиражируется среди людей, способствуя осмыслению вещи большим количеством людей.

Понятие, с точки зрения подсознания, – это некая эмоционально волнующая субстанция, стимулирующая логическое её прояснение.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что понятие с позиции искусства мышления, это процесс познания, который предполагает «осмысление» видимых вещей на уровне подсознания, художественно-образного и логического мышления.

Резюме

Некая способность человека просчитывать свои поступки и поступки других не есть мышление. Мышление – категория эстетическая, то есть область человеческой морали, требующая «чувственного суда» совести и таинственно-возвышенного контроля души. Между тем большинство людей пребывает в твёрдом убеждении, что умение прагматично организовывать свою жизнедеятельность и добиваться в процессе её «материальных успехов» и есть признак мыслящего человека. Это опасная подмена содержания понятия приводит к вульгарному упрощению смысла жизни человека до элементарного удовлетворения своих материальных потребностей.

У человечества накоплен значительный опыт познания окружающего мира на основе логического мышления. Наступил период необходимости произвести глобальное переосмысление процесса познания, с учётом имеющегося, но не полноценно осмысленного потенциала подсознания и чувственного восприятия. Расширение границ нашего представления о себе самих как важной, но всё-таки частице окружающего мира может дать новую информацию о смысле материального воплощения нашего разума в виде особого биофизического субъекта.

Наиболее близка к позиции равно субъектного познания окружающего мира с помощью природного мышления художественная литература. Человеческий опыт художественного отображения действительности традиционно относят к области чувственного познания человека.

Но счастливая жизнеспособность художественной литературы объясняется тем, что при определяющей роли чувственного мировосприятия в процессе её создания ей не чужды также идеи интуитивного трансцендентального отражения психофизических особенностей личности в

литературном произведении на уровне подсознания и умозрительного отражения социальной действительности на уровне художественно-образного и понятийного мышления. Причём в литературном произведении доминировать может какой-то один из этих «способов мышления».

Надо сказать, что литературе, в сравнении с другими видами искусств, очень повезло. Главное средство её – слово имеет уникальные свойства, которые соединяют в себе преимущества звукового, зрительного и смыслового восприятия. Сказанное относится, прежде всего, к письменной литературе.

Чрезмерно развитое понятийное мышление человека нанесло колоссальный ущерб значению слова. Акцентирование на одном лишь его свойстве – коммуникативности – привело к его обезличиванию и обесцениванию. Увы, из плоскости накопления и передачи глобальной информации очень высокого потенциального уровня оно перешло на более низкий бытовой имитационный уровень. Слово потеряло для человека присущую ему некогда трансцендентальную силу. В подавляющем большинстве случаев оно употребляется человеком как заурядное средство для передачи информации.

Лучшие писатели всех стран мира всегда стояли на страже сохранности животворящих качеств слова, которое одновременно развивает и обеспечивает экзистенциальную связь с подсознанием, художественно-образным и логическим мышлением человека. В этом смысле русская литература – одна из самых крепких мировых³⁷ «застав».

Возвращаясь в целом к вопросу познания, надо отметить, что для формирования собственного образа мышления в контексте понимания его как искусства желательно произвести сравнительный анализ родственных, но не тождественных понятий «знак», «имя» и «понятие». Знак – это материальный предмет (явление, событие), выступающий в качестве представителя некоторого другого предмета, свойства или отношения и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи сообщений (информации). С точки зрения формальной логики, понятие «знак» гораздо шире понятия «имя».

«Особый интерес среди разных выражений языка представляют имена. Попадая в совершенно незнакомое место, человек тут же снабжает его именем: «незнакомое место». Даже не имеющая имени вещь оказывается обладательницей имени – она так и называется: «вещь без имени» (А.Ф. Лосев). По мнению академика, имя имеет многослойную, сложную структуру. Она состоит и «до-предметной сущности имени», состоящей из звукового, фонетического, символического, смыслового и идейного тел. И предметной (эйдетической) сущности имени (схема, топос, эйдос в узком смысле, символ, миф), которая формируется «при помощи неизбежно-логических и притом формально-логических методов мысли», т.е. при помощи абстрактного логического мышления.

³⁷ Мировых – от русских понятий «мировое соглашение», «строить всем миром», т.е. сообща, складчину, на общественных началах.

Что представляет собой понятие как форма абстрактного мышления?

Отдельные предметы и их свойства отражаются с помощью форм эмпирического познания – ощущений, восприятий и представлений, которые предмет «Искусство мышления» изучает вместе с абстрактным мышлением.

Если человек встречается с каким-то предметом он его, как правило, сначала наблюдает, т.е. видит. Например, мы нашли (увидели) в тайге неизвестный нам гриб. Сначала мы непременно его трогаем (осязаем). Потом гриб желательно понюхать – ощутить с помощью обоняния: у съедобных грибов имеется специфический запах, который их отличает от ядовитых грибов. И, наконец, гриб пробуется на вкус. Всё это позволяет воспринять новый гриб в целом с помощью имеющихся у человека органов чувств. Так человек интуитивно создает чувственный образ нового предмета, который попадает в специальное «хранилище» – память, где он находится в виде первичного виртуального представления. Для того чтобы его воспроизвести, человеку уже не обязательно его непосредственно наблюдать. Тот, кто когда-нибудь долго собирал грибы, знает, что их образы потом снятся: человек, под впечатлением «общения с грибами», продолжает их собирать ночью во сне. Виртуальная реальность, создаваемая сознанием человека, активно участвует в обработке полученной информации о предмете в процессе непосредственного контакта с ним на уровне чувств. Таким образом, мы можем утверждать, что создаваемая человеком искусственная виртуальная реальность (компьютерная и прочая) базируется на природной способности нашего сознания.

В режиме реального познания окружающего мира ощущения, чувственное обобщение (восприятие), первичные виртуальные представления и абстрактное мышление – неразделимы. Умелое использование их в процессе познания и есть искусство мышления.

Таким образом, с позиции процесса познания как искусства мыслить понятию можно дать несколько определений.

Понятие, с точки зрения формальной логики, это форма абстрактного мышления, в которой на основе существенных признаков обобщаются в некоторый класс и выделяются предметы.

Понятие, с точки зрения художественно-образного мышления, – это образ вещи, который легко запоминается, тиражируется среди людей, способствуя осмыслению вещи большим количеством людей.

Понятие, с точки зрения подсознания, – это некая эмоционально волнующая субстанция, стимулирующая логическое её прояснение.

На основании вышеизложенного мы можем сделать вывод, что понятие с позиции искусства мышления, это процесс познания, который предполагает «осмысление» видимых вещей на уровне подсознания, художественно-образного и логического мышления.

Термины для запоминания:

Содержание понятия – это совокупность отраженных в нем признаков предметов.

Объем понятия – это множество (класс) предметов (элементов), каждому из которых принадлежат признаки, относящиеся к содержанию понятия.

Конкретные понятия – это те, в которых отражены одноэлементные или многоэлементные классы предметов (как материальных, так и идеальных)

Абстрактные понятия – это те, в которых мыслится не предмет, а какой-либо из признаков предмета, взятый отдельно от самого предмета или отношения между предметами.

Относительные понятия — это те, в которых мыслятся предметы, существование одного из которых предполагает существование другого.

Безотносительные понятия — это те, в которых мыслятся предметы, существующие самостоятельно, вне зависимости от другого предмета.

Положительные понятия характеризуют в предмете наличие того или иного свойства или отношения.

Отрицательные понятия – это те, которые означают, что указанное свойство отсутствует в предметах.

Собирательные понятия – это те, в которых группа однородных предметов мыслится как единое целое.

Общее понятие – собирательное, в котором вся группа однородных предметов мыслится как единое целое. Маркируется смысловым индикатором (квантором) «все», «мы» и т.п.

Частное понятие – собирательное, в котором группа однородных предметов мыслится как часть единого целого. Маркируется смысловым индикатором (квантором) «некоторые», «большинство», «меньшинство» и т.п.

Несобирательное понятие можно отнести к каждому предмету данного класса, мыслимого в понятии.

Единичное понятие – как правило, несобирательное, которое можно отнести к одному единственному предмету, явлению, событию.

Гипер-ноэзис – «сверх-умное мышление», т. е. мышление, которое по своим качественным характеристикам превосходит логическое.

Логосфера – (от греч. logos – слово, учение, наука и sphaira – сфера), качественно новый этап эволюции биосферы, означающий преобладание во взаимоотношениях человека и природы строго научного подхода, когда все взаимоотношения общества и биосферы будут строиться на строго научной основе.

Синкретичный вид познания – от «синкретичное мышление». Синкретическое и комплексное мышление отличаются высокой степенью структурной целостности, нерасчлененности и недифференцированности, оплазмирующей в себе те фрагменты, полюса, оппозиции, выделением

которых обычно достигается структурирование на рационально-логическом уровне.

Сакральное (от англ. sacral и лат. sacrum – священное, посвященное богам) – в широком смысле всё, имеющее отношение к божественному, религиозному, небесному, потустороннему, иррациональному, мистическому, отличающееся от обыденных вещей, понятий, явлений.

Семиотика – общая теория знаков

Ташизм – в живописи «искусство случайных цветовых соотношений», «искусство случая».

Трансцендентальная сущность – (от лат. Transcendens) – выходящий за пределы, в данном случае сущность, выходящая за пределы установленных традиционных функций слова: коммуникация, отображение действительности в сознании человека и т.п.

Утилитарное – рассчитанное только на получение пользы, выгоды, достижение узкопрактических целей.

Эйдос (др.-греч. – вид, облик, образ) – термин античной философии и литературы, первоначально обозначавший «видимое», «то что видно», но постепенно получивший более глубокий смысл – «конкретная явленность абстрактного», «вещественная данность в мышлении»; в общем смысле – способ организации и/или бытия объекта. В средневековой и современной философии – категориальная структура, интерпретирующая исходную семантику какого-либо понятия.

1.6. Искусство определения содержания понятий

«Законы действительности запечатлелись в человеческом языке, как только он начал возникать... Мудрость языка настолько же превосходит любой человеческий разум, насколько наше тело лучше ориентируется во всех деталях жизненного процесса, протекающего в нем, чем мы сами»

С. Лем

«Можно сказать: «Я друг этого дома», но нельзя сказать: «Я друг этого деревянного дома». Из этого следует, что, говоря о предметах, нужно скрывать их качества...»

Л. П. Чехов

«Само собой понятное и очевидное не следует определять: определение лишь затемнит его»

Б. Паскаль

Вы узнаете:

- В чем заключается глубина определения понятия.

- В чем разница между явным и неявным определением.
- В чем сущность определений путем показа и определений-аксиом.
- Каким должно быть классическое родо-видовое определение.
- Какие существуют приемы, сходные с определением понятий.
- А также о границах эффективных определений.

В данном параграфе нашего учебно-методического пособия мы будем в основном опираться на мнение А.А. Ивина, изложенное им в главе «Искусство определения» в его пособии «Искусство правильно мыслить». Ученый совершенно справедливо в начале его заметил: «Одним из самых надежных способов, предохраняющих от недоразумений в общении, исследовании, споре, является определение, или дефиниция. Цель определения – уточнение содержания используемых понятий»³⁸.

«Важность определений подчеркивал еще Сократ, говоривший, что он продолжает дело своей матери, акушерки, и помогает родиться истине в споре. Анализируя вместе со своими оппонентами различные случаи употребления конкретного понятия, он стремился прийти в конце концов к его прояснению и определению.

В самом общем смысле определение – это логическая операция, раскрывающая содержание понятия. Определить понятие – значит указать, что оно означает, выявить признаки, входящие в его содержание.

Определяя, например, термометр, мы указываем, что это – во-первых, прибор, и, во-вторых, именно тот, с помощью которого измеряется температура. Давая определение понятию «термин», мы говорим, что это слово или сочетание слов, имеющее точное значение и применяемое в науке, технике или искусстве.

Содержание не всех понятий поддается столь простому их определению. Прежде чем определить содержание понятия, необходимо определить его место в родовой иерархии. То есть произвести логическую операцию деления. Посредством её объем делимого понятия распределяется на известные классы (множества) с точки зрения некоторого признака. Посредством операции деления раскрывается объем того или иного понятия, выясняется, из каких подмножеств состоит множество, соответствующее делимому понятию. Так, по строению листьев множество деревьев может быть подразделено на два подмножества: лиственные деревья и хвойные деревья. Иногда говорят не о делении объема понятия, а просто о делении понятия. Делимое понятие есть понятие, подлежащее делению. Подмножества, которые получаются в результате деления понятия, называются членами деления. Признак, по которому производится деление, называют основанием деления. Деление может быть произведено по признаку, выступающему в различных вариантах (разновидностях). Так, треугольники по признаку величины угла могут быть подразделены на

³⁸ Здесь и далее почти дословно по содержанию главы «Искусство определения» из учебного пособия А.А.Ивина «Искусство правильно мыслить».

прямоугольные, тупоугольные и остроугольные именно потому, что признак величины угла может выступать как признак прямоугольности, тупоугольности и остроугольности.

Получившиеся в результате деления подмножества (члены деления) могут, в свою очередь, подвергаться делению. Такой вид деления называется последовательным. При выполнении операции логического деления должны соблюдаться следующие правила:

1. *Деление должно быть соразмерным.* Это значит, что объем делимого понятия должен быть равен сумме объемов членов деления. Например, это правило будет нарушено, если все леса разделить на хвойные и лиственные (пропущен член деления: смешанные).

2. *Деление на каждом его этапе должно производиться по одному основанию (признаку).* Мы нарушим это правило, если, например, разделим международные договоры на справедливые, несправедливые, устные и письменные: сначала международные договоры мы разделили по признаку их равноправности, а затем – по признаку формы их заключения.

3. *Члены деления должны исключать друг друга.* Пример, связанный с нарушением этого правила: «Войны бывают справедливые, несправедливые и освободительные» (освободительные войны входят в объем справедливых).

4. *Деление должно быть непрерывным.* Не будет непрерывным, например, такое деление: «Грамматические предложения бывают простыми, сложносочиненными и сложноподчиненными». На первом этапе следовало бы грамматические предложения подразделить на простые и сложные, а затем сложные подразделить на сложносочиненные и сложноподчиненные.

Одним из самых сложных и по сегодняшний день остается содержание понятия «человек». Современная наука, опираясь на теорию эволюции видов Ч. Дарвина, относит (классифицирует) человека к такому виду животного мира, как млекопитающие. Но не всё человечество однозначно принимает эту точку зрения. Большое количество верующих людей, эзотериков, некоторая часть философов и т.п. с этим не согласны, и не потому, что они «дремучие» невежды.

Очевидно, на всех стадиях развития человеческого мышления этому понятию давалось соответствующее особенностям этого периода развития мышления определение. Например, в обозримом прошлом Европейская культура интенсивно начала осмысливать содержание этого понятия в Древней Греции.

А.А. Ивин в книге «Искусство правильно мыслить» приводит такой пример: «Философ Платон определил человека как двуногое бесперое существо. Действительно, из всех живых существ двуногие – только птицы и люди. Но все птицы покрыты перьями, «двуногими бесперыми» являются, таким образом, только люди. В «ответ» на такое определение Платоном человека философ Диоген оципал цыпленка и бросил его к ногам Платона со словами: «Вот твой человек». После этого Платон уточнил свое определение: человек – это двуногое бесперое существо с широкими ногтями.

Еще один философ охарактеризовал человека как существо с мягкой мочкой уха. По какому-то капризу природы оказалось, что из всех живых существ только у человека мягкая мочка уха.

Одна из задач определения – отличить и отграничить определяемый предмет от всех иных. И определение Платона, и определение, ссылающееся на мягкую мочку уха, позволяют безошибочно и просто отделять людей от всех иных существ.

Но можно ли сказать, что в этих определениях раскрывается какое-то глубокое содержание понятия «человек»? Конечно, нет. Они ориентированы на сугубо внешние и случайные особенности человека и ничего не говорят о нем по существу. Разве человек перестал бы быть самим собою, если бы его ногти были несколько поуже или мочка уха твердой? Пожалуй, нет.

Помимо отграничения определяемых предметов, к определению обычно предъявляется также требование раскрывать сущность этих предметов. С этим требованием и связаны чаще всего сложные проблемы определения конкретных понятий. Легко отличить предметы, подпадающие под понятие по каким-то поверхностным, несущественным признакам, вроде широких ногтей или мягкой мочки уха. Но сложно сделать это по глубинным, существенным признакам предметов, делающим последние тем, чем они являются.

Дать хорошее определение – значит раскрыть сущность определяемого объекта. Но сущность, как правило, не лежит на поверхности. Кроме того, за сущностью первого уровня всегда скрывается более глубокая сущность второго уровня, за той – сущность третьего уровня и так до бесконечности. Эта возможность неограниченного углубления в сущность даже простого объекта делает понятными те трудности, которые встают на пути определения, и объясняет, почему определения, казалось бы, одних и тех же вещей меняются с течением времени. Углубление знаний об этих вещах ведет к изменению представлений об их сущности, а значит, и их определений.

Необходимо также учитывать известную относительность сущности: существенное для одной цели может оказаться второстепенным с точки зрения другой цели. Скажем, в геометрии для доказательства разных теорем могут использоваться разные, не совпадающие между собой определения понятия «линия». И вряд ли можно сказать, что одно из них раскрывает более глубокую сущность этого понятия, чем все остальные.

Венгерский писатель И. Рат-Вег в своей «Комедии книги» упоминает некоего старого автора, чрезвычайно не любившего театр. Отношение к театру этот автор считал настолько важным, что определял через него всё остальное. «Рай, – писал он, – это место, где нет театра; дьявол – изобретатель театра и танцев; короли – люди, которым особенно позорно ходить в театр и покровительствовать актерам, и т. п.» Разумеется, эти определения поверхностны со всех точек зрения. Со всех, кроме одной: тому,

кто всерьез считает театр источником всех зол и бед, существующих в мире, определения могут казаться схватывающими суть дела.

Таким образом, определение может быть более глубоким и менее глубоким, и его глубина зависит, прежде всего, от уровня знаний об определяемом предмете. Чем лучше и глубже мы его знаем, тем больше вероятность, что нам удастся найти хорошее его определение.

Писатель Ф. Рабле оставил знаменитое определение человека как животного, которое смеется. Уже в нашем веке французский философ А. Бергсон также усматривал – не без иронии, понятно, – отличительную особенность человека в способности смеяться и особенно в способности смешить других. Неуклюжие или забавные движения животного могут вызвать смех. Но животное никогда не задается специально целью рассмешить. Оно не смеется само и не пытается смешить других. Только человек смеется и смешит.

Писатель Ж. Кардан определял человека как существо, способное к обману и постоянно обманывающее и себя, и других. Склонный к пессимизму и меланхолии философ А. Шопенгауэр считал человека трагическим животным, которому недостает инстинкта для уверенных, безошибочных действий, а появившийся у него разум не в состоянии этот инстинкт всецело заменить.

Перечень подобных определений можно было бы продолжить. На протяжении долгого времени их выдвигалось множество. Однако они не только многочисленны, но и явно неглубоки, так как решают по преимуществу задачи отграничения человека от других живых существ, но оставляют в стороне вопрос о его сущности.

Интерес этих определений в другом. Их обилие хорошо оттеняет тот факт, что чем сложнее объект, чем он многограннее, тем большее число определений можно ему дать. В частности, в наше время, когда осознана уникальная сложность человека, резко возросло число предлагаемых его определений. Человека определяют как «разумное существо». Но его определяют и как «экономическое существо», и как «существо, использующее символы», и как «эстетическое существо» и т. д. Все эти и подобные им определения схватывают какие-то отличительные черты человека. Но подлинной глубины здесь нет. Из того, что человек очень озабочен своими экономическими проблемами, нельзя ничего заключить относительно его отношения к прекрасному, и наоборот. Из широкого использования человеком символов нельзя извлечь никакого знания об экономической, эстетической и других сторонах его жизни. Хорошее же определение должно не только отличать человека от всех иных существ. Оно должно содержать в конденсированном виде достаточно полную его характеристику, из которой вытекают бы другие важные его особенности».

Таким образом, А.А. Ивин косвенно в своем пособии признает субъективную основу познания человеком объективно существующего мира,

которая непосредственно связана с индивидуальной совокупностью идей, заключенных в его сознании, которые постоянно видоизменяются под воздействием информации, заложенной в него на генетическом уровне, и информации, формирующейся под воздействием внешней социальной среды.

Из этого ученый заключает: «Больше всего поражает в операции определения, пожалуй, многообразие тех конкретных форм, в которых она практически осуществляется. Задача этой операции, как мы уже выяснили, проста – раскрыть содержание понятия. Но способы, какими это достигается, очень и очень разнообразны.

Прежде всего, нужно отметить различие между явными и неявными определениями. Первые имеют форму равенства, совпадения двух понятий. Общая схема таких определений: «А есть (по определению) В». Здесь А и В – два понятия, причем не имеет принципиального значения, выражается каждое из них одним словом или сочетанием слов. Явными являются, к примеру, определения: «Абракадабра – это бессмыслица», «Пролегомены – это введение», «Молекула есть мельчайшая частица вещества, сохраняющая все химические свойства этого вещества». Неявные определения не имеют формы равенства двух понятий. Всякий отрывок текста, всякий контекст, в котором встречается интересующее нас понятие, является в некотором смысле неявным его определением. Контекст ставит понятие в связь с другими понятиями и тем самым косвенно раскрывает его содержание.

Допустим, нам не вполне ясно, что такое удаль, и мы хотели бы получить ее определение. Можно обратиться к словарю и там найти определение (скажем, такое: «Удаль – безудержная, лихая смелость»). Но можно также взять текст, в котором встречается слово «удаль», и попытаться из характера связей этого слова с другими понять, что именно оно означает.

«Удаль. В этом слове, – пишет Ф. Искандер, – ясно слышится – даль. Удаль – это такая отвага, которая требует для своего проявления пространства, дали.

В слове «мужество» – суровая необходимость, взвешенность наших действий, точнее, даже противодействий. Мужество от ума, от мужчинства. Мужчина, обдумав и осознав, что в тех или иных обстоятельствах жизни, защищая справедливость, необходимо проявить высокую стойкость, проявляет эту высокую стойкость, мужество. Мужество ограничено целью, цель продиктована совестью.

Удаль, безусловно, предполагает риск собственной жизнью, храбрость. Но, взглядевшись в понятие «удаль», мы чувствуем, что это неполноценная храбрость. В ней есть самонакачка, опьянение. Если бы устраивались состязания по мужеству, то удаль на эти соревнования нельзя было бы допускать, ибо удаль пришла бы, хватив допинга. Удаль требует пространства, воздух пространства накачивает искусственной смелостью, пьянит. «Опьяненному» человеку жизнь – копейка. Удаль – это паника, бегущая вперед. Удаль рубит налево и направо. Удаль – возможность рубить,

всё время удаляясь от места, где уже лежат порубленные тобой, чтобы не задумываться: а правильно ли я рубил? А все-таки красивое слово: удаль! Утоляет тоску по безмыслию». В этом отрывке нет, конечно, явного определения удалы. И тем не менее можно хорошо понять, что представляет собой удаль и как она связана с отвагой, мужеством.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова «охота» определяется как «поиски, выслеживание зверей, птиц с целью умерщвления или ловли». Это определение звучит сухо и отрешенно. Оно никак не связано с горячими спорами о том, в каких крайних случаях оправданно убивать или заточать в неволю зверей, птиц. В коротком стихотворении «Формула охоты» поэт В. Бурич так определяет охоту и свое отношение к ней:

*«Черта горизонта,
Птицы в числителе,
рыбы в знаменателе.
Умноженные на дробь выстрела
и переменный коэффициент удочки
дают произведение,
доступное каждой посредственности».*

Завзятый охотник может сказать, что эта образная характеристика охоты субъективна и чересчур эмоциональна. Но, согласитесь, она явно богаче и красками, и деталями, относящимися к механизму охоты, чем сухое словарное определение.

В контексте слово является «живым». Вырванное из контекста и помещенное в словарь, оно подобно организму, помещенному в банку с формалином и выставленному на обозрение.

Почти все определения, с которыми мы встречаемся в обычной жизни, – это контекстуальные определения. Никакой словарь не способен исчерпать всего богатства значений отдельных слов и всех оттенков этих значений. Слово познается и усваивается не на основе сухих и приблизительных словарных разъяснений. Употребление слов в живом и полнокровном языке, в многообразных связях с другими словами – вот источник полноценного знания как отдельных слов, так и языка в целом. Контекстуальные определения, какими бы несовершенными они ни казались, являются фундаментальной предпосылкой владения языком.

Еще одна интересная разновидность неявных определений – это так называемые остенсивные определения, или определения путем показа. Нас просят объяснить, что представляет собой жираф. Мы, затрудняясь сделать это, ведем спрашивающего в зоопарк, подводим его к клетке с жирафом и показываем: «Это и есть жираф».

Определения такого типа напоминают обычные контекстуальные

определения. Но контекстом здесь является не отрывок какого-то текста, а ситуация, в которой встречается объект, обозначаемый интересующим нас понятием. В случае с жирафом – это зоопарк, клетка, животное в клетке и т. д. Остенсивные определения, так же как и все контекстуальные определения, отличаются некоторой незавершенностью, неокончателностью.

Определение посредством показа не выделяет жирафа из его окружения и не отделяет того, что является общим для всех жирафов, от того, что характерно для данного конкретного их представителя. Единичное, индивидуальное слито в таком определении с общим, тем, что свойственно всем жирафам. Человек, которому впервые показали жирафа, вполне может подумать, что жираф всегда в клетке, что он всегда вял, что вокруг него постоянно толпятся люди и т. д.

Остенсивные определения – и только они – связывают слова с вещами. Без них язык – только словесное кружево, лишенное объективного, предметного содержания. Определить путем показа можно, конечно, не все понятия, а только самые простые, самые конкретные. Далеко не все остенсивно определимо. Показ лишен однозначности, не отделяет важное от второстепенного, а то и вовсе не относящегося к делу. Все это так. Но без остенсивных определений нет языка как средства постижения окружающего мира. Не всякое слово можно напрямую связать с вещами. Но важно, чтобы какая-то опосредствованная связь все-таки существовала. Слова, полностью оторвавшиеся от видимых, слышимых, осязаемых и т. п. вещей, бессильны и пусты.

Частым и важным для науки случаем контекстуальных определений являются аксиоматические определения, т. е. определения понятий с помощью аксиом. Аксиомы – это утверждения, принимаемые без доказательства. Совокупность аксиом какой-то теории является одновременно и свернутой формулировкой этой теории, и тем контекстом, который неявно определяет все входящие в нее понятия.

Откуда мы знаем, например, что такое точка, прямая, плоскость? Из аксиом геометрии Евклида. Они являются тем ограниченным по своему объему текстом, в котором встречаются данные понятия и с помощью которого мы устанавливаем их значения.

Чтобы узнать, что представляют собой масса, сила, ускорение и т. п., мы обращаемся к аксиомам классической механики И. Ньютона. «Сила равна массе, умноженной на ускорение», «сила действия равна силе противодействия» – эти положения не являются, конечно, явными определениями. Но они раскрывают, что представляет собой сила, указывая связи этого понятия с другими понятиями механики.

Принципиальное отличие аксиоматических определений от всех иных контекстуальных определений в том, что аксиоматический контекст строго ограничен и фиксирован. Он содержит все, что необходимо для понимания входящих в него понятий. Он ограничен по своей длине, а также по своему

составу. В нем есть все необходимое и нет ничего лишнего.

Аксиоматические определения – одна из высших форм научного определения понятий. Не всякая теория способна определить свои исходные понятия аксиоматически. Для этого требуется относительно высокий уровень развития знаний об исследуемой области. Изучаемые объекты и их отношения должны быть также сравнительно просты.

Точку, линию и плоскость Евклиду удалось определить с помощью немногих аксиом еще две с лишним тысячи лет назад. Но как охарактеризовать с помощью нескольких утверждений такие сложные, многоуровневые и многоаспектные объекты, как общество, история или разум? Аксиоматический метод здесь вряд ли был бы уместен. Он только огрубил бы и исказил реальную картину».

Каким же должно быть определение? – Задает себе вопрос А.А. Ивин и отвечает: «В явных определениях отождествляются, приравниваются друг к другу два понятия. Одно из них – определяемое понятие, содержание которого требуется раскрыть, другое – определяющее понятие, решающее эту задачу.

Обычное определение метафоры: «Метафора – это оборот речи, заключающий скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения». Определяющая часть выражается словами «оборот речи, заключающий...» и слагается из двух частей. Сначала понятие метафоры подводится под более широкое понятие «оборот речи». Затем метафора отграничивается от всех других оборотов речи. Это достигается указанием признаков, присущих только метафоре и отсутствующих у эпитета, метонимии и всех иных оборотов, с которыми можно было бы спутать метафору.

Определения этого типа принято называть определениями через род и видовое отличие. Их общая схема: «А есть В и С». Здесь А – определяемое понятие, В – понятие, более общее по отношению к А (род), С – такие признаки, которые выделяют предметы, обозначаемые А, среди всех предметов, обозначаемых В (видовое отличие).

Родо-видовое определение – один из самых простых и распространенных способов определения. В словарях и энциклопедиях подавляющее большинство определений относится именно к этому типу. К явным определениям и, в частности, к родо-видовым предъявляется ряд достаточно простых и очевидных требований. Их называют обычно правилами определения.

Правило первое. Определяемое и определяющее понятия должны быть взаимозаменяемы. Если в каком-то предложении встречается одно из этих понятий, всегда должна существовать возможность заменить его другим. При этом предложение, истинное до замены, должно остаться истинным и после нее. Это правило формулируется как *правило соразмерности определяемого*

и определяющего понятий: совокупности предметов, охватываемые ими, должны быть одними и теми же.

Соразмерны, например, понятия «горельеф» и «скульптурное изображение, выступающее над плоскостью фона более чем на половину своего объема». Соразмерны также «барельеф» и «скульптурное изображение или орнамент, выступающее на плоской поверхности менее чем на половину объема изображенного предмета». Соразмерны «абсурд» и «бессмыслица». Встретив в каком-то предложении понятие «абсурд», мы вправе заменить его на «бессмыслицу», и наоборот.

Если объем определяющего понятия шире, чем объем определяемого, говорят об ошибке слишком широкого определения. Такую ошибку мы допустили бы, определив, к примеру, «горельеф» просто как «скульптурное изображение, выступающее над плоскостью фона». Барельефы оказались бы отнесенными в этом случае к горельефам.

Если объем определяющего понятия уже объема определяемого, имеет место ошибка слишком узкого определения. Такую ошибку допускает, в частности, тот, кто определяет «барельеф» как «скульптурное изображение, изготовленное из камня и выступающее на плоской поверхности менее чем на половину объема изображенного предмета». Из числа барельефов исключаются этим определением все те, которые изготовлены не из камня, а, скажем, из металла или других материалов.

Второе правило определения запрещает *порочный круг*: нельзя определять понятие через само себя или определять его через такое другое понятие, которое, в свою очередь, определяется через него.

Содержат очевидный круг определения «Жизнь есть жизнь» и «Поэзия – это поэзия, а не проза». Задача определения – раскрыть содержание ранее неизвестного понятия и сделать его известным. Определение, содержащее круг, разъясняет неизвестное через него же. В итоге неизвестное так и остается неизвестным. Истину можно, к примеру, определить как верное отражение действительности, но только при условии, что до этого верное отражение действительности не определялось как такое, которое дает истину.

Третье правило говорит, что определение должно быть ясным. Это означает, что в определяющей части могут использоваться только понятия, известные и понятные тем, на кого рассчитано определение. Желательно также, чтобы в ней не встречались образы, метафоры, сравнения и все то, что не предполагает однозначного и ясного истолкования.

Можно определить, к примеру, пролегомены как пропедевтику. Но такое определение будет ясным лишь для тех, кто знает, что пропедевтика – это введение в какую-нибудь науку.

Не особенно ясны и такие определения как «Дети – это цветы жизни», «Архитектура есть застывшая музыка», «Овал – круг в стесненных обстоятельствах», «Арба – повозка, на которой третье колесо является

пятым» и т.п. Они образны, иносказательны, ничего не говорят об определяемом предмете прямо и по существу, каждый человек может понимать их по-своему.

Ясность не является, конечно, абсолютной и неизменной характеристикой. Ясное для одного может оказаться не совсем понятным для другого и совершенно темным и невразумительным для третьего. Представления о ясности меняются с углублением знаний. На первых порах изучения каких-то объектов даже не вполне совершенное их определение может быть воспринято как успех. Но в дальнейшем первоначальные определения начинают казаться все более туманными. Встает вопрос о замене их более ясными определениями, соответствующими более высокому уровню знания.

Определение всегда существует в некоем контексте. Оно однозначно выделяет и отграничивает множество рассматриваемых вещей, но делает это только в отношении известного их окружения. Чтобы отграничить, надо знать не только то, что останется в пределах границы, но и то, что окажется вне нее. Можно, например, сказать, что копытные – это животные, которые ходят на кончиках пальцев или «на цыпочках». При этом никто, разумеется, не спутает лошадей, коров и других животных с балеринами, которые иногда передвигаются по сцене на кончиках пальцев.

Интересно отметить, что наши обычные загадки представляют собой, в сущности, своеобразные определения. Формулировка загадки – это половина определения, его определяющая часть. Отгадка – вторая половина – определяемая часть.

«Утром – на четырех ногах, днем – на двух, вечером – на трех. Что это?» – «Это – жизнь человека».

Контекстуальный характер определений хорошо заметен на некоторых вопросах, подобных загадкам. Сформулированные для конкретного круга людей, они могут казаться странными и даже непонятными за его пределами.

Древний китайский буддист Дэн Инь-фен однажды задал такую «загадку»: *«Люди умирают сидя и лежа, некоторые умирают даже стоя. А кто умер вниз головой?»* – *«Мы такого не знаем»*, – ответили ему. Тогда Дэн встал на голову и... умер.

Сейчас такого рода «загадка» кажется абсурдом, но в то давнее время, когда жил Дэн, в атмосфере полемики с существующими обычаями и ритуалом, его «загадка» и предложенная им «разгадка» показались вполне естественными. Во всяком случае его сестра, присутствовавшая при этом, заметила только: *«Живой ты, Дэн, пренебрегал обычаями и правилами, и вот теперь, будучи мертвым, опять нарушаешь общественный порядок!»*

Лет 200-300 тому назад в большом ходу были разного рода сборники правил хорошего тона. Вот как в одной из таких книг – «Свойства порядочного человека» – определялся порядочный человек: *«Он соединяет*

благовоспитанность с физическими и умственными достоинствами. Он должен выглядеть изящно, быть хорошим танцором, наездником, охотником, но при этом обладать ученостью, остроумием, умением вести беседу и знанием света. Под «знанием света» подразумевается: любезно, но крайне почтительно обходиться с дамами; молчать о своих добрых качествах, но с готовностью хвалить чужие; не злословить ни о ком; при любых обстоятельствах хранить выдержку и полное самообладание...»

Как отнестись к этому определению? Можно ли сказать, что оно описывает «порядочных людей» своего времени? Вряд ли. Рисуемый им образ слишком идеален, чтобы быть сколь-нибудь распространенным. Может быть, это определение является абстрактным требованием? Тоже едва ли. Хотя в определении силен момент идеализации, оно все-таки исходит в чем-то из реальной жизни и ориентировано в конечном счете на нее.

Колебания такого рода обычны, когда мы анализируем определения. В большинстве своем определения соединяют элементы описания с элементами требования, или предписания.

Возьмем обычный толковый словарь. Его задача – дать достаточно полную картину стихийно сложившегося употребления слов, описать те значения, которые придаются им в обычном языке. Но составители словарей ставят перед собою и другую цель – нормализовать и упорядочить обычное употребление слов, привести его в определенную систему. Словарь не только описывает, как реально используются слова. Он указывает также, как они должны правильно употребляться. Описание здесь соединяется с требованием. Различие между описанием и требованием существенно. Описать предмет – значит перечислить те признаки, которые ему присущи. Описание, соответствующее предмету, является истинным, не соответствующее – ложным.

Иначе обстоит дело с требованием. Его функция отлична от функции описания. Описание говорит о том, каким является предмет, требование же указывает, каким он должен быть.

«Вода кипит» – это описание, и если вода на самом деле кипит, оно истинно. «Нагрейте воду до кипения!» – это требование, и его нельзя, конечно, считать истинным или ложным.

Определения, решающие задачи описания каких-то объектов, принято называть реальными. Определения, выражающие требование, какими должны быть объекты, называются номинальными. Иногда, впрочем, под номинальными определениями понимаются не все определения-требования, а только определения, вводящие в язык новые языковые выражения или уточняющие уже существующие. Это понимание не является, однако, достаточно последовательным: оно не дает возможности однозначно отграничить номинальные определения от реальных.

От реальных определений мы вправе требовать, чтобы они давали

верное описание действительности, были истинными. Номинальные определения, подобно всем иным требованиям, не являются ни истинными, ни ложными. Удачное номинальное определение характеризуется как эффективное, целесообразное и т. п.»

«Об определениях спорили всегда и продолжают спорить теперь. Однако в этих спорах есть одна тонкость, которую важно понять правильно.

Споры об определениях разных типов – реальных и номинальных – принципиально отличаются друг от друга.

Реальное определение – это описание какой-то совокупности объектов. От него требуется, чтобы оно раскрывало сущность рассматриваемых объектов и тем самым однозначно отграничивало их от всех других вещей. Проверка правильности такого определения заключается в сопоставлении его с описываемой областью. Адекватное описание – истинно, описание, не соответствующее реальной ситуации, – ложно. Споры относительно реальных определений – это обычные споры по поводу истинности наших утверждений о действительности.

Иначе обстоит дело с номинальными определениями. Они не описывают что-то, а требуют это реализовать. Поэтому спор здесь будет не об истинности некоторого описания, а о целесообразности, эффективности, правомерности и т. п. выдвигаемого требования.

Итак, определение любого вида, в принципе, может быть предметом полемики или дискуссии. Но спорить об определениях-требованиях нужно иначе, чем об определениях-описаниях.

Определение – прекрасное средство против неясности наших понятий и рассуждений. Но при его использовании нужно, как и в случае любых других средств, чувствовать и соблюдать меру.

Прежде всего, невозможно определить абсолютно все, точно так же как невозможно доказать все. Определение сводит неизвестное к известному, не более. Оно всегда предполагает, что есть вещи, известные без всякого определения и разъяснения, ясные сами по себе и не требующие дальнейших уточнений с помощью чего-то еще более очевидного.

«Неясное» и «неопределимое», как правильно заметил Честертон, вовсе не одно и то же. Как раз наиболее ясное, «само собой понятное и очевидное», по выражению Паскаля, меньше всего нуждается в определении, а зачастую и просто не допускает его.

Определения действуют в довольно узком интервале. С одной стороны, он ограничен тем, что признается очевидным и не нуждающимся в особом разъяснении, сведении к чему-то еще более известному и очевидному. С другой стороны, область успешного применения определений ограничена тем, что остается пока еще недостаточно изученным и понятным, чтобы дать ему точную характеристику.

Попытка определить то, что еще не созрело для определения, способна создать только обманчивую видимость ясности.

Известно, что наиболее строгие определения встречаются в науках, имеющих дело с абстрактными объектами. Легко определить, скажем, квадрат, конус, совершенное или нечетное число. С трудом даются определения конкретных, реально существующих вещей, взятых во всем многообразии присущих им свойств.

Казалось бы, что может быть проще такой элементарной частицы, как электрон. И тем не менее, хотя с момента его открытия прошло не так уж много времени, ему давались уже десятки разных определений. Процесс углубления знаний даже о простом электроны, в сущности, бесконечен. И каждому из этапов этого процесса соответствует свое определение электрона. Геометрические же или арифметические определения, относящиеся к абстрактным объектам, остаются неизменными в течение тысячелетий.

На эту сторону дела когда-то обращал внимание Гегель. И она действительно важна. В разных областях знаний возможности определения различны. Нельзя требовать, допустим, от этики, изучающей сложные явления нравственности, таких же строгих и точных определений, как от математики.

Определение того, что связано с человеком, свойствами его личности и особенностями поведения, вообще представляет особую сложность. Возьмем, к примеру, такую черту человека, как интеллигентность. Мы без колебаний оцениваем некоторых людей как «подлинно интеллигентных», другим отказываем в этом качестве. Наша оценка принимает во внимание уровень образования человека, его общую культуру, но не только. Она опирается на сложный комплекс свойств самого человека, на наши субъективные ощущения, и ее нелегко суммировать в общем определении. Хорошо говорит об этом писатель Д. Гранин: «...Интеллигентность – это чисто русское, а сейчас чисто советское понятие. В зарубежных словарях слово «интеллигент» имеет в скобках – «русск.» Оно для них русское, так же как теперь слово «гласность». Определить интеллигентность, сформулировать, что это такое, по-моему, до сих пор еще никому не удавалось. Есть ощущение интеллигентности, как ощущение порядочности. Я считаю, что интеллигенция – это цвет нации, цвет народа. Я встречал неинтеллигентных людей среди ученых, даже крупных, и знаю прекрасных интеллигентов среди рабочих. Это понятие для меня не классовое, не должностное, не образовательного ценза, оно вне всех этих формальных категорий, иное – какое-то духовное понятие, которое соединяется в чем-то с понятием порядочности, независимости, хотя это разные вещи.

...В нечеловеческих условиях интеллигентность, духовность помогала не пасть в нравственную бездну, выжить не за счет других, не расчеловечиться. Что не свойственно интеллигенту – мы все понимаем. Он не может быть человеком, поступающим против совести, бесчестным,

шовинистом, хамом, стяжателем. Есть какие-то рамки. Но это, конечно, не определение».

Нет сомнения в том, что определения важны. Но из этого еще не следует, что чем больше вводится определений, тем точнее становятся наши рассуждения.

Искусство определения как раз в том и состоит, чтобы использовать определения тогда, когда это требуется существом дела. При этом следует обращаться именно к тем формам определений, которые наиболее уместны в конкретной ситуации. В одном случае полезным может быть явное родовидовое определение, в другом – контекстуальное, в третьем – определение путем указания на интересующий предмет и т. д.

Упрямо требовать везде и всюду точных и притом именно популярных родовидовых определений – значит не считаться с реальными обстоятельствами и проявлять негибкость мышления.

В одном руководстве по пожарному делу содержалось такое определение: «Сосуд, имеющий форму ведра с надписью «пож. вед.» и предназначенный для тушения пожаров, называется пожарным ведром». Стремление определять все, что попадает на глаза и что, возможно, ни в каких определениях не нуждается, в лучшем случае порождает, как в этом примере, банальности.

В науке, как и в любых других областях (художественной литературе, публицистике), определение ценно не само по себе. Оно должно быть естественным итогом и закономерным выводом предшествующего процесса изучения или художественного отображения предмета. Подводить же итоги на каких-то начальных стадиях этого процесса, все равно, что считать цыплят до прихода осени.

Не может быть успешно определено то, что еще не созрело для определения. «Но есть еще одна разновидность неопределимого, – пишет Г.К. Честертон. – Существуют выражения, которые все употребляют и никто не может объяснить. Мудрый примет их почтительно, как примет он страсть или мрак. Придиры и спорщики потребуют, чтобы он выразил свою мысль яснее, но, будучи мудрым, он откажется наотрез. Первое, необъяснимое выражение и есть самое важное. Его не определишь, значит, и не заменишь. Если кто-нибудь то и дело говорит «вульгарно» или «здорово», не думайте, что слово это бессмысленно, если он не может объяснить его смысла. Если бы он мог объяснить его другими словами, он бы их употребил. Когда Боевой Петух, тонкий мыслитель, твердил Тутсу: «Это низость! Это просто низость!», он выражался как нельзя более мудро. Что еще мог он сказать? Нет слова для низости, кроме слова низость. Надо опуститься очень низко, чтобы ее определить. Именно потому, что слово неопределимо, оно и есть единственно нужное».

Разумеется, «низость» можно определить точно так же, как, скажем,

жалость, сочувствие, непосредственность и т. п. То, что имеет в виду Честертон, это, пожалуй, не столько буквальная неопределимость «низости», сколько ненужность такого определения. Слово, стоящее на своем месте, действительно является единственно нужным. Оно не нуждается в замене какими-то разъясняющими оборотами. Его смысл и без того прозрачен. Устойчивость и ясность такому слову придает та целостная система слов и их смыслов, в которую оно входит в качестве необходимого, ничем не заменимого элемента.

В художественной литературе, как известно, нет никаких определений, если не считать определенности каждого слова его окружением. В научных трудах определения – и особенно явные определения – тоже не так часты, как это может показаться, если составлять представление о научном творчестве по одним только учебникам.

Цельность и ясность художественным произведениям и научным теориям придают не столько разъяснения и ссылки на более ясное или очевидное, сколько многообразные внутренние связи понятий. Далеко не всегда эти связи приобретают форму специальных определений. Ясность и обоснованность той целостной системы, в которую входит понятие, – лучшая гарантия и его собственной ясности» (А.А. Ивин).

Поэтому многочисленные такого рода контекстуальные определения рассыпаны в живом языке как результат живого мышления человека. В формальной логике их принято называть приёмами сходными с определением понятий. Они весьма разнообразны как разнообразно поле их применения: от науки до искусства и от магии до религии.

Например, афоризмы и метафоры как определения, имеющие цель воздействовать на чувственное восприятие разного рода явлений деятельности человека, – в науке это интуитивное предсказывание направления исследования. К таким определениям можно отнести в контексте нашего предмета высказывание Ф. Ницше «Разум – это лишь внутренность сердца».

В художественной литературе и в искусстве в целом – это способ формирования духовно-нравственных ценностей на основе получаемых человеком эстетических переживаний, происходящих во время проникновения в сознание самых разнообразных неявных определений. Например, «красота – это вечность, созерцающая себя в зеркале» (Калий Джибран); «красота – это Окно в Замысел» (Виктор Гаврилов); «красота – это отсвет Бога в Его произведениях» (Дмитрий Панин); «красота – это Природа, достигшая совершенства» (О. Генри). Каждое из этих определений красоты имеет собственный смысл, который проецируется в сознание человека и при удачном стечении обстоятельств (в том числе и его внешней материальной жизни) становится ценностно-смысловой его частицей.

В письменной и устной художественной литературе неявные определения очень распространенный семантико-лингвистический прием, к

которому можно отнести не только метафоры и афоризмы, но и аллегории, идиомы (спустя рукава и т.п.), загадки, поговорки, считалки, алогизмы, наподобие оксюморона (живой труп и т.п.) и многое другое.

В публицистике – это способ эмоционально-волевого воздействия на сознание с целью управления вниманием, а через это и социальным поведением человека. Проще говоря, это одно из эффективных средств пропаганды или контрпропаганды. Например, в сознании советский людей долгие годы формировался определённый образ мышления, базировавшийся на таких художественно-публицистических определениях, как: Говорим: «Ленин!» – подразумеваем «Партия». Говорим: Партия!» – подразумеваем «Ленин» (В. Маяковский) и др. Такого рода выражения тиражировались в СМИ и становились крылатыми. То есть своеобразными политическими лозунгами, призывающими к определённому образу мысли, а, следовательно, к определённому образу ценностного самоопределения и жизнедеятельности.

Резюме

Определение – это логическая операция, раскрывающая содержание понятия. Определить понятие – значит указать, что оно означает, выявить признаки, входящие в его содержание.

Одна из задач определения – отличить и отграничить определяемый предмет от всех иных. Помимо отграничения определяемых предметов, к определению обычно предъявляется также требование раскрывать сущность этих предметов. Дать хорошее определение – значит раскрыть сущность определяемого объекта. Но сущность, как правило, не лежит на поверхности. Кроме того, за сущностью первого уровня всегда скрывается более глубокая сущность второго уровня, за той – сущность третьего уровня и так до бесконечности. Эта возможность неограниченного углубления в сущность даже простого объекта делает понятными те трудности, которые встают на пути определения, и объясняет, почему определения, казалось бы, одних и тех же вещей меняются с течением времени. Углубление знаний об этих вещах ведет к изменению представлений об их сущности.

Существуют явные и неявные определения. Первые имеют форму равенства, совпадения двух понятий. Общая схема таких определений: «А есть (по определению) В». Здесь А и В – два понятия, причем не имеет принципиального значения, выражается каждое из них одним словом или

сочетанием слов. Явными являются, к примеру, определения: «Абракадабра – это бессмыслица», «Пролегомены – это введение», «Молекула есть мельчайшая частица вещества, сохраняющая все химические свойства этого вещества».

Неявные определения не имеют формы равенства двух понятий. Всякий отрывок текста, всякий контекст, в котором встречается интересующее нас понятие, является в некотором смысле неявным его определением. Контекст ставит понятие в связь с другими понятиями и тем самым косвенно раскрывает его содержание.

Почти все определения, с которыми мы встречаемся в обычной жизни, – это контекстуальные определения. Никакой словарь не способен исчерпать всего богатства значений отдельных слов и всех оттенков этих значений. Слово познается и усваивается не на основе сухих и приблизительных словарных разъяснений. Употребление слов в живом и полнокровном языке, в многообразных связях с другими словами – вот источник полноценного знания как отдельных слов, так и языка в целом. Контекстуальные определения, какими бы несовершенными они ни казались, являются фундаментальной предпосылкой владения языком.

Еще одна интересная разновидность неявных определений – это так называемые остенсивные определения, или определения путем показа.

Частым и важным для науки случаем контекстуальных определений являются аксиоматические определения, т. е. определения понятий с помощью аксиом.

Аксиомы – это утверждения, принимаемые без доказательства. Совокупность аксиом какой-то теории является одновременно и свернутой формулировкой этой теории, и тем контекстом, который неявно определяет все входящие в нее понятия.

Принципиальное отличие аксиоматических определений от всех иных контекстуальных определений в том, что аксиоматический контекст строго ограничен и фиксирован. Он содержит все, что необходимо для понимания входящих в него понятий. Он ограничен по своей длине, а также по своему составу.

Родо-видовое определение – один из самых простых и распространенных способов определения. В определяющей части определения сначала определяется род. Например, метафора – это оборот речи. Это род этого понятия. Но оборотов речи в русском языке множество. Чтобы отличить его от других мы определяем его индивидуальные видовые признаки. В данном случае таковыми будут являться «скрытое уподобление, образное сближение слов на базе их переносного значения». К явным определениям и, в частности, к родо-видовым предъявляется ряд достаточно простых и очевидных требований. Их называют обычно правилами определения.

Правило первое – соразмерности. Определяемое и определяющее понятия должны быть взаимозаменяемы, соразмерны. Например, понятия «горельеф» и «скульптурное изображение, выступающее над плоскостью фона более чем на половину своего объема».

Второе правило определения запрещает *порочный круг*: нельзя определять понятие через само себя или определять его через такое другое понятие, которое, в свою очередь, определяется через него. Содержат очевидный круг определения «Жизнь есть жизнь» и «Поэзия – это поэзия, а не проза».

Третье правило говорит, что определение должно быть ясным. Это означает, что в определяющей части могут использоваться только понятия, известные и понятные тем, на кого рассчитано определение. Желательно также, чтобы в ней не встречались образы, метафоры, сравнения и все то, что не предполагает однозначного и ясного истолкования. Можно определить, к примеру, пролегомены как пропедевтику. Но такое определение будет ясным лишь для тех, кто знает, что пропедевтика – это введение в какую-нибудь науку.

Определения действуют в довольно узком интервале. С одной стороны, он ограничен тем, что признается очевидным и не нуждающимся в особом разъяснении, сведении к чему-то еще более известному и очевидному. С другой стороны, область успешного применения определений ограничена тем, что остается пока еще недостаточно изученным и понятным, чтобы дать ему точную характеристику.

Известно, что наиболее строгие определения встречаются в науках, имеющих дело с абстрактными объектами. Определение того, что связано с человеком, свойствами его личности и особенностями поведения, вообще представляет особую сложность. Искусство определения как раз в том и состоит, чтобы использовать определения тогда, когда это требуется существом дела. Упрямо требовать везде и всюду точных и притом именно популярных родо-видовых определений – значит не считаться с реальными обстоятельствами и проявлять негибкость мышления.

Цельность и ясность художественным произведениям и научным теориям придают не столько разъяснения и ссылки на более ясное или очевидное, сколько многообразные внутренние связи понятий. Далеко не всегда эти связи приобретают форму специальных определений. Поэтому многочисленные такого рода контекстуальные определения рассыпаны в живом языке как результат живого мышления человека. В формальной логике их принято называть приемами, сходными с определением понятий. Они весьма разнообразны, как разнообразно поле их применения: от науки до искусства и от магии до религии.

Например, афоризмы и метафоры как определения, имеющие цель воздействовать на чувственное восприятие разного рода явлений деятельности человека, в науке это интуитивное предсказывание

направления исследования. В художественной литературе и в искусстве в целом – это способ формирования духовно-нравственных ценностей на основе получаемых человеком эстетических переживаний, происходящих во время проникновения в сознание самых разнообразных неявных определений. Например, «красота – это вечность, созерцающая себя в зеркале» (Калий Джибран); «красота – это Окно в Замысел» (Виктор Гаврилов). Каждое из этих определений красоты имеет собственный смысл, который проецируется в сознание человека и, при удачном стечении обстоятельств (в том числе и его внешней материальной жизни) становится ценностно-смысловой его частицей.

В письменной и устной художественной литературе неявные определения – очень распространенный семантико-лингвистический прием, к которому можно отнести не только метафоры и афоризмы, но и аллегории, идиомы, загадки, поговорки, считалка, алогизмы и многое другое.

В публицистике – это способ эмоционально-волевого воздействия на сознание с целью управления вниманием, а через это и социальным поведением человека. Проще говоря, это одно из эффективных средств пропаганды или контрпропаганды.

Термины для запоминания:

Логическое деление понятий – логическая операция в процессе которой объем делимого понятия распределяется на известные классы (множества) с точки зрения некоторого признака. Посредством операции деления раскрывается объем того или иного понятия, выясняется, из каких подмножеств состоит множество, соответствующее делимому понятию.

Определение – логическая операция, которая раскрывает содержание понятия или устанавливает значение термина.

Явные определения имеют форму равенства, совпадения двух понятий. Общая схема таких определений: «А есть (по определению) В».

Неявные определения не имеют формы равенства двух понятий (определяемого и определяющего).

Контекстуальное определение – неявное, представленное в определенном тексте в виде описания, метафоры, сравнение и т.п.

Номинальное определение обозначает предмет или термин. Например, «флорой называют видовой состав растений, произрастающих на той или иной территории».

Остенсивное определение – определение предмета путем его показа.

Реальное определение – это перечисление существенных признаков

предмета, мыслимых в понятии. Например, «трапеция – четырёхугольник, у которого две стороны параллельны, а две другие – не параллельны».

Аксиоматическое определение – определения понятий с помощью аксиом. Аксиомы – это утверждения, принимаемые без доказательства.

Классическое определение – явное определение, которое дается понятию через его родовые и видовые признаки. Например, стол – это разновидность мебели (родовой признак), которая имеет столешницу, расположенную горизонтально на уровне человека, осуществляющего свою деятельность, в положении сидя (видовые признаки).

РАЗДЕЛ II. ИСКУССТВО ДИАЛОГА С ВНУТРЕННИМ «Я» И ОБЩЕСТВОМ

2.1. Общая характеристика диалогичности мышления

*«Все образы карнавала двуедины,
они объединяют в себе оба полюса смены и кризиса:
рождение и смерть (образ беременной смерти),
благословение и проклятие...
хвалу и брань, юность и старость,
глупость и мудрость»*

*«Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность,
всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний...»*

М. М. Бахтин

*«Умение ставить вопросы –
существенный признак ума...
Мыслить, значит говорить с самим собой,
-значит внутренне слышать себя самого»*

Кант

«Диалогичная сущность потенцированного

*бытия проявляется в том,
что бытие чрез человека беседует с самим собой»*
Франкл

Вы узнаете:

- О феномене диалогичности речи как языковом выражении диалогичности мышления.
- О диалогичной природе индивидуального и группового рефлексирования.
- Что решение проблем диалога - это решение проблем человеческого бытия.
- О том, что кто изучает диалог, тот изучает человека.
- Что такое «смысловая позиция» и как направить её на мирное разрешение противоречий, с помощью совместно сформулированных для обсуждения вопросов.
- В чём смысл общения со своим внешним «Я».
- Об экстралингвистических основаниях диалогичности мышления в процесс научной и творческой деятельности.
- О диалогичности мышления как форме самоконтроля.
- В чём суть диалога-унисона и диалога спора.
- Какие существуют основные функции выражения социально-смысловой диалогичности.
- Как связаны между собой понятия «диалогичность» и риторический идеал».
- О диалогичной природе профессиональной деятельности журналиста и педагога.

На диалогичность природы мышления человечество обратило внимание ещё в древнейшие времена. Решение любых задач, которые человек ставит перед собой в быту, социальной деятельности или познании протекает как процесс постановки вопросов и поиска ответов на них. Этот процесс имеет вид обыкновенных наших житейских рассуждений. Мы рассуждаем, разговаривая со своим вторым «Я», с близкими людьми, с однокурсниками, с коллегами по работе, с посторонними людьми в местах общественного пользования (транспорте, магазине, кинотеатре и т.п.), с государственными чиновниками, врачами, преподавателями и др. Мы можем заочно обращаться с вопросами к правительству, президенту, ведущей телепередаче, мы заочно вступаем в виртуальный диалог с автором статьи или книги. А разве кто-нибудь из нас не ловил себя на мысли, что он

разговаривает с домашними животными, растениями в тайге или огороде как с живыми людьми? А шепот наших бабушек перед иконой: «Боже; Господи Иисусе Христе, Сыне Божий; Боже наш; Царю Небесный, Утешителю, душе истины; Святы́й Боже, Святы́й крепкий, Святы́й бессмертный; Пресвятая Троице; Святы́й; Отче наш; Блаже; Господи; Спасе; Владыко Человеколюбче...» - разве это не диалог с чем-то таинственным и потусторонним, но сущим в душе наших родителей»³⁹.

Существование феномена диалогичности речи как языкового выражения диалогичности мышления так же подтверждается многочисленными современными психологическими исследованиями природы диалога⁴⁰, результаты которых доказывают диалогичность мышления и всего сознания человека в целом. По данным Г.М. Кучинского, процесс речемыслительной деятельности человека диалогичен, он протекает в форме внутреннего диалога, представляющего собой речевую форму взаимодействия различных точек зрения, выражаемых одним и тем же индивидом.

Логика рассуждения особенно наглядна, когда оно выражается в диалогичной форме — форме вопросов и ответов. Это было показано уже античными мыслителями. Сам термин «диалектика» возникает от формы общения древних философов в виде бесед-диалогов. Стоики Диоген Лаэртский, Сенека форму диалектического рассуждения трактовали как рассуждение в вопросах и ответах. Диалектика в диалогах Платона обозначала, прежде всего, умение задавать вопросы и отвечать на них. Записанные им сократовские беседы, которые ныне в педагогике именуются как эвристические, - образец организации процесса познания, который, благодаря вопросам учителя выглядит как совместный поиск учителем и учеником ответов на поставленные вопросы.

Эвристическую беседу условно можно назвать технологией группового рефлексирования в форме диалога. Цель такой беседы – совместное групповое определение содержания неизвестного или недостаточно осмысленного понятия. Понятие «эвристика, (отыскиваю, открывая – в переводе с греческого), от которого произошло это определение, имеет несколько значений: а) специальные методы, используемые в процессе открытия нового (эвристическая деятельность, в т.ч. и беседа); б) наука, изучающая продуктивное творческое мышление; в) восходит к сократовскому методу обучения в форме беседы-диалога (или другое название - сократовская беседа). Данная методика относится к майевтике, которая обозначается как припоминание знаний, находящихся в подсознании человека и отражает его взаимосвязь со всем сущим на земле и в космосе (человек – это микрокосмос). Т.е. майевтика - это извлечение скрытых в

³⁹ Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи 9; Лаптева 1976: 52; Йотов 1977; Кожина 1981: 192–193 и др.

⁴⁰ Библер 1975; Научное творчество 1969; Тихомиров 1969; Кучинский 1983; Познание 1988; Загадка 1991 и др.; см. также: Кожина 1981: 194–200 и др.

человеке знаний, с помощью наводящих вопросов, что и делал во время своих бесед Сократ.

Исходя из вышеизложенного, мы можем предложить следующее определение: *эвристическая беседа* – это рассуждение-диалог, с помощью которого в процессе познания осуществляется открытие содержания новых или прояснения старых понятий.

Многие авторы в наиболее сложных случаях, стремясь к предельной ясности изложения, прибегали к такому рассуждению-диалогу. Главные труды Галилея «Диалог о двух главнейших система мира» (1632), «Беседы и математические доказательства» (1638) были построены в форме диалога. Фундаментальная работа Джордано Бруно называлась «Диалоги». И ныне нередко современные авторы (И. Лакатос, Д. Пойя и др.) используют диалоги как наиболее убедительную форму рассуждения, доказательства.

Аналізу диалогичности мышления посвящена монография В. С. Библера «Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога». Центральной мыслью В. С. Библера является положение, что «каждый человек в той мере, в какой он мыслит творчески, осуществляет свое мышление во внутреннем мысленном диалоге с самим собой».

«Решение проблем диалога,— подчеркивает Г. Я. Буш,— это решение проблем человеческого бытия. Человеческий мир диалогичен. Диалогичны слово, мысль, деятельность и общение человека. Диалогичен сам процесс становления человека, диалогична его сущность. Кто изучает диалог, тот изучает человека»⁴¹.

Глядя на деятельность современного человека, мы вынуждены признать, что Г.Я.Буш прав. Об этом прямо свидетельствуют постоянно присутствующие в мире конфликты, возникающие на межнациональной и религиозной основе, экологические катаклизмы и многие другие социальные проблемы, для решения которых человеку (человечеству) необходимо уметь «договариваться» с принципиально равными себе людьми, природой, космосом.

В отечественном научном познании основы теории диалога были заложены в 20–30 гг. XX в. трудами М.М. Бахтина, В.Полонского, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского. Знаменательно, что уже в это время понятие диалога связывается с реализацией диалогичности мышления, с его социальной сущностью. В работах этих ученых диалог предстает как форма речи, где наиболее полно реализуется коммуникативная функция языка.

Понятие диалога трактуется по-разному. При этом большинство лингвистов объединяет подход к диалогу как к одной из форм речи, присущей главным образом устному виду общения. Однако в исследованиях о диалоге было отмечено, что критерии различения монолога и диалога оказываются нечеткими и потому эти понятия иногда сближаются, а нередко

⁴¹ Библер 1975; Научное творчество 1969; Тихомиров 1969; Кучинский 1983; Познание 1988; Загадка 1991 и др.; см. также: Кожина 1981: 194–200 и др.

оказываются взаимоисключающими. Отсюда закономерно был сделан вывод об условности границ между диалогом и монологом.

Наиболее глубокая трактовка диалога представлена в трудах М.М. Бахтина, который считал социальную сущность диалога главной для характеристики этой формы речевого общения, поскольку диалог пронизывает собою всю речь. При этом диалогические отношения высказываний представляют собой смену «смысловых позиций».

Смысловая позиция – это выражение жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта, явления. В диалоге сходятся две позиции, между которыми и возникают диалогические отношения. «Событие жизни текста, т.е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов»⁴².

В процессе диалога смысловые позиции, вступивших в него людей, не уничтожаются. Они могут корректироваться, преобразовываться, стать «материалом» для формулирования третьей точки зрения. Диалог как вид речевого взаимодействия по своей социальной сути ближе к дискуссии, чем, например, к полемике или другим деструктивным формам спора. Если диалог и можно назвать спором то только таким, который направлен на мирное, совместное разрешение противоречий, совместно сформулированных и предложенных для обсуждения вопросов.

В этом случае надо с другими общаться так, как бы вы хотели, чтобы они общались с вами. Хороший урок в этом смысле можно вынести из наблюдения за общением со своим вторым «Я». Это общение всегда направлено на поиск компромисса. И он обязательно, несмотря на порой ужасные внешние обстоятельства, находится. В противном случае человек будет запрограммирован на самоуничтожение. Т.е. психологически человек сконструирован таким образом, чтобы он в любых обстоятельствах стремился к самосохранению. Важнейшая социальная задача человечества состоит в том, чтобы этот «инстинкт самосохранения» не перенести, а распространить на сообщество людей, чтобы охранить его от риска взаимного уничтожения.

Для этого необходимо лучше понять особенности общения человека со своим вторым «Я». Именно этим и занимался М.М. Бахтин. Ему удалось проникнуть и во внутренний диалог, в котором также взаимодействуют различные смысловые позиции, но уже не разных субъектов (как в двусторонней речи), а одного и того же субъекта (с учетом внутреннего «Я»). Этот же аспект был глубоко проанализирован современным психологом Г.М. Кучинским в плане решения смысловых задач⁴³.

Исходя из положений М.М.Бахтина и с учетом результатов исследований философов, науковедов, психологов в функциональной стилистике был сделан, в частности, вывод о том, что «языковое общение в принципе диалогично, более того, диалогичность – это форма существования языка в речи. Таким образом, диалогичность наиболее явно эксплицируется

⁴² Бахтин М.М. Автор и герой. – М., 2000.- С. 303.

⁴³ Кучинский Г.М. Мышление и диалог. – Минск, 1983.

(проявляется) в собственно диалоге как форме речи, но пронизывает и другую ее форму – монолог. Следовательно, диалогичность свойственна не только внешне диалогическим текстам (фиксированный знаками разговор двоих), но и монологическим. По утверждению Э. Вайганда, «язык... должен восприниматься как особый постоянно функционирующий диалог, а смысл высказываний заключается в самом факте их использования при создании диалога».

Помимо коммуникативно-лингвистического аспекта, диалогичность имеет экстралингвистическое основание. С точки зрения науковедов, коммуникация – это процесс связи, общения ученых, в том числе через письменный текст. Любая научно-практическая конференция это может подтвердить. Во-первых, в программе такого рода научных форумов активно используются такие формы межличностного общения как круглые столы, мастер-классы, дискуссии и т.п. Во-вторых, по итогам научно-практических конференций издаются сборники научных статей, в которых содержится обширный материал для продолжения диалога с потенциальными его читателями. В-третьих, само это мероприятие происходит в публичном пространстве, которое имеет свойство реагировать на происходящее в форме выступлений в СМИ (репортажи, интервью, комментарии и т.п.), в виде проведения презентаций научной литературы, встреч с потенциальными социальными партнёрами и т.п.

Диалогичность – неотъемлемое свойство творческого, в том числе и научного мышления (как внутренний диалог со вторым «Я» или явный – со своим оппонентом), она помогает лучше понять истину и проверить ход решения проблемы, а, в конечном счете – убедительнее доказать ее другим. Диалогичность состоит в установке на коммуникацию в познавательно-речевой ситуации. Любая книга, а тем более журнал или альманах, художественный или документальный фильм, публицистическое выступление в печатных или телевизионных СМИ, спектакль, концерт и многое другое – это разновидности общения авторов со своей аудиторией.

Самый яркий пример – творческий фестиваль, который может стать настоящей ярмаркой различных форм общения авторов с читателями, слушателями, зрителям и другими потребителями культурных ценностей. Например, в начале двухтысячных годов в Иркутской области проводился фестиваль авторской песни «БАРД-ак», в программе которого были: выступление-общение известных или начинающих авторов самодетельной песни с любителями этого музыкально-поэтического жанра; мастер-классы авторов-исполнителей, поэтов, художников; премьеры спектаклей народных театров, с последующим их обсуждением; формальные и неформальные дискуссии, круглые столы; публичное обсуждение-осмысление прошедшего культурного мероприятия в местных и региональных СМИ.

Диалогичность мышления проявляется в форме самоконтроля, корректировки, в вопросно-ответных связях⁴⁴, в форме оценки смысловых позиций предшественников и современников (А.Н. Соколов, С.Л.

⁴⁴ Кучинский Г.М. Мышление и диалог. – Минск, 1983.

Рубинштейн). С древнейших времен до настоящего времени одной из самых популярных форм такого самоконтроля является личный дневник. Эту литературную форму можно представить в виде эпистолярного жанра, в виде послания потомкам, записок и т.п. Но будь это духовное завещание В.Монаха «Поучения детям» (ок. 1117 г.) или личный дневник Тани Савичевой из блокадного Ленинграда, который десятилетняя девочка писала до последнего своего дыхания (последняя запись – «Савичевы умерли все...») – это одновременный диалог со своим внутренним «Я» и с внешней социальной средой.

Диалогичность, таким образом, представляет собой некую «двуслойность» по следующим основаниям: в ней совмещаются диалог эгоцентрический и собственно открыто коммуникативный, предполагающий взаимодействие и общение с другим лицом. Поэтому диалогичность письменной научной речи заключает в себе и отражение основной черты собственно диалога – реплицирования, направленности речи на адресата, кроме того, учет в организации текста его реакций, а также взаимодействие смысловых позиций коммуникантов (как разных субъектов, так и одного)⁴⁵.

В своё время вывод о принципиальной диалогичности письменных научных текстов был сделан на основе комплексного подхода, т.е. с учетом результатов исследований психологов, философов, науковедов. Диалогичность теперь рассматривается как фундаментальное свойство речи, это всеобщий ее признак, выступающий как речевая реализация коммуникативной и познавательной функции языка. Наиболее явно она эксплицируется (проявляется) в собственно диалоге как форме речи, но «пронизывает» собою и другую ее форму – монолог.

И монолог, и диалог – это формы мышления. А мышление изначально диалогично, так как не может существовать только в режиме констатации фактов. Этот режим используется сознанием только для сбора необходимой информации для последующего «обсуждения» её со своим внутренним «Я» или субъектами внешней среды для принятия тех или иных решений. Таким образом, монолог это только разновидность диалогического мышления.

Об этом же свидетельствуют современные научные исследования психологии общения. В частности, в них утверждается, что при выражении диалогичности информативного характера представляются сведения, хорошо известные автору, но не читателю (сообщение для другого), при выражении же очень близкого ему диалога-унисона подчеркивается согласованность разных мнений.

Кроме того, существуют различные классификации собственно диалога. В частности, Э. Бенвенист, А.Н. Леонтьев и другие выделяют диалог-унисон (согласованность точек зрения, подтверждение одного мнения другим), диалог-спор (несогласие).

Авторы подчёркивают, что диалог-унисон и диалог-спор, как правило, характеризуются явной оценочностью, степень выраженности, которой в тексте и сопровождающая ее экспрессия (эмотивность) возрастают от

⁴⁵ Кучинский Г.М. Мышление и диалог. – Минск, 1983. – С.28.

первого ко второму. Учёными замечено, что именно отрицательная оценка более экспрессивна и связана с воздействием на адресата. А.Р. Балаян выделяет диалог по степени модальной насыщенности (модальный диалог), в частности полемику, и диктальный – выяснение, уточнение каких-либо фактов.

И действительно, если мы сравним уровень оценочности и эмоциональности таких разновидностей споров, как дискуссия, полемика, эклектика и софистика то без труда заметим, что необходимость использования только корректных приёмов в дискуссии и, напротив, использование некорректных приёмов в эклектике, позволяет говорить о более категориальной оценке и ярко выраженной экспрессии именно в последней разновидности спора, которая относится к модальному диалогу и диалогу-спору, участники которого не утруждают себя соблюдением моральных принципов.

Диалогичность выступает как одна из центральных текстовых категорий и может быть исследована и описана в общем плане (как свойство текста) и – специально – как одна из социальных категорий стиля. Об этом мы подробнее поговорим в параграфе 2.3.

Выявляется круг средств – маркеров диалогичности. Здесь имеются в виду языковые средства, как непосредственно способствующие выражению диалогичности (свойственные оформлению диалога), так и не являющиеся в системе русского языка собственно средствами выражения социальной диалогичности. Таким образом, термин «средства выражения диалогичности» достаточно условен, поэтому используется термин «маркеры диалогичности».

Выделяются следующие функции средств выражения социально-смысловой диалогичности: 1) репрезентации плана речи «третьих» лиц (цитаты, ссылки и т.п.); 2) указания на характер взаимодействия смысловых позиций (авторские комментарии к позиции собеседника в виде вводных слов «напротив», «наоборот», «однако» и других симантическо-экспрессивных конструкций т.п.); 3) экспликации автодиалогичности (автоинтервью, дневник самонаблюдения и т.п.); 4) побуждения (активизация внимания собеседника или читателя, например, в процессе интервью, беседы, детективном рассказе и т.п.).

Социальный смысл диалогичности мышления непосредственно связан с общением. Именно общение способствует включению сознания человека в процесс мышления и познания. Диалогичное мышление в общении направленно на обнаружение противоречий, постановку и решение задач. В процессе общения, взаимодействуя с другими людьми и миром, человек осуществляет мышление, в котором можно выделить три вида социальной направленности, отличающиеся «вектором» целей и формируемых смыслов: 1) познание предметов и явлений окружающего мира; 2) познание самого себя; 3) познание других. О том, что специфично для мышления в процессе общения более подробно мы поговорим в параграфе 2.2.

А.К. Михальская оперирует понятием «диалогичность» при описании признаков, формирующих основы риторического идеала, понимаемого как система «наиболее общих ожиданий и требований к хорошей речи» (А.К. Михальская). Исходя из положения о том, что диалогичность является отражением характера отношений «говорящий – слушающий», социальной иерархии участников общения, исследователь различает две оппозиции «монологичность/диалогичность речи» – по содержанию и по форме.

В стилистике понятие диалогичности монологической речи долгое время рассматривалось на материале художественной речи, и здесь понятие диалогичности соприкасается и соотносится с понятием драматургичности, драматизированности монолога, с одной стороны (А.Виноградов), и с понятием полифоничности повествования, то есть его способности аккумулировать, соединять в себе разные субъектно-речевые сферы, чужое слово, – с другой⁴⁶.

В этом смысле можно говорить о драматургии не только в художественных или, например, публицистических произведениях, а публичных выступлениях вообще, которые внешне имеют вид монологической речи.

Безусловно, существует особая драматургия взаимоотношений автора с героями своих произведений, которая отражает особенности его общения как со своим внутренним «Я», так и с обществом, т.е. с читателями. Таковыми можно назвать типичные сюжеты на тему «Отцы и дети»⁴⁷, в которых диалог между основными героями это, одновременно, диалог поколений, между представителями различных политических движений, эстетических направлений и, наконец, самого автора со своим вечным оппонентом – внутренним «Я».

В этом смысле, например, вполне диалогичны такие виды профессиональной деятельности как журналистика и педагогика. Даже когда журналист или педагог не использует интерактивные методы (беседы, интервью, дискуссии, круглые столы, тренинги и т.п.) и внешне его речевая деятельность напоминает монолог (в статье, репортаже, очерке, во время чтения лекции и т.п.), он вынужденно мыслит, а значит, задает, по крайней мере, себе вопросы и сам же на них публично, т.е. для всех отвечает. Кроме того, он непременно апеллирует к сознанию и стремится управлять вниманием читателя, слушателя и зрителя. Драматургия таких взаимоотношений предполагает сомыслие и ответную поведенческую и интеллектуальную реакцию.

Подводя итог нашей общей характеристике диалогичности мышления, мы можем констатировать, что оно неперемное условие познания человеком окружающего мира и себя как его части. Уровень развития диалогичности мышления во многом определяет интеллектуально-духовный

⁴⁶ Бахтин М.М. Автор и герой. – М., 2000.

⁴⁷ «Отцы и дети» - в одноименном романе И.С.Тургеньева, линия Балконских в романе «Война и мир» Л.Н.Толстого, в советских романах «Даурия», «Вечный зов» и др.

уровень человека. Поэтому человек, не имеющий патологических отклонений, идентифицировавший себя мыслящим существом, на протяжении всей жизни стремится цивилизованно общаться со своим внутренним «Я», с референтным окружением, с обществом и окружающей природой.

Резюме

На диалогичность природы мышления человечества обратило внимание ещё в древнейшие времена. Решение любых задач, которые человек ставит перед собой в быту, социальной деятельности или познании протекает как процесс постановки вопросов и поиска ответов на них. Этот процесс имеет вид обыкновенных наших житейских рассуждений.

Существование феномена диалогичности речи как языкового выражения диалогичности мышления так же подтверждается многочисленными современными психологическими исследованиями природы диалога, результаты которых доказывают диалогичность мышления и всего сознания человека в целом.

Сам термин «диалектика» возникает от формы общения древних философов в виде бесед-диалогов. Стоики Диоген Лаэртский, Сенека форму диалектического рассуждения трактовали как рассуждение в вопросах и ответах. Диалектика в диалогах Платона обозначала, прежде всего, умение задавать вопросы и отвечать на них. Записанные им сократовские беседы, которые ныне в педагогике именуются как эвристические, - образец организации процесса познания, который, благодаря вопросам учителя выглядит как совместный поиск учителем и учеником ответов на поставленные вопросы.

«Решение проблем диалога,— подчеркивает Г. Я. Буш,— это решение проблем человеческого бытия. Человеческий мир диалогичен. Диалогичны слово, мысль, деятельность и общение человека. Диалогичен сам процесс становления человека, диалогична его сущность. Кто изучает диалог, тот изучает человека».

Понятие диалога трактуется по-разному. При этом большинство лингвистов объединяет подход к диалогу как к одной из форм речи, присущей главным образом устному виду общения. Однако в исследованиях о диалоге было замечено, что критерии различения монолога и диалога оказываются нечеткими и потому эти понятия иногда сближаются, а нередко оказываются взаимоисключающими. Отсюда закономерно был сделан вывод об условности границ между диалогом и монологом.

Наиболее глубокая трактовка диалога представлена в трудах М.М. Бахтина, по его мнению, диалогические отношения высказываний представляют собой смену «смысловых позиций». Смысловая позиция – это выражение жизненной позиции, точки зрения, определенного понимания факта, явления. В диалоге сходятся две позиции, между которыми и возникают диалогические отношения. В процессе диалога смысловые

позиции, вступивших в него людей, не уничтожаются. Они могут корректироваться, преобразовываться, стать «материалом» для формулирования третьей точки зрения. В этом случае надо с другими общаться так, как бы вы хотели, чтобы они общались с вами. Хороший урок в этом смысле можно вынести из наблюдения за общением со своим вторым «Я». Это общение всегда направлено на поиск компромисса.

Диалогичность наиболее явно проявляется в собственно диалоге как форме речи, но пронизывает и другую ее форму – монолог. Следовательно, диалогичность свойственна не только внешне диалогическим текстам, но и монологическим.

Помимо коммуникативно-лингвистического аспекта, диалогичность имеет экстралингвистическое основание. С точки зрения ученых, коммуникация – это процесс связи, общения ученых, в том числе через письменный текст.

Диалогичность – неотъемлемое свойство творческого в том числе и научного мышления (как внутренний диалог со вторым «Я» или явный – со своим оппонентом), она помогает лучше понять истину и проверить ход решения проблемы, а, в конечном счете – убедительнее доказать ее другим. Диалогичность состоит в установке на коммуникацию в познавательно-речевой ситуации.

Диалогичность мышления проявляется в форме самоконтроля, корректировки, в вопросно-ответных связях, в форме оценки смысловых позиций предшественников и современников.

И монолог, и диалог – это формы мышления. А мышление изначально диалогично, так как не может существовать только в режиме констатации фактов. Этот режим используется сознанием только для сбора необходимой информации для последующего «обсуждения» её со своим внутренним «Я» или субъектами внешней среды для принятия тех или иных решений. Таким образом, монолог это только разновидность диалогического мышления.

Существуют различные классификации собственно диалога. В частности, Э. Бенвенист, А.Н. Леонтьев и другие выделяют диалог-унисон (согласованность точек зрения, подтверждение одного мнения другим), диалог-спор (несогласие).

Диалогичность выступает, как одна из центральных текстовых категорий и может быть исследована и описана в общем плане (как свойство текста) и – специально – как одна из социальных категорий стиля.

Выделяются следующие функции средств выражения социально-смысловой диалогичности: 1) репрезентации плана речи «третьих» лиц (цитаты, ссылки и т.п.); 2) указания на характер взаимодействия смысловых позиций (авторские комментарии к позиции собеседника и т.п.); 3) экспликации автодиалогичности (автоинтервью, дневник самонаблюдения и т.п.); 4) побуждения (активизация внимания собеседника или читателя, например, в процессе интервью, беседы, детективном рассказе и т.п.).

А.К. Михальская оперирует понятием «диалогичность» при описании признаков, формирующих основы риторического идеала, понимаемого как система «наиболее общих ожиданий и требований к хорошей речи».

В стилистике понятие диалогичности монологической речи долгое время рассматривалось на материале художественной речи, и здесь понятие диалогичности соприкасается и соотносится с понятием драматургичности, драматизированности монолога, с одной стороны, и с понятием полифоничности повествования, то есть его способности аккумулировать, соединять в себе разные субъектно-речевые сферы, чужое слово, – с другой.

В этом смысле можно говорить о драматургии не только в художественных или, например, публицистических произведениях, а в публичных выступлениях вообще, которые внешне имеют вид монологической речи.

Безусловно, существует особая драматургия взаимоотношений автора с героями своих произведений, которая отражает особенности его общения как со своим внутренним «Я», так и с обществом, т.е. с читателями. Таковыми можно назвать типичные сюжеты на тему «Отцы и дети», в которых диалог между основными героями это, одновременно, диалог поколений, между представителями различных политических движений, эстетических направлений и, наконец, самого автора со своим вечным оппонентом – внутренним «Я». В этом смысле, например, вполне диалогичны такие виды профессиональной деятельности как журналистика и педагогика.

Уровень развития диалогичности мышления во многом определяет интеллектуально-духовный уровень человека. Поэтому человек, не имеющий патологических отклонений, идентифицировавший себя мыслящим существом, на протяжении всей жизни стремится цивилизованно общаться со своим внутренним «Я», с референтным окружением, с обществом и окружающей природой.

Термины для запоминания:

Эвристическая беседа - технология группового рефлексирования в форме диалога, в котором путём постановки вопроса и группового поиска ответа на него достигается истинное знание.

Эвристика - отыскиваю, открывая – в переводе с греческого): а) специальные методы, используемые в процессе открытия нового (эвристическая деятельность, в т.ч. и беседа); б) наука, изучающая продуктивное творческое мышление.

Майевтика - это извлечение скрытых в человеке знаний, с помощью наводящих вопросов.

Диалог - одна из форм устного или письменного речевого взаимодействия между двумя или более реальными (интервьюер и интервьюируемый и т.п.) или виртуальными (герои литературных произведений и т.п.) субъектами.

Реплицирование – диалог в письменной речи с самим собой.

Диалог-унисон – разновидность диалога с самим собой, имеющий форму согласования точек зрения, подтверждения одного мнения другим. *Диалог-спор* - разновидность диалога с самим собой, имеющего форму несогласия с самим собой.

Семантически-экспрессивные конструкции – т.е. логико-эмоциональные составляющие речи человека.

2.2. Социальная характеристика диалогичности мышления

*«Если не грешить против разума,
нельзя вообще ни к чему прийти»
А.Эйнштейн*

*«Доводы, до которых человек додумывается сам,
обычно убеждают его больше,
нежели те, которые пришли в голову другим»
Б.Паскаль*

Вы узнаете:

- О смысле социального взаимодействия между людьми, человека со своим внутренним «Я», человечества с живой природой и с искусственно созданной им техногенной средой.
- В чём смысл функций средств выражения социально-смысловой диалогичности: репрезентации плана речи «третьих» лиц; указания на характер взаимодействия смысловых позиций; экспликации (представления) автодиалогичности; побуждения.
- Об основных видах социальной направленности мышления в общении.
- В чём особенность диалогичности мышления как компонента общения в межличностном познании.

- Что такое социальный интеллект и как влияет диалогичность мышления на его развитие.

Один из способов потенцирования мышления - развитие его диалогичности. Потенцированное мышление способствует созданию индивидуального образа мышления, которое определяет социальное поведение человека и способствует его жизненному самоопределению. Корневой основой социально-смысловой диалогичности человека является общение. Конечно, это, прежде всего, общение с другими людьми. Именно в диалоге с подобными себе людьми у человека формировалось сознание и развивалось мышление. Не отрицается современной наукой и феномен общения со своим внутренним «Я» (параллельного с другими людьми), которое в нашем сознании существует, по народным представлениям в виде совести и души.

Считается научно не доказанным общение человека с кем-то или чем-то ещё. Хотя это «оно» почему-то «дружно» представлено в сознании человека, например, в виде веры в духов и богов. Эта вера наглядно отражена в системах мифов разных народов. А среди людей и сегодня существуют различные «ненаучные» вероисповедания (ислам, христианства, буддизм, даосизм, ламаизм, шаманизм и мн. др.), которые являются неоспоримым психофизическим, а значит и социальным фактом. Согласно этим религиям, верующие люди, хочет этого или нет официальная наука, общаются со своими, условно говоря, «богами» до сих пор. В количественном отношении «общающихся» с ними людей на земле столько, что невозможно отрицать значение этого социального факта: религии оказывают существенное влияние на формирование общественного сознания, а значит на стиль и уровень мышления как отдельных людей, так и многомиллионных их сообществ.

Но при этом всегда реально была и есть живая природа, к слову сказать, высшие существа которой всегда олицетворялись с её самыми значимыми явлениями. Например, Зевс в древнегреческой мифологии и Перун в древних славянских сказаниях – это божества, олицетворяющие такие природные явления, как гром и молния. По меньшей мере, странно исключать или принижать социальное значение очевидного диалога человека с живой природой особенно в так называемые доисторические времена. Ещё более актуальным для современного человека является социальный смысл общения (т.е. диалога) с живой природой сегодня. Качественный уровень такого неравноправного общения на земле и теперь, надо полагать, и в космосе очень низкий. И как следствие этого – уничтожение флоры и фауны земли, нарушение природного баланса, который приводит к экологическим катастрофам. Человечество обнаруживает неспособность реально осмыслить грядущие их масштабы. Неумение и нежелание цивилизованно, равноправно строить свои взаимоотношения с живой природой приведут человечество к

самоуничтожению. Пока этого не произошло необходимо понять, что существует взаимно обуславливающая связь между экологией внешней природной среды и экологией сознания человека. Изучением этой проблемы занимается ещё достаточно молодая наука экопсихология.

Такая же взаимосвязь нашего сознания существует и с искусственной техногенной средой, создаваемой человеком, которую в ряде наук (социология, социальная педагогика, социальная политика и др.), называют социальной. Совершенно очевидно, что эта среда способна как в частных её проявлениях, так и в целом, структурировать наше сознание. Это выражается в признании современной наукой феномена технократизации мышления человека, которое стремительными темпами происходит в последние десятилетия. Социально-психологические исследования показывают, что, например, такие распространённые технологические продукты, как автомобиль или компьютер, способны воздействовать на ценностное самоопределение, поведение и даже биологическое здоровье человека.

Принципиальный вопрос диалогичности мышления человека с природной и искусственной средой заключается в том, имеют ли они собственное сознание? Только при наличии его можно говорить о необходимости культуры общения на основе равноправного диалога. С материалистической точки зрения, которой придерживается современная наука, собственного сознания ни у живой, ни у искусственной среды нет. С идеалистических позиций, оно должно быть, только в каком-то непривычном, непонятном для нас состоянии. При условии, что мы не представляем себе пока однозначно, что представляет собой наше сознание, ответить на этот вопрос не представляется возможным...

Не игнорируя вышеприведённых фактов, напомним, что официальной наукой, ориентируемой на то, что о диалогичности мышления можно говорить только в отношении речевого межличностного и внутриличностного взаимодействия человека, выделяются следующие функции средств выражения социально-смысловой диалогичности:

- 1) репрезентации плана речи «третьих» лиц;
- 2) указания на характер взаимодействия смысловых позиций;
- 3) экспликации (представления) автодиалогичности;
- 4) побуждения.

Например, при *репрезентации плана речи «третьих» лиц*, чужие смысловые позиции представляются соответствующими средствами: цитацией, косвенной речью, ссылками, сносками, а также вводными словами и словосочетаниями, вводными предложениями, указывающими на источник информации. «Третьи» лица называются именами собственными, другими, так называемыми, лексемами соответствующей семантики (точка зрения, мысль, идея, многие, большинство, представители школы, читатель и т.д.)

Указания на характер взаимодействия смысловых позиций бывают разнообразными.

На отношения противопоставления между смысловыми позициями указывают вводные слова «напротив», «наоборот», «однако» и др., а также

противительные союзы. Они показывают различную степень уверенности, порядок следования мыслей. Например, четкому, стройному изложению смысловых позиций в научном тексте способствуют вводные слова, словосочетания и предложения, передающие порядок изложения мыслей, их логику, а также обобщение, выступающее в функции итогового заключения текстового фрагмента. Человек как бы контролирует ход мысли со стороны своего внутреннего «Я», а также учитывает, предугадывает восприятие партнера по общению. Демонстрируя поэтапное аргументирование, человек тем самым доказывает правильность своей смысловой позиции.

Вставные конструкции разных функционально-семантических групп, восклицательные предложения, хотя самостоятельно смыслового цикла не формируют, но способствуют экспрессивной передаче смысловых позиций участников коммуникации.

Автодиалогичность представляется в вопросно-ответных комплексах. Это может быть авторская речь, представляющая собой размышления вслух («И я спросил себя...», «А в самом деле, если мне попробовать...», «Да сколько я могу терпеть...» и т.п.). Такой приём часто используется во время публичных выступлений (лекции, дискуссии и др.), при написании публицистических или художественных произведений (мемуары, автоинтервью, дневник самонаблюдения и мн. другое).

Побуждения выражаются в активизации мышления собеседника или читателя, которые способствуют рождению новых смысловых конструкций. Этот приём в социальной психологии называют «управление вниманием» в процессе межличностного взаимодействия. Он, безусловно, используется журналистами, например, в процессе интервью, беседы, при описании журналистского расследования. Писателями часто используется в детективах, при написании научно-популярных очерков, приключенческих книг и т.п. В педагогической практике наиболее часто используются побуждения для активизации мышления на занятиях, во время которых применяются интерактивные методы. Самые популярные формы таких занятий: различные дискуссии (диспуты, открытые и классические фокус-группы и др.), деловые и ролевые игры, кейс-стади, тренинги и др.

Мышление в общении так же имеет социальную направленность, потому что через него осуществляется «включение» в процесс познания. Это мышление человека, направленное на обнаружение противоречий, постановку и решение задач в контексте обмена речевыми действиями между людьми или диалога со своим внутренним «Я».

В процессе общения, взаимодействуя с другими людьми и миром, человек осуществляет мышление, в котором можно выделить *три вида социальной направленности*, отличающиеся «вектором» целей и формируемых смыслов:

- 1) познание предметов и явлений окружающего мира;
- 2) познание самого себя;
- 3) познание других.

Как правило, *мышление о предметах и явлениях окружающего мира* выступает доминирующей деятельностью, в которую активно вовлекается человек. Особенно ярко это проявляется в журналистской деятельности, потому что журналист это своеобразный исследователь социального бытия человека, причём, во всех сферах его жизнедеятельности. В поле зрения исследования журналиста попадают политика, экономика, экология, образование, искусство, общественная жизнь и многое другое. Задача журналиста выявить социокультурные смыслы деятельности человека, определить их результативность и эффективность.

Не менее важен «социокультурный смысл» в педагогике, которая не только формирует знания, умения, навыки человека, но и отвечает за то, как они будут им применяться на практике. Полученные знания могут быть человеком использованы во благо или во вред обществу. То есть во время педагогического процесса закладываются духовно-нравственные основы интеллектуального образа и жизнедеятельности человека.

Кроме того, любой учитель является в той или иной мере социальным педагогом, так как одна из важнейших педагогических задач - оказание помощи в социализации человека. Его профессиональный долг заключается не только в передаче какой-то суммы знаний человеку, но и в том, чтобы эти знания способствовали формированию у него положительного социального самочувствия, то есть, его саморазвитию, самоактуализации и самоидентификации.

Познание себя в общении наполнено особым социальным смыслом потому, что зеркальное «Я» человека формируется исключительно благодаря тому, как его воспринимают другие люди. Разумеется, увидеть себя со стороны помогает общение с ними.

О.К. Тихомиров выделяет *несколько путей самопознания*, в которых мышление рассматривается как обязательный компонент:

- 1) сравнение себя и других;
- 2) сравнение себя в разные периоды жизни;
- 3) сравнение собственных целей и результатов.

Можно выделить еще один путь формирования понятий человека о самом себе - рефлексия, возникающая в мыслительной деятельности, которая может выступать также способом познания себя как мыслящей личности, раскрывающейся в мыслительной деятельности. Это более сложный, но не менее продуктивный путь самопознания через общение со своим внутренним «Я». Исповедальная тональность такого общения способствует саморефлексии для адекватной оценки имеющегося личностного интеллектуально-духовного ресурса, нравственности поведения и эффективности осуществляемой деятельности.

Познание других, с точки зрения социальной психологии, непосредственно связано с познанием себя в процессе реализации перцептивной стороны общения. Дело в том, что механизм самоидентификации предполагает сначала идентификацию себя с другим человеком для изучения себя «его глазами». Так что познание других

вклинивается в социальную деятельность, выступая в качестве публичной саморефлексии. Мышление включено в процесс межличностного познания, направленного на себя и другого человека.

Соответственно в этом процессе можно выделить две стороны:

- мышление о себе, как часть более общей проблемы самопознания
- мышление о другом, раскрывающее участие мыслительной деятельности в процессе познания другого человека.

В обоих случаях человек выступает как объект познания средствами мышления. В первом случае мышление служит средством познания себя, во втором случае - других.

В исследованиях мышления О.К. Тихомиров выделил следующие качества мышления как компонента общения в межличностном познании:

- 1) интерпретация реакций и движений другого человека;
- 2) понимание (интерпретация, объяснение, предсказание) результатов предметных действий, деятельности и поступков человека;
- 3) понимание речевой продукции⁴⁸.

Познание другого человека, имея определённую специфику (А.А. Бодалев), может осуществляться на любом уровне, с использованием любых психических процессов (восприятие, мышление, память). Мышление о другом человеке в структуре межличностного познания предполагает познание его целей и мотивов, проблем, над которыми человек размышляет, познание, реконструкцию, интерпретацию особенностей его сознания, логики, стиля и стратегий мыслительной деятельности и составляет один из компонентов творческого мышления.

Например, профессии журналиста и педагога не были бы столь привлекательными, если бы они не предполагали познание других. У журналиста это познание происходит через изучение деятельности человека. У педагога через изучение его психофизических характеристик, имеющегося у человека интеллектуально-духовного ресурса. Представителям этих профессий надо иметь в виду, что такого рода «познание другого человека» неизбежно влияет на их самоидентификацию.

Особенно осторожным в этом плане надо быть журналистам. Они вынуждены общаться с разными людьми. Иногда с такими респондентами или реципиентами, с которыми, мягко говоря, общение не доставляет удовольствие.

Соприкасаясь душой с любым человеком, наше сознание неизбежно «прихватывает частицу его сознания» и надо иметь особую сопротивляемость психологического организма, чтобы нейтрализовать или продуктивно переработать эту «частицу». Но даже в этом случае, «частица» преодолев порог нашего критического мышления, переходит в наше подсознание, которое может обратиться впоследствии к опыту такого общения, уже «не спросив разрешения сознания». В такие минуты у человека возникает ощущение, что это не его поступок («Я бы так никогда не

⁴⁸ Тихомиров О.К. Психология мышления. Учебное пособие. М.:Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 272 с.

поступил!»), не его слова («Что это на меня нашло: я никогда так не выражаюсь!») и т.п.

Таким образом, мы можем констатировать, что *социальная сущность диалогичности мышления в процессе межличностного общения*, так как её представляет себе социальная психология, заключается в том, что она даёт возможность человеку приобретать определённые навыки:

- *социальной сензитивности*: учиться управлять своими эмоциями во время общения, развивать способность переживать за другого без непосредственного восприятия его чувств, что способствует децентрации его мышления и др.;

- *социальной перцепции*: развивать навыки идентификации себя с другим человеком, уметь владеть ситуацией и направлять взаимодействие в нужное для личности русло совместной мыслительной деятельности, развивать способность воздействовать на психические состояния и проявления других людей, а также оказывать влияния на формирование психических свойств окружающих, умение встать на точку зрения другого человека, отличать свою точку зрения от других возможных;

- *социальной памяти*: уметь анализировать и конструктивно применять в современной жизнедеятельности как позитивный, так и негативный прошлый социальный опыт;

социального мышления: корректировать цели и задачи своей текущей и будущей жизнедеятельности; *социального воображения*: способности адекватного моделирования индивидуальных и личностных особенностей людей на основе внешних признаков, способности прогнозирования характера поведения реципиента в конкретных ситуациях, точного предвидения особенностей дальнейшего взаимодействия.

По сути это означает, что диалогичность мышления способствует развитию социального интеллекта личности, под которым мы в контексте нашего пособия понимаем интеллект индивида, который формируется в процессе общественного, межличностного и внутриличностного диалогического общения. Социальный интеллект объединяет и регулирует познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов (внутреннее «Я», человека как партнера по общению, группы людей). Социальный интеллект обеспечивает понимание поступков и действий людей, понимание речевой продукции человека, а также его невербальных реакций (мимики, поз, жестов). Он является когнитивной составляющей коммуникативных способностей личности и профессионально важным качеством в профессиях типа «человек-человек», а также некоторых профессиях сферы «человек-художественный образ».

Отметим, что диалогичность мышления человека способствует его самопознанию и самоактуализации, так как *диалог* – это не что иное, как форма социального мышления, направленная на продолжение социальных смыслов жизни человека.

Резюме

Один из способов потенцирования мышления - развитие его диалогичности. Потенцированное мышление способствует созданию индивидуального образа мышления, которое определяет социальное поведение человека и способствует его жизненному самоопределению. Корневой основой социально-смысловой диалогичности человека является общение. Это, прежде всего, общение с другими людьми. Именно в диалоге с подобными себе людьми у человека формировалось сознание и развивалось мышление. Не отрицается современной наукой и феномен общения со своим внутренним «Я» (параллельного с другими людьми).

Современная наука отрицает наличие сознания у живой природы и созданной человеком искусственной техногенной среды. Следовательно, ставится под сомнение возможность равноправного субъект-субъектного взаимодействия с ними. Однако исследования психоэкологов и социальных психологов говорят о том, что состояние живой природы и технологической среды оказывают реальное воздействие на структурирование сознания человека.

Не игнорируя выше приведённых фактов, напомним, что официальной наукой, ориентированной на то, что о диалогичности мышления можно говорить только в отношении речевого межличностного и внутриличностного взаимодействия человека, выделяются следующие функции средств выражения социально-смысловой диалогичности: репрезентации плана речи «третьих» лиц; указания на характер взаимодействия смысловых позиций; экспликации (представления) автодиалогичности; побуждения.

В процессе общения, взаимодействуя с другими людьми и миром, человек осуществляет мышление, в котором можно выделить *три вида социальной направленности*, отличающиеся «вектором» целей и формируемых смыслов: познание предметов и явлений окружающего мира; познание самого себя; познание других.

Как правило, *мышление о предметах и явлениях окружающего мира* выступает доминирующей деятельностью, в которую активно вовлекается человек

Познание себя в общении наполнено особым социальным смыслом потому, что зеркальное «Я» человека формируется исключительно благодаря тому, как его воспринимают другие люди. О.К. Тихомиров выделяет *несколько путей самопознания*, в которых мышление рассматривается как обязательный компонент: сравнение себя и других; сравнение себя в разные периоды жизни; сравнение собственных целей и результатов.

Можно выделить еще один путь формирования понятий человека о самом себе - рефлексия, возникающая в мыслительной деятельности, которая может выступать также способом познания себя как мыслящей личности, раскрывающейся в мыслительной деятельности. Это более сложный, но не менее продуктивный путь самопознания через общение со своим внутренним «Я». Исповедальная тональность такого общения способствует

саморефлексии для адекватной оценки имеющегося личностного интеллектуально-духовного ресурса, нравственности поведения и эффективности осуществляемой деятельности.

Познание других, с точки зрения социальной психологии, непосредственно связано с познанием себя в процессе реализации перцептивной стороны общения. Познание другого человека, имея определённую специфику (А.А. Бодалев), может осуществляться на любом уровне, с использованием любых психических процессов (восприятие, мышление, память). Мышление о другом человеке в структуре межличностного познания предполагает познание его целей и мотивов, проблем, над которыми человек размышляет, познание, реконструкцию, интерпретацию особенностей его сознания, логики, стиля и стратегий мыслительной деятельности и составляет один из компонентов творческого мышления.

Социальная сущность диалогичности мышления в процессе межличностного общения, так как её представляет себе социальная психология, заключается в том, что оно даёт возможность человеку приобретать определённые навыки *социальной сензитивности*: учиться управлять своими эмоциями во время общения, развивать способность переживать за другого без непосредственного восприятия его чувств, что способствует децентрации его мышления и др.; *социальной перцепции*: развивать навыки идентификации себя с другим человеком, уметь владеть ситуацией и направлять взаимодействие в нужное для личности русло совместной мыслительной деятельности, развивать способность воздействовать на психические состояния и проявления других людей, а также оказывать влияния на формирование психических свойств окружающих, умение встать на точку зрения другого человека, отличать свою точку зрения от других возможных; *социальной памяти*: уметь анализировать и конструктивно применять в современной жизнедеятельности как позитивный, так и негативный прошлый социальный опыт; *социального мышления*: корректировать цели и задачи своей текущей и будущей жизнедеятельности; *социального воображения*: способности адекватного моделирования индивидуальных и личностных особенностей людей на основе внешних признаков, способности прогнозирования характера поведения реципиента в конкретных ситуациях, точного предвидения особенностей дальнейшего взаимодействия.

Термины для запоминания:

Потенцирование мышления – это процесс эффективного использования интеллектуально-духовного ресурса для создания индивидуального образа мышления, которое определяет социальное поведение человека и способствует его жизненному самоопределению и самоактуализации.

Репрезентации плана речи «третьих» лиц - представление чужих смысловые позиции с помощью цитат, косвенной речи, ссылок, сносок, вводных слов, с указанием на источник информации.

Смысловая позиция – цели и задачи общения индивида, выраженные в понятиях, суждениях, умозаключениях.

Экспликация автодиалогичности – представление диалога с самим собой в вопросно-ответных комплексах, имеющих вид размышлений вслух.

Самоактуализация – социально-психологический процесс, направленный на реализацию индивидом во внешней социальной среде своих знаний, умений и навыков, которые становятся востребованными (актуальными) в обществе.

Самоидентификация – осознанный культурный диалог личности со своим внутренним «Я», на основе которого человек регулирует и определяет (идентифицирует) содержание и значение своих социальных ролей (муж, жена, сын, дочь, друг, профессионал, общественный деятель и т.п.) в своём ближайшем окружении и в обществе в целом.

Социальная сензитивность – социально-психологический уровень управления своими эмоциями во время общения.

Социальная перцепция – социально-психологический уровень способности личности поставить себя во время общения на место другого человека, управлять вниманием своим и партнёра по общению, корректно оценивать собственную и чужую смысловую позицию во время диалога.

Социальная память – свойство памяти человека запоминать прошлый опыт и конструктивно применять его в своей жизнедеятельности.

Социальное мышление – способность человека формировать, корректировать цели и задачи своей текущей и будущей жизнедеятельности.

Социальное воображение – способность человека к моделированию своей будущей жизнедеятельности.

Социальный интеллект личности – совокупность интеллектуальных и духовно-нравственных качеств личности, позволяющих корректно строить свои взаимоотношения с другими людьми, трезво оценивать свой прошлый социальный опыт и позитивно применять его в текущей жизни, адекватно определять цели и задачи своей будущей жизнедеятельности.

2.3. Диалогичность мышления в письменной речи

«Пока человек не сделал чего-либо из самого себя, он немного мог сделать в окружающем его мире»

Л. Мэмфорд

«Научись слушать, и ты можешь извлечь пользу из тех, кто говорит плохо»

Вы узнаете:

- Чем отличаются и в чём схожи устная и письменная речь.
- Об особенностях диалогичности мышления в научной, художественной и публицистической письменной речи.
- Каковы основные формы выражения диалогичности в письменных текстах и, соответствующие им способы и методы.
- О разновидностях устного диалога, который используется как научный, художественный и публицистический способы познания окружающего мира.
- Об элементарных диалогичных циклах с учетом их прагматических признаков.

Диалогичность мышления в письменной речи в сравнении с устной объективно более искусственная, а значит более осмысленная и структурированная. Казалось бы, при условиях исключительной умозрительности и возможной вариативности письменных текстов неизбежно художественно-образное мышление и тем более подсознание должны отойти в них на второй план. Но это не происходит, потому что в противном случае неизбежно нарушается процесс продуктивного мышления, основанного на взвешенной сбалансированной работе сознания, которое придаёт ему необходимую эмоциональную напряжённость (сокральность, частичную неопределённость), красочность (образность) и рациональность (логическую последовательность).

Вместе с тем невозможно отрицать тот факт, что сознание в ситуации такого «искусственного диалога» имеет возможность более сфокусировано решать, например, социально-психологические и семантико-эмотивные проблемы. Проще говоря, автор письменного текста с помощью многократного (волнового) редактирования может его совершенствовать, так как он считает необходимым, сообразно тому какие он собирает с его помощью решать задачи.

Например, достаточно сложно, но теоретически и практически возможно художественный текст превратить в научный, а научный в художественный. Это доказывают результаты экспериментов по конструированию новой смысловой реальности с помощью перевода содержания абстрактных понятий, эмотивных, парадоксальных рассуждений и умозаключений в конкретные, логически корректные и наоборот. Эксперимент проводился в контексте преподавания курса «Искусство мыслить». Методика конструирования новой смысловой реальности представлена в сборнике задач и упражнений в данном пособии.

Если же говорить непосредственно о диалогах устных и, отраженных с помощью письменной речи, то уместно вспомнить о диалогах Сократа, которые нам известны благодаря записям Платона. Не один здравомыслящий человек и тем более специалист в области литературы не будет настаивать на том, что данное произведение – протокол бесед Сократа со своими учениками, гражданами Афин. Редактирование Платоном устной речи Сократа объективно было обосновано рациональной потребностью убрать «лишние» стилистические обороты, лирические отступления, дополнительные сюжеты (не линейные размышления) и т.п. для построения более внятной, по возможности сжатой (краткой), а значить логически корректной письменной речи. Протоколы речей Сократа, если бы таковые имелись, были бы по объёму значительно больше литературного (письменного) их варианта, сделанного Платоном.

Письменные диалогические тексты в научной, публицистической и художественной литературе, при своей очевидной синкретической однородности, имеют разное видовое содержание.

В диалогах, представленных в современной научной литературе, акцент делается преимущественно на реальных акторах⁴⁹ человеческого сознания. Такие диалоги умеренно-эмоциональны, причинно-следственно обусловлены, лаконичны и специфичны как в стиле речевого взаимодействия, так в случаях использования профессиональной терминологии.

В диалогах, которые представлены в художественной письменной литературе, наблюдается стремление авторов конституировать право выражать свои мысли «фигурально», т.е. в той или иной степени образно. В качестве акторов диалога выбирать любые виртуально существующие (в воображении автора) реальности. Драматургия диалогов в литературном произведении не просто произвольна, а самопроизвольна. То есть, основана не столько на «здравом смысле», сколько на интуиции и «творческих причудах» автора.

Своя специфика и у диалогов в публицистических текстах. С одной стороны, акторы в журналистках материалах, за исключение таких художественно-публицистических жанров как памфлет и фельетон, исключительно реальные люди. С другой стороны, художественные обобщения, свободные аналогии позволяют авторам публицистических произведений персонализировать, например, явления природы (гроза, снегопад, ветер, дождь и т.п.) или «технологические произведения» человека (дома, корабли, автомобили и др.), которые могут стать актором диалога.

Этот приём заимствуется публицистикой у художественной литературы, для достижения наибольшего эмоционального воздействия на читателей.

Для подчёркивания достоверности диалога автор публицистического произведения должен предельно точно передавать стилистические

⁴⁹ Актор – в контексте данного учебного пособия, человек, активно осуществляющий самостоятельную и независимую (субъектную) мыслительную деятельность в рамках межличностного взаимодействия.

особенности устной речи акторов. Этого делать необязательно в научной литературе и тем более художественной, в которой большинство акторов – вымышленные люди. Речевая характеристика героя в публицистическом тексте имеет несколько иной смысл: он не говорящая идея, как в художественной литературе, а говорящий факт. И, соответственно, диалог акторов в публицистическом произведении это не столкновение каких-то отвлечённых эстетических, политических и прочих идей, а столкновение «живых» социальных реальностей, воплощённых в людях, столкновение конкретных социальных ситуаций, в которых они осуществляют свою жизнедеятельность.

Внутреннее «Я» журналиста так же существенно отличается от внутреннего «Я» поэта (так назовём для наглядности автора художественного произведения). Даже в эссе, публицистическом жанре максимально приближенном к художественной литературе, который любят и поэты, и журналисты, их автодиалог имеет принципиально разные характеристики. У поэта это ещё один герой его произведения, а у журналиста это ещё один наблюдатель действительности, причём, самый беспристрастный, глядящий на происходящие события одновременно из щемящей, незамутнённой разумом глубины души и со стороны иной социальной среды.

Исследователь М.Н. Кожина выявила *разновидности диалогичности письменной научной речи в аспекте структуры речевого и межличностного взаимодействия*. Выражение диалогичности чрезвычайно многообразно как по своим разновидностям, так и по степени ее эксплицированности⁵⁰ в тексте. Кроме того, установлены *формы (способы) выражения диалогичности*, которые, естественно, распространяются на социологию, методы которой активно используются как в педагогических так и в публицистических исследованиях.

Основными способами выражения диалогичности являются:

- 1) «разговор» с другим упоминаемым лицом или лицами, идейными (теоретическими) противниками и единомышленниками;
- 2) сопоставление (или столкновение) двух и более различных точек зрения, которые обычно в процессе анализа оцениваются автором;
- 3) «разговор» с читателем, приглашение его к сомышлению, стремление привлечь его внимание к содержанию речи;
- 4) «разговор» со своим вторым «Я», не двойником, а объективированным «Я» (представленным в тексте как диалог-самоанализ, самоконтроль или – проще – диалог разных логик с целью проверки доказательства).

Первая и вторая формы близки между собой по типу логической связи, но в первом случае акторы диалога конкретные люди, а в другом их персональное, но представленное третьим лицом, мнение.

Первая форма «разговор» с другим упоминаемым лицом или лицами наиболее часто употребляется в исследовательских материалах, имеющих

⁵⁰ Эксплицированности - выраженности

открытую форму дискуссии или активно использующего её элементы при написании. В социологии это одна из разновидностей качественных полевых исследований - «фокус-группа», а в журналистике разные виды дискуссий, круглый стол, полемика и даже интервью или беседа, в которой сталкиваются различные смысловые позиции.

Семантически эта форма в тексте может быть представлена в различных модификациях, которые позволяют конструировать правила письменной речи в рамках языка той или иной национальности.

В качестве примера может служить следующий диалог:

Ф. Медведев: *«Если я вас правильно понял, вы не против ни Сталина, ни Ленина, ни Брежнева?»*

А.Зиновьев: *«Я не против и не за. Я принимаю всё как реальность. И вижу свою задачу в одном: изучить эту реальность и описать её». <...>*

Ф. Медведев: *«Но вы принимаете эту систему или не принимаете?»*

А.Зиновьев: *«Когда я приехал сюда, меня пытались изобразить жертвой режима, но я заявил, что я не есть жертва режима, режим – моя жертва». <...>*

Ф. Медведев: *«Вы так жарко отстаиваете марксизм, хотя во всех ваших произведениях вы его критикуете, развенчиваете... Как это понять?»*

А.Зиновьев: *«Да мои книги полны издёвок. Но я издевался над марксизмом, имея перед собой реальных носителей этого марксизма – советских философов, пропагандистов...<...>*

Глупость – это не есть отсутствие ума, это – особая культура, и она культивируется. <...>Истина есть удел одиночек, а не масс. <...>

Ф. Медведев: *«Получается, что вы отвергаете абсолютно всё, что сейчас происходит в Советском Союзе? Саму перестройку...»*

А.Зиновьев: *«Я ничего не отвергаю, я анализирую, и констатирую факт кризиса: кризис власти, кризис идеологии, интеллектуальный кризис ... <...>Страна находится в состоянии разбушевавшейся помойки...»*

Пройдёт время, и брежневские годы люди будут вспоминать как золотые годы советской истории»⁵¹.

В этом примере «реплику-стимул» передает косвенная речь журналиста (Ф.Медведева), «реплику-реакцию» в разных лингвистических вариациях (вводное слово, несогласие автора с иной точкой зрения, отрицательные частицы «не» и мн. др.) ответы реципиента⁵² (А.Зиновьева).

В следующем примере чужая речь введена авторской ремаркой: *«Могут спросить... а причем тут прогресс языка? Не все ли равно, будем мы по-русски акать или окать?.. Конечно, это все равно, если отвлекаться от социальной сущности языка, от его истории» (А. Филин).*

Вторая форма сопоставление (или столкновение) двух и более различных точек зрения, которые обычно в процессе анализа оцениваются автором.

⁵¹ Из беседы Феликса Медведева с философом Александром Зиновьевым, 1988 г., г Мюнхен; Я создал собственную идеологию // Литературная газета, 2012, №43, С.- 12

⁵² Реципиент – относительно свободный в суждениях собеседник.

Эта разновидность письменного диалога обычно имеет форму обзора чьих-то смысловых позиций, выраженных по-разному: в письмах, публичных выступлениях в СМИ, на научных конференциях, митингах и т.п. Активно используется в журналистике в виде обзоров писем читателей, публикаций и выступлений в СМИ (часто как метод контрпропаганды), комментариев, обсуждения текущих событий известными людьми в стране и т.п.

В приведенных далее отрывках «говорящие» представлены не только как отдельные ученые, но и как чья-то мысль (концепция); для обозначения этого используются имена собственные, соответствующие лексемы (точка зрения, мысль, идея): для ввода чужой речи – цитация, косвенная речь: *«Так, ...Ферс... утверждал, что язык и мышление... Примерно о том же писали Ч. Фриз, считая, будто бы «все неудачи в истолковании предложения были вызваны стремлением... рассматривать предложение в связи со способом и характером развития мышления» (Будагов); «Известна точка зрения, согласно которой каждый язык как бы «формует», «лепит соответствующее сознание...». Такую концепцию выдвигает, например, И. Вайсгербер, по мнению которого язык образует как бы «промежуточный мир» между человеком и его сознанием... Подобным же образом Г. Хольц утверждает, что...» (Л.Р. Дускаева).*

Третья форма – привлечение читателя к сомышлению, активизация его внимания. С позиции языка это простое прямое обращение, имеющее незамысловатую лингвистическую форму. Например: *«Обратим и мы внимание на природу знака...» (Головин); «Обсудим теперь кратко физический смысл коэффициента» (Регель); «Допустим на минуту такую возможность...»(Головин).*

Более сложную семантическую конфигурацию имеет эта форма, когда она опирается на социально-психологические приёмы внеколлективного воздействия на сознание читателей и других заочных акторов диалога, смысловые позиции которых используются автором для конструирования диалога в письменной речи. Это, так называемые, заражение, внушение и подражание. По нравственной чистоте они неоднозначны: эффекты после их применения могут быть положительными и отрицательными.

Метод заражения, как способ воздействия на поведение через подсознание, особенно часто используется в информационных войнах в виде пропаганды и контрпропаганды. Для этого автор журналистского материала эксплуатирует такие психические девиации в поведении человека как страх, паника, восторг, удивление и др. Любой из них, так сказать, поневоле, то есть независимо от человека привлекает его внимание.

Метод внушения предполагает некритическое восприятие информации преимущественно читателей, ориентированных на «слепую веру» в виде религиозных или идеологических социально-психологических установок на сознание.

Метод подражания рассчитан на фанатичное обожествление, взятых за образец поведения каких-то идеальных, по представлению читателей, образцов мышления определенных людей.

Все эти методы управления вниманием акторов диалога имеют один существенный недостаток: они не предполагают активного сомыслия.

В отличие от них другие группы социально-психологических приёмов управления вниманием, которые используются традиционно в деловом общении, направлены на активизацию мышления. Некоторые из них вполне приемлемы для конструирования диалога в письменной речи. Рассмотрим некоторые из них.

Фундаментальный метод представляет собой прямое обращение к читателю, которого журналист знакомит с фактами и сведениями, являющимися основой доказательной аргументации. Важную роль здесь играют цифровые примеры, которые являются прекрасным фоном. В отличие от словесных сведений, цифры выглядят более убедительно. Это происходит в известной мере еще и потому, что в момент прочтения читатель не в состоянии их опровергнуть.

Метод противоречия основан на выявлении противоречий аргументации акторов заочного общения. По сути, этот метод является оборонительным, но в контексте письменной речи это, скорее, «наступление» на смысловые позиции некоторых из них.

Метод извлечения выводов основывается на точной аргументации, которая постепенно, шаг за шагом, посредством частичных выводов приведет журналиста к желаемому результату. Никакой отдельно взятый «громкий» факт не может сравниться по силе воздействия на сознание человека с совокупностью отдельных фактов, которые последовательно излагаются для отстаивания смысловой позиции автора журналистского материала.

Метод сравнения имеет исключительное значение, особенно когда сравнения подобраны удачно, что придает журналистскому выступлению исключительную яркость и большую силу внушения.

Метод «да..., но...». Часто бывает, что виртуальный «собеседник» журналиста приводит хорошо построенные аргументы, но они охватывают или только преимущества, или только слабые стороны предложенной альтернативы.

Однако поскольку действительно редко случается так, что все говорят только «за» или «против», легко применить метод «да..., но...», который позволяет рассмотреть и другие стороны решения.

В этом случае журналист может спокойно согласиться с «собеседником», а потом наступает так называемое «но», которое в силу того, что актор не имеет возможности ответить непосредственно журналисту, имеет все шансы быть ему более убедительным в глазах читателя, чем он.

Метод «бумеранга» дает возможность использовать «оружие» «собеседника» против него самого. Этот метод не имеет силы доказательства, но оказывает исключительное действие, если журналист применяет его с изрядной долей остроумия.

Например, Демосфен, известный государственный афинский деятель и оратор, и афинский полководец Фокион были заклятыми политическими

врагами. Однажды Демосфен заявил Фокиону: «Если афиняне разозлятся, то они тебя повесят». На что Фокион ответил: «И тебя, конечно, тоже, как только образуются».

Метод игнорирования. Очень часто бывает, что факт, изложенный собеседником, не может быть опровергнут, но зато его ценность и значение можно с успехом проигнорировать. Как правило, большинство читателей этого не замечают, психологический урон «собеседнику» наносится значительный.

Метод видимой поддержки. Весьма эффективен как в отношении одного «собеседника», так и в отношении читателей. Суть его заключается в том, что после приведённой журналистом аргументации актора диалога, он ему вообще не возражает и не противоречит, а, наоборот, приходит на помощь, приводя новые доказательства в пользу его аргументов. Позже следует контрудар, например: «Но господин А.И.Иванов забыл в подтверждение своего тезиса привести и еще такие факты... (журналист перечисляет их). Но это не поможет ему, так как...», - теперь наступает черед контраргументов журналиста.

Таким образом, создается впечатление, что точку зрения «собеседника» журналист изучил более основательно, чем он сам, и после этого читатели убедились в несостоятельности его тезиса. Следует добавить, что применение этого метода требует от журналиста особенно тщательной подготовки.

Необходимо упомянуть также о *спекулятивных методах* аргументации. Эти методы можно даже назвать обычными уловками и их, конечно, не стоит применять. Но знать эти методы и различать их всё же следует.

1. *Техника преувеличения* состоит в обобщении и любого рода преувеличении, а также составлении преждевременных выводов.

2. *Техника анекдота.* Одно остроумное или шутливое замечание, сказанное вовремя, может полностью разрушить даже тщательно построенную аргументацию.

3. *Техника использования авторитета* состоит в цитировании известных авторитетов. Читателям обычно достаточно упоминания одного известного имени.

4. *Техника дискредитации партнера.* Если нельзя опровергнуть суть вопроса, то, по меньшей мере, нужно поставить под сомнение личность собеседника.

5. *Техника изоляции* основывается на «выдергивании» отдельных фраз из выступления актора диалога. Это делается для их изоляции и преподнесения в урезанном виде с тем, чтобы они имели значение, совершенно противоположное первоначальному.

6. *Техника введения в заблуждение* основывается на сообщении путаной информации.

7. *Техника отсрочки.* Ее целью является затягивание дискуссии. Журналист употребляет ничего не значащие слова, задает отработанные

вопросы и требует разъяснения по мелочам, чтобы выиграть время для отсрочки решения проблемы общественностью.

8. *Техника апелляции.* Журналист выступает не как деловой человек и специалист, а взывает к сочувствию у читателей своей смысловой позиции или актора диалога, позицию которого он пытается отстоять. Путем воздействия на наши чувства он ловко обходит нерешенные вопросы, требующие конкретного разрешения.

9. *Техника искажения* представляет собой неприкрытое извращение журналистом того, что сказали акторы диалога, или перестановку акцентов.

Каковы же основные положения тактики аргументирования, которые необходимо применять для конструирования конструктивного диалога в письменной речи? Таковыми можно назвать:

Устранение противоречий. Важно предвидеть и избегать обострений или конфронтации. Здесь существуют некоторые особенности: критические вопросы лучше рассматривать либо вначале, либо в конце фазы аргументации и при их рассмотрении искать не разъединяющие, а объединяющие дискутирующие стороны аргументы.

Двусторонняя аргументация может применяться, когда журналист указывает как на преимущества, так и на слабые стороны предлагаемого решения. В любом случае следует указывать на недостатки, о которых «собеседник» мог бы узнать из других источников информации.

Односторонняя аргументация может применяться журналистом в тех случаях, когда «собеседник» менее образован или у него уже сложилось свое мнение, или он открыто выражает позитивное отношение к его точке зрения.

Очередность перечисления преимуществ и недостатков. Решающее влияние на формирование смысловой позиции акторов диалога оказывает начальная информация, т.е. во время аргументации сначала перечисляются преимущества, а потом недостатки. Это будет способствовать более позитивному восприятию позиции журналиста как «собеседников» так и читателей.

Персонификация аргументации. Журналист обязан сначала изучить позицию «собеседника» и потом включить ее в свою систему аргументации или же, по крайней мере, не допустить, чтобы она противоречила его аргументам. Признав правоту или поддержав «собеседника», журналист тем самым «заставит» его почувствовать себя обязанным ему. Таким образом, у журналиста появится больше шансов, что он спокойно (с меньшим сопротивлением) воспримет его систему аргументации.

Четвертая форма - «разговор» со своим вторым «Я», не двойником, а объективированным «Я». Это пример своеобразного самоанализа, эксплицитно выраженной самопроверки с помощью цепи вопросительных предложений, введенных личной конструкцией: «Нас сейчас интересует вопрос: чем отличается живое человеческое мышление от механического или, точнее, технократического? Какая таится угроза для формирования сознания человека и исключение из процесса его живого мышления подсознания и образного восприятия? В чём заключается принципиальная

основа синтеза понятийного, образного и подсознательного в процессе живого мышления человека? К чему может привести человечество долговременное доминирование понятийного мышления, которое принципиально не охраняется (ограничивается) подсознанием и чувственным восприятием? Может ли считаться «живым» тот человек, который пользуется в своей жизнедеятельности не живым, а технократическим мышлением? Не имеем ли мы дело с появлением и утверждением в человеческой среде техногенного человека, который является технологическим придатком к некоей технологически-информационной культуре, которая и создается этим самым техногенным человеком или, другими словами, биологическим роботом» (А.Гордин).

Лингвистическое выражение первой и второй форм диалогичности осуществляется через использование чужой речи: прямой речи в виде цитации и косвенной.

Третья форма реализуется разного рода императивными формами и обращением ко второму лицу, а также в виде прямых вопросов, активизирующих внимание читателя.

Четвертая форма диалогичности непосредственно связана с рассуждением как типом речи и реализуется в научных, научно-популярных, научно-художественных и художественно-публицистических текстах помимо вопросительных предложений (в том числе риторических вопросов) употреблением вводных слов, подчеркивающих ход рассуждения, вставных конструкций и, конечно, использованием в этих целях структурных возможностей предложения.

Причем в научных текстах третья и четвертая формы часто оказываются полифункциональными. В целом же научный текст с точки зрения диалогичности представляет собою как бы двухслойную и даже местами многослойную (в случае полилогичности) смысловую структуру.

Для того чтобы представить себе особенности диалогичности в художественном тексте, необходимо, прежде всего, учитывать специфику познания действительности с помощью образного мышления. То есть, как отражаются в сознании человека, а потом воздействуют на сознание читателей различные виды художественно-выразительных средств: сравнение, метафора, гиперболы, литота, оксюморон и многое другое, которое определяет специфику того или иного композиционного решения.

Для характеристики своеобразия диалогичности научного и публицистического текстов важен вопрос о прагматическом аспекте структуры речевого акта и отражении в последнем характера взаимоотношений коммуникантов, особенности использования различного вида фактов: человеческая речь, предметно-вещевой среды, документов⁵³. А

⁵³ Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959; Балаян А.Р. К проблеме функционально-стилистического изучения диалога. – Изв. АН СССР. – Сер. лит. и языка. – 1970. – №3; Валюсинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов. Синтаксис текста. – М., 1979; Борисова И.Н. Русский разговорный диалог (структура и динамика). – Екатеринбург, 2001; Красильникова Л.В. Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1995.

так же в какой мере присутствует в современном научной и, особенно в публицистическом познании, художественно-образное мышление.

Исследователь Л.Р. Дускаева отмечает, что в научных текстах выделяется круг разновидностей устного диалога: вопрос-ответ; диалог-унисон; диалог-спор; перевод темы в другую плоскость (переход к новой теме, нередко предваряемый риторическим вопросом). Эти разновидности устного диалога, не так прямолинейно как в научном, но всё-таки достаточно активно используются при композиционном решении художественных и публицистических текстов.

Наиболее типичными ситуациями диалогического общения, представленными в письменной речи, являются: согласие (одобрение), несогласие, оценка, вопрос-ответ, уточнение, дополнение, пояснение, доказательство, предположение, допущение.

В исследованиях, посвященных диалогичности письменной речи, для обозначения минимальной единицы структурирования диалогичности используется понятие «цикл», под которым, вслед за психологом Г.М. Кучинским, понимается «единое целое, образованное двумя взаимосвязанными речевыми актами партнеров, из которых первый как бы открывает, начинает общение и детерминирует последующий» (Г.М. Кучинский).

При этом в элементарный цикл входят лишь монофункциональные (решающие одну коммуникативную задачу) речевые акты. Наконец, в цикле важна способность к развертыванию диалога. Г.М. Кучинский подчеркивает, что в первом акте, который психологом назван обращением, отражается смысловая позиция, точка зрения субъекта, а в ответном – оценка этой позиции интерпретатором. На основе этой оценки, прикрепляясь к ней, выстраивается другая позиция. Так происходит развитие содержания текста.

В письменных текстах диалогичность структурируется в двухкомпонентных циклах, когда и позиция субъекта, и ее оценка эксплицированы в тексте, а также в однокомпонентных циклах, когда одна из позиций представлена имплицитно, т.е. лишь подразумевается.

Конечно, циклы с одной выраженной репликой в письменной речи более частотны, потому что диалог с читателем в письменном тексте «свёрнут» в монологическую форму, т.е. в однокомпонентные циклы. Однако, для того чтобы автору открыто продемонстрировать свою ориентацию на позицию возможных единомышленников или оппонентов (читателей), необходимо использование и двухкомпонентных циклов. Степень выраженности диалогичности в этом случае, разумеется, выше, чем в первом, поскольку в двухкомпонентном цикле воспроизводится форма непосредственного устного общения.

В тексте различные элементарные циклы чередуются, благодаря чему происходит развитие его содержания. Первая реплика цикла передает смысловую позицию одного партнера в форме сообщения, побуждения или вопроса. В ответной реплике содержится смысловая позиция другого в виде согласия и несогласия, анализа, оценки, уточнения, пояснения,

доказательства, ответа на вопрос, причем выражение ответа становится предпосылкой для формирования следующего цикла. Значит, развитие содержания текста заключается в чередовании циклов, отражающем соотношение различных смысловых позиций – утверждение одних и опровержение других.

Можно выделить следующие примеры элементарных циклов с учетом их прагматических признаков:

I. Сообщение как информирование читателя (через одно или ряд повествовательных предложений) о каком-либо фрагменте знаний – отношение к нему (эксплицитное или имплицитное), выраженное либо нейтрально, либо экспрессивно, эмоционально. Отношение к сообщению выражается различно, в виде согласованности или несогласованности точек зрения, например:

а) *Диалогичность «чисто» информативного характера* в: научных текстах *«Идея необходимости совмещения в грамматическом значении обоих направлений анализа... эксплицитно была выражена уже в 1922 г. С.И. Бернштейн писал: «...отправной точкой синтаксического исследования...» (Бондарко); «Невозможно осмыслить проблему без изучения идей И.П. Павлова... Полезно напомнить читателям высказывания И.П. Павлова: «В развивающемся мире...» (Головин).*

При выражении диалогичности информативного характера представляются сведения, хорошо известные автору, но не читателю (сообщение для другого), при выражении же очень близкого ему диалога-унисона подчеркивается согласованность разных мнений.

Диалогичность «чисто» информативного характера, как литературный приём, достаточно часто используется в художественных и публицистических текстах. Типичный пример – вступительное «слово автора», которое может предварять художественное или публицистическое произведение: *«Уважаемый читатель! Взяв эту книгу в руки, не настраивайтесь на многотрудное интеллектуальное чтение. Это – не эпохальное произведение, претендующее на нобелевскую премию. Если кто-то читает только такую литературу – отложите её в сторону, дабы не испортить свой вкус и настроение... Скорее, всё что в ней запечатлено, – робкая попытка глазами простого сибиряка взглянуть на наше житие-бытие. И не более того...»*

Кроме этого, но во-вторую очередь, эта книга – своеобразный итог некоторых размышлений и наблюдений, человека «третьего возраста» о жизни вообще и, соответственно, о жизни сибирского сообщества 80-тых годов 20-го и первого десятилетия 21 веков.

Название этой книги – не самоуничижение и, тем более, не желание посмеяться над этим самобытным сообществом людей, отличающимся по географическому, интеллектуальному и другим признакам, от живущим людей не только в России, но и на нашей малюсенькой, в космических масштабах, планете...

«Сибирский валенок» - человек, который сумел, оставаясь грустным, смешным и, главное, непосредственным – сохранить свою наднациональную самобытность, оставаясь при этом бурятом, русским, чалдоном, украинцем, белорусом, тофаларом, эвенком, якутом и т.п. Эта наднациональная самобытность имеет свои приметы эпохи и государства, в рамках которого она сформировалась и вот уже несколько веков существует. Но она, при этом, по твёрдому убеждению автора этих строк, «сама себе на уме», потому что стремится сохранить вечные простые и понятные каждому человеку ценности – любовь к природе, к человеку, к жизни...»⁵⁴.

б) Диалог-унисон (согласованность точек зрения, подтверждение одного мнения другим) в научном тексте: «Изменение языка во времени... не контролируется... сознанием человека... Можно в связи с этим сослаться на мнение Э. Бенвениста: «Применение языка...» (Головин).

Диалог-унисон как художественно-публицистический приём часто встречается в публицистических текстах, так как мнение других людей – одна из разновидностей фактов, которые активно использует журналистика: «А простота... простота характерна для цивилизации юных, не сотворивших духом своим ничего солидного. Или постаревших и бредущих к гибели...»

А.Н.Леонтьев бросил самое сильное, самое непобедимое обвинение либерально-демократическим идеалам. Равенство столь притягательно, столь логично... Но равенство... неплодотворно. Простота и универсализм практичны... но безобразны. Толпы серых блузников, пиджачников, крикливых недоучек-политиканов, демагогов с чудовищным самомнением; искусство, прислуживающее корысти; нелепый энтузиазм уравнивания; невежественное отстранение от сложной философии и не менее сложного богословия; духовно ничтожное движение к материальному комфорту. <... > Какой бы не заключалось логики в либерально-демократических воззрениях, а они, прежде всего, тупо просты, как солдатский плац. А все простое – симптом умирания, «вторичного упрощения» в сторону урны с пеплом».

Исходя из этой философии, Леонтьев искал возможность «подморозить Россию...»⁵⁵

Реже диалог-унисон используется в художественных произведениях. Чаще в авторских отступлениях, которые были очень популярны, например, в русской «философской литературе» девятнадцатого века. Встречается использование диалога- унисона прямо в контексте разговора героев: «- Вот ты, Серёга, прошёл огонь и воду... Повидал разного всего поболее меня... Скажи, что со всеми нами происходит???

⁵⁴ А.И. Гордин А.И. «Сибирский валенок, Иркутск, 2013.

⁵⁵ Володихин Д. Дважды рождённый //Свой, июль, 2014. – С- 8.

- Если ты о стране, то один мудрый и очень уважаемый мною человек, философ А. А. Зиновьев, сказал об этом коротко, но внятно: «Целились в коммунизм, а убили Россию...»⁵⁶.

в) *Диалог-спор (несогласие)* в научной литературе: «Такого типа текст или текстема... является переходной единицей... Сравним прямолинейные утверждения обратного порядка: «Структуру текста можно рассматривать...» (Колшанский); «Согласно этому пониманию... главные его признаки, выделенные Келером, должны быть соотнесены друг с другом в обратном порядке. Не факт переноса найденного решения следует объяснять... но, наоборот, ход экспериментальной задачи нужно понять как результат...» (А.Н. Леонтьев).

Диалог-спор как художественно-публицистический приём так же распространён и в публицистических, и в художественных текстах. Столкновение противоположных смысловых позиций становилось в иных произведениях «художественным стержнем», на который «нанализывался» событийный ряд (фабула). Для примера достаточно вспомнить такие произведения русской литературы как «Отцы и дети» И.Тургенева, «Братья Карамазовы», «Идиот» Ф.Достоевского.

Диалог-спор является смыслообразующим в таких публицистических жанрах как дискуссия, круглый стол, полемика.

г) *Модальный диалог (повышенная эмоциональная насыщенность диалога)*. Диалог-унисон и диалог-спор, как правило, характеризуются явной оценочностью, степень выраженности которой в тексте и сопровождающая ее экспрессия (эмотивность) возрастают от первого ко второму. Замечено, что именно отрицательная оценка более экспрессивна и связана с воздействием на адресата.

А.Р. Балаян выделяет диалог по степени модальной насыщенности (модальный диалог). На основе такого диалога, в частности, строится и, соответственно, описывается ход полемики. Модальный диалог наиболее часто встречается в художественной или художественно-публицистической письменной речи. Это объясняется драматургичностью такого рода текстов, «столкновением» характеров героев, которое необходимо для занимательности, читабельности, более красочного раскрытия идейного содержания текста.

д) *Диктальный диалог - выяснение, уточнение каких-либо фактов* (А.Р. Балаян). Такой диалог может применяться в научной письменной речи. В этом случае он будет одной из разновидностей диалога-унисона.

Но особенно ярко себя проявляет диктальный диалог в детективе и художественных произведениях близких этому литературному жанру, потому что этот вид диалога основывается на дедуктивном рассуждении, именуемом методом исключения. Именно в форме диктального диалога выстроено большинство умозаключений знаменитого литературного героя Шерлока Холмса, которые «рождаются» у него в диалоге со своим другом

⁵⁶ Гордин А. «Сибирский валенок, Иркутск, 2013.

доктором Уотсоном. Блестящий пример разделительного доказательства содержится в следующем диктальном диалоге между сыщиком-консультантом и доктором, в процессе которого первый демонстрирует второму разницу между умением наблюдать и умением делать выводы:

«Нет, это разные вещи, - ответил Шерлок Холмс. – Вот, например, наблюдение показало мне, что утром вы были на почте на Уигмор-стрит, а умение логически мыслить позволило сделать вывод, что вы ходили туда посылать телеграмму.

- Поразительно! – воскликнул Уотсон. – Вы правы. Но, должен признаться, я не понимаю, как вы догадались. Я зашел на почту случайно и не помню, чтобы кому-нибудь говорил об этом.

- Проще простого, - улыбнулся Шерлок Холмс. – Хотя, пожалуй, на этом примере я смог бы доказать вам разницу между умением наблюдать и умением строить умозаключения. Наблюдение показало мне, что подошвы ваших ботинок испачканы красноватой глиной. А у самой почты на Уигмор-стрит как раз ведутся земляные работы. Земля вся разрыта, и войти на почту, не испачкав ног, невозможно. Глина там особого красноватого цвета, какой поблизости нигде нет. Вот что дало наблюдение. Остальное я вывел логическим путем.

- А как вы узнали, что я посылал телеграмму?

- Тоже просто. Мне известно, что утром вы не писали никаких писем, ведь я все утро сидел напротив вас. А в открытом ящике вашего бюро я заметил толстую пачку почтовых открыток и целый лист марок. Для чего же тогда идти на почту, как не затем, чтобы послать телеграмму? Отбросьте все, что не могло иметь места, и останется один единственный факт, который и есть истинна» (Артур Конан Дойль «Знак четырех»).

Диктальный диалог часто используется журналистами при описании журналистского расследования. Этот приём создаёт у читателя иллюзию (симуляцию) акта сомыслия, делает текст более занимательным и читабельным.

II. Вопросно-ответный комплекс – это структурно-семантическое единство, состоящее минимально из двух предложений, которое наиболее часто употребляется в письменной литературе при рассуждении, которое направлено на формирование нового знания. Поэтому вопросно-ответный комплекс весьма характерен для научных текстов, особенно для работ теоретического характера, посвященных дискуссионным проблемам и нередко реализуемым в «полемиическом ключе». Однако вопросно-ответный комплекс используется в учебной, публицистической и художественной литературе преимущественно для активизации внимания читателя.

Вопросно-ответный комплекс в научных текстах встречается чаще всего во фрагментах, содержащих концептуально особенно значимую информацию, а также при рассуждениях, размышлениях.

Например: *«Не теряется ли идеальный характер сознания...? Перестает ли она быть идеальной копией...? Конечно, нет»* (А.П. Шептулин).

Вводимый односоставными и личными конструкциями, вопросно-ответный комплекс предвосхищает реакцию читателя.

Например: *«Что же, – спросит читатель, – язык в процессе функционирования приостанавливается в своем развитии?» Получается, будто язык развивается вне процесса своего же функционирования»* (Будагов).

Наиболее типичны для научных текстов вопросы в ходе решения творческих задач, в процессе анализа проблемы и принятия решений в альтернативных эпистемических ситуациях, т.е., как было сказано выше, при рассуждении. Весьма активны они при формулировании гипотезы и нового знания – авторской научной концепции (проблемные вопросы). В текстах теоретического характера они связаны с экспликацией таких фаз познавательной деятельности ученого, как проблемная ситуация, идея, гипотеза, а также доказательство гипотезы, особенно при наличии «конкурирующих гипотез» и их анализа.

Вопросно-ответный комплекс в художественной литературе наиболее часто используется в научной фантастике, приключенческой и детективной литературе. Например, в романе В. Катаева «Два капитана» рассматривается гипотеза о существовании новой земли в Северном ледовитом океане, а так же несколько гипотез о гибели экспедиции капитана Татаринова.

В научно-фантастическом романе Жюль Верна «Дети капитана Гранта» учёный Паганель во время приключений главных героев, опираясь на сохранившееся содержание записки найденной в бутылке, рассматривает несколько гипотез о местонахождении капитана.

В публицистике вопросно-ответный комплекс используется авторами в журналистских материалах, которые описывают разные гипотезы о происхождении тех или иных явлений и гипотезы, возникающие в ходе собственных журналистских исследований. А так же как приём привлечения внимания к изданию. Чаще всего он используется так называемой «жёлтой прессой», которая откровенно сочиняет гипотезы о природных, политических, экономических и социальных явлениях с целью создания вокруг газеты, журнала скандальной сенсационной атмосферы, которая так, или иначе будет способствовать привлечению внимания читателей.

Таковым можно назвать цикл журналистских материалов-гипотез о будущем Сибири в газете «День Сибири» (г. Иркутск, 2013 г.) под рубрикой «А что бы было, если...». Под этой рубрикой коллектив газеты в течение нескольких недель публиковал авторские гипотезы о том, что бы произошло в Сибири и с Сибирью, если бы, например, большевиков победил Колчак, Сибирь отделилась от России, и были созданы Соединённые штаты Сибири и т.п. Предлагаемые автором варианты социально-экономического развития региона воспринимались некоторыми невнимательными читателями, не

прочитавшими название рубрики, как опубликованные ранее неизвестные факты деятельности Сибирской республики, которая действительно непродолжительное время (1918-1920 гг.) существовала как суверенное государство, имевшее свою денежную единицу, армию и соответствующие структуры законодательной и исполнительной власти.

Вопросно-ответный комплекс реализуется как в проблемных вопросах, исходящих от автора (и в то же время как предполагаемый вопрос читателя), на которые отвечает сам автор (риторический вопрос), для выражения автодиалогичности.

Например: *«Рождается вопрос: откуда же взялось это тепло? ... какое же это состояние энергии... Для того, чтобы выяснить это, мы должны взглянуть на химические явления»* (Тимирязев); *«Если понимание настолько всеобщее, то насколько же оно специфично...? Не является ли оно бессодержательным...? Где и как существует... знание? В пятнах типографской краски... в звуковых колебаниях? И «да» и «нет»* (Гусев);

В художественной и публицистической литературе в таком виде вопросно-ответный комплекс наиболее часто используется в авторских отступлениях.

III. Еще один цикл: Побуждение–ответная реакция. Этот цикл в письменно-научной речи предстает, прежде всего, как активизация внимания читателя.

Например: *«Рассмотрим, как С.Д. Кацнельсон преодолевает возникшее теоретическое затруднение. Ученый признает, что...»* (Головин). *«Пусть в любой E-окрестности содержится бесконечно много элементов. Рассмотрим совокупность...»* (Ильин).

Здесь автор, обратившись к читателям, рассматривает проблему как бы на фоне их активизированного внимания. Побуждение обнаруживается в научных текстах рассуждающего характера, при допущениях в доказательстве.

Например: *«Теперь докажем теорему. Будем считать, что... Введем граничные условия... Проинтегрируем уравнения...»* (Лебедев).

Или для выражения рекомендаций.

Например: *«Теперь следует перевести на какие-нибудь меры, например, на граммы и рассуждать так...»* (Реформатский).

Прямое обращение к читателю может использоваться для передачи особого фрагмента – перехода к новой теме, выделяемого некоторыми лингвистами как семантико-структурный вариант диалогичности (или разновидность диалога).

Например: *«Обратимся к другим аспектам... различий»* (Бондарко); *«Посмотрим теперь на противоположение лексики и грамматики с другой стороны...»* (Щерба).

В целом в письменном научном тексте, по сравнению с устным диалогом, сила «иллокутивного вынуждения»⁵⁷ ослаблена, так как тип

⁵⁷ «Иллокутивное вынуждение» - функционально-семантическое или социально-логическое вынуждение, характерное для устного непосредственного общения, когда логика речи собеседников корректируется

запроса информации носит мыслительный характер»⁵⁸. Важно, что диалог смысловых позиций, мнений реализует динамику текстообразования и предстает как весьма существенный стилистико-текстовый признак научной речи. Это же подтверждает мысль о целесообразности отнесения диалогичности к текстовым категориям вообще, в которых будь то художественная или публицистическая литература так или иначе представлены научные методы познания окружающего мира.

Резюме

Диалогичность мышления в письменной речи в сравнении с устной объективно более искусственная, а значит более осмысленная и структурированная. Казалось бы, при условиях исключительной умозрительности и возможной вариативности письменных текстов неизбежно художественно-образное мышление и тем более подсознание должны отойти в них на второй план. Но это не происходит, потому что в противном случае неизбежно нарушается процесс продуктивного мышления, основанного на взвешенной сбалансированной работе сознания, которое придаёт ему необходимую эмоциональную напряжённость (частичную смысловую неопределённость), красочность (образность) и рациональность (логическую последовательность).

Вместе с тем невозможно отрицать тот факт, что сознание в ситуации такого «искусственного диалога» имеет возможность более сфокусировано решать, например, социально-психологические и семантико-эмотивные проблемы. Проще говоря, автор письменного текста с помощью многократного (волнового) редактирования может его совершенствовать, так как он считает необходимым, согласно тому какие он собирает с его помощью решать задачи.

Письменные диалогические тексты в научной, публицистической и художественной литературе, при своей очевидной синкретической однородности, имеют разное видовое содержание.

В диалогах, представленных в современной научной литературе, акцент делается преимущественно на реальных акторах человеческого сознания. Такие диалоги умеренно-эмоциональны, причинно-следственно обусловлены, лаконичны и специфичны как в стиле речевого взаимодействия, так в случаях использования профессиональной терминологии.

В диалогах, которые представлены в художественной письменной литературе, наблюдается стремление авторов конституировать право

социальными смыслами: социальными ролями собеседников, ситуацией общения, социальной средой, временем и т.п.

⁵⁸ Красильникова Л.В. Диалогическая структура научного дискурса в жанре научной рецензии: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1995.

выражать свои мысли «фигурально», т.е. в той или иной степени образно. В качестве акторов диалога выбирать любые виртуально существующие (в воображении автора) реальности. Драматургия диалогов в литературном произведении не просто произвольна, а самопроизвольна. То есть, основана не столько на «здравом смысле», сколько на интуиции и «творческих причудах» автора.

Своя специфика и у диалогов в публицистических текстах. С одной стороны, акторы в журналистских материалах, за исключением таких художественно-публицистических жанров как памфлет и фельетон, – реальные люди. С другой стороны, художественные обобщения, свободные аналогии позволяют авторам публицистических произведений персонализировать, например, явления природы (гроза, снегопад, ветер, дождь и т.п.) или «технологические произведения» человека (дома, корабли, автомобили и др.), которые могут стать актором диалога.

Этот приём заимствуется публицистикой у художественной литературы, для достижения наибольшего эмоционального воздействия на читателей.

Для подчёркивания достоверности диалога автор публицистического произведения должен предельно точно передавать стилистические особенности устной речи акторов. Это делать необязательно в научной литературе и тем более художественной, в которой большинство акторов – вымышленные люди. Речевая характеристика героя в публицистическом тексте имеет несколько иной смысл: он не говорящая идея, как в художественной литературе, а говорящий факт. И, соответственно, диалог акторов в публицистическом произведении это не столкновение каких-то отвлечённых эстетических, политических и прочих идей, а столкновение «живых» социальных реальностей, воплощённых в людях, столкновение конкретных социальных ситуаций, в которых они осуществляют свою жизнедеятельность.

Внутреннее «Я» журналиста так же существенно отличается от внутреннего «Я» поэта (так назовём для наглядности автора художественного произведения). Даже в эссе, публицистическом жанре максимально приближенном к художественной литературе, который любят и поэты, и журналисты, их автодиалог имеет принципиально разные характеристики. У поэта это ещё один герой его произведения, а у журналиста это ещё один наблюдатель действительности, причём, самый беспристрастный, глядящий на происходящие события одновременно из щемящей, незамутнённой разумом глубины души и со стороны иной социальной среды.

Разновидностями диалогичности письменной научной речи в аспекте структуры речевого и межличностного взаимодействия являются:

- 1) «разговор» с другим упоминаемым лицом или лицами, идейными (теоретическими) противниками и единомышленниками;
- 2) сопоставление (или столкновение) двух и более различных точек зрения, которые обычно в процессе анализа оцениваются автором;

3) «разговор» с читателем, приглашение его к сомышлению, стремление привлечь его внимание к содержанию речи;

4) «разговор» со своим вторым «Я», не двойником, а объективированным «Я» (представленным в тексте как диалог-самоанализ, самоконтроль или – проще – диалог разных логик с целью проверки доказательства).

Исследователь Л.Р. Дускаева⁵⁹ отмечает, что в научных текстах выделяется круг разновидностей устного диалога: вопрос-ответ; диалог-унисон; диалог-спор; перевод темы в другую плоскость (переход к новой теме, нередко предваряемый риторическим вопросом). Эти разновидности устного диалога, не так прямолинейно как в научном, но всё-таки достаточно активно используются при композиционном решении художественных и публицистических текстов.

Можно выделить следующие примеры элементарных диалогичных циклов с учетом их прагматических признаков:

I. Сообщение как информирование читателя (через одно или ряд повествовательных предложений) о каком-либо фрагменте знаний – отношение к нему (эксплицитное или имплицитное), выраженное либо нейтрально, либо экспрессивно, эмоционально.

II. Вопросно-ответный комплекс – это структурно-семантическое единство, состоящее минимально из двух предложений, которое наиболее часто употребляется в письменной литературе при рассуждении, которое направлено на формирование нового знания. Поэтому вопросно-ответный комплекс весьма характерен для научных текстов, особенно для работ теоретического характера, посвященных дискуссионным проблемам и нередко реализуемым в «полемиическом ключе». Однако вопросно-ответный комплекс используется в учебной, публицистической и художественной литературе преимущественно для активизации внимания читателя.

III. Еще один цикл: Побуждение–ответная реакция. Этот цикл в письменно-научной речи предстает, прежде всего, как активизация внимания читателя.

Термины для запоминания:

Актор – в контексте данного учебного пособия, человек, активно осуществляющий самостоятельную и независимую (субъектную) мыслительную деятельность в рамках межличностного взаимодействия.

Реципиент – относительно свободный и самостоятельный в суждениях собеседник, способный на равноправный (субъект-субъектный) диалог.

⁵⁹ Дускаева Л.Р. Диалогичность газетных текстов 1981–1991 гг.: дис. канд. филол. наук. – Пермь, 1995.

Вопросно-ответный комплекс – это структурно-семантическое единство, состоящее минимально из двух предложений, которое наиболее часто употребляется в письменной литературе при рассуждении, которое направлено на формирование нового знания.

Диктальный диалог - выяснение, уточнение каких-либо фактов

Модальный диалог - эмоционально насыщенный.

Диалог-унисон – в котором происходит согласованность точек зрения, подтверждение одного мнения другим.

Иллокутивное вынуждение - функционально-семантическое или социально-логическое вынуждение, характерное для устного непосредственного общения, когда логика речи собеседников корректируется социальными смыслами: социальными ролями собеседников, ситуацией общения, социальной средой, временем и т.п.

2.4. Диалогичность мышления как основа формирования высказываний и умозаключений

«Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и початков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы»
В. фон Гумбольдт

«Голова - лишь внутренность сердца»
Ф.Ницше

Вы узнаете:

- Чем отличается суждение от высказывания.
- Какие бывают виды высказываний.
- Что такое дедуктивные и индуктивные умозаключения.
- В чем выражается диалогичность мышления в высказываниях и умозаключениях.

Суждение – форма мышления, в которой что-либо утверждается или отрицается о существовании предметов, о наличии или отсутствии у них каких-либо свойств, о состоянии, виде деятельности или отношениях между

предметами (А.Д. Геманова). Термин «суждение» широко использовался в традиционной логике. В современной логике, ориентированной на активное взаимодействие с другими науками (психологией, социологией, философией, эконпсихологией и т.д.), обычно пользуются термином «высказывание». Высказывание – грамматически правильное предложение, взятое вместе с выраженным им смыслом (А.А. Ивин).

Далее мы будем пользоваться термином «высказывание», потому что в контексте нашего предмета – суждение это то, что с точки зрения формальной логики «лишено психологического оттенка, оно не зависит от конкретного языка, его можно охарактеризовать как то общее, что имеет два предложения, являющиеся правильными переводами друг друга»⁶⁰. То есть, такая интерпретация содержания понятия «суждения» указывает на фокусирование внимания на линейном мышлении, которое является составной, равноправной, но лишь частью живого мышления.

Высказывание состоит из понятий, с помощью которых оно фокусирует внимание человека на определённом предмете, именуемом субъектом (S) и его признаках существования во времени и пространстве, которые, в свою очередь, именуется предикатом (P). Между субъектом и предикатом существует логическая связь, которая может быть выражена словом (есть, является и т.п.), группой слов, тире, простым согласованием слов (собака лает). Перед субъектом иногда ставится кванторное слово, указывающее о какой части или совокупности субъекта (некоторые, все, один и т.п.) идёт речь в высказывании.

В отличие от суждений, которые линейно и прагматично отражают действительность, практически не зависят от языковых особенностей, а, следовательно, и от менталитета носителей языка, высказывание - более пластичная форма мышления. Пластичность высказывания выражается в том, что в нём сохраняется индивидуальное мнение о предмете. Признаки, его объясняющие, могут отличаться от «интернациональных» представлений о нём. Таким образом, высказывание стремится быть по-настоящему субъектным в отличие от суждения, логические манипуляции над которым давно уже превратили его в некую беспредметную абстрактную универсальную субстанцию, которую можно как лекало приложить к любому языку. Тем самым, косвенно, лишая права сам язык сохранять свою неповторимость и индивидуальность.

Высказывания дают возможность рассматривать эту форму мышления, не вынимая из него душу посредством жесткого структурального анализа и определения вида логических связей. Высказывание одним фактом своего существования в той форме мышления, о которой мы говорим, – это протест против универсализации языковых систем, против вульгарного его сведения только к средству коммуникации, против выхолащивания удивительной и таинственной творческой энергии, заложенной в него природой.

⁶⁰ Краткий словарь по логике / Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров; под ред. Д.П. Горского. – М.: Просвещение, 1991. – С.179.

Никогда выражение Плавта «Человек человеку волк», которое действительно может быть выражено на любом языке, не будет обозначать одно и то же для русского, англичанина, француза, японца, американца и т.п., потому что, хотя каждая из этих наций имеет биологически сходные параметры жизнедеятельности, в духовно-нравственном и социальном плане они не тождественны, так, как не могут быть тождественны два листка на одном дереве.

Русскому человеку, например, трудно себе представить, что выражение «Человек человеку волк» может интерпретироваться как положительное социальное явление, подтверждающее теорию эволюции видов Ч.Дарвина, на которой базируется одна из распространенных моделей западного социально-политического развития⁶¹. И как не старается предупредить нас устное народное творчество, являющееся выразителем коллективного мнения, с помощью различных пословиц («что русскому хорошо, то немцу смерть») – общество, загипнотизированное простыми и понятными (демократическими!) ценностями, стремится в пропасть универсализма, стандартизации, унификации мышления и поведения.

С этой точки зрения высказывание - это такая форма мышления, которая позволяет представить себе как та или иная национальность воспринимает тот или иной предмет, явление, абстрактную категорию (душа, совесть и т.п.). Не отрицая общего структурного анализа суждения, то есть некоего интернационального, универсального подхода к пониманию в целом процессов мышления с точки зрения формальной логики, высказывание требует более сложного и неоднозначного понимания вещей в системе культурных ценностей определенного сообщества в обязательном сравнении с распространённой точкой зрения на эту вещь в мире. Это необходимо для шлифования умения постоянно вырабатывать промежуточные компромиссные высказывания, а на их основе формулировать переводные, общепонятные суждения, основанные на равноценном, точнее, равноправном обмене и взаимном приятии сформированных тем или иным сообществом представлений о вещи. Ибо пока мы не найдём отличительные признаки, не осознаем почему и на основе чего мы по-разному понимаем те или иные высказывания, мы никогда не сможем придти к универсальным суждениям, которые необходимы как инструмент согласования своих действий на коротких отрезках деятельности человечества.

Понимание последнего очень важно. Выражение «короткие отрезки деятельности человека» указывают на динамику развития этой деятельности, в которой субъекты и объекты могут и должны меняться местами. Это в идеале должно происходить естественно на свободной, демократической основе без взаимных претензий и обид. Подобно тому, как в процессе

⁶¹ Теория социального дарвинизма. С точки зрения теории социального дарвинизма, человеческая жизнь – это борьба за существования, война всех против всех и выживание каждого в одиночку. С этой позиции индивидуалистические и эгоистические качества личности – суть определяющие двигатели формирования общественной системы (Социальная политика: учебник / под общ. ред. Н.А. Волгина. – М.: Издательство «Экзамен», 2006. – С.57)

нашего мышления то доминирует интуиция, то образное, то логическое мышление. Эти три фактора не могут жить друг без друга, их существование взаимно обусловлено: насильственное изъятие любого из них из процесса мышления приводит к деформации последнего, которая сказывается на деформации личности человека и его деятельности.

Те или иные интернациональные суждения, не учитывающие особенность национального высказывания о вещи, не должны насильственно внедряться в сознание человека, потому что насилие порождает рано или поздно отторжение – выдворение из сознания чужеродного духовно-нравственного элемента. Происходящие в этом случае индивидуальные (личностные) и общенациональные переживания (духовные кризисы), дезориентируют деятельность общества, приводят его к упадку и разложению.

Нетрудно заметить, что вышесказанное акцентирует наше внимание на необходимости:

- диалога в нашем сознании подсознания, художественно-образного и логического мышления при высказывании определенной индивидуальной мысли;

- диалога между национальными самосознаниями разных народов для выработки интернациональных суждений.

Учитывая всё вышесказанное, мы далее доверяемся мнению А.А.Ивина, который утверждает, что «Высказывания делятся на описательные (дескриптивные) и оценочные»⁶².

Описательное высказывание — это высказывание, главной функцией которого является описание действительности и которое является истинным или ложным.

Описательное высказывание считается истинным, если даваемое им описание соответствует реальному положению дел. Если описание не соответствует действительности, высказывание считается ложным. Истинными являются, в частности, описательные высказывания: «Снег бел», «Луна — единственный естественный спутник Земли», «Ртуть тяжелее воды» и т. п.; ложными являются высказывания: «Сажа белая», «Солнце — планета», «Железо легче воды» и т. п.

Чаще всего описательное высказывание имеет грамматическую форму повествовательного предложения: «Плутоний — химический элемент», «У ромба четыре стороны» и т. п. Однако описание может выражаться и предложениями других видов. Даже вопросительное предложение способно в подходящем контексте выражать описание. Человек, видящий пони, может задать риторический вопрос: «Это лошадь?», выражая не сомнение в том, что пони — действительно лошадь, а, скорее, удивление тем, что есть такие маленькие лошади.

Описательное отношение высказывания к действительности иногда отмечается словами «истинно», «действительно», «на самом деле» и т. п., но

⁶² Здесь и далее материал будет излагаться очень близко к тексту главы 5 «Высказывание» учебного пособия А.А. Ивина «Логика» (Ивин А.А. Логика: Пособие для учащихся. – М.: Просвещение, 1996. - С.67).

чаще всего никак специально не обозначается. Сказать «Трава зеленая» или «Сажа черная» — все равно, что сказать «Истинно, что трава зеленая» и «Сажа действительно черная».

Оценочное высказывание — это высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта, дающее ему оценку.

Оценочными являются, к примеру, высказывания: «Хорошо, что гремит гром», «Плохо, что идет дождь», «Лучше говорить правду, чем лгать», «Груши хуже яблок» и т. п.

Оценки делятся на абсолютные и сравнительные. Первые формулируются обычно с помощью абсолютных оценочных понятий: «хорошо», «плохо» и «безразлично»; вторые — с помощью сравнительных оценочных понятий: «лучше», «хуже», «равноценно». «Хорошо, что наступила осень» и «Безразлично, когда вы придете» — это абсолютные оценки. «Лето лучше зимы» и «Опоздать не хуже, чем совсем не прийти» — сравнительные оценки.

Способы выражения оценок чрезвычайно разнообразны. В качестве абсолютных оценочных понятий могут использоваться такие слова, как «добро», «зло», «позитивно ценно», «негативно ценно» и т. п. Вместо «лучше» часто используются «предпочтительнее», «желательнее» и т. п. В языке для правильного понимания оценок и отличения их от описаний важную роль играет тот контекст (в том числе и национальный), в котором формулируется оценочное высказывание.

Нередко абсолютные оценки выражаются высказываниями с явным или подразумеваемым «должно быть»: «Ученый должен быть критичным», «Солдат должен быть стойким» и т. п.

Можно выделять обычные, или стандартные формулировки оценочного высказывания, но в принципе предложение едва ли не любой грамматической формы способно в соответствующем контексте выражать оценку. Выделить оценочные высказывания среди других высказываний, опираясь только на грамматическую форму, невозможно. Оценочное высказывание отличается от описательного в первую очередь не грамматической формой, а своей основной функцией.

К оценочным высказываниям относятся не только собственно оценки, включающие понятия «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже» и т. п., но и высказывания о целях, стандарты, конвенции, эталоны, идеалы и т. п. Оценочными являются, в частности, высказывания: «Порядочный человек возвращает свои долги», «В метре должно быть сто сантиметров», «Быть моряком — моя мечта» и т. п.

Оценочное высказывание не является ни истинным, ни ложным. Истина характеризует отношение между описательным высказыванием и действительностью. Оценки не являются описаниями и могут характеризоваться как целесообразные, эффективные, разумные, обоснованные и т. п., но не как истинные или ложные. Описательное высказывание «Вода кипит» истинно, если вода действительно кипит.

Оценка же «Плохо, что вода кипит» может быть обоснованной или поспешной, учитывающей дальнейшие цели или нет, но не истинной или ложной. Споры по поводу приложимости к оценочным высказываниям терминов «истинно», «ложно» чаще всего связаны с тем, что одно и то же по своей форме высказывание иногда может выражать описание, а иногда — оценку. Кроме того, некоторые оценки настолько устоялись, что кажутся общепринятыми и несомненными, как сама истина. К примеру, оценка «Хорошо, что смертельно больному человеку врачи не сообщают правильный диагноз» в какой-то среде может представляться самоочевидной и единственно правильной. Однако известно, что в других странах такая оценка кажется предрассудком и выражением недоверия к силе духа больного.

Важную роль в повседневном общении играют неопределенные высказывания типа: «Этот дом голубой», «Здесь росло дерево», «Плохо, что завтра будет солнечное затмение» и т. п.

Неопределенное описательное высказывание само по себе не является ни истинным, ни ложным, но приобретает «истинностное» значение в контексте своего конкретного употребления. Например, если мы не знаем, на какой именно дом указывает высказывание «Этот дом голубой», мы не способны сказать, истинно оно или ложно. При уточнении пространственно-временных координат, при указании на конкретный «этот дом» высказывание становится истинным или ложным. Точно так же обстоит дело с высказыванием «Здесь росло дерево»: чтобы оно стало «полным», завершенным описанием, надо указать то место, к которому отсылает слово «здесь», и то время в прошлом, когда «было» дерево.

Высказывание «Плохо, что завтра будет солнечное затмение» претендует на то, чтобы быть оценкой. И оно становится ею в контексте своего употребления: момент произнесения данного высказывания конкретизирует то «сегодня», на следующий день после которого случится затмение.

Многие высказывания, относимые обычно явно к описательным, являются на самом деле неопределенными. Скажем, высказывание «Лондон больше Рима» истинно, но истинно именно теперь. Было время, когда Рим был больше Лондона, и данное неопределенное высказывание являлось ложным. Если в будущем Рим снова окажется больше Лондона, то высказывание «Лондон больше Рима» снова окажется ложным. В отдаленном прошлом, когда Рим уже существовал, а Лондона еще не было, рассматриваемое высказывание не было ни истинным, ни ложным.

Неопределенные высказывания не являются самостоятельным видом высказываний, наряду с описательными и оценочными. Одни неопределенные высказывания претендуют на то, чтобы быть описаниями, и становятся ими в контексте своего употребления. Другие неопределенные высказывания претендуют на роль оценок и становятся ими в контексте своего употребления. Неопределенные высказывания являются, таким

образом, либо неопределенными описательными высказываниями, либо неопределенными оценочными высказываниями.

Неопределенным высказывание делают ситуативные, или эгоцентрические слова, о которых говорилось ранее. Для устранения неопределенности обычно достаточно указания того времени, в которое произносится высказывание, того места, в котором это происходит, и того лица, которое употребляет данное высказывание в указанное время и в указанном месте. Все эти три характеристики определяются контекстом употребления высказывания. Только вырванное из этого контекста оно оказывается неопределенным.

Существуют также другие типы неопределенных высказываний. Еще Аристотель отнес к неопределенным высказывания о случайных будущих событиях. Для таких событий в настоящем нет причины для их наступления, как нет и причины для их отсутствия в будущем. Таковы, к примеру, высказывания: «Завтра состоится морское сражение» (будет оно или нет, зависит от решения флотоводцев, от погоды и т. д.), «В 2020 году зима будет очень теплой» и т. п.

К неопределенным относятся также высказывания, содержащие переменные, вместо которых должны подставляться либо имена, либо высказывания. Например, выражение «Все S являются высокими» не является ни истинным, ни ложным. Если вместо переменной S подставим имя «выдающиеся баскетболисты», получим истинное высказывание, а если подставим имя «выдающиеся футболисты», получим ложное высказывание. Выражение «Если дует ветер, то A », где переменная « A » представляет какое-то высказывание, не является ни истинным, ни ложным. Подставив вместо « A » высказывание «Деревья гнутся», получим истинное высказывание, а подставив высказывание «На воде нет ряби», получим ложное высказывание.

Высказывание в форме вопроса. Особое место в традиционной логике занимает вопрос. Он не истинен и не ложен, поэтому формально его нельзя отнести к суждению. Но как особая форма высказывания «вопрос в познании играет особенно большую роль, так само познание мира начинается с вопроса, с постановки проблемы. Всякий *вопрос* включает в себя, во-первых, исходную информацию о мире, которая называется базисом или предпосылкой вопроса, и, во-вторых, указание, на её недостаточность и необходимость дальнейшего дополнения и углубления знаний. Например, в вопросе «Где проходили XXI Олимпийские игры?» базисом служит неявно содержащиеся в нём утверждения: «Некогда состоялись XXI Олимпийские игры» и «Существует некое X , являющееся местом проведения XXI Олимпийских игр».

На неполноту или неопределенность знаний в базисе указывают операторы вопроса в форме вопросительных слов: «Кто?», «Где?», «Когда?», «Почему?» и др.

Вопросы, с точки зрения формальной логики, делятся на: уточняющие (определённые, прямые, «ли-вопросы» (действительно ли...), разделительные) и восполняющие (неопределённые, не прямые, «косвенные

вопросы» («Кто?», «Когда?», «Какой?», «Что?», «Где?» и др.). И уточняющие и восполняющие вопросы могут быть простыми и сложными, то есть состоящими из одного или нескольких вопросов.

Кроме того, вопросы делятся на логически корректные (правильно поставленными), т.е. базисы которых являются истинными суждениями, и на логически некорректные (или неправильно поставленные), базис которых – ложные или неопределённые по смыслу суждения.

Если в основе поставленного вопроса лежит простое незнание спрашивающего ложности базиса, то вопрос некорректен. Например, вопрос: «В каком году Р.Амундсен первый достиг Северного полюса?» - поставлен неправильно (некорректно), так как спрашивающий может не знать, что Р. Амундсен первый достиг в 1911 году Южного полюса.

Если же спрашивающий знает о ложности базиса вопроса и задает вопрос с целью провокации, запутывания своего оппонента, то такой вопрос называется провокационным, его постановка есть софистический приём.

Примером провокационных вопросов являются следующие: «Как построить «вечный двигатель»?», «Почему земля является квадратной?» и т.п.

Вопрос как высказывание важнейший инструментальный исследовательской, а значит учебной (педагогической) и журналистской деятельности. Для педагога и журналиста очень важно уметь логически корректно сформулировать вопрос, чтобы его содержание было понятно собеседнику (ученику, студенту, интервьюируемому, реципиенту) и он максимально активизировал его мыслительную деятельность.

В формальной логике существуют несколько правил постановки таких простых и сложных вопросов.

Правило первое. *Корректность постановки вопроса.* Итак, вопросы должны быть правильно поставленными, корректными. Провокационные и неопределённые вопросы недопустимы.

Правило второе. *Предусмотрение альтернативности ответа* («да» или «нет») на уточняющие вопросы. Например: «Было ли солнечное затмение в 1992 году на территории Испании?», «Признаёт ли Петров себя виновным в предъявленном ему обвинении?»

Правило третье. *Краткость и ясность формулировки вопроса.* Длинные, запутанные, нечёткие вопросы затрудняют их понимание и ответ на них.

Правило четвёртое. *Простота вопроса.* Если вопрос сложный, то его лучше разбить на несколько простых вопросов. Например: Были ли братья Иван и Константин Аксаковы издателями газеты «День»? Этот сложный вопрос следует разбить на два простых, так как ответы будут различными – «да», «нет» (ибо Иван Аксаков был издателем газеты «День», Константин – нет, он был только автором многочисленных статей в ней).

Правило пятое. *Перечисление всех альтернатив* в сложных разделительных вопросах. Например: «К какому виду электростанций относится данная электростанция: теплоэлектростанция (её разновидность –

атомная электростанция), гидроэлектростанция, солнечная или геотермальная?». Здесь нет пятой альтернативы – ветровой электростанции.

Правило шестое. *Отличение обычных вопросов от риторических.* Например: «Кто из вас не любит А.С. Пушкина?» Риторические вопросы являются суждениями, так как в них содержится утверждение или отрицание; обычные же вопросы суждениями не являются.

Бессмысленное выражение — это языковое выражение, не отвечающее требованиям синтаксиса или семантики языка. Бессмысленными являются, например, высказывания: «Простые числа зеленые», «Владимир Мономах — это редкоземельный элемент» и т. п. Бессмысленное представляет собой конфликт с правилами языка, выход за пределы установок, регламентирующих общение людей с помощью языка. Бессмысленное не равносильно ложному, оно не истинно и не ложно. Истинностное значение имеют только осмысленные описательные высказывания. Бессмысленное выражение вообще не сопоставимо с действительностью. В самом деле, с чем могло бы быть сопоставлено высказывание «Владимир Мономах — редкоземельный элемент»? Речь идет о киевском князе, так что сопоставлять, по-видимому, нужно с историей Древней Руси. Но князю приписывается свойство быть редкоземельным элементом, что, по всей вероятности, указывает на необходимость сопоставления с таблицей химических элементов Менделеева. Но между историей и данной таблицей нет ничего общего.

Проще обстоит дело с выражением «Если идет снег, то паровоз». Оно нарушает синтаксическое правило, предписывающее соединять с помощью связки «если..., то...» только высказывания. Невозможно вообразить ситуацию, в которой данное выражение оказалось бы истинным или ложным.

Высказывание «Простые числа зеленые» представляет собой грамматически правильное предложение. Такими же являются, очевидно, предложения «Хорошо, что простые числа зеленые» («Простые числа должны быть зелеными»). Первое предложение кажется описанием, но не является ни истинным, ни ложным, поскольку цвета не имеют отношения к числам. Второе предложение выражает, как может показаться, оценку, но о нем нельзя сказать, по аналогии с обычными оценочными высказываниями, что даваемая им оценка эффективна или целесообразна.

Сходным образом обстоит дело с высказываниями «Нынешний король Франции является лысым», «Пегас имеет крылья» и т. п., говорящими о несуществующих объектах («короле» республиканской Франции, «коне» с крыльями и т. п.).

К бессмысленным иногда относят также высказывания с туманным смыслом, подобные «Существовать — значит быть воспринимаемым».

Нельзя сказать, что бессмысленные высказывания вообще не являются высказываниями. Бессмысленные высказывания не относятся ни к оценочным, ни к описательным высказываниям и стоят не только «вне истины и лжи», но и «вне целесообразного и нецелесообразного». Тем не менее, бессмысленные высказывания могут быть составными частями наших

рассуждений. На основе таких, казалось бы, очевидно бессмысленных высказываний, как «Звук тромбона желтый», была разработана целая теория цветомузыки; исходя из принципа «Существовать — значит быть воспринимаемым», английский епископ Д. Беркли создал оригинальную философскую концепцию. Высказывания типа «Нынешний король Франции лысый» были предметом серьезного интереса логиков уже в нашем веке.

Бессмысленными (так же как и осмысленными) могут быть только высказывания или языковые выражения, претендующие на роль высказываний. Отдельные понятия, такие, как «равнина» или «круглый квадрат», обладают определенным содержанием, но они не претендуют на описание или оценку чего-нибудь. Из них можно составить высказывание, но сами по себе они высказываниями не являются.

Бессмысленное внутренне неоднородно. Можно говорить о типах, или видах, бессмысленного и о его вариациях даже в рамках отдельных типов.

К самому простому виду бессмысленного относятся выражения, в которых нарушены правила синтаксиса. В искусственных языках логики эти правила формулируются так, что автоматически исключаются бессмысленные последовательности знаков. Синтаксис естественных языков тоже ориентирован на то, чтобы исключать бессмысленное. Но его правила весьма расплывчаты и неопределенны, и иногда невозможно решить, что еще стоит на грани их соблюдения, а что уже перешло за нее.

Другой, более сложный тип бессмысленного представляют высказывания, синтаксически корректные, но смешивающие разные выражения языка. Не являются осмысленными, в частности, такие высказывания, как «Законы логики не тонут в воде», «Цезарь - первое натуральное число» и т. п.

Область бессмысленного является разнородной и нечетко очерченной, простирающейся от обычных «ерунды», «чепухи», «нелепости» и «чуши», до экзотичных «нонсенса» и «абракадабры».

Отсутствие четких определений, разграничивающих осмысленное и бессмысленное, принято считать недостатком обычного языка. Однако критика в данном случае должна учитывать многие обстоятельства и не быть излишне прямолинейной.

Неопределенность и неустойчивость границы между осмысленным и бессмысленным многообразно и интересно используется в языковом общении. В художественной литературе с помощью этой неопределенности нередко оказывается возможным выразить и передать то, что невыразимо и непередаваемо никаким совершенным в своем синтаксисе и в своей семантике искусственным языком. Особенность естественного живого языка, представляющаяся слабостью или недостатком в одном отношении, оборачивается несомненным его преимуществом в другом.

У Ф. М. Достоевского нередко стоящие на грани правил выражения, подобные «ужасно умела слушать», «я видел и сильно думал», «впоследствии, кроме гражданской скорби, он стал впадать и в шампанское», «всю семью держал в страхе божиим и взаперти», «мне было как-то

удивительно на него», «а все-таки меньше любил Васина, даже очень меньше любил» и т. п. Такие выражения хорошо вписываются в общую систему экспрессивного языка Достоевского, стремящегося к связности, цельности речевого потока, к неопределенности, размытости ситуаций и действующих лиц.

Поэт В. Шершеневич считал синтаксические нарушения хорошим средством преодоления застылости, омертвелости языка и конструировал высказывания, подобные «Он хожу». Внешне здесь явное отступление от правил языка. Но только контекст способен показать, отсутствует ли в этой конструкции смысл и так ли непонятна она собеседнику. Если отступление от правил не является простой небрежностью, а несет какой-то смысл, улавливаемый слушателем, то даже заведомо идущее против правил выражение нельзя безоговорочно отнести к бессмысленному.

В обычном употреблении слово «абсурд» иногда используется в том же значении, что и слово «бессмысленное». В логике же абсурд понимается как внутренне противоречивое высказывание. В таком высказывании что-то утверждается и отрицается одновременно, как, скажем, в высказывании «Тщеславие существует и тщеславия нет». Абсурдным считается также высказывание, которое внешне не является противоречивым, но из которого все-таки может быть выведено противоречие. К примеру, в высказывании «Чичиков был сыном бездетных родителей» есть только утверждение, но нет отрицания и, соответственно, нет явного противоречия. Но ясно, что из этого высказывания вытекает явное противоречие: «Некоторые родители имеют детей и вместе с тем не имеют их».

Абсурд отличается от бессмысленного. Бессмысленное не истинно и не ложно, его не с чем сопоставить в действительности, чтобы решить, соответствует оно ей или нет. Абсурдное высказывание осмысленно и в силу своей противоречивости является ложным. Например, высказывание «Если яблоко разрезано, то половина» бессмысленно; но высказывание «Он был женатым холостяком» не бессмысленно, а абсурдно и, значит, заведомо ложно.

Таким образом, высказывания сначала делятся на осмысленные и бессмысленные. Затем осмысленные высказывания, и только они, делятся на описательные и оценочные высказывания. Неопределенные высказывания являются частным случаем описаний и оценок, а именно неопределенными описательными высказываниями или неопределенными оценочными высказываниями.

Все высказывания делятся на простые и сложные.

Простым называется высказывание, не содержащее других высказываний в качестве своих частей.

Простыми являются, в частности, высказывания: «Вода кипит при 100° С», «Солнце — сравнительно небольшая звезда», «Свинец тяжелее железа» и т. п. Как бы мы ни разлагали на части подобные высказывания, среди полученных частей не будет такой, которая сама являлась бы высказыванием.

Сложным называется высказывание, содержащее другие высказывания в качестве своих частей.

Сложными являются, к примеру, высказывания: «Изучение логики не трудно и не бесполезно», «Он способен или он прилежен», «Либо Лермонтов родился в Москве, либо он родился в Петербурге», «Если наступает день, становится светло», «Неверно, что 9 — простое число» и т. п. Первое из этих высказываний слагается из двух простых высказываний: «Изучение логики не трудно» и «Изучение логики не бесполезно». Второе высказывание включает две части, являющиеся высказываниями: «Он способен» и «Он прилежен». Последнее, отрицательное высказывание содержит в качестве своей части высказывание: «9 — простое число». Отрицательное высказывание относится, таким образом, к сложным высказываниям: оно слагается из оборота «неверно, что ...» и какого-то высказывания, стоящего на месте многоточия.

Сложные высказывания образуются из других высказываний с помощью логических связок, или логических постоянных (констант), «и», «или», «либо, либо», «если, то», «если и только если», «неверно, что» и др. Перечисленные связки являются наиболее употребительными, но ими не исчерпывается множество всех возможных связок, или операций, посредством которых могут образовываться сложные высказывания. В грамматике некоторые из указанных связок называются союзами. В логике они имеют свои названия: конъюнкция «и», дизъюнкция «или», импликация «если, то ...», эквивалентность «если и только если», отрицание «неверно, что».

Высказывания, так же как и суждения подчиняются основным законам логики с той лишь разницей, что его языковой контекст ориентирует на дифференцированное использование этих законов. Т.е. не законы определяют конечный результат их применения, а язык. И то что, с точки зрения логики может быть «не логичным», с точки зрения контекста (языка, шире – социальной общности) естественным и целесообразным.

Так высказывание «Многожёнство является асоциальным явлением», которое обосновывается законом исключенного третьего (либо-либо и третьего не дано) в контексте деятельности мусульманского общества воспринимается как абсурд, а высказывание «Однополые браки - свидетельство грехопадения», по логике того же закона в некоторых западных странах воспринимается как покушение на толерантность.

Тем не менее, на коротких отрезках деятельности человека, особенно в современной науке, содержание высказываний может и должно регулироваться базовыми законами формальной логики. А именно законом тождества, законом непротиворечия, законом исключённого третьего и законом достаточного основания (см. п.1.1).

Интересным и продуктивным моментом осмысления перехода мышления от высказывания к более сложному его виду- умозаключению, является понимание с позиций искусства мыслить того, что такое дедукция и

индукция.

«Дедукция, - по словам А.А. Ивина, — это частный случай умозаключения». В широком смысле умозаключение — логическая операция, в результате которой из одного или нескольких принятых истинных высказываний⁶³ (посылок) получается новое истинное высказывание — заключение (вывод, следствие).

Умозаключение в традиционном виде – это неотъемлемая часть, прежде всего, формальной логики. «В зависимости от того, существует ли между посылками и заключением связь логического следования, - продолжает рассуждать А.А. Ивин, - можно выделить два вида умозаключений.

В дедуктивном умозаключении эта связь опирается на логическое правило, в силу чего заключение с логической необходимостью вытекает из принятых посылок. Отличительная особенность такого умозаключения в том, что оно от истинных посылок всегда ведет к истинному заключению.

В индуктивном умозаключении связь посылок и заключения опирается не на правило логики, а на некоторые фактические или психологические основания, не имеющие чисто формального характера. Такое умозаключение не следует логически из посылок в индуктивном умозаключении и может содержать информацию, отсутствующую в них. Достоверность посылок не означает поэтому достоверности выведенного из них индуктивно утверждения. Индукция дает только вероятные, или правдоподобные, заключения, нуждающиеся в дальнейшей проверке.

К дедуктивным относятся, к примеру, такие умозаключения:

Если идет дождь, земля является мокрой. Идет дождь.

Земля мокрая.

Если гелий металл, он электропроводен. Гелий не электропроводен.

Гелий не металл

Черта, отделяющая посылки от заключения, заменяет слово «следовательно».

Примерами индукции могут служить рассуждения:

Аргентина является республикой; Бразилия-республика;

Венесуэла-республика; Эквадор-республика.

Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Эквадор — латиноамериканские

⁶³ Напоминаем, что с позиции А.А.Ивина, которую мы разделяем, не каждое высказывание может являться истинным или ложным.

государства.

Все латиноамериканские государства являются республиками.

Италия-республика; Португалия-республика;

Финляндия — республика; Франция-республика.

Италия, Португалия, Финляндия, Франция — западноевропейские страны.

Все западноевропейские страны являются республиками.

Индукция не дает полной гарантии получения новой истины из уже имеющихся. Максимум, о котором можно говорить, — это определенная степень вероятности выводимого утверждения. Так, посылки из первого и второго индуктивного умозаключения истинны, но заключение первого из них истинно, а второго — ложно. Действительно, все латиноамериканские государства — республики; но среди западноевропейских стран имеются не только республики, но и монархии, например Англия, Бельгия и Испания.

Особенно характерными дедукциями являются логические переходы от общего знания к частному. Во всех случаях, когда требуется рассмотреть какое-то явление на основании уже известного общего принципа и вывести в отношении этого явления необходимое заключение, мы умозаключаем в форме дедукции («Все люди смертны; Сократ — человек; следовательно, Сократ смертен»).

Рассуждения, ведущие от знания о части предметов к общему знанию обо всех предметах определенного класса, — это типичные индукции, поскольку всегда остается вероятность того, что обобщение окажется поспешным и необоснованным («Сократ-философ; Аристотель — философ; значит, все люди — философы»).

Нельзя вместе с тем отождествлять дедукцию с переходом от общего к частному, а индукцию — с переходом от частного к общему.

Дедукция - это логический переход от одной истины к другой, индукция — переход от достоверного знания к вероятному. К индуктивным умозаключениям относятся не одни обобщения, но и уподобления, или аналогии.

Дедукция играет особую роль в обосновании утверждений: если рассматриваемое положение логически следует из уже установленных положений, оно обосновано и приемлемо в той же мере, что и последние. Это — собственно логический способ обоснования утверждений, использующий

чистое рассуждение и не требующий обращения к наблюдению, интуиции и т. д.

Подчеркивая важность дедукции в процессе обоснования, не следует, однако, отрывать ее от индукции или недооценивать последнюю. Почти все общие положения, включая, конечно, и научные законы, являются результатом индуктивного обобщения. В этом смысле индукция — основа нашего знания. Сама по себе она не гарантирует его истинности и обоснованности. Но она порождает предположения, связывает их с опытом и тем самым сообщает им определенное правдоподобие, более или менее высокую степень вероятности. Опыт — источник и фундамент человеческого знания. Индукция, отправляющаяся от того, что постигается в опыте, является необходимым средством его обобщения и систематизации» (А.А. Ивин).

Подводя итог нашим размышлениям о высказываниях и умозаклечениях как взаимно связанных между собой частей живого мышления, основанного на синтезе (равноправном диалоге) подсознания, художественно-образного и логического мышления, хотелось бы остановиться на некоторых особенностях этого процесса.

Если содержание понятий формируется, прежде всего, в результате диалога человека со своим внутренним «Я», и только в дальнейшем в этот процесс на уровне обобщения включаются другие люди, принуждая придать данному понятию общепринятое имя, которое будет в дальнейшем восприниматься как результат только групповой мыслительной деятельности. Разумеется, это не так, это подтверждают исключения, в которых иногда имя закрепляется определённым авторством⁶⁴.

В отличие от понятия, высказывание формально может принадлежать одному человеку. Например, одно из популярных высказываний имеет форму афоризма, которое произносится с обязательной ссылкой на автора⁶⁵. Реально же оно есть результат непосредственной или опосредованной (например, через книги и другие источники информации) коллективной мыслительной деятельности. В ситуации «рождения» высказывания на первый план выходит сложный диалог между сознанием индивидуальным и общественным. Правда, этот диалог в большинстве случаев с виртуальными собеседниками, он объективно не достаточно осмыслен, так как смысловая позиция «оппонента» может быть представлена подсознанием. Речь идёт об информации, которая когда-то была прочитана, услышана и как бы забыта человеком. Но она всегда незримо присутствовала в его сознании. А обозначилась как бы «неожиданно», да ещё в изменённом виде, отчего человеку, может показаться, что идея высказывания его собственная.

Диалогичная структура умозаклечения в этом смысле ещё более сложная. Внешне оно состоит из нескольких утвердительных высказываний, возможно принадлежащих изначально разным людям. Это означает, что

⁶⁴ Например, «Будушел – человек, идущий в будущее» является неологизмом русского поэта В.Хлебникова.

⁶⁵ Например, «Искусство – это цветок, растущий среди скал, нуждающийся в суровом ветре и ухабистой почве» (Александр Дюма-сын).

представленные в умозаключении в виде посылок высказывания, это смысловые позиции разных людей, которые вступают в диалог, в результате которого и рождается окончательное высказывание-вывод. Но ведь каждое высказывание результат совместной индивидуальной и групповой деятельности. А каждое входящее в его состав понятие – результат совместного мышления человека со своим внутренним «Я». Вот и получается, что умозаключение это, прежде всего, результат сложной коллективной деятельности.

Резюме

Высказывание состоит из понятий, с помощью которых оно фокусирует внимание человека на определённом предмете, именуемом субъектом (S) и его признаках существования во времени и пространстве, которые, в свою очередь, именуется предикатом (P). Между субъектом и предикатом существует логическая связь, которая может быть выражена словом (есть, является и т.п.), группой слов, тире, простым согласованием слов (собака лает). Перед субъектом иногда ставится кванторное слово, указывающее о какой части или совокупности субъекта (некоторые, все, один и т.п.) идёт речь в высказывании.

В отличие от суждений, которые линейно и прагматично отражают действительность, практически не зависят от языковых особенностей, а, следовательно, и от менталитета носителей языка, высказывание – более пластичная форма мышления. Пластичность высказывания выражается в том, что в нём сохраняется индивидуальное мнение о предмете, а признаки, его объясняющие, могут отличаться от «интернациональных» представлений о нём. Таким образом, высказывание стремится быть по-настоящему субъектным в отличие от суждения.

Высказывание дает возможность рассматривать эту форму мышления, не вынимая из него душу посредством жесткого структурального анализа и определения вида логических связей. Высказывание одним фактом своего существования в той форме мышления, о которой мы говорим, – это протест против универсализации языковых систем, против вульгарного его сведения только к средству коммуникации, против выхолащивания удивительной и таинственной творческой энергии, заложенной в него природой.

Те или иные интернациональные суждения, не учитывающие особенность национального высказывания о вещи, не должны насильственно внедряться в сознание человека, потому что насилие порождает рано или поздно отторжение – выдворение из сознания чужеродного духовно-нравственного элемента. Нетрудно заметить, что вышесказанное акцентирует наше внимание на необходимости:

- диалога в нашем сознании подсознания, художественно-образного и логического мышления при высказывании определенной индивидуальной мысли;

- диалога между национальным самосознанием разных народов для выработки интернациональных суждений.

Высказывания делятся на описательные (дескриптивные) и оценочные.

Описательное высказывание — это высказывание, главной функцией которого является описание действительности и которое является истинным или ложным. Описательное высказывание считается истинным, если даваемое им описание соответствует реальному положению дел. Если описание не соответствует действительности, высказывание считается ложным.

Оценочное высказывание — это высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта, дающее ему оценку. Оценочное высказывание не является ни истинным, ни ложным. Истина характеризует отношение между описательным высказыванием и действительностью.

Неопределенное описательное высказывание само по себе не является ни истинным, ни ложным, но приобретает «истинностное» значение в контексте своего конкретного употребления. Неопределенные высказывания не являются самостоятельным видом высказываний, наряду с описательными и оценочными. Одни неопределенные высказывания претендуют на то, чтобы быть описаниями, и становятся ими в контексте своего употребления. Другие неопределенные высказывания претендуют на роль оценок и становятся ими в контексте своего употребления. Неопределенные высказывания являются, таким образом, либо неопределенными описательными высказываниями, либо неопределенными оценочными высказываниями.

Бессмысленное выражение — это языковое выражение, не отвечающее требованиям синтаксиса или семантики языка. Нельзя сказать, что бессмысленные высказывания вообще не являются высказываниями. Бессмысленные высказывания не относятся ни к оценочным, ни к описательным высказываниям и стоят не только «вне истины и лжи», но и «вне целесообразного и нецелесообразного». Тем не менее, бессмысленные высказывания могут быть составными частями наших рассуждений.

Все высказывания делятся на простые и сложные.

Простым называется высказывание, не содержащее других высказываний в качестве своих частей.

Сложным называется высказывание, содержащее другие высказывания в качестве своих частей. Сложные высказывания образуются из других высказываний с помощью логических связок, или логических постоянных (констант), «и», «или», «либо, либо», «если, то», «если и только если», «неверно, что» и др.

Умозаключение в традиционном виде — это неотъемлемая часть, прежде всего, формальной логики. В зависимости от того, существует ли между

посылками и заключением связь логического следования, можно выделить два вида умозаключений.

В *дедуктивном умозаключении* эта связь опирается на логическое правило, в силу чего заключение с логической необходимостью вытекает из принятых посылок. Отличительная особенность такого умозаключения в том, что оно от истинных посылок всегда ведет к истинному заключению.

В *индуктивном умозаключении* связь посылок и заключения опирается не на правило логики, а на некоторые фактические или психологические основания, не имеющие чисто формального характера. Такое умозаключение не следует логически из посылок в индуктивном умозаключении и может содержать информацию, отсутствующую в них. Достоверность посылок не означает достоверности индуктивно выведенного из них утверждения. Индукция дает только вероятные, или правдоподобные, заключения, нуждающиеся в дальнейшей проверке.

Если содержание понятий формируется, прежде всего, в результате диалога человека со своим внутренним «Я», и только в дальнейшем в этот процесс на уровне обобщения включаются другие люди, принуждая придать данному понятию общепринятое имя, которое будет в дальнейшем восприниматься как результат только групповой мыслительной деятельности. Разумеется, это не так, это подтверждают исключения, в которых иногда имя закрепляется определённым авторством⁶⁶.

В отличие от понятия высказывание формально может принадлежать одному человеку. Например, одно из популярных высказываний имеет форму афоризма, который произносится с обязательной ссылкой на автора⁶⁷. Реально же оно есть результат непосредственной или опосредованной (например, через книги и другие источники информации) коллективной мыслительной деятельности. В ситуации «рождения» высказывания на первый план выходит сложный диалог между сознанием индивидуальным и общественным. Правда, этот диалог в большинстве случаев с виртуальными собеседниками, он объективно не достаточно осмыслен, так как смысловая позиция «оппонента» может быть представлена подсознанием. Речь идёт об информации, которая когда-то была прочитана, услышана и как бы забыта человеком. Но она всегда незримо присутствовала в его сознании. А обозначилась как бы «неожиданно», да ещё в измененном виде, отчего человеку, может показаться, что идея высказывания его собственная.

Диалогичная структура умозаключения в этом смысле ещё более сложная. Внешне оно состоит из нескольких утвердительных высказываний, возможно принадлежащих изначально разным людям. Это означает что, представленные в умозаключении в виде посылок высказывания, это смысловые позиции разных людей, которые вступают в диалог, в результате которого и рождается окончательное высказывание-вывод. Но ведь каждое

⁶⁶ Например, «Будушел – человек, идущий в будущее» является неологизмом русского поэта В.Хлебникова.

⁶⁷ Например, «Искусство – это цветок, растущий среди скал, нуждающийся в суровом ветре и ухабистой почве» (Александр Дюма-сын).

высказывание результат совместной индивидуальной и групповой деятельности. А каждое входящее в его состав понятие – результат совместного мышления человека со своим внутренним «Я». Вот и получается, что умозаключение это, прежде всего, результат сложной коллективной деятельности.

Термины для запоминания:

Суждение – форма мышления, в которой что-либо утверждается или отрицается о существовании предметов, о наличии или отсутствии у них каких-либо свойств, о состоянии, виде деятельности или отношениях между предметами.

Высказывание – грамматически правильное предложение, взятое вместе с выраженным им смыслом.

Описательное высказывание — это высказывание, главной функцией которого является описание действительности и которое является истинным или ложным.

Оценочное высказывание — это высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность какого-то объекта, дающее ему оценку.

Неопределенное описательное высказывание само по себе не является ни истинным, ни ложным, но приобретает истинностное значение в контексте своего конкретного употребления.

Высказывание в форме вопроса. Особое место в традиционной логике занимает вопрос. Он не истинен и не ложен, поэтому формально его нельзя отнести к суждению.

Бессмысленное выражение — это языковое выражение, не отвечающее требованиям синтаксиса или семантики языка.

Умозаключение — логическая операция, в результате которой из одного или нескольких принятых истинных высказываний (посылок) получается новое истинное высказывание — заключение (вывод, следствие).

Дедукция — это логический переход от одной истины к другой.

Индукция — переход от достоверного знания к вероятностному знанию.

Дедуктивное умозаключение — то, в котором заключение с логической необходимостью вытекает из принятых посылок. Отличительная особенность такого умозаключения в том, что оно от истинных посылок всегда ведет к истинному заключению.

Индуктивное умозаключение — то, в котором связь посылок и заключения опирается не на правило логики, а на некоторые фактические или психологические основания. Такое умозаключение не следует логически из посылок, их достоверность не означает достоверности выведенного из них утверждения, оно является вероятностным и нуждается в дальнейшей проверке.

2.5. Основы искусства индивидуального мышления

«Современная жизнь спешно меняется. Знаки новой эволюции стучатся во все двери. Чудесные энергии, могущественные лучи, бесчисленные открытия стирают условные границы и изливаются в трудах великих ученых. Древность выдает нам свои тайны, и будущее протягивает свою мощную руку восхождения. В этой истинной науке, вне условностей, мы чувствуем прекрасную ответственность перед грядущими поколениями. Мы постепенно познаем весь вред постоянных отрицаний, мы начинаем ценить просвещенную позитивность и созидательность»

Н.К. Рерих

«Эстетикой мышления можно назвать наши беседы в связи с тем, что искусство, как известно, прежде всего - радость, и речь у нас пойдет, я надеюсь, именно о радости мышления»

Ю.П. Сенокосов о беседах
с Мерабом Мамардашвили

Вы узнаете:

- Что такое гуманитарная этика мышления.
- В чём видел сущность эстетики мышления М. Мамардашвили.
- Что изучает психология мышления.
- О проблемах культуры мышления современного человека.

Основами искусства индивидуального мышления являются многочисленные аспекты жизнедеятельности человека, которыми

обусловлено его бытие. В общем смысле к ним можно отнести: этику, эстетику, психологию мышления, а так же культуру получения, обработки и транслирования информации (информационная культура). Таким образом, искусство индивидуального мышления человека определяется общим состоянием культуры его мышления.

Этика мышления. Этика мышления человека так же как этика его поведения, которая является его производной, определяет эволюцию или деградацию человеческой личности в процессе её жизненного пути. Этика мышления – это своеобразные принятые человеческим сообществом ценности и нормы «поведения» мышления. И соответственно у каждого периода развития мышления человека были свои нормы. Человечеству известны три типа мышления и, соответственно, сознания, последовательно сменявшие друг друга, – *мифологический, религиозный* и так называемый *научный*. Причём, последнее название не совсем точное, потому что не отражает его сути. Скорее этот тип мышления надо называть рационалистический, понятийный или материалистический. Он основан не на творческом, а на критическом понимании вещей, не на духовном (умозрительном), а на экспериментальном их постижении. Научное мышление это понятие более широкое и по объёму и по содержанию, потому что в процессе научного познания активно участвует, по крайней мере, чувственно-образное, т.е. мифологическое мышление, что не отрицает даже современная наука. Для научной деятельности важным является интуиция исследователя.

В начале двадцатого века получил развитие, в рамках научно-духовных исканий (Ф.Д. Инфанте, К.Э. Циолковский, Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский, П. Тейяр де Шарден, К.Э. Циолковский, Нильс Бор, П.А. Флоренский, А.Л. Чижевский, Т. Карлейл, И.А. Ильин и мн. другие), четвёртый тип мышления, который и сегодня находится в стадии становления и не имеет своего однозначного определения-названия. На базе этого «энергетического мышления» (от «энергетическая материя» В.И. Вернадского) духовно-научная теория настаивает, что человек, планеты, Вселенная есть энергетическое единство, о котором знали ещё древние люди. В.И. Вернадский, говоря о необходимости такой науки, писал, что она должна быть «более современная, чем современная, более терпимая к новым идеям и новым завоеваниям человеческого гения». Он склонялся к тому, что жизнь, как таковая, является «космическим выражением реальности, каким является пространство-время, материя и энергия» (В.И. Вернадский). Вернадский и те ученые, которые шли в едином русле научной мысли с ним, смотрели уже по-иному на научную методологию, расширяли ее рамки до осознания реальности космической Беспредельности. «Научно понять – значит установить явление в рамки научной реальности Космоса» (В.И.Вернадский). Человек переставал быть лишь биологическим объектом, он становился космической сущностью, несущей в себе всю сложность энергетики Вселенной.

Этика рационального мышления, если не исключает, то ставит под сомнение различные духовные составляющие науки, которые не могут быть объяснены с материалистической точки зрения, такие как душа, совесть, любовь и пр.

Между тем, в любой этике (мифологической, религиозной, рационалистической) например, такие понятия, как «ум» возникают естественно, притом обычно в противопоставлении. «Сердце – пишет В.Н.Третьяков, - это метафора, означающая душу. Этот вывод подтверждается тем, что прилагательные душевный (soulful) и сердечный (heartfelt) являются синонимами и в русском, и в английском языках.

Понятно, что сердце – всего лишь метафора, материализованный синоним нематериальной души. И все же, как мы можем приписывать какие-то психические функции этому мускульному мешку, перекачивающему кровь в сосудах? Более того, сердцу обычно даже отдают предпочтение перед разумом.

В самом деле, Жан де Лабрюер полагал: «Не столько ум, сколько сердце помогает людям стать ближе и быть более приятными». Люк де Вовенарг высказал похожую мысль: «Ум – это око души, а не сила; сила души – это сердце».

Остроумнейший Франсуа де Ларошфуко, как ни странно, тоже отдавал предпочтение сердцу: «Разум не может долго играть роль сердца». Но Федор Достоевский оказался особенно радикальным в этом сопоставлении: «Главное в человеке не ум, а то, что управляем им: характер, сердце, добрые чувства, передовые идеи».

Правда, следующее высказывание Вовенарга несколько выходит из этого ряда: «Самые высокие мысли исходят из сердца». Хотя и здесь мы отмечаем то же: сердце «лучше», чем ум.

Прояснить отношение между этими двумя понятиями может помочь мысль Льва Толстого, который ввел понятия «ум ума» и «ум сердца». Вот его слова: «Тот, у кого ум ума, не имеет сострадания к ближним. Этот ум холоден и горд. Ум сердца мягче, более сочувствующий и в конечном счете более необходимый в жизни, чем его самодовольный брат»⁶⁸.

Итак, ум сердца (т.е. душа, совесть) могут рассматриваться как та часть ума, которая «управляет» оценкой поведения, событий, действий, высказываний и мыслей, с точки зрения морали и этики, в соотношении с добром и злом. Понятно тогда, что ум может управлять формированием моральных принципов. Именно такова мысль Фридриха Шиллера: «Просвещенный разум облагораживает моральные чувства; голова должна воспитывать сердце».

Русский историк В.О.Ключевский придерживался подобного мнения: «Мысль без морали - недомыслие; мораль без мысли - фанатизм». Анатолий Франс, однако, был совершенно другого мнения о взаимоотношениях ума и сердца: «Сердце может добавить ума, но разум не может добавить сердца»⁶⁹.

⁶⁸ Розанов В.В. Л.Н.Толстой и Русская Церковь // Розанов В.В. Религия и культура, М., 1990. Т.1.

⁶⁹ Ключевский В. Добрые люди Древней Руси. Серев Посад, 1892.

Есть повод удивиться: как мог эрудит и интеллектуал Франс, споря с Шиллером, игнорировать взгляд на этот счет своего соотечественника Блеза Паскаля, который, в сущности, призвал людей самим формировать моральные принципы путем работы ума и совершенствовать эту работу, считая, что способность хорошо мыслить является базовым принципом морали.

Обычно современная наука, определяя виды этики, связывает их с определённой областью деятельности человека: этика научного, художественного, экономического, политического и прочих мышлений. Такое деление, конечно, правомерно, для определения специфики мышления в этих отраслях. Но нам бы хотелось остановиться на понимании авторитарной и гуманитарной этики в интерпретации Э.Фрома.⁷⁰ С его точки зрения, «Авторитарная этика означает признание авторитета. Этот авторитет может быть рациональным (когда его основой является компетентность, порождающая уважение) и иррациональным (когда он основывается на страхе вызвать недовольство). Авторитарная этика отрицает способность человека понимать, что хорошо, а что плохо, поскольку эти нормы устанавливаются авторитетом. Авторитарная этика проявляет себя, например, в формировании у детей неосознанных ценностных представлений или в нерелексивных ценностных суждениях взрослых.

Гуманитарная этика основана на принципе, что человек сам может определять критерии, чтобы различать добро и зло. При этом «добро» понимается как благо, нечто хорошее, а «зло» – как что-то плохое. Иначе говоря, гуманитарная этика является прикладной наукой «искусства жить»⁷¹.

Некоторые другие положения гуманитарной этики Э. Фромма:

«- Благо для человека – актуализация потенциальных сил. При этом добродетелью надо считать ответственность за собственное существование.

- Поскольку зло отбирает силы у человека, то порок – это безответственное отношение к своей собственной жизни.

- Зрелая, плодотворная личность, имеющая достаточный уровень разума, предпочтет, чтобы ее этическая система допускала разумное поведение, имеющее ценность по результату.

- Авторитарная совесть – это голос интериоризованного внешнего авторитета.

- Гуманитарная совесть – это наша реакция на нас самих, голос нашего истинного Эго, требующего, чтобы наша жизнь была плодотворной. Она может быть названа голосом любовной заботы о самом себе.

- Радость – это достижение, предполагающее внешнее усилие с целью быть плодотворно активным. Счастье – это отнюдь не божественный дар, а личное достижение, ставшее возможным в результате плодотворной работы»⁷².

⁷⁰ Этическая панорама мышления. В.Н.Третьяков. 6-я лекция в Free School for Panoramic Thinking

⁷¹ Фром Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.

⁷² Фром Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993.

В авторитарных и гуманитарных этических принципах Э.Фромма прослеживается эволюция научного мышления от ортодоксального материализма к гуманистическому духовно-нравственному рационализму.

Эстетика мышления. Эстетика – это наука, изучающая чувственное восприятие окружающего мира. «*Эстетика мышления* - понятие, предложенное и развернутое в курсе лекций «Эстетика мышления» М. К. Мамардашвили. Оно раскрывает многообразные возможности поля чувственной работы сознания и переживания тяжелой «радости мышления»⁷³.

Проблематику эстетического поля мышления философ обрисовывал как необходимость анализа эстетических свойств сознания, тайны рождения мысли из бездны чувственного, уяснения возможностей и разработки правил искусства мыслить. Содержание эстетики мышления разрешается и становится видимым: а) в осуществлении многократных актов рождения мысли на публике; б) уяснении и демонстрации новых «невозможных возможностей» искусства мыслить; в) показе ясного представления, как возможно размышление без наррации⁷⁴; г) различении эстетического пласта сознания.

В понятие эстетики мышления Мамардашвили вкладывал вариативные возможности, которыми обладают различные онтологические сферы человеческой жизни. Лишь интенсивно вступая в диалог с напряженными точками мысли в художественных произведениях, возможно создание произведения мысли. По контуру беседы «эстетики мышления» выстроены так, что, обставляя майевтическими приемами⁷⁵ ситуацию размышления вслух, философ пробуждал в слушателях экстатическое состояние⁷⁶ от созерцания движения сознания и побуждал их к рождению смысла, тем самым обучая правилам и возможностям искусства мыслить.

Попытка же проникнуть в тайну искусства мыслить обрекает философа на необходимость поверить чувственным не-чувственное, сверхчувственное, трансцендентное. Сущность эстетики мышления определена тем, что философ переживает в себе искусство сидения в качестве мысли. Эстетика мышления связана с радостью мысли, когда мы обретаем «чувство необратимой исполненности смысла». Эту радость можно схватить, если постигнуть, что истина располагается в слое мысли. Поскольку последний можно выделить из искусства, науки, философии, любой области жизни, то успехи нашего сознания зависят от личностной возможности совершить усилие по вхождению в слой мысли.

⁷³ Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М., 1999.

⁷⁴ Наррация (лат. Narratio, первоначально термин классической риторики, обозначающий «изложение») — термин нарратологии, в широком смысле — то же, что процесс повествования (в отличие от нарратива, обозначающего «повествование как произведение»).

У Жерара Женетта (наиболее скрупулезно систематизировавшего понятия) — порождающий повествовательный акт, ситуация или инстанция повествования, производящая инстанция нарративного дискурса, «изложение истории».

Согласно Вольфу Шмиду, наррация «является результатом композиции, организующей элементы событий в искусственном порядке (ordo artificialis)», причем в этой композиции «образуется смысл, активизирующий смысловой потенциал, заложенный в истории».

⁷⁵ Майевические приёмы - суть метода в искусстве извлечения скрытого в каждом человеке знания с помощью наводящих вопросов (Сократ).

⁷⁶ Экстатическое состояние – религиозный транс, состояние восхищения, исступления и экстаза.

В эстетике мышления Мамардашвили вводит понятие «симулякр⁷⁷», но понимаемый им не в постмодернистских рамках «образец — копия — след», а как дистанция между мыслью мысли и «манком» (копией) мысли. Мысль есть нечто случайное, она случается («нельзя захотеть — и помыслить»). И кроме пластики мыслительного движения эстетика мышления включает в себя необходимость и качество выражения помысленного. Выразительности можно достичь лишь в совпадении приемов выразительности с помысленным и понимаемым. Чтобы отличить подлинное от мнимого, мы должны быть живыми. Чтобы мы были живы, и жизнь как таковая была возможна, должно случиться совпадение множества вещей. Эстетика мышления проявляется, когда ощущение «живой жизни» случается как мысль.

В курсе эстетики мышления Мамардашвили, во многом исходя из Канта, расширяет область эстетики трансцендентального⁷⁸. Невыразимость мысли — особое состояние сознания, когда «мы оказываемся в состоянии страсти доказательства миру своего существования», и тогда мы неуместны в мире. Додумывая до конца мандельштамовское положение о расположении философии искусства в самом искусстве и о назначении человека — стать человеком, в эстетике мышления философ выводит, что позыв к мысли не есть сама мысль, а человек есть нечто не-родившееся. С метафорой «родившегося» он связывает мандельштамовское различие между чувством — страстью к существованию (бытию) и любовью к себе, а это выражено было когда-то в формуле Парменида - сущее и бытие едино. Ведь только родившееся может, должно и имеет право быть высказанным. Стрдание по ушедшему бессмысленно - нельзя возродить «смывшееся». От этого в нас есть страх перед возможностью не состояться. Чтобы состояться - нужно рождение. А для рождения нужны органы рождения, и такими в нас бродят тоскующие произведения искусства.

Необходимость выражения страха-тоски в эстетике мышления связана с ощущением в России тоски по мировой культуре – «истинное произведение искусства отличается от неистинного тем, что истинное имеет содержание, рождающее тысячекратно родственные себе мысли в тысячах и миллионах других голов». Через такой эстетический момент реального человеческого бытия он просматривает эстетику социальной реальности, расшифровывая внутреннюю задачу, которую задает эта тоска.

Но для того, чтобы сотворить художественное произведение мысли, необходимо своей телесностью постичь правила мышления, которые в эстетике мышления показаны в сравнении мышления с немышлением, хотя такое немышление и есть та самая интеллектуальная процедура, предстающая перед нами как мышление. Эта мнимая мыслительность. Но поскольку люди «не располагают всеми теми возможностями, которые

⁷⁷ Симулякр - (от лат. *simulo*, «делать вид, притворяться») — «копия», не имеющая оригинала в реальности. Иными словами, семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности.

⁷⁸ Эстетики трансцендентального - субъективное чувство наслаждения предметом, источником которого является предмет; свободная игра интеллектуальных сил, познавательных способностей человека, гармония их (Кант).

имеют», а для начала движения мысли они не могут отделить свое существование от предмета мысли, то «существование является дополнительным элементом для мысли». Мыслить в полноте своего существа, т. е. эстетически, и значит различать кажущееся и существующее.

Радость мысли не может появиться сама по себе. Чтобы появилось что-то мыслительное, человек должен начать с начала, а для этого необходимо отказаться от самого себя. Нельзя посолить соль, мышление нельзя начать, можно лишь уже быть в мышлении. Нельзя традицию продолжить, можно лишь уже быть в традиции или нет. Поскольку «...человеческое существо есть существо трансцензуса⁷⁹», то оно способно выйти за свои пределы, отказавшись от себя в пользу своего существования.

В эстетике мышления очерчены и схвачены узловые места красоты свершающихся в них событий. И здесь осмыслены эстетические свойства мысли в пространстве понимания и пространстве страдания. Так в пространстве страдания мы вдруг сталкиваемся с тяжелой точкой, благодаря которой и можем увидеть себя. Эстетика мысли помогает разрешению наших этических проблем. Так как дурная бесконечность страдания связана с «бесконечностью описания и с таким бегом в дурную бесконечность», то именно эстетический взгляд определен тем, что «в жизни нет того, что можно обозначить выражением — «и так далее», так как «в человеческой жизни мы решаем бесконечные задачи, задачи понимания и этики и когда мы вынуждены поступать» (В.А. Кругликов).

Психология мышления. В психологии существует множество определений мышления. Например, мышление - высший этап обработки информации человеком, процесс установления связей между объектами или явлениями окружающего мира. Мышление - процесс отражения существенных свойств объектов, а также связей между ними, что приводит к появлению представлений об объективной реальности. Мышление - высшая ступень человеческого познания, процесс отражения в мозге окружающего реального мира, основанный на двух принципиально различных психофизиологических механизмах: образования и непрерывного пополнения запаса понятий, представлений и вывода новых суждений и умозаключений.

Несмотря на многообразие определений понятия «мышление», несомненным остаётся одно: оно позволяет получить знание о таких объектах, свойствах и отношениях окружающего мира, которые не могут быть непосредственно восприняты при помощи первой сигнальной системы⁸⁰. Формы и законы мышления составляют предмет рассмотрения логики, а психофизиологические механизмы — соответственно, психологии и физиологии. С точки зрения физиологии и психологии, это определение является наиболее верным.

⁷⁹ Трансцензус - переход от субъективного к объективному, выход из сферы сознания в сферу объективного мира, совершаемый в ходе человеческой практики, запрещаемый или ограничиваемый субъективными идеалистами и агностиками. По Канту, т.е. допустим только для веры, а не для знания.

⁸⁰ Первая сигнальная система (психология) – отвечающая за чувственное восприятие действительности человеком.

Психология изучает мышление конкретного человека в его реальной жизни и деятельности. Различение чувственного и рационального познания показывает границы предмета психологии мышления, отличие мышления от восприятия. Восприятие отражает окружающий мир в образах. Мышление - в понятиях. Такое деление, принятое в рамках психологии, условное. Оно принято в психологии для удобства рассмотрения «поведения» сознания человека в различных видах деятельности, которые формируют различные виды мышления, имеющие соответственно, различные основания.

Разделение мышления на наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое (наиболее часто встречающееся в учебной литературе) произведено по генезу, т.е. базируется на генетическом принципе, и отражает три последовательных уровня развития мышления.

По типу решения проблем различают также теоретическое и практическое мышление. Пример теоретического мышления - открытие Менделеевым Д.И. периодического закона химических элементов. Пример практического мышления - разработка полководцем плана битвы. По типу познания различают теоретическое и эмпирическое мышление. Теоретическое мышление характеризуется использованием научных, теоретических понятий, категорий. Эмпирическое мышление работает с представлениями и житейскими понятиями.

Есть деление мышления на реалистическое и аутистическое по принципу доминирования тенденции: отразить мир или в ходе мышления объективировать свои желания, выразить себя, выдать желаемое за действительное. Промежуточное положение между ними занимает эгоцентрическое мышление, связанное с неспособностью стать на позицию другого человека. Довольно редко используется деление мыслительных процессов на произвольные и произвольные.

У З.И.Калмыковой есть различение продуктивного и репродуктивного видов мышления. Продуктивное мышление связано с порождением новых для субъекта продуктов (идей, понятий, целей). Репродуктивное мышление - это процесс, который приводит к повторяющимся результатам, без открытий.

По различию средств действия выделяют мышление вербальное и наглядное. По функциям в деятельности - мышление теоретическое и критическое. По степени рефлексии - интуитивное и рациональное и т.д.

Так как в конкретно-психологическом плане мышление рассматривается как процесс, осуществляемый конкретным человеком, психологию интересует непосредственно процесс порождения продуктов мышления, деятельность субъекта по порождению новых продуктов мышления. А так же ненаучное мышление (анализ заблуждений), искаженное мышление и ошибки в мышлении, поскольку из них можно извлекать уроки в процессе решения конкретно-мыслительных задач.

Культура мышления. Культура мышления - высший уровень и качество мышления человека, определяемое сознательным развитием личностью своих способов мышления, соответствующих требованиям человеческой

культуры. Культура мышления предполагает его организацию, оптимизацию и совершенствование. Она представляет собой способность оптимального использования интеллектуальных знаний, научных достижений человечества, логическую последовательность мышления, его целенаправленность на решение актуальных проблем и задач. Культура мышления предполагает соединение субъектом способностей понимания, интерпретации, объяснения, доказательства (аргументации), рефлексии и диалога. Особым способом осуществления мыслительного процесса как культурного является рефлексия, совмещающая организацию, критику и последовательное конструирование содержания мыслительной деятельности.

Т.е. культура мышления — совокупность формально-логических, языковых, содержательно-методологических и этнических требований и норм, предъявляемых к интеллектуальной деятельности человека. От их усвоения и применения зависят процессы социализации личности, ее профессиональные успехи и творческие достижения. Культура мышления — высокий уровень развития познавательных процессов и познавательной деятельности, характеризующийся достоверным восприятием текстов (устных и письменных) в соответствии с замыслом, соблюдением законов построения речевых произведений. Культура мышления тесно связана с личностью и характером человека.

Таким образом, культура мышления понятие, которое включает в себя вопросы этики, эстетики, психологии, логики, философии и многого другого, что сопряжено с деятельностью человека в определенный исторический период. В этом заключается её социокультурный смысл.

Особую роль играет культура в профессии педагога и журналиста, которые формируют в обществе систему ценностно-смысловых межличностных и общественных отношений человека во всех сферах его деятельности. Так как любая информация имеет образовательный смысл, то сам процесс познания является неотъемлемой частью его информационной деятельности. Понимание этого стало особенно актуальным для современного человека, живущего в период интенсивной информатизации общества. Человечество стало более зависимым от качества, направленности, ценностной сущности информации, которая интенсивно распространяется в различных средствах коммуникации, многоликость которых многократно увеличилась и продолжает увеличиваться быстрыми темпами в последние десятилетия. Современный человек получает, часто вне зависимости от его желания и воли, такое количество информации (которая насильственно концентрируется (прессуется) в его сознании), что ему трудно, а порой и невозможно её рационально познать (осмыслить).

В связи с этим перед образованием в целом и журналистикой, которая является его информальной составной частью⁸¹, стоит очень сложная и

⁸¹ Информальное образование - (т.е. находящемся вне какой-то формы) подразумевается обучение, «встроенное» в течение жизни: осуществляемое в ходе общения, происходящее под влиянием средств массовой информации, просветительской акции, при чтении книг, при осмыслении собственного опыта и опыта других. Образование взрослых всегда рассматривалось в контексте жизненного пути человека, где «университетами становятся не только учебные аудитории и библиотеки, но коллеги, друзья, дети, средства массовой

важная задача: научить человека адекватно отражать объективный мир в своём сознании. Это даст шанс ему его адекватно изменять. Адекватный объективный мир не может быть сведен к единообразию. Он не формула, в которую можно втиснуть космос, а живой поток вечно изменяющихся форм. Он требует не регламентации, а эмоционального переживания, оценивания всего происходящего с точки зрения добра и зла, прекрасного и безобразного, гармоничного и негармоничного, гуманного и антигуманного. Потому что процесс познания это не механическое препарирование живого организма скальпелем, а осознание того, что этот скальпель может причинить боль и страдание, исследуемому «объекту».

«Это делает необходимым создание системы образования, соответствующей требованиям эпохи информатизации. Такое образование не может ограничиваться усвоением личностью научных знаний. «Образование как образ жизни, не может быть научным, – справедливо пишет В.В. Кутарев. – Жизнь не сводится к доказательствам и логике». Оно должно быть духовным – философским и культурным» (И.А. Негодаев). «Напомним, - пишет И. Негодаев - что для Платона образование – это образовывание, создание, формирование человека. Это не просто внедрение знаний в его ум, но и формирование человека как высоконравственной личности – целостного совершенного человека».

«Целостное совершенствование» человека не будет таковым, если будет совершенствоваться только какая-то часть его сознания. Поэтому справедливо утверждение, что технократический (рациональный) тип мышления не должен доминировать над гуманитарным, который опирается на синтез рациональной и иррациональной деятельности человека.

В связи с этим И.Негодаев пишет: «Происходит кардинальное изменение соотношения между рациональным мышлением, опирающимся на вторую сигнальную систему, и эвристическим, творческим, интуитивным «инсайтом» – озарением, опирающимся преимущественно на непосредственно чувственное восприятие. Сложившаяся в процессе эволюции человека гармония рационального и эмоционального по мере формирования технократического (точнее – технецистского) мышления утрачивается. «Усиление функций одного полушария мозга ведет к подавлению другого, в силу чего культурное развитие человека сужается до технологического, до его превращения в бездушное роботообразное существо». На первый план выходят критерии целесообразности, эффективности. Человек становится более прагматичным, но менее эмоциональным.

Между тем, эмоции играют в познавательно-практической деятельности человека не меньшее значение, чем разум. А. Бергсон писал, что то обстоятельство, когда эмоции находятся у истоков великих творений искусства, науки и цивилизации в целом, не вызывает сомнения. Эмоции

информации (С.Г.Вершловский). Недаром многие из состоявшихся личностей «разговор с умным человеком» воспринимают как феномен, имеющий непосредственное отношение к образованию (И.А.Колесникова).

являются стимулирующим средством, которое побуждает ум к новым начинаниям, а волю – к упорству. Более того: существуют эмоции, порождающие мысль и, хотя изобретение принадлежит к явлениям интеллектуального порядка, оно может иметь своей субстанцией сферу чувств. Поэтому, заключает он, «творчество – это, прежде всего, эмоция. Речь идет не только о литературе и искусстве. Известно, что научное открытие заключает в себе сосредоточенность и усилие».

В современных условиях возникает противоречие между потребностями общества в культурно развитой личности и теми объективными процессами в обществе, которые не только не способствуют, но даже затрудняют это развитие. Формируется техницистское мышление, лежащее в лоне технократизма. «Техницизм, – писал Ортега-и-Гассет, – не зря считается одним из атрибутов «современной культуры», то есть культуры, которая вбирает лишь те знания, что приносят материальную пользу».

Технократизм – это не просто признание жесткой зависимости всех социальных феноменов и процессов техники. Техницизм – это мировоззренческий нейтралитет, образ и стиль жизни и мышления, который превращает жизнь человека – этого потенциального творца – в пожизненного исполнителя чужой воли, лишает его возможности самосозидания, строительства своей жизни и деятельности в соответствии со свободной волей, освобождает личность от ответственности за свое поведение и деятельность. Техницистское мышление – это рассудок, которому чужды разум и мудрость.

Было бы простой утопией игнорировать развитие техники и ее воздействие на человека и общество в целом, поскольку она представляет собой материальное средство человеческой деятельности, а, следовательно, и культуры. Но и нельзя слепо следовать за развитием техники как бычок на веревке. Нельзя пытаться свести все разнообразие жизни к технической составляющей. Можно согласиться с В.М. Розиным, когда он пишет, что человеческая деятельность имеет две составляющих – акты деятельности, реализуемые на рациональной основе, и культурные компоненты, живущие по иной логике. Поэтому, заключает он, «большинство проблем, встающих сегодня в обществе, не удастся решить научно-техническим способом». Технизированная культура является псевдокультурой, калечащей человека, не дающей ориентира в его деятельности, имеющей антигуманный характер. Именно такую культуру имел в виду А. Швейцер, когда писал: «Для нас сейчас быть культурным человеком означает оставаться человеком, несмотря на состояние современной культуры».

Пассивное потребление информации по радио, телефону, аудио, телевидению, компьютеру все больше вытесняет активные формы творчества, досуга, познания, формирует жесткость мышления, лишает людей непосредственного общения друг с другом, сужает персональное пространство, ведет к отчуждению, к потере межличностного общения, так необходимого человеку, как коллективному, общественному существу. Наше

общение было бы более эффективно, будь оно менее рационализировано. Коренные изменения в техносфере требуют изменений в мышлении и поведении людей. «Мы столь радикально изменили нашу среду, что теперь, для того, чтобы существовать в этой среде, мы должны изменить себя» – писал Н. Винер» (И.А. Негодаев).

Суждения учёных, приведённые в этом параграфе, могут считаться косвенным утверждением того, что образ мышления современного человека деформирован и происходит постепенное его переформатирование. Подобное в обозримой истории человечества происходило не раз. Но впервые, происходящие изменения в сознании человека непосредственно связаны с проблемой сохранения его как особого вида, для которого свойственно творческое самосозидание.

Резюме

Основами искусства индивидуального мышления являются многочисленные аспекты жизнедеятельности человека, которыми обусловлено его бытие. В общем смысле к ним можно отнести: этику, эстетику, психологию мышления, а так же культуру получения, обработки и транслирования информации (информационная культура). Таким образом, искусство индивидуального мышления человека определяется общим состоянием культуры его мышления.

Этика мышления – это своеобразные, принятые человеческим сообществом ценности и нормы «поведения» мышления. И, соответственно, у каждого периода развития мышления человека были свои нормы. Человечеству известны три типа мышления и сознания, последовательно сменявшие друг друга, – мифологический, религиозный и так называемый научный. Причём, последнее название не совсем точное, потому что не отражает его сути. Скорее этот тип мышления надо называть рационалистический, понятийный или материалистический, потому что он основан не на творческом, а на критическом понимании вещей, не на духовном (умозрительном), а на экспериментальном их постижении.

Этика рационального мышления, если не исключает, то ставит под сомнение различные духовные составляющие науки, которые не могут быть объяснены с материалистической точки зрения, такие, как душа, совесть, любовь и пр.

Обычно современная наука, определяя виды этики, связывает их с определённой областью деятельности человека: этика научного, художественного, экономического, политического и прочих мышлений. Такое деление, конечно, правомерно, для определения специфики мышления в этих отраслях. Но нам бы хотелось остановиться на понимании авторитарной и гуманитарной этики в интерпретации Э.Фрома. С его точки

зрения, «Авторитарная этика означает признание авторитета. Этот авторитет может быть рациональным (когда его основой является компетентность, порождающая уважение) и иррациональным (когда он основывается на страхе вызвать недовольство). Авторитарная этика отрицает способность человека понимать, что хорошо, а что плохо, поскольку эти нормы устанавливаются авторитетом. Авторитарная этика проявляет себя, например, в формировании у детей неосознанных ценностных представлений или в нерелексивных ценностных суждениях взрослых.

Гуманитарная этика основана на принципе, что человек сам может определять критерии, чтобы различать добро и зло. При этом «добро» понимается как благо, нечто хорошее, а «зло» – как что-то плохое. Иначе говоря, гуманитарная этика является прикладной наукой «искусства жить».

Эстетика мышления - понятие, предложенное и развернутое в курсе лекций «Эстетика мышления» М. К. Мамардашвили. Проблематику эстетического поля мышления философ обрисовывал как необходимость анализа эстетических свойств сознания, тайны рождения мысли из бездны чувственного, уяснения возможностей и разработки правил искусства мыслить. Содержание эстетики мышления разрешается и становится видимым: а) в осуществлении многократных актов рождения мысли на публике; б) уяснении и демонстрации новых «невозможных возможностей» искусства мыслить; в) показе ясного представления, как возможно размышление без наррации; г) различении эстетического пласта сознания.

Эстетика мышления связана с радостью мысли, когда мы обретаем «чувство необратимой исполненности смысла». Эстетика мышления проявляется, когда ощущение «живой жизни» случается как мысль.

Мышление нельзя начать, можно лишь уже быть в мышлении. Человеческое существо есть существо трансцензуса, то оно способно выйти за свои пределы, отказавшись от себя в пользу своего существования.

В эстетике мышления очерчены и схвачены узловые места красоты свершающихся в них событий. И здесь осмыслены эстетические свойства мысли в пространстве понимания и пространстве страдания.

Психология мышления изучает конкретного человека в его реальной жизни и деятельности. Различение чувственного и рационального познания показывает границы предмета психологии мышления, отличие мышления от восприятия. Восприятие отражает окружающий мир в образах. Мышление - в понятиях. Такое деление, принятое в рамках психологии, условное. Оно принято в психологии для удобства рассмотрения «поведения» сознания человека в различных видах деятельности, которые формируют различные виды мышления, имеющие соответственно, различные основания.

Мышление, с точки зрения психологии, бывает: наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое; теоретическое и практическое; реалистическое и аутистическое (промежуточное положение между ними занимает эгоцентрическое мышление); продуктивное и репродуктивное; вербальное и наглядное; теоретическое и критическое.

Культура мышления высший уровень и качество мышления человека, определяемое сознательным развитием личностью своих способностей мышления, соответствующих требованиям человеческой культуры. Культура мышления предполагает его организацию, оптимизацию и совершенствование. Она представляет собой способность оптимального использования интеллектуальных знаний, научных достижений человечества, логическую последовательность мышления, его целенаправленность на решение актуальных проблем и задач. Культура мышления предполагает соединение субъектом способностей понимания, интерпретации, объяснения, доказательства (аргументации), рефлексии и диалога. Особым способом осуществления мыслительного процесса как культурного является рефлексия, совмещающая организацию, критику и последовательное конструирование содержания мыслительной деятельности.

Культура мышления — совокупность формально-логических, языковых, содержательно-методологических и этнических требований и норм, предъявляемых к интеллектуальной деятельности человека. От их усвоения и применения зависят процессы социализации личности, ее профессиональные успехи и творческие достижения. Культура мышления — высокий уровень развития познавательных процессов и познавательной деятельности, характеризующийся достоверным восприятием текстов (устных и письменных) в соответствии с замыслом, соблюдением законов построения речевых произведений. Культура мышления тесно связана с личностью и характером человека.

Таким образом, культура мышления понятие, которое включает в себя вопросы этики, эстетики, психологии, логики, философии и многого другого, что сопряжено с деятельностью человека в определенный исторический период. В этом заключается её социокультурный смысл.

Особую роль играет культура в профессии педагога и журналиста, которые формируют в обществе систему ценностно-смысловых межличностных и общественных отношений человека во всех сферах его деятельности.

Термины для запоминания:

Этика мышления – это своеобразные, принятые человеческим сообществом ценности и нормы «поведения» мышления.

Эстетика мышления – наука, которая раскрывает разнообразные возможности поля чувственной работы сознания, такие как: анализ эстетических свойств сознания, познание тайны рождения мысли из бездны чувственного, уяснение возможностей и разработки правил искусства мыслить.

Мифологическое мышление – синкретическое (неразделённое сверхчувственное, чувственное и понятийное), для которого свойственно

нечёткое разделение субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, пространственных и временных отношений. Для такого мышления характерно представление, что прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно.

Религиозное (сакральное) – основанное на вере в сверхъестественное, отрицающее в пользу этой веры объективно существующие факты, породившее догматизм веры, который позже усвоило научное мышление, преобразив его в догматизм практического, рационалистического мышления.

Рационалистическое мышление – от латинского слова «разумный», основанное на установлении причинно-следственных связей, объясняющих с этих позиций мироздание и бытие человека. Ограниченность такого мышления заключается в том, что всё, что не укладывается в логику формального мышления, объявляется не истинным.

Энергетическое мышление - духовно-научное, отражающее в сознании человека «космическое выражение реальности, каким является пространство-время, материя и энергия» (А.И.Вернадский), а человек является не биологической, а космической сущностью, несущей в себе всю сложность энергетики Вселенной.

Культура мышления — совокупность формально-логических, языковых, содержательно-методологических и этнических требований и норм, предъявляемых к интеллектуальной деятельности человека.

Наррация (лат. Narratio, первоначально термин классической риторики, обозначающий «изложение») — термин нарратологии, в широком смысле — то же, что процесс повествования (в отличие от нарратива, обозначающего «повествование как произведение»).

Майевтические приёмы - суть метода в искусстве извлечения скрытого в каждом человеке знания с помощью наводящих вопросов (Сократ).

Экстатическое состояние – религиозный транс, состояние восхищения, исступления и экстаза.

Симулякр - (от лат. simulo, «делать вид, притворяться») — «копия», не имеющая оригинала в реальности. Иными словами, семиотический знак, не имеющий означаемого объекта в реальности.

Технократизм – мировоззренческий нейтралитет, образ и стиль жизни и мышления, который превращает человека в пожизненного исполнителя чужой воли, лишает его возможности самосозидания, строительства своей жизни и деятельности в соответствии со свободной волей, освобождает личность от ответственности за свое поведение и деятельность.

Техницистское мышление - это рассудок, который находится в жесткой зависимости от всех социальных феноменов и процессов технического развития.

Трансцензус - переход от субъективного к объективному, выход из сферы сознания в сферу объективного мира, совершаемый в ходе человеческой практики, запрещаемый или ограничиваемый субъективными идеалистами и агностиками.

Первая сигнальная система (психология) – отвечающая за чувственное восприятие действительности человеком.

Психология мышления – наука, которая изучает мышление конкретного человека в его реальной жизни и деятельности.

Культура мышления - высший уровень и качество мышления человека, определяемое сознательным развитием личностью своих способов мышления, соответствующих требованиям человеческой культуры.

Информальное образование - (т.е. находящемся вне какой-то формы) подразумевается обучение, «встроенное» в течение жизни: осуществляемое в ходе общения, происходящее под влиянием средств массовой информации, просветительской акции, при чтении книг, при осмыслении собственного опыта и опыта других.

РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МЫШЛЕНИЯ

3.1. Конструктивное многофункциональное критическое мышление

«Бытие и время оставляет для человека две возможности. Либо двигаться в его потенцированном поле, т. е., философствуя, творчески определяя вектор своего движения, либо стать рабом обстоятельств, которые конструируются его примитивным, механическим, линейным типом мышления...»

«И трагедия и смех одинаково бесстрашно смотрят в глаза бытию, потому что являются по своей природе формами потенцирования бытия, т. е. конструирования иной смысловой реальности, которая позволяет на механические бытовые явления утилитарной жизнедеятельности, ограниченной прагматическим мышлением, взглянуть под другим углом зрения, расширить диапазон восприятия явления»

В. Соловьев.

Вы узнаете:

- Почему критическое мышление иногда препятствует организации познавательной научной и образовательной деятельности, а также что такое «критиканство» и «критицизм».
- Какие существуют традиционные представления о том, что такое «критическое мышление».
- Что такое линейное мышление, и каково его непосредственное и «искусственное» предназначение в жизнедеятельности человека.
- Что представляет собой многовекторное (многофункциональное) критическое мышление.
- Почему конструктивное мышление является необходимой частью многофункционального мышления.
- О том, что конструктивное многофункциональное критическое мышления – средство потенцирования мышления и бытия человека.

Преподаватели, активно применяющие в своей учебной практике интерактивные методы в форме тренингов, часто сталкиваются с одной и той же задачей: включение в совместную творческую деятельность всех

участников тренинга. И следовательно, создания особого социально-психологического климата, основанного на вере всех участников в избранный метод образовательного взаимодействия как единственно правильный. Педагоги прибегают для этого к разным методам: кто-то стремится перевести образовательный процесс в игру; кто-то делает ставку на применение методов психотерапии; кто-то организывает мозговые штурмы; кто-то делает ставку на коммуникативные методы и т.п. Все они направлены на достижение группового сплочения. Можно и нужно во время тренинга сомневаться, спорить с кем угодно и о чем угодно, кроме оспаривания самих методов, как это делается.

Но, несмотря на приложенные усилия, не все участники, по крайней мере, не сразу и не до конца, готовы превратиться в семилетних мальчишек и девчонок, которые широко раскрытыми глазами смотрят на своего первого учителя, безоглядно веря всему. Вести себя незакомплексованно, более непосредственно им мешает т.н. высокий уровень критического мышления, который превращается, говоря языком психологов, в «фильтр недоверия».

Почему же критическое мышление, которое традиционно связывают с активной интеллектуальной деятельностью личности, становится непреодолимым препятствием для приобретения знаний и создания благоприятного социально-психологического климата в группе?

На бытовом уровне распространено мнение, что человек, обладающий высоким уровнем критического мышления, – это личность, способная к публичному транслированию как на межличностном, так и на общественном уровнях информации оценочного характера. Внешними признаками такой личности могут быть: проявление возражений по любому поводу; неумная говорливость, когда человек слышит только сам себя; обращение к поверхностным, часто более эмоциональным, чем достоверным фактам; неумение контролировать свои эмоции во время межличностного взаимодействия.

Этот юношеский синдром ортодоксального мышления – критиканство, понятие близкое по своим характеристикам к «критицизму», о котором мы будем говорить в этом параграфе немного позже. Это скорее психологическое явление: эмоционально обусловленное стремление возражать ради того, чтобы просто возражать. К конструктивному мышлению это не имеет никакого отношения. И не только потому, что такого рода критика, как правило, не имеет достаточных логических оснований. Человек может обладать способностью логично и последовательно излагать свои «мысли». Ставить перед собой цель, определять задачи и даже их достигать. Аргументировано отстаивать свою позицию в споре.

Человечество разработало множество технологий развития критического мышления. На протяжении веков они совершенствуются в связи с появлением новых знаний, изменения информационной макроструктуры общества. Например, автор-составитель данного пособия, как и многие преподаватели России, активно использует в своей

педагогической практике методические разработки развития критического мышления И.О. Загашева и С.И. Заир-Бека⁸². Эти технологии почти всегда продуктивны для достижения коротких целей, имеющих прикладной, например, учебный характер. Эти технологии базируются на законах формальной логики и, без сомнения, выполняют важные функции в процессе познания человека, потому что шлифуют навыки и умения:

- определения проблем, выявления целей, изучения новой информации (фокусирующие навыки);

- наблюдения, формирования вопросов, поиска новой информации через вопросы (навыки сбора информации);

- кодирования и хранения информации в долговременной памяти, вызова и восстановления информации из долговременной памяти (навыки запоминания);

- выявления черт сходства и различия разных объектов, классификации явлений по различным основаниям, презентации новой информации (навыки организации);

- идентификации атрибутов и компонентов в новой информации, определение причинно-следственных связей в информации, определения иерархии идей в информации, определение логичных заблуждений (навыки анализа);

- суммирования, выявления наиболее важной информации и идей, предвосхищения событий или следствий, объяснения дополнительных деталей (навыки генерирования);

- эффективного комбинирования информации и идей или изменение логики, содержащейся в информации, для формулирования новых идей (навыки интегрирования);

- формулирования критериев оценки информации или идей, проверки правильности утверждений (навыки оценивания)⁸³.

Примерно так и характеризует критическое мышление Дайана Халперн, один из самых интересных исследователей, занимающихся этой проблемой. Анализируя содержание этого понятия, она указывает на распространенные мнения о том, «что для критического мышления характерно построение логических умозаключений (Simon & Kaplan, 1989), создание согласованных между собой логических моделей (Stahl & Stahl, 1991) и принятие обоснованных решений, касающихся того, отклонить какое-либо суждение, согласиться с ним или временно отложить его рассмотрение (Moore & Parker, 1994)». Что критическое мышление оценочное, но «оценка может и должна быть конструктивным выражением и позитивного, и негативного отношения. <...> Критическое мышление иногда называют еще и направленным мышлением, поскольку оно нацелено на получение желаемого результата».

⁸² Загашев И.О., Заир-Бек С.И. Критическое мышление: технология развития. – СПб: Издательство «Альянс «Дельта», 2003. – 284 с.

⁸³ Браус Дж. А., Вуд Д. Инвайроментальное образование в школах / Пер. с англ. NAAEE, 1994.

Сама же Халперн в своей книге «Психология критического мышления» называет его ясным, точным и целеустремленным мышлением. Но даже такой человек, ясно, точно и целеустремленно мыслящий, может не быть способен к идентификации себя с другим человеком, т.е. к восприятию его образа мышления. Он может быть способен к прогнозированию (проектированию) деятельности, но лишен умения прогностировать – проецировать её. Проектирование (прогнозирование) деятельности человеком осуществляется для достижения коротких жизненно необходимых целей: строительство дома, написание научной работы и т.п. А проецирование (прогнозирование) деятельности осуществляется человеком для определения длительной, возможно, многовариантной перспективы, обретения иных смыслов достигнутого результата. В этом случае дом мыслится не просто как удобное и функциональное жилище, но и место духовного единения определенной группы людей, родовое гнездо, явление, способное преобразовать не только жизнь людей, живущих в нем, но и окружающих (красивый дом среди трущоб); средство позиционирования себя в социальной среде, способ идентификации себя с окружающей природой и т.п. А научная работа – не просто средство достижения определенной профессиональной компетенции для повышения своего социального статуса, нового мироощущения, но способ выйти на новый уровень жизнедеятельности как жизнотворчества, миропонимания.

Разумеется, критичное мышление не исключает умение прогнозировать. В его контексте оно рассматривается как важный составляющий элемент, который, на наш взгляд, предполагает обязательный переход к прогностическому мышлению⁸⁴. Непонимание этой обязательной закономерности приводит к тому, что в деятельности человека начинает доминировать линейное прагматическое, а не многовекторное живое «природное» человеческое мышление.

Линейное мышление может под давлением определенных социальных условий превратиться в бездуховное, когда четко поставленная цель достигается человеком при помощи любых средств. Многовекторное живое человеческое мышление призвано нравственно противостоять, а лучше сказать, уравновешивать прагматичное линейное мышление, которое может, например, любое научное открытие превратить в орудие для достижения прикладных целей отдельного человека или узкого круга людей, утилитарные интересы, ценности и нормы поведения которых не соответствуют общечеловеческим вызовам времени. Так, например, атомная энергия может, образно говоря, приносить жизнь, а может и уничтожать её.

Высокий уровень критичного мышления, по нашему мнению, – показатель умственной зрелости. А «умственная зрелость есть способность духа к самостоятельному наблюдению и самостоятельному исследованию. Нельзя «понять за другого»; нельзя исследовать «вместо него», так, чтобы мое исследование стало тем самым «его собственным»⁸⁵.

⁸⁴ Прогностическое мышление – комплексное, проникающее в будущее.

⁸⁵ Грановская Р.М., Березная И.Я. Интуиция и искусственный интеллект. – С.24

А именно это качество, увы, остается пока еще важнейшим составляющим при получении формального образования и прежде всего общего среднего, где многие научные истины предлагается усваивать на уровне аксиом. От ученика требуют, чтобы он «вслепую» заучил, что «ЖИ и ШИ пишется через И» (почему?), «электричество – направленное движение электронов» (кем направленное?), «вселенная бесконечна» (кто это доказал?), «материя первична, дух вторичен» (а может быть наоборот?) и т.п.

Доминирование линейного мышления в образовательном процессе осуществляется не только за счет аксиом (это просто самый показательный пример), а главным образом за счет строго, беспрекословного подчинения всем четырем законам мышления, три из которых были разработаны еще Аристотелем (закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего). В их контексте рассматривается и четвертый классический закон формальной логики – закон достаточного основания, ибо прочность этих оснований определяется соблюдением трех перечисленных выше законов. То есть все в той же плоскости рационального мышления.

А между тем об опасности абсолютизации рационального или, как еще иногда говорят, линейного мышления (либо/либо и третьего не дано) в свое время еще в четвертом веке до нашей эры предупреждал автор логики Аристотель, который заметил, что изобретенный им закон исключенного третьего в некоторых случаях, касающихся естественных процессов и времени – не работает (например, клиническая смерть, голосование, природные явления и т.п.).

Трудно представить себе настоящего научного деятеля, который может отказаться от многовариантности решения какой-нибудь научной проблемы. Его научный поиск сродни творческому поиску. Он не боится ошибаться, быть нестандартным. Казалось бы, это должно приветствоваться в широких научных кругах. Однако научная бюрократия, отслеживающая деятельность начинающих ученых, стоящая у «прилавка» выдачи дипломов, степеней, званий, внимательно следит за тем, чтобы они не нарушали «научные заповеди» (логические законы) линейного мышления. Право на ошибку у них изымается по определению.

Такое отношение к научной деятельности проецируется в сферу образования, уровень получения которого определяется количественно, а не качественно. Школа остается важнейшим социальным институтом, в котором культивируется линейное мышление, формируются личности, ориентированные жить по его законам, закладывается фундамент будущей ее узкоутилитарной жизнедеятельности, осуществляется программирование безукоризненного и беспрекословного следования законам логического мышления, содержание которых считается единственно правильным алгоритмом решения всех стоящих перед человеком задач.

Увы, для формального образования не послужили уроком многочисленные примеры из истории педагогики, когда оно в лице «линейно мыслящих и линейно ставящих оценки» педагогов ошибалось при оценивании (школьных оценках) способностей будущих гениев. Как

известно, Ньютон не успевал по математике, Гегель при выпуске из университета был назван «идиотом в области общественных наук». Менделеев по химии, Гоголь и Чехов по литературе имели в гимназии тройки. Дарвина считали позором семьи из-за его слабой успеваемости по большинству предметов. Альберт Эйнштейн поздно научился говорить, а в школе был одним из самых слабых учеников по гуманитарным и естественным дисциплинам, что не помешало ему впоследствии стать автором основополагающих трудов по квантовой теории света, создателем учебной и общей теории относительности.

Формальному образованию как будто невдомек, что линейное мышление порождает людей, которые в своей жизнедеятельности ориентируются на прагматические узконаправленные, короткие цели. А их деятельность руководствуется утилитарными ценностями, в которых не может быть места нестандартной (нелинейной) мысли, многовекторное движение которой определяется во многом «энергией» художественно-образного мышления и подсознания. Оно забывает, что его задача помогать образовывать, то есть создавать свой единственный образ человеку. Что этого невозможно сделать только через механическое транслирование какой-то суммы знаний. Что обучение – это лишь часть педагогической деятельности, которая представляет собой сложный социально-психологический процесс, включающий в себя: осознанное применение преподавателем психологического воздействия в форме заражения, внушения, убеждения, подражания; взаимодействия с субъектами образовательной деятельности на коммуникативном, интерактивном и перцептивном уровнях; аксиологическую направленность образовательного процесса, способствующему ценностному самоопределению личности согласно вызовам времени.

Недооценка этих факторов, приводит к тому, что мы сами создаем-программируем людей, не способных воспринимать себя как неповторимое природное явление, смысл существования которого не может быть сведен только к удовлетворению утилитарных потребностей. Такой безнравственный прагматизм направлен на уничтожение интереса к поиску смысла жизни человека и необходимости разгадки идеи жизни всего человечества. Он порождает паническую, не достойную человека психологию, которая руководствуется известными принципами временщиков и рвачей: «после меня, хоть потоп!» и «один раз живем!».

Надо признать, что на сегодняшний день выполнение, условно говоря, такой «программы жизни» негласно считается нормальным и обязательным явлением, увы, для большинства людей.

Таким образом, линейное мышление, актуальность которого на определенном этапе развития человечества была обоснована необходимостью уравновесить чувственное познание мира, на современном этапе стало превращаться в глобальный социально-психологический процесс, похожий на создание роботов самими же роботами. Человечество всерьез столкнулось с понятием «механический» или, лучше сказать,

«искусственный интеллект» (Р.М. Грановская, И.Я. Березная). То есть интеллект не живой, не пластичный, не многовекторный, работающий линейно в параметрах заданной программы.

Именно линейное мышление, не ограниченное духовной составляющей живого человеческого мышления, разрушило некогда: созидющие вероисповедования (либо/либо и третьего не дано – бога, человека!); «перепрограммировало» разум человека на восприятие себя не как частицы мироздания, а как некой богу равной его части или даже чего-то большего; продолжает программировать человечество на самоуничтожение.

Причем материальному его исчезновению, очевидно, будет предшествовать духовное. Об этом свидетельствуют попытки создания «искусственной культуры» (массовой), «искусственного образования» (обучения), «искусственной жизни» (клонирование) и т.п., которые, неизбежно приведут к формированию у человека «искусственного интеллекта». То есть интеллекта, который будет функционировать только в режиме управления им определенными информационными технологиями.

Печально в этой истории то, что образование и наука, призванные противостоять этому явлению, являются не просто «бациллоносителями» этого умственного заболевания человечества, а первыми и рьяными, хотя и бессознательными (что, конечно, не уменьшает их ответственности), приверженцами необходимости продолжения развития именно линейного мышления, а все что оказывается за пределами выработанных им догм (программ), объявляется псевдонаучным, не соответствующим здравому смыслу.

По сути, наука постепенно превратилась в особое социально-психологическое явление, которое хотя не тождественно вере (религии), но очень похоже на нее по некоторым признакам. На ту самую веру, в борьбе с которой она зарождалась, укрепляла свои позиции в умах человечества. И это не удивительно, потому что со временем ей стала присуща её основная черта – ортодоксальность мышления. Чем лучше «уверуй и спасён будешь!» слов «этого не может быть, потому что научно не доказано», т.е. другими словами, «этого не может быть, потому что не может быть никогда!». Доминирование в сознании человека аксиоматичности мышления отрицает аксиологичность его мышления. Это недопустимо, потому что и то и другое в определенной мере должно присутствовать в деятельности человека.

Первое призвано упрощать процесс мышления на определенных отрезках деятельности человека. Оно непосредственно связано с предметной, сегодняшней деятельностью человека, и поэтому предпочтительнее для него, так как надо спешить «сегодня», ведь никакого «завтра» нет.

Второе направлено на постижение аксиологических сложностей бытия человека, конструирование перевода его жизнедеятельности в житнетворчество для обретения смысла своего бытия.

А ведь известно, что «плагиат чужих мыслей и воззрений есть дело противодуховное <...> А несамостоятельная нетворческая мысль <...> для

науки мертва»⁸⁶. Поразительно, но это признает в лице Р.М.Грановской и И.Я. Березной, представителей школы линейного мышления, сама наука. Это дает надежду на то, что как некогда из лоноа религии вышли первые представители науки, так из лоноа науки выйдут представители нового способа миропознания. Очевидно, другого пути нет. Как ни парадоксально это звучит, только наука (то есть линейное мышление) способна обеспечить рождение этого нового способа, который позволит изменить представление человека о мироустройстве и собственных возможностях существования в нем. Но первым шагом к этому должно стать безоговорочное признание самим линейным мышлением (доступными ему средствами) невозможности дальнейшей жизнедеятельности человека только по его законам.

Предпосылки к этому заложены в осмыслении с помощью линейного мышления некоторых очевидных фактов из социальной, экономической, культурной, политической деятельности современного человека. Дело в том, что человечество (или прогрессивная его часть) уже давно признает, что необходимы изменения в жизни человеческого сообщества. Сегодня много говорят о том, что мир становится многополярным, образование должно быть полифункциональным, человеческое общество демократичным и т.п. Это свидетельствует о понимании того, что результаты линейного мышления, которое вывело человечество на новый этап его развития, уже не удовлетворяет само человечество. Что оно испытывает интеллектуальный кризис и не желает быть носителем разрушительного «искусственного интеллекта». Не хочет уподобиться библейскому змею, который сам себя кусает за хвост. Не хочет с помощью собственного разума, образно говоря, наложить на себя руки. Желание есть, а понимания того, как это сделать, нет. Потому что слишком прочные позиции до сих пор занимает линейное мышление во всех сферах деятельности человека. Оно по-прежнему «руководит» большими массами людей и определяет основные направления деятельности их сознания.

Для темы нашего разговора важно понимание того, что критичность мышления – важнейшая составляющая многовекторного или многофункционального природного мышления, которое не может участвовать в создании «искусственного интеллекта» человека.

Само понятие критики таит в себе неустранимый изъян. Слово «критика» имеет два значения: отрицательное суждение, опровержение, несогласие; разбор и оценка.

Казалось бы, эти значения внутренне не связаны. Однако по сути любая даже самая хвалебная и доброжелательная критика (литературно-художественная, философская и т. п.) работает с произведением именно в критическом модусе, т. е. в модусе недостатка. Критик выступает как судья, призванный вынести оправдательный или обвинительный приговор (собственно, этимологически слово «критика» и означает «суд»). «Судить» и «осудить» – родственные слова: любое суждение, даже положительное, включает в себе оттенок осуждения, поскольку произведение предстает

⁸⁶ Грановская Р.М., Березная И.Я. Интуиция и искусственный интеллект. – С.24

перед судьей, который знает, каким произведение должно или не должно быть. Критика, занимаясь «разбором» произведения, производит и отбор его «истинных» значений, сокращая тем самым потенциал его значимости.

М. Эпштейн в своём научном труде «Философия возможного» остроумно замечает, что «Ницше одной фразой обнаружил всю бесполезность так называемой критики, которая критикует интеллект за то, что он якобы не способен познать истинную реальность, как будто бы сама критика уже познала ее и встала над интеллектом, чтобы указать ему на это несоответствие. «Интеллект не может критиковать самого себя, именно потому, что мы не имеем возможности сравнивать его с иновидными интеллектами, и потому, что его способность познавать могла бы проявиться лишь по отношению к «истинной действительности», т. е. потому, что для критики интеллекта нам нужно было бы быть высшими существами с «абсолютным познанием»⁸⁷ (Ф. Ницше). Чтобы утверждать непознаваемость чего-то, нужно знать это непознаваемое» (М.Эпштейн)

В педагогике существует множество научных предложений, как формировать (развивать) критическое мышление.

П.Ф. Каптерев (1849-1922) считал, что для этого необходимо добиваться, чтобы человек обладал: стройностью и цельностью рассуждений; критическим отношением к чужим и собственным мыслям, идеям, теоретическим предложениям; наблюдательностью; готовностью к самостоятельной работе с целью выработки новых знаний.

П.П. Блонский (1884-1941) к основным признакам критического мышления относил: умение отличать возможное от невозможного; выделять в тексте, факте основное; использовать аргументы при доказательствах или опровержениях своих и чужих суждений и предложений «узнавать» несообразности и «нелепости» в рассуждениях.

А.И. Липкина и Л.А. Рыбак (1968) подчеркивали, что необходимо развивать способности: формировать собственное суждение; критически обсуждать другие мнения; вернуться к корректировке собственного взгляда.

Некоторые современные исследователи полагают, что обучение критическому мышлению предполагает развитие умения: применять в спорах аргументы; смотреть на старые идеи с новой точки зрения; отличать факты от предположений; проводить разграничение между обоснованными оценочным суждением и необоснованной оценкой; выделять причинно-следственные связи и обнаруживать ошибки в них; видеть несообразности и ошибки в изучаемом материале и устанавливать рациональные способы их устранения и т.п.

Не трудно заметить, что само понимание развития критического мышления ограничено признанными линейным мышлением его функциями, которые дальше классического курса формальной логики не распространяются.

⁸⁷ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Т. 2. С. 246.

И с одной стороны, это вполне понятно: доминирующее в жизни человеческого общества рациональное мышление предлагает адекватное понимание критического мышления, т.е. функций, которые, по его мнению, должно оно выполнять в мыслительной деятельности человека. А, с другой стороны, совершенно ясно, что такой механизм критического мышления не может быть применен для полноценной, продуктивной критики живого мышления.

Интересно, что первые попытки такого критического мышления были осуществлены не где-нибудь, а в художественной литературе, точнее в литературной критике. Именно она предложила вместо испытанного метода осмысления литературных произведений – рецензии, такую форму как эссе (в переводе с французского – «вариант»). Автор эссе, выходя на уровень критического мышления, сознательно отказывается от правил традиционной логики, полагаясь в своих размышлениях на интуицию, ассоциации, он не избегает парадоксальности мышления и т.п.

И дело не только в том, что он принципиально выражает своё субъективное мнение (оно так или иначе присутствует в любой рецензии), а в том, что вариант и формы его размышления могут быть непредсказуемыми. Например, он может предложить рассуждение о художественных образах автора в виде собственных созданных им (критиком) художественных образов (о стихотворении – стихотворением); он может вступить в межличностный диалог с автором, даже если он давно окончил свой земной путь и т.п. Такие «критические» чудачества – лучший способ, избегая прямых сентенций, указать читателю на то, что такое прочтение произведения всего лишь один из вариантов, на которые и он имеет полное право.

Попытками выхода на многовекторное критическое мышление можно назвать в педагогике появление специальных дисциплин, например, философии образования, которая предполагает многовариантность взгляда на одну и ту же педагогическую ситуацию. В социологии это появление и стремительное развитие т.н. качественных методов исследования: лубинного интервью⁸⁸, включенного наблюдения⁸⁹, фрейм-анализа⁹⁰, кейс-стади⁹¹ и т.п.

Ограниченность традиционного критического мышления с точки зрения породившей его формальной логики заключается в том, что система

⁸⁸ Глубинное интервью - это форма интерактивного взаимодействия, для которой свойственно неформализованное субъект-субъектное общение между исследователем и реципиентом, которые в процессе беседы могут меняться коммуникативными ролями.

⁸⁹ Включённое наблюдение - это стратегия исследования (длительная разновидность кейс-стади), в ходе которой используются различные формы и методы сбора информации: глубинное (свободное, неструктурированное) интервью, наружное наблюдение, изучение документов (контент-анализ), групповое интервью, фокус-группа и т.п.

⁹⁰ Фрейм-анализ – (фрейм – это «рама картины»), сигнал зрителю как нужно относиться к тому, что будет происходить «внутри» её. Эта ситуация когда исследуется, что происходит здесь и сейчас, то что видит исследователь.

⁹¹ Кейс-стади — глубинное, детальное исследование одного объекта, имеющего четкие временные и пространственные границы.

аргументации базируется на фактах, которые взяты из одной точки системы координат (нарушение закона достаточного основания). Эта точка – взгляд с позиции рационально мыслящего человека, который озабочен только поиском причинно-следственных связей. Это важно для осмысления. Но такого гипертрофируемого логического мышления явно недостаточно, чтобы хотя бы представить себе исследуемый объект объемно и всесторонне.

Интерпретация информации человеком, обладающим таким высоким уровнем «критического мышления», если взглянуть на этот факт отстраненно, ничем не лучше интерпретации её человеком, который руководствуется в оценках только одними эмоциями.

Необходимо также заметить, что линейное критическое мышление – главный зодчий искусственного интеллекта, который наиболее приспособлен для внешнего социально-психологического программирования посредством логически обоснованных доводов, являющихся для него Законом. Надо ли говорить, что линейное мышление вообще, не ограниченное живыми чувствами (стыд, любовь и др.), способно обосновать любую идею. История развития человечества, в том числе и в России, доказывала это не раз (коммунизм, фашизм и т.п.). Не случайно критикам в тоталитарных режимах отводится одна из важных социальных ролей. С развитием информационных технологий эта роль начала присваиваться не только отдельным лицам или группам лиц (партиям), но целым социальным институтам (СМИ, образованию и т.п.).

Из вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

- линейное критическое мышление, оставаясь важным фактором достижения «коротких» прагматичных целей, принимает самое активное участие в формировании массового искусственного интеллекта;

- становлению живого природного интеллекта может способствовать только многофункциональное критическое мышление, которое признает линейное, художественно-образное и интуитивное типы мышления равноправными участниками этого социально-психологического процесса.

Интересно отметить, что традиционное линейное критическое мышление всегда считалось важной, неотъемлемой частью творческого мышления, в котором ему отводилась роль инструмента для тестирования новых и старых идей, активизации общественного мнения вокруг них. Продуктивное и качественное выполнение этих функций не было бы возможным без высокого уровня логического мышления. В контексте творческого мышления оно, наряду с художественно-образным мышлением и интуицией, всегда рассматривалось как часть логического мышления. Из этого следует, что как только линейное критическое мышление теряет свой прикладной характер, но не снижает интенсивности, оно превращается в творческий акт, имеющий не прагматичный, а прогностичный многофункциональный характер.

В понимаемом нами смысле многофункциональное критическое мышление близко к понятию конструктивности мышления, на котором настаивает М. Эпштейн в седьмой главе «Обратная метафизика. Иное, игра и

письмо» своего фундаментального научного труда «Философия возможного». Автор, так же как и мы, размышляя о рациональной природе критицизма, говорит о том, что он «ограничивает пределы теоретического разума». В противовес этому «конструирование исходит изнутри этих пределов – и переступает их, заново объединяя те способности разума, теоретическую и практическую (духовное и телесное – прим. автора), которые строго разграничил Кант». По его мнению, конструктивное мышление – «это уже знающее себя, условное единство».

Развивая эту свою мысль, М. Эпштейн далее говорит: «Такова авантюрная склонность разума, ищущего приключений за пределом своего оседлого бытия, выступающего за предел чисто теоретической, созерцательно-рефлексивной сферы. В конце концов, все границы для того и устанавливаются, чтобы их можно было пересекать, то есть генерировать смысловые события и интенсивности там, где раньше было лишь однородное, инертно-хаотическое пространство кочевья. Авантюрист нового времени тем и отличается от блуждающей древней номады, что знает, какие границы он пересекает, какому риску себя подвергает. Отсюда рискованный и азартный характер конструирующего мышления, которое дерзает преодолевать гносеологические препятствия, зная их непреодолимость, то есть впуская невозможное в область своих возможностей».

Авантюрный мыслитель не только знает – вслед за Сократом и Кантом – сколь многого он не знает, но и, развертывая этот парадокс, знает, что он не знает заранее, сколь многое он может узнать, – и с этим незнанием отправляется в путь.

Конструктивность – это смысловая насыщенность, или событийность мышления. Смысловое событие – пересечение границы между мыслительными полями. Не только в повествовательных произведениях значимая граница пересекается героем, попадающим из царства живых в царство мертвых, или из провинции в город, или из обывателей в революционеры, но и в философских текстах постоянно пересекаются границы между понятиями, группами понятий, между разными сферами самого разума. Смысловая событийность текста зависит как от прочности этой границы, так и от энергии ее преодоления. Вот почему разграничение способностей разума, строго проведенное кантовской критикой⁹², дало мощный импульс для смысловых событий в мышлении XIX, XX веков – событий, нарушающих и ломающих эти границы» (М. Эпштейн).

Создание таких «событийных единиц текста» близко к акту творчества, но не тождественно ему, потому что «сюжет» такого мышления имеет более рациональную основу и «движение» мысли противоположное. В конструктивном многофункциональном критическом мышлении это движение от менее определенного (чувственного, образного) к более определенному (рациональному, логичному), а в творческом мышлении, скорее, наоборот.

⁹² Имеется в виду его знаменитый научный труд «Критика чистого разума»

В качестве образца такой событийной единицы М. Эпштейн предлагает «афоризм как микросюжет мышления, в котором границы понятий, уже установленные традицией и здравым смыслом, резко пересекаются. Афоризм в силу своей краткости не имеет места для экспозиции, но таковой служит национальный язык или вся мировая культура, сложившаяся в ней система понятий. «В ревности больше самолюбия, чем любви»: традиция связывает ревность с любовью, как ее эксцесс и кошмар, тогда как Ларошфуко соединяет ревность с чем-то прямо противоположным любви – самолюбием. «Прежде чем приказывать, научись повиноваться» (Солон). «Чтобы что-то создать, нужно чем-то быть» (Гете). В этих афоризмах пересекается установленная логикой языковых оппозиций граница между «приказом» и «повиновением», «созиданием» и «бытием», так что одно оказывается необходимой частью и предпосылкой другого» (М. Эпштейн).

Из приведенных М. Эпштейном примеров видно, что авторы рационализируют с помощью микротестов в виде афоризмов такие бесконечно широкие по смыслу понятия, как «любовь», «власть», «созидание».

Такой подход позволяет в процессе конструктивного многофункционального мышления «развертывать в однородном мыслительном континууме» (М. Эпштейн) различные смыслообразующие стратегии, такие как материализм, идеализм, экзистенциализм и др. Такая «множимость мысли» не только позволяет ускорять смысловые события, уплотнять их в единицах времени в устной и в единицах текста в письменной речи, но и в случайном увидеть типичное, в типичном оригинальное, «холодную» рассудочную мысль превратить в огонь метафор или таинственный блеск звезд на ночном небе. И, наоборот, в самых парадоксальных и «необузданных» образах узреть рациональное зерно, простоту и детскую ясность восприятия.

Потому что, как отмечает М. Эпштейн: «В основе конструирования (мышления – прим. автора), по Шеллингу, лежит «так называемый переход от бесконечного к конечному, возникновение ограничения в самом по себе неограниченном, совершенно однородном и абсолютном».⁹³ «Обратите внимание, что таким образом первоначально отчетливо мыслится как нечто случайное. Первое – сущее – это *primum existens* (первосущее), как я его назвал, есть, следовательно, и первое случайное (изначальная случайность). Вся эта конструкция начинается, таким образом, с возникновения первого случайного – нетождественного с самим собой, – начинается с диссонанса, и, в самом деле, должна так начинаться...»⁹⁴

В этом суть метода конструирования, в отличие от метафизического полагания абсолютного начала, которое всецело тождественно себе и всему тому, что впоследствии различается на его основе. Конструирование начинает с акта инополагания бесконечному мышлению чего-то конечно мыслимого, то есть с отличия мышления от самого себя. Но это иное

⁹³ Шеллинг Ф. В. И. О конструкции в философии//Шеллинг Ф. В. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 4.

⁹⁴ Шеллинг Ф. В. И. Натурфилософия. S. 474.

потому и полагается как случайное, что конструирование исходит из знающей себя бесконечности самого мышления, по отношению к которому все мыслимое выступает лишь как одна из возможностей. «...Таким образом, сама конечность служит ему (мыслящему субъекту. – М. Э.) средством полагать себя в качестве бесконечного...»⁹⁵

Конструирование, по Шеллингу, есть такая актуализация бесконечного, которая полагает свою ограниченность и случайность тем же актом, каким и превосходит ее. Актуализация мыслительной потенции в некоем условном первоначале есть одновременно и трансценденция этого первоначала как «случайного», потенцирование мыслимого предмета не как действительно сущего, а как возможного для мышления.

Поэтому Шеллинг подчеркивает, что «конструкция создает лишь возможные объекты»⁹⁶. При этом сама действительность получает свое определение лишь внутри более широкого понятия «абсолютной возможности»: «Ибо в конструкции, идею которой автор считает значимой, дана не только относительная или чисто идеальная, но и абсолютная возможность, которая заключает в себе действительность». Иными словами, сама действительность предстает как потенциальность, как особого рода мыслимость, полагаемая в ее радикальном отличии от мышления как такового» (М. Эпштейн).

То, что мы называем в нашем пособии конструктивным многофункциональным критическим мышлением, в современном научном мире называется по-разному. М. Эпштейн подчеркивает, такое «новое критическое мышление» у многих ассоциируется с критическим конструкционизмом. Безусловно, понятие «конструктивизм» возникло от «конструктивного мышления» и, как говорит М. Эпштейн: «Этот термин широко употребляется в американской философии, но почти исключительно как обозначение новой критической философии, направленной против средневекового реализма и классического рационализма. Критический конструкционизм признает все наше знание «сконструированным», т. е. не отражающим какой-то внешней «трансцендентной» реальности, но зависимым от конвенций нашего восприятия и социального опыта. Считается, что даже физическая и биологическая реальность, включая расу, нацию, пол, конструируется социально (куда там ветхозаветному марксизму до столь дерзкой экспансии социального детерминизма)⁹⁷. Но, признавая конструктивность всякой реальности, сами американские мыслители, находящиеся в плену критицизма, испытывают мистический страх перед

⁹⁵ Там же. С.12

⁹⁶ Там же. С.13

⁹⁷ Своего рода манифестом критического конструкционизма в разных дисциплинах, в том числе в естественных науках, явилась серия статей, напечатанных в 1991 г. в журнале « Critical Inquiry » и затем переизданных с комментариями в сборнике Questions of Evidence : Proof , Practice , and Persuasion across the Disciplines , ed . by James Chandler , Arnold Davidson , and Harry Harootunian . Chicago and London : University of Chicago Press , 1994. Уже не только «истина» и «реальность», но и «свидетельство», «документ», «опыт», «эксперимент», «факт», «доказательство» и другие важнейшие категории эмпирического исследования (в статистике, физике, биологии, истории, юриспруденции и т. д.) обнаруживают свой условный характер, как социальный и идеологический конструкт, и их традиционная — «реалистическая» или «рационалистическая» трактовка подвергается критике (М.Эпштейн).

любыми попытками ее конструирования. Они охотно критикуют реалистические суждения, подчеркивая конструктивность любых реалий, но, желая остаться внутри критической парадигмы и отождествляя ее с «научной философией» вообще, не решаются сконструировать ничего, выходящего за пределы тонкой тавтологии или критицизма. Беда критического конструкционизма в том, что он недостаточно конструктивен» (М. Эпштейн).

Наше представление о новом критическом мышлении базируется на том, что оно конструктивно, т.е. субъективно-объективно отражает как сам процесс мышления, так и с помощью его изучаемый объект, который может и должен представляться во всей возможной для нашего восприятия множественности. Такое конструктивное многофункциональное критическое мышление способствует потенцированию нашего мышления.

Сам термин потенцированное мышление переживает интенсивное осмысление. Существует множество подходов к пониманию его содержания. Но одно несомненно: это феномен не переделывания (деконструкции), не пересмотра (ревизии), а нахождения в сознании человека дополнительных ресурсов, чтобы сделать процесс мышления более объемным, проникающим в разные смыслы. При этом можно предположить, опираясь на наше интуитивное мышление, что ресурсы сознания неисчерпаемы, потому что оно может иметь структуру самопроизводства или самовоспроизводства. Человеку для начала надо хотя бы это осознать. Сделать это трудно уже только потому, что объект исследования (сознание) не поддается рациональному осмыслению. Может быть, потому что имеет иррациональную природу. Или существует какая-то другая причина, которая в силу ограниченности нашего линейного мышления пока не может быть нами понята.

Например, М. Эпштейн считает, что потенцирование – «это умножение мыслимых объектов путем создания их альтернатив, вариаций, соперничающих моделей. Рядом с каждой дисциплиной, теорией, понятием, термином живет его «тень», которая при иных условиях освещения могла бы выступить как самостоятельный, первичный объект сознания. Возможны цивилизации, где основной гуманитарной дисциплиной была бы силентика, а не лингвистика; где философия была бы наукой о единичном, а не всеобщем; где главой языческого пантеона был бы не Юпитер, бог неба и грозы, а Термин, бог рубежей и границ... Потенциация, в отличие от догматически и релятивистски понятого деконструкционизма, получившего в 1980-90-е гг. распространение в академических кругах, не просто расшатывает основание какой-то системы понятий, показывает ее зыбкость и относительность, оставляя читателя перед лицом иронического «ничто», – но развертывает ряд альтернатив для каждой теории и термина: не критикует их, а именно потенцирует, т. е. вводит в раздвигающийся ряд понятий, каждое из которых альтернативно другому, иначе трактует то же самое явление».

Развивая эту мысль, философ утверждает: «Потенциация наук, искусств, жизненных стилей, теоретических моделей и т. д. – это процедура расширения каждого понятия путем его мультипликации, встраивания в

виртуальные поля сознания. Логика, стоящая за потенциацией, не является ни индуктивной, ни дедуктивной, и, конечно же, она радикально отличается от редукции, которая сводит многообразное к единому. В данном случае, наоборот, одно обнаруживает множественность, отличие от себя, раскладывается как ряд инаковостей.

Такой логический прием можно назвать «абдукцией»: этот термин был введен Чарлзом Пирсом для обозначения логики гипотетического мышления. Абдукция (abduction) – буквально «похищение», «умыкание» – это похищение понятия из того ряда, в котором оно закреплено традицией, и перенесение его в другие множественные, расходящиеся ряды понятий. Скажем, у науки похищается ее предмет («язык» у лингвистики, «древнее» у археологии), который становится предметом другой науки («сайлентология», «археософия»). Или наука похищается у определенной предметной области и переносится на другую (так Мишель Фуко создал «археологию знания», хотя собственно археология имеет дело с материальной культурой). Абдукция чем-то перекликается с метафорой, перенесением значения по сходству; но это не поэтический, а логический прием, основанный на расширительной работе с теоретическим понятием, которое «номадически» перемещается по разным концептуальным полям, пересекает границы дисциплин и методологий» (М. Эпштейн).

Таким образом, опираясь на вышесказанное, мы можем предположить, что потенцированное мышление – это деятельность, направленная на наиболее полное раскрытие (усиление) потенциальных возможностей мышления человека, интеллектуальные, эмоционально-волевые ресурсы которого еще далеко не исчерпаны. Потенцирование мышления осуществляется через наиболее полное использование интеллектуального ресурса человека: развитие понятийного линейного (критического) мышления; развитие навыков абстрагирования смысловых единиц. Последнее предполагает формирование теоретического мышления на материалах математики, геометрии, физики и т.п.

Потенцирование мышления осуществляется также через наиболее полное использование эмоционально-волевого ресурса человека: активизация художественно-образного и ассоциативного мышления для придания ему большей объемности и гибкости; использование в процессе мышления социально-психологических особенностей (коммуникативные, интерактивные, перцептивные, заражение, внушение, подражание, убеждение) восприятия и обработки информации.

Последнее связано с особенностями межличностного и общественного взаимодействия людей, в процессе которого осуществляется обмен информацией. То есть с тем, как влияет характер коммуникативного, перцептивного, интерактивного общения на процессы организации и результаты мыслительной деятельности человека. А также с тем, какие качественные характеристики приобретает процесс мышления во время использования индивидами основных приемов социально-психологического воздействия. Таким образом, потенцировать мышление это значит во многом

уметь развивать мышление через наблюдение, сравнение, обобщение, навыки самоконтроля.

Потенцированное мышление способствует: созданию индивидуального образа мышления, которое определяет социальное поведение человека и самоидентификацию; формированию активной жизненной позиции, позитивному восприятию окружающего мира. Потенцированное мышление развивает в человеке веру в свои возможности, способствует пониманию смысла жизни, заключенного в достижении инструментальных и терминальных целей, которые не должны противоречить общечеловеческим ценностям. Словом, потенцирование мышления, без которого невозможно конструктивное многофункциональное критическое мышление, способствует потенцированию бытия человека.

То есть способности не переделывать мир, чем, начиная с века Просвещения, только и занимается человечество, а открывать его новые возможности. Это означает раскрывать в «предмете» такие возможности, которые предшествовали его действительному бытию и/или из него вытекают. Ибо уничтожение бытия сознания с помощью социально-психологического «зомбирования» приводит к уничтожению потенцированного поля бытия человека и приводит к вырождению человека, к постепенному превращению его в биоробота. А полноценное конструктивное многофункциональное критическое мышление есть то, что продуцирует смыслы и оперирует ими в бытии. Для обеспечения продуктивного движения вперед по пути познания, конечно, нужно «потенцированное отрицание» (Франкл), но и не в меньшей степени «энергия заблуждения» (Л. Толстой), которые вместе способны не только дать силу для направленного движения мысли, но и конструировать его вектор, объем, проекцию и многое другое, что пока заслоняет в нашем сознании линейное мышление. И. что, в свою очередь, обедняет, низводит до недостойного нас механического состояния наше бытие, видимая линейная конечность которого определяет, не в лучшем смысле этого слова, наши, увы, во многом утилитарные потребности.

Резюме

Что такое критическое мышление и почему оно, которое традиционно связывают с активной интеллектуальной деятельностью личности, становится препятствием для приобретения знаний и развития науки?

Дайана Халперн указывает на распространенные мнения о том, «что для критического мышления характерно построение логических умозаключений, создание согласованных между собой логических моделей и принятие обоснованных решений, касающихся того, отклонить какое-либо суждение, согласиться с ним или временно отложить его рассмотрение». Она говорит, что критическое мышление «иногда называют еще и направленным мышлением, поскольку оно нацелено на получение желаемого результата».

Сама Халперн его называет в книге «Психология критического мышления» ясным, точным и целеустремленным мышлением. Но даже такой человек, ясно, точно и целеустремленно мыслящий, может не быть способен к идентификации себя с другим человеком, т.е. к восприятию его образа мышления. Он может быть способен к прогнозированию (проектированию) деятельности, но лишен умения прогнозировать – проецировать её. Проектирование (прогнозирование) деятельности человеком осуществляется для достижения коротких жизненно необходимых целей: строительство дома, написание научной работы и т.п. А проецирование (прогнозирование) деятельности осуществляется человеком для определения длительной, возможно, многовариантной перспективы, обретения иных смыслов достигнутого результата.

Критическое мышление не исключает умение прогнозировать. В его контексте оно рассматривается как важный составляющий элемент, который, на наш взгляд, предполагает обязательный переход к прогнозированию. Непонимание этой обязательной закономерности приводит к тому, что в деятельности человека начинает доминировать линейное прагматическое, а не многовекторное живое «природное» человеческое мышление.

Линейное мышление под давлением определенных социальных условий может превратиться в бездуховное, когда четко поставленная цель достигается человеком при помощи любых средств. Многовекторное живое человеческое мышление призвано нравственно противостоять, а лучше сказать, уравновешивать прагматичное линейное мышление, которое может, например, любое научное открытие превратить в орудие для достижения прикладных целей отдельного человека или узкого круга людей, утилитарные интересы, ценности и нормы поведения которых не соответствуют общечеловеческим вызовам времени. Так, например, атомная энергия может, образно говоря, приносить жизнь, а может и уничтожать её.

Высокий уровень критического мышления, по нашему мнению, – показатель умственной зрелости. А «умственная зрелость есть способность духа к самостоятельному наблюдению и самостоятельному исследованию. Нельзя «понять за другого»; нельзя исследовать «вместо него», так чтобы мое исследование стало тем самым «его собственным» (Р.М. Грановская, И.Я. Березная).

А именно это качество, увы, остается пока еще важнейшим составляющим при получении формального образования. Доминирование линейного мышления в образовательном процессе осуществляется за счет строго, беспрекословного подчинения всем четырем законам мышления, три

из которых были разработаны еще Аристотелем (закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего). В их контексте рассматривается и четвертый классический закон формальной логики – закон достаточного основания.

Трудно представить себе и научного деятеля, который может отказаться от многовариантности решения какой-нибудь научной проблемы. Его научный поиск сродни творческому поиску. Он не боится ошибаться, быть нестандартным. Казалось бы, это должно приветствоваться в широких научных кругах. Однако научная бюрократия, отслеживающая деятельность начинающих ученых, стоящая у «прилавка» выдачи дипломов, степеней, званий, внимательно следит за тем, чтобы они не нарушали «научные заповеди» (логические законы) линейного мышления. Право на ошибку у них изымается по определению.

Таким образом, линейное мышление, актуальность которого на определенном этапе развития человечества была обоснована необходимостью уравновесить чувственное познание мира, на современном этапе стало превращаться в глобальный социально-психологический процесс, похожий на создание роботов самими же роботами.

В понимаемом нами смысле многофункциональное критическое мышление близко к понятию «конструктивности мышления», на котором настаивает М. Эпштейн в седьмой главе «Обратная метафизика. Иное, игра и письмо» своего фундаментального научного труда «Философия возможного». Автор, так же как и мы, размышляя о рациональной природе критицизма, говорит о том, что он «ограничивает пределы теоретического разума». В противовес этому «конструирование исходит изнутри этих пределов – и переступает их, заново объединяя те способности разума, теоретическую и практическую (духовное и телесное – прим. автора), которые строго разграничил Кант». По его мнению, конструктивное мышление – «это уже знающее себя, условное единство».

Такой подход позволяет в процессе конструктивного многофункционального мышления «развертывать в однородном мыслительном континууме» (М. Эпштейн) различные смыслообразующие стратегии, такие как материализм, идеализм, экзистенциализм и др. Такая «множимость мысли» не только позволяет ускорять смысловые события, уплотнять их в единицах времени в устной и в единицах текста в письменной речи, но и в случайном увидеть типичное, в типичном оригинальное, «холодную» рассудочную мысль превратить в огонь метафор или таинственный блеск звезд на ночном небе. И, наоборот, в самых парадоксальных и «необузданных» образах узреть рациональное зерно, простоту и детскую ясность восприятия.

Конструктивное многофункциональное критическое мышление способствует потенцированию человеческого мышления и бытия. Сам термин «потенцированное мышление» переживает в настоящее время интенсивное осмысление. Мы предполагаем, что потенцированное мышление – это деятельность, направленная на наиболее полное раскрытие

(усиление) потенциальных возможностей мышления человека, интеллектуальные, эмоционально-волевые ресурсы которого еще далеко не исчерпаны.

Потенцированное мышление способствует: созданию индивидуального образа мышления, которое определяет социальное поведение человека и самоидентификацию; формированию активной жизненной позиции, позитивному восприятию окружающего мира. Потенцированное мышление развивает в человеке веру в свои возможности, способствует пониманию смысла жизни, заключенного в достижении инструментальных и терминальных целей, которые не должны противоречить общечеловеческим ценностям. Словом, потенцирование мышления, без которого невозможно конструктивное многофункциональное критическое мышление, способствует потенцированию бытия человека.

То есть способности не переделывать мир, а открывать его новые возможности, которые предшествовали его действительному бытию и/или из него вытекают. Ибо уничтожение бытия сознания с помощью социально-психологического «зомбирования» приводит к уничтожению потенцированного поля бытия человека и его вырождению, к постепенному превращению его в биоробота. А полноценное конструктивное многофункциональное критическое мышление есть то, что продуцирует смыслы и оперирует ими в бытии. Для обеспечения продуктивного движения вперед по пути познания, конечно, нужно «потенцированное отрицание» (Франкл), но и не в меньшей степени «энергия заблуждения» (Л. Толстой), которые вместе способны не только дать силу для направленного движения мысли, но и конструировать его вектор, объем, проекцию и многое другое, что пока заслоняет в нашем сознании линейное мышление. И. что, в свою очередь, обедняет, низводит до недостойного нас механического состояния наше бытие, видимая линейная конечность которого определяет, не в лучшем смысле этого слова, наши, увы, во многом утилитарные потребности.

Термины для запоминания:

Прогностическое мышление – комплексное, проникающее в будущее. А.В. Брушлинский указывает на то, что в прогностическом мышлении выражаются все наиболее сложные свойства мышления: 1) противоречивое и одновременно взаимодополняющее соотношение конкретного и абстрактного (через перевод информации из одного состояния в другое

становится возможным прогнозирование развития объекта); 2) недизъюнктивность, т.е. не разделение объекта мышления на части, а его видение через синтез; 3) единство процессуальных и деятельностных характеристик мышления в его субъекте (только личность делает мышление процессом); 4) функционирование на основе обратной связи; 5) функционирование на основе операционных схем, реализующих анализ через синтез.

Линейное мышление – см. *рационалистическое мышление* в терминах для запоминания п. 2.5.

Аксиоматичность мышления – т.е. мышление, основанное на некритическом принятии устоявшихся аксиом (положений, которые считаются истинными без доказательства).

Аксиологичность мышления – мышление, основанное на ценностях, которые задают его направленность и контролируют, чтобы утилитарные (практические) потребности не наносили ущерб его гуманистическому (нравственно-духовному) содержанию.

Жизнедеятельность – деятельность человека, целью которой является удовлетворение материальных потребностей, которые в основном определяют смыслы его бытия.

Жизнетворчество – жизнедеятельность человека, для которой характерен поиск индивидуального смысла бытия на основе саморазвития и самоактуализации данного ему от природы интеллектуально-духовного потенциала.

Критика – а) отрицательное суждение, опровержение, несогласие; б) разбор и оценка.

Критическое мышление – «умение отличать возможное от невозможного; выделять в тексте, факте основное; использовать аргументы при доказательствах или опровержениях своих и чужих суждений и предложений «узнавать» несообразности и «нелепости» в рассуждениях» (П.П. Блонский).

Конструктивность – это смысловая насыщенность, или событийность мышления.

Смысловое событие – пересечение границы между мыслительными полями.

Конструктивность мышления – «В основе конструирования (мышления – прим. автора), по Шеллингу, лежит «так называемый переход от бесконечного к конечному, возникновение ограничения в самом по себе неограниченном, совершенно однородном и абсолютном».

Потенцированное мышление – это феномен нахождения в сознании человека дополнительных ресурсов, которые способны сделать процесс мышления более объемным, проникающим в разные сферы его жизнедеятельности.

Конструктивное многофункциональное критическое мышление – конструктивно, т.е. субъективно-объективно отражает как сам процесс мышления, так и с помощью его изучаемый объект, который может и должен

представляться во всей возможной для нашего восприятия множественности. Такое конструктивное многофункциональное критическое мышление способствует потенцированию нашего мышления.

3.2. Творческое мышление как форма потенцирования бытия человека

«Открытие состоит в том, чтобы, посмотрев на то, на что смотрят все, увидеть нечто другое»

Альберт Сент-Гиоргий

«Невозможно понять психологию человека, не поняв, каковы его творческие способности»

Arasteh & Arasteh

«Творческое мышление инновативно, рискованно и бесстрашно».

Kneller

«Потенцированное бытие – это создание (проецирование) новых смыслов жизни. Осмысление её как творческого акта, направленного на размытие замкнутых границ традиционных представлений человека о смысле его жизни. Потенцировать бытие это значит не переделывать мир, а открывать его новые возможности»

Вы узнаете:

- Чем отличается конструктивное мышление от творческого.
- Что такое вертикальное и латеральное мышление.
- Об особенностях периодов инсайда и инкубации в творческом процессе.
- О способах сбора, обработки и интерпретации информации в творческом процессе.
- О внешних и внутренних факторах, влияющих на творческий процесс.
- О некоторых известных алгоритмах активизации творческого мышления.

В своем научном труде «Психология критического мышления» Дайана Халперн говорит о том, что «Творчество (креативность) – это трудное для определения слово». Мы согласны с этим утверждением. И так же как и в случае определения современного содержания понятия «критичность мышления», мы вынуждены признать, что наши размышления будут носить гипотетико-дедуктивный, то есть вероятностный характер. Однако, несмотря

на это, нам хотелось бы сразу сделать «заявление», что, так же как и Дэвид Клустер⁹⁸, мы считаем, что творческое мышление в корне отличается от критического мышления, даже в том виде, в котором мы его себе представляем (конструктивное многофункциональное мышление). Это связано с тем, что оно имеет противоположную направленность: в критическом мышлении абстрактные представления в том или ином виде приводятся к конкретным, а в творческом конкретное приобретает вид множественного и бесконечного. Такой «вид множественности», разумеется, воспринимается как необычное, нестандартное явление, которое подтверждает особенность разума человека, способного «значимое и полезное» (Д. Халперн) делать на принципиально новой конструктивной основе, т.е. быть творцом.

Но хотя «на первый взгляд конструирование равносильно творчеству, эти два рода деятельности различаются своей модальностью. Творчество есть актуализация замысла и говорит «будь» творению, тогда как конструирование есть именно потенцирование того, что «может быть» (Д. Халперн). Поэтому творчество как специфический процесс менее логично, чем конструирование, рационально хаотично и включает в себя множество личностных компонентов (воображение, интуиция и т.п.) и «процессов, которые следует рассматривать в едином контексте».

Конструирование не лишено воображения, но оно постоянно дисциплинируется рациональным мышлением. Эмоциональные решения в процессе конструирования приводятся в соответствие с поставленной целью и стоящими задачами. Например, дом должен быть неэнергоёмким, рассчитанным на семью, состоящую из пяти человек, сделанным из дерева, иметь два этажа и т.п. Или книга должна быть написана языком, рассчитанным на понимание и воображение среднестатистического читателя, быть не более ста страниц, иметь красочные иллюстрации, авантурный сюжет и т.п.

Творчество не может быть настолько предсказуемым и регламентированным. Поэтому трудно себе представить дом, построенный на вдохновении, хотя теоретически это возможно, но инструментально сложно исполнимо: у человека, строящего дом на одном вдохновении, должен быть идеальный глазомер и сердце, образно говоря, «должно уметь подсказывать» по ходу дела, какое бревно надо класть следующим. Другое дело книга: далеко не все писатели пользуются при ее написании планом, а те, кто пользуются, относятся к нему очень условно. Известный факт, что сюжеты, образы героев, различные художественные тропы «рождаются» в

⁹⁸ Третий вид мышления, к которому не подходит определение «критическое», – это творческое или интуитивное мышление (Дэвид Клустер. Что такое критическое мышление? // Интернет-источник)

процессе написания и являются результатом сложного творческого переосмысления социальной действительности, исторических событий, собственных знаний и опыта.

Неоднозначно отношение к акту творчества у различных людей, занимающихся как одним, так и разными видами деятельности.

Например, любопытна точка зрения Николая Бердяева, который считал творчество теологической категорией, на которую способен только Бог. Культура, – писал философ, – во всех своих проявлениях есть неудача творчества, есть невозможность достигнуть творческого преображения бытия. Культура кристаллизует человеческие неудачи. Все достижения культуры – символические, а не реалистические»⁹⁹.

Можно предположить, что в основе творческого акта всегда лежит какое-то парадоксальное решение «проблемы»¹⁰⁰, которого до этого никем из «художников» не предпринималось. Причем парадокс этот в одних случаях может быть внешним, т.е. легко «визуально наблюдаться» в различных авангардных формах, в других быть внутренним, «замаскированным» в привычную форму, но являющимся по сути новаторским.

Воспользуемся вновь примером строительства дома и написания книги. Можно с помощью современных аудио, видео, цифровых и прочих технологий дом сделать в виде шара, из каких-нибудь новых строительных материалов. А можно построить традиционный дом из дерева, за порогом которого будет открытое природное пространство, меняющееся в зависимости от сезона (осень, зима, лето, весна).

Наподобие можно «строить» литературное произведение. Изобретать душой и сердцем новые формы и язык. В этом смысле преуспела русская авангардная литература начала двадцатого века, особенно в лице творчества В. Хлебникова. А можно, используя традиционные формы и язык, создавать принципиально новые смысловые единицы, которые будут «переворачивать» сознание человека, возбуждать воображение читателей, порождая среди них различные интерпретации прочитанного. Таково, на наш взгляд, творчество У. Шекспира.

И тот и другой принципы творчества не лишены конструктивизма, взаимно обусловленного синтезирования рационального и иррационального. Это качество творческой деятельности подмечает Д. Халперн, на материалах размышлений которой мы будем строить дальнейшее свое осмысление творческой деятельности. В частности, она отмечает: «Принц предложил свое поэтическое определение творчества, которое, на мой взгляд, само по себе можно назвать творческим. Вот оно:

Творчество – это несогласованная гармония, прогнозируемое потрясение, привычное откровение, знакомый сюрприз, щедрый эгоизм, уверенное сомнение, непоследовательное упорство, жизненно важный

⁹⁹ Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 521.

¹⁰⁰ В данном случае в понятиях «проблемы» (книги, мосты, спектакли, космические корабли и т.п.) и «художники» (писатели, режиссёры, конструкторы, строители т.п.) объединяются очень широкий круг явлений и людей, классификация которых едва ли уместна в данном пособии.

пустяк, дисциплинированная свобода, пьянящее постоянство, повторяющееся начинание, тяжелая радость, предсказуемая рулетка, эфемерная твердость, одинаковое разнообразие, требовательное потакание, ожидание неожиданного, привычное удивление».

Каждый из предложенных Принцем оксюморонов и все они вместе позволяют почувствовать многоликую природу творчества, невозможность ее сведения к какой-то логической формуле. И, одновременно, они же указывают на одну, объединяющую их особенность. Оксюморон – это логическая конструкция, состоящая из двух противоположных по смыслу понятий, которая стремится к формированию новой смысловой единицы. Правда, границы этого смысла автором не определены и осваиваются каждым человеком индивидуально. То есть постижение смысла, заключенного в оксюмороне, само по себе есть акт творчества.

Продолжая размышлять, Д. Халперн делает следующее принципиально важное для нас заключение: «Гарднер <...> считал, что <...> все мы нуждаемся в творчестве и занимаемся им в той или иной степени. Творческая деятельность делает нашу повседневную жизнь более привлекательной <...>. Мы занимаемся творчеством всякий раз, когда выражаем сложную мысль или заполняем текст чистый лист бумаги. Если мы делаем это эффективно и необычно – значит, нас по праву можно назвать творческими людьми».

Концептуально логическое мышление от творческого отличается так же, как вертикальное мышление от латерального мышления. «Вертикальное мышление связано с копанием ямы в глубину. Латеральное мышление связано с копанием ямы в каком-то другом месте».

Д. Халперн пишет: «Впервые на различие между латеральным и вертикальным мышлениями указал Эдвард де Боно в 1968 году. Лучше всего оно иллюстрируется старой басней, которая рассказывается на протяжении нескольких поколений.

Давным-давно, когда должника, не возвратившего деньги в срок, могли запросто посадить в тюрьму, один купец в Лондоне имел несчастье задолжать ростовщику огромную сумму денег. А старый уродливый ростовщик полюбил прекрасную юную дочь купца. И он предложил сделку, сказав, что простит купцу его долг, если тот отдаст ему дочь. Купец и его дочь пришли в ужас от такого предложения. Тогда коварный ростовщик решил предоставить их судьбу провидению. Он сказал, что положит в мешок один черный и один белый камень, а девушка должна будет вытащить один из них. Если камень окажется черным, она станет женой ростовщика, а ее отцу будет прощен весь его долг; если же белым, то она останется с отцом, а ему долг все равно простится. Если же она откажется вытаскивать камень, ее отец будет брошен в тюрьму, а ей самой придется голодать. Купец, которому ничего другого не оставалось, неохотно согласился. Все вместе они отправились в сад купца, к дорожке, посыпанной камнями. Ростовщик, нагнувшись, стал выискивать камни нужного цвета. Девушка, от страха став наблюдательней, хотя и разговаривала в это время с отцом, заметила, что

ростовщик положил в мешок два черных камня. Затем он предложил девушке вытянуть камень и тем самым решить свою участь и участь отца.

Что бы вы сделали на месте девушки? Если вы будете обдумывать эту проблему тщательно, прямолинейно и по всем правилам логики – т. е. используя *вертикальное мышление*, то это вам не поможет. Типичный ответ после вертикального размышления будет: девушке нужно или пожертвовать собой или уличить ростовщика в мошенничестве.

Но вот какое решение предлагает де Боно: девушке нужно изобразить неловкость и, вытаскивая камень, уронить его на дорожку. А затем, обратив на злодея невинный взор, предложить определить цвет утерянного камня, посмотрев, какой же остался. Ну, а поскольку остался черный камень, то ростовщику ничего не остается, как либо признать, что девушка вытащила белый камень, либо что он мошенник.

Практически все соглашаются, что такое решение можно назвать необычным, но единственно правильным для девушки.

Латеральное мышление – это размышление «вокруг» проблемы. «Латеральное мышление генерирует идеи, а вертикальное мышление их разрабатывает». Латеральное мышление иногда используют как синоним творчества или создания новых идей, в то время как вертикальное мышление есть усовершенствование и развитие уже существующих идей».

Д. Халперн в связи с рассмотрением феномена творчества обращает внимание на особую роль в этом процессе чувственности, синергии и интуиции.

Чувствительность учёным понимается как некоторая способность «использования наших чувств, наших «окон в мир», с помощью которых мы тревожно воспринимаем исследуемый объект. В этом случае возникает некоторая эмоциональная неустойчивость при контакте с ним, которую мы можем назвать предчувствием, т.е. восприятием его на уровне подсознания.

Мы можем предчувствовать, что объект следует преобразовать, чтобы качественно изменилась не только и не столько его структура, сколько наша жизнедеятельность в связи с предполагаемым изменением. При этом мы не можем чётко себе ответить на вопрос: «Почему необходимы эти изменения?». Так, человек чувствует, что его поведение чем-то не удовлетворяет окружающих, что его жилище небезопасно, что у него пропал интерес к работе, что почему-то перестал любить другого человека, которого ещё недавно обожал. Предчувствие – это эмоциональный сигнал о том, что «надо что-то менять».

Синергией Д. Халперн называет: «соединение на первый взгляд несовместимых вещей в единое целое – полезное и функционирующее» <... >. Фон Эйх говорит, что Иоганн Гутенберг додумался до печатного станка, соединив вместе две известные ранее, но не связанные друг с другом идеи – винного пресса и монетного штампа. Все, наверное, знают, что функция монетного штампа – оставлять отпечаток на таком небольшом предмете, как монета. А функция винного пресса – выжимать сок из винограда – т.е. он, наоборот, оказывает давление на большие площади. Однажды Гутенберг

поместил штамп под пресс и обнаружил, что таким образом можно получать отпечатки на бумаге. Эта простая, но оригинальная комбинация трансформировалась в печатный станок и значительно изменила мир, сделав книги широкодоступными».

Синергия непосредственно связана с даром человека предчувствовать, что соединение тех или иных неоднородных или противоречащих объектов способно дать нечто «полезное и функционирующее».

Роль интуиции в этой творческой цепочке заключается в произвольном определении типа связи между этими объектами. Рационализация этой связи непосредственно связана с будущим результатом. Это путь проб и возможных ошибок. Интуиция может противоречить здравому смыслу, так как она не опирается на ранее приобретённый опыт линейного мышления, кроме одного: решение может быть непредсказуемым, как это бывало уже не раз в деятельности человека. Д. Халперн утверждает, что «интуиция, несомненно, может сыграть важную роль в процессе творчества, но также несомненно, что она должна быть подкреплена настойчивостью и трудолюбием».

Параграф о роли творчества в процессе познания Д. Халперн предваряет высказыванием Марка Твена: «Люди с новыми идеями считаются сумасшедшими, пока идеи не воплотят в жизнь». Доказательств в истории человечества этому множество. Сумасшедшими таких людей считали за то, что у них было развито, наряду с вертикальным, латеральное мышление. Поэтому вопрос о роли творчества в познании – это осмысление участия латерального мышления в этом процессе. А так как познание – это процесс постановки и решения задач, получается, что это попытка понять, насколько латеральное мышление способно участвовать в формулировании задач и поиске их решения.

Формулирование познавательной задачи – это особые методы сбора информации об исследуемом объекте. В связи с этим Д. Халперн замечает: «Перкинс настаивал на том, что процесс поиска и отбора является неотъемлемой частью творчества, хотя этими же самыми средствами мы пользуемся и для решения своих повседневных задач. <...>

Гилфорд описал связь между решением проблемы и творчеством следующим образом: «Решение задач и творческое мышление тесно связаны. Сами определения этих двух процессов демонстрируют их логическую связь. Творческое мышление создает нечто новое и неизведанное, но ведь и при решении задачи ищется выход из непонятной ситуации, в этом случае также ведутся поиски неизвестного результата. Таким образом, можно сказать, что решение задач обладает некоторыми чертами творчества».

Практически каждый творческий акт влечет за собой ранее неизвестные пути определения и отбора информации, необходимой для достижения цели.

Обычно мы связываем понятие творчества с искусством и наукой. Однако творчество является важным составляющим компонентом социальной жизни человека. «Нет неинтересных дел – есть неинтересные

люди» – известное высказывание, которое хорошо раскрывает, например, мотивацию творческого подхода к организации любой профессиональной деятельности. Наше естественное стремление довести общение друг с другом, решение бытовых проблем, приобретение необходимых знаний и умений до уровня искусства указывает на то, что жизнь человека может быть актом жизнетворчества. То есть процессом, который во всей своей полноте и многообразии способствует поиску нестандартных смыслоорганизующих действий, приносящих нам не только материальное, но и моральное (духовное) удовлетворение, что вполне соответствует статусу нашего социального бытия.

Отбор информации, необходимой для достижения цели, зависит от того, насколько хорошо человек ориентируется в пространстве задачи, которую ему хочется «решить» творчески. Причём эта ориентация должна касаться не только ярко выраженных предметно-смысловых связей, непосредственно обуславливающих деятельность изучаемого объекта. Творчество обычно связано с информацией, которая кажется нерелевантной для решения данной задачи. Например, для строительства могут оказаться полезными навыки написания поэтического текста, так как они включают в себя умение сосредоточиться на поиске рифмы, метафоры, рассматривать различные их варианты и выбирать лучшие, стимулирование воображения и, наконец, желание получить моральное удовлетворение от сделанной работы. Начинаящий строитель, даже не имея специальных технологических навыков, может, опираясь на эту нерелевантную информацию, достичь определенного успеха. Так, например, один мой знакомый писатель, не имея никаких столярных навыков, благодаря волевым качествам своего характера, воображению, здоровому самолюбию без чертежа сумел сделать из дерева в своём доме винтовую лестницу на второй этаж. Это было решение технической творческой задачи человеком, у которого гуманитарный склад ума и который, образно говоря, кроме авторучки в руки не брал никакого инструмента.

Существует множество подробно описанных «рецептов» решения различных творческих задач, которые, как правило, имеют, форму алгоритма. Например, Финк, Уард и Смит создали двухфазную модель процесса решения задач, состоящую из генерирования идей и их исследования.

Для того чтобы появилось творческое решение, творческие личности должны быть по-настоящему увлечены и преданы идее. Левин (Levin, 1994) назвал желание работать над задачей «принятием личных обязательств», что подразумевает тесную связь между мотивацией, трудолюбием, потраченным временем и желанием изучить возможные варианты.

Важным моментом творческой деятельности является осмысление конечного или промежуточного результата. Такая «оценка» может быть сама по себе творческим актом. Например, в литературно-художественном творчестве в качестве осмысления конечного результата могут быть рассмотрены послесловия, эссе, мемуары и т.п. В техническом творчестве или, лучше сказать, на этапе генерирования идей любого акта творческой

деятельности такая «оценка решений» необходима для того, чтобы разорвать замкнутый круг генерирования всё новых и новых идей и их исследования.

Психологи выделяют в творческой деятельности человека два момента, оказывающих важное влияние как на сам процесс, так и на его конечный результат. Первый они называют инсайдом. *Инсайт* обычно описывается как неожиданное нахождение решения. Второй момент – *инкубация*. Психологи его понимают как период времени, в течение которого человек не работает над задачей активно, после чего в голову удивительным образом приходит удачное решение.

Внешне неожиданной находке любого творческого решения предшествует длительная работа подсознания, художественно-творческого и понятийного мышления. Информация, хранящаяся в подсознании и сознании человека, то есть в его внутренней и внешней памяти, взаимно переплетается друг с другом и образует сеть, похожую на паутину. Когда кому-то в голову «неожиданно» приходит новая идея, значит, его сознание, ведомое подсознанием, удачно проделало путь по своей сети знаний от одного места до другого – новая идея представляет собой соединение прежде несоединённых узлов. Таких несоединённых узлов и во внешней, и во внутренней памяти человека множество. Чем больше его опыт внешней деятельности (профессиональной, общественной, любительской, семейной и т.п.) и внутренних размышлений, тем больше образуется таких «несоединённых узлов», которые являются своеобразным творческим ресурсом личности.

Например, один мой знакомый педагог по предложению кафедры начал преподавать социальную психологию, предмет, о котором он имел весьма отдалённое представление. Времени на полноценную подготовку к занятием, т.е. для фактического самостоятельного изучения новой дисциплины, было недостаточно. Пришлось рисковать: готовиться к каждой лекции отдельно, подбирая к теоретическому материалу необходимые эмпирические примеры. Преподаватель чувствовал себя «не в своей тарелке». Несмотря на добросовестную подготовку, ему казалось, что он похож на авантюриста. И вдруг неожиданно в процессе чтения лекций в его сознании начался творческий процесс!

Когда заготовленные эмпирические примеры не возымели на студентов должного эмоционального воздействия и преподаватель почувствовал, что он теряет управление над их вниманием, он в отчаянии начал импровизировать, что позволило включить подсознание. В этот момент из внутренней памяти стали «всплывать» как бы сами собой воспоминания из прежних видов его деятельности: службы в армии, работы в нефтеразведке, электромонтажником, аппаратчиком на химическом предприятии, в газете, на телевидении, частным предпринимателем и др. Эти узелки памяти в его сознании всегда существовали отдельно. А в момент инсайда оказались востребованными в контексте одного предмета, т.е. неожиданно соединились в одной причинно-следственной связи. Получилось, что весь его богатый жизненный опыт общения с людьми разных профессий стал ценнейшим

эмпирическим материалом для преподавания предмета о закономерностях межличностного общения человека.

Для чего мы создаём период инкубации? – для того чтобы «отвязаться» от одного-единственного варианта решения творческой задачи. Период инкубации позволяет нам забыть этот вариант.

Период инкубации в творческом процессе у разных людей протекает также неодинаково. Но в основе его лежит упоминаемое выше нами латеральное мышление, которое в данном случае лучше понимать как поиск решения проблемы в другом месте, попытку взглянуть на неё под другим углом зрения. Психологи называют это «думанием о...» или «воспоминанием о...», с помощью которых осуществляется распространение активации творческого мышления через обращение к вертикальному (понятийному, логическому), художественно-образному мышлению и подсознанию.

Например, это может быть поиск аналогий в далёких или противоположных по смыслу сферах деятельности. Для того чтобы аналогий было больше, необходимо как можно больше теоретических и эмпирических знаний: «скудные знания принесут скудные мысли». Способность использовать информацию, хранящуюся в памяти, позволяет нам творить и за пределами того, чему нас научили.

Стернберг заметил, что «рассуждение по аналогии распространено повсюду. Мы мыслим по аналогии всякий раз, когда принимаем решение о чем-то новом, проводя параллель со старым». Мы используем аналогии для того, чтобы понять мир. Они помогают нам понять новое, соотнося его с уже известным; они позволяют связывать мысли; они являются основой творческого мышления.

Проведение аналогий – это один из способов узнать неизведанное. Однако этот способ не единственный и весьма далекий от совершенства, он предшествует многим другим, которые так или иначе (вплоть до прямой противоположности – антитезы) базируются на нём.

Существуют различные классификации аналогий. Д. Халперн предлагает одну из них. Она говорит: «Гордон выделил четыре типа аналогий, используемых при творческом решении проблем: личная аналогия, прямая аналогия, символическая аналогия, фантастическая аналогия.

Например, метафору, можно считать разновидностью символической, а иногда и фантастической аналогии, подмечающей сходство абсолютно несходных вещей. Когда Шекспир писал «Моя любовь, как красная, красная роза», он писал метафорично, ведь розы и любовь абсолютно не похожи. Аналогии усиливают творческий процесс, помогая человеку, решающему задачу, комбинировать элементы двух понятий, изначально признанных абсолютно несходными.

Бионику можно отнести к прямой аналогии. Это тот случай, когда специфические задачи, встающие перед человеком, решаются при помощи аналогий с явлениями живой природы. «Например, – пишет Д. Халперн, – Особые возможности глаза жука навели на мысль о создании нового датчика скорости относительно земли для самолетов, а присоски моллюсков

послужили прототипом для определенного типа застежек. В бионике очень важно при принятии решения применять широкий подход, и это тоже стало очевидным после проведения прямой аналогии с природой. Хорошо известно, что даже небольшие изменения в нашей экологической системе могут привести к тяжелым последствиям для других организмов, входящих в ту же пищевую цепочку. Папанек назвал это «идеей учета всеобщей связи в проектировании». Тут требуется творческое рассмотрение всей системы в целом и всех существующих взаимосвязей».

Логический парадокс во всех его художественных и других разновидностях (оксюморон, антитеза и т.п.) можно отнести к фантастической аналогии, которая одновременно является и очень личной. Столкновение несходных по смыслу понятий в одной смысловой конструкции порождает новый метафоричный смысл: человек – канат («Человек это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком – канат над бездной...» Ф. Ницше); разум – сердце («Разум это всего лишь внутренность сердца» Ф. Ницше); живой человек – труп («Живой труп» Ф. Достоевский); счастье – земля («Счастье должно пахнуть землёй, а не презрением к земле...» Ф. Ницше); один – множество («Всегда один это слишком много для меня» Ф. Ницше) и т.д.

Стоит ли поощрять развитие творческого, т.е. живого мышления? Может быть, следует мышление ограничивать рациональными основаниями, чтобы жить просто, незатейливо, не обременяя себя и других смыслами, которые прямо не связаны с трудовой и бытовой деятельностью? Высокий уровень интеллекта – обязательное условие для деятельности творческой личности? Какова вообще взаимосвязь творчества и нашего социального бытия?

Бер как-то со свойственной ему осторожностью заметил, что «развитие творческого мышления зависит от многих переменных». Что же это за «переменные»?

Безусловно, в целом люди с высокими показателями интеллекта более способны к творчеству, но эта взаимосвязь не столь прямолинейна. Утверждение о том, что если человек умен – значит, он по натуре творец, в корне неверно, потому что многие преступники – люди далеко не глупые. Но преступник, если это психически нормальный человек, является тем, кто разрушает для обеспечения своего благополучного материального существования. А творец – это человек, создающий, созидаящий благо в конечном итоге для всех, довольствующийся моральным удовлетворением и часто не получающий должного материального вознаграждения за свой труд.

С этой точки зрения человек по своей природе – существо творческое. Только механическое, технологическое бытие для него – противоестественное состояние. Ему определено свыше любое дело, начиная от воспитания собственных детей и заканчивая профессиональной деятельностью, «делать с душой». Поэтому творческое мышление, как и любую другую деятельность, следует рассматривать в социальном контексте.

Методом простого наблюдения за окружающими нас людьми мы можем легко установить, что творческие личности рассматривают свою работу как любимое занятие. Эти люди работают многие часы, движимые любопытством и желанием достичь своей цели. Люди, которые занимаются творчеством, как правило, усердные труженики.

Такой вид мотивации называется *внутренней мотивацией*, так как она исходит от самого индивидуума. И напротив, мотивация, которая обычно предлагается в школе и на работе, называется *внешней мотивацией*; она исходит от других в виде обещаний хорошей оценки или денег. Оба вида мотиваций присутствуют в творчестве, но, безусловно, доминирует первая. Д. Халпнер пишет: «Амабайл с коллегами говорит, что, для того чтобы наилучшим образом подтолкнуть человека к творчеству, нужно создать вокруг него обстановку, максимально повышающую его внутреннюю мотивацию». То есть следует так организовывать внешнюю среду, чтобы она способствовала проявлению творчества; смещала акцент с внешней мотивации к работе на внутреннюю. Это тот счастливый случай, когда человек делает творчески любимое дело, а ему ещё за это ежедневное моральное удовольствие платят деньги.

Ещё одна важная «переменная» – приобретение специальных знаний, без которых невозможно повысить свой творческий потенциал. Такого рода знания не только расширяют вашу «сеть познания», увеличивая возможность спонтанного возникновения узелков между подсознанием и сознанием, но и способствуют дифференциации, сфокусированности, сосредоточенности на необходимой деятельности. Кроме того, они способствуют всестороннему развитию личности.

Индивидуальные факторы личности – также очень важная «переменная» творчества. Так как творчество (креативность) – это создание необычного и нового, творческая личность не должна быть подвержена конформизму и не должна в штыки встречать перемены. Открытость к непонятному, неизведанному значительно расширяет поиск оригинальных решений творческих задач. Вероятно, это то, что входит в понятие «эксцентричности» художника или ученика.

С другой стороны, творческая личность должна характеризоваться самомотивацией. То есть творческие люди способны сами себя поощрять и находят удовольствие в самом процессе творчества, несмотря на встречающиеся трудности, главным образом в виде непонимания окружающих. Другими словами, если человек хочет заниматься творчеством, он должен не бояться рисковать и с терпимостью относиться к неопределённости. «Терпимость к неопределённости», с точки зрения Лангера, это способность смотреть на мир скорее с позиции вероятностного развития событий, нежели жесткой определенности.

Таким образом, риск – постоянный спутник творчества, осуждается даже там, где в первую очередь должны поддерживаться творческие попытки. Неудачи – это важная и неотъемлемая часть жизни творческого человека, и любому значительному успеху, как правило, предшествует серия

неудач. Такая «стратегия» творческого мышления не очень нравится традиционному образованию, которое ориентировано на балльную систему оценки знаний.

Творчество подразумевает не только наличие навыков нетрадиционного мышления, но и знание общепринятых правил мышления – потому что для отступления от них нужно по меньшей мере их знать. Вот почему знание основных законов логики должно быть основополагающим для тех, кто стремится потенцировать своё мышление. В данном учебном пособии они нами также рассматриваются (см. п.1.4; 1.5; 2.4; 3.4; 3.5).

Кроме того, человечеством накоплен значительный опыт интенсификации процессов мышления. О некоторых из них мы упомянем ниже и предложим специальные задания в сборнике задач и упражнений, который оформлен в виде приложения к данному пособию.

Одна из самых распространенных стратегий – *мозговой штурм*. Она базируется на групповом обсуждении проблемы, выдвижении максимального числа идей, которые в процессе мини-дискуссии качественно преобразуются. При мозговом штурме поощряется риск и принятие нестандартных решений. В результате её осуществления наилучшая идея вырабатывается как некий комбинированный или значительно видоизмененный вариант. Во время штурма естественным образом создается раскованная атмосфера коллективного творчества.

Д. Халперн упоминает об опыте Осборна, который устроил среди группы родителей мозговой штурм на тему, как заставить детей меньше смотреть телевизор и больше читать. Прочтите этот список идей, до которых додумались родители, в сборнике упражнений в конце этого пособия. Не исключено, что определенное их сочетание окажется весьма эффективным.

Ещё одним методом выработки творческих идей является, по мнению Д. Халперн, «предложение людям списка всевозможных категорий, качеств, вопросов и путей решения, какие только можно придумать относительно существующей задачи. Такие списки называются *контрольными списками творческих идей*. Заставляя людей изменять готовый у них ответ, можно добиться повышения гибкости мышления. В одном из исследований, посвященных изучению эффективности применения списков для стимулирования творческого мышления, Дэвис и Роветон выдали студентам приведенный ниже перечень, озаглавленный как «Помощь при размышлениях об изменении физического состояния»: а) прибавить или отнять что-нибудь; б) изменить цвет; в) изменить материал; г) поменять местами части; д) изменить форму; е) изменить размер; ж) изменить внешний вид.

Студентам было дано задание: «Придумайте как можно больше вариантов, как изменить чертежную кнопку». Дэвис и Роветон пишут, что группа, которая пользовалась этими списками, «выдала» гораздо больше творческих идей, чем контрольная группа, не получившая списков. Недавно

один производитель начал выпускать антипод печенья с шоколадной обсыпкой – шоколадное печенье с белой шоколадной обсыпкой. Это печенье пользуется потрясающим успехом. Легко можно догадаться, что в этом случае было сделано изменение по пункту Г – переставили местами части» (Д. Халперн).

Заслуживает внимания и стратегия «*Плюс-минус-интересно*» (ПМИ) – «это план начала процесса решения задачи, предложенный де Боно. Когда вы ищете решение трудной задачи, единственное, что можно сделать, это перечислить все, что известно о задаче, и все вероятные ее решения (даже нереальные), а затем рассмотреть каждое – что в нем хорошо, что – плохо и что делает его интересным.

Идея этого метода состоит в том, что тщательное рассмотрение отдельных компонентов задачи, сопровождаемое подчеркиванием положительных сторон и устранением отрицательных, может помочь человеку найти новые решения.

То, что попало в категорию «интересно», несомненно, еще раз привлечёт внимание человека и в результате приведёт к рассмотрению новых альтернатив. По сути, такой метод также представляет из себя план поиска информации, необходимой для решения, и, как все подобные стратегии, ведет к изучению сетей знаний» (Д. Халперн).

«Все стратегии творческого мышления призваны усиливать «поток идей». Психологи называют это улучшением *подвижности идей*. К примеру, в ПМИ человеку дается план выработки идей. Ему предоставляется определенный вид информации, которую следует рассмотреть (данные и возможные решения) и оценить» (Д. Халперн).

К стимулированию рождения идей можно отнести и различные приёмы активизации памяти. Например, Д. Халперн упоминает об «описанном Перкинсом» способе «щекотания памяти». Во время эксперимента «детей попросили записать все слова, которые можно использовать в сочинении на определенную тему. На это им давалось несколько минут. Исследователи сообщили, что всего после нескольких часов использования этого метода дети стали писать гораздо более длинные и содержательные сочинения. Оцените, насколько элегантно это решение проблемы. Записывая необходимые для темы слова, ученики задумываются над всем, что они знают о теме, еще до того, как начали писать сочинение. Когда же приходит время писать сочинение, их знания становятся для них доступнее. Это заставляет детей более вдумчиво относиться к своей работе» (Д. Халперн). Без сомнения, такого рода активизация памяти очень полезна во время практических занятий по журналистскому мастерству.

Сбор информации может также осуществляться в ходе элементарного *просмотра информации*. Он становится методом тогда, когда изучаемая вами проблема осмысливается с позиции новых знаний при использовании *метода свободных ассоциаций* или заимствования идей из других отраслей. «Вместилищами таких идей» (Д. Халперн) традиционно считаются библиотеки, справочники, Интернет и другие бумажные и электронные

носители. У журналистов одной из разновидностей источников сбора фактов являются документы, контент-анализ которых может дать бесценную информацию. «Даже отчеты о переписи населения могут быть полезными, так как в них в очень сжатой форме рассказывается о том, чем люди занимаются, что они едят, как они живут и как умирают» (Д. Халперн).

Визуализация мышления способствует интенсификации воображения человека, а значит и более быстрому нахождению им нестандартных творческих решений. Взаимосвязь между способностью к творчеству и воображением очевидна. Визуализация задач активно применяется в алгебре, геометрии, а следовательно, в архитектуре, авиа, судостроении и других видах деятельности человека, в которых активно используются чертежи. «Джей Л. Адамс назвал визуальное мышление «языком альтернативного мышления». Это альтернатива мышлению, основанному на словесном выражении мыслей. Адамс предложил всем пройти курсы рисования, чтобы улучшить способность видеть и, соответственно, мыслить более творчески. Он заявлял, что человек может улучшить свое визуальное мышление с помощью практики» (Д. Халперн).

Существует множество способов развития образного мышления у человека. То, насколько хорошо мы визуализируем задачу, во многом зависит от контекста, в котором она представлена.

Одно дело человеку предложить просто себе что-то представить (пожилого человека ребёнком или наоборот), а другое дать конкретный алгоритм. Например, предложенный письменный текст разбить на смысловые отрезки, для каждого из них придумать символ, а затем на основе этого сделать пиктограмму (рисуночное письмо, наподобие наскальных рисунков древних людей).

Кроме того, «исследование, результаты которого сообщались в одной газетной статье, показало, что память и воображение усиливаются, когда дети слушают рассказы по радио, а не смотрят их по телевидению.

Гринфилд и Биглс-Руз, психологи, проводившие это исследование, говорят, что звуковая версия рассказа помогла ученикам создать динамичные зрительные образы, а видеоизображение не сделало этого, так как детям была предоставлена уже готовая картинка. Возможно, Маршалл МакЛухан правильно сказал, что «способ представления информации – это и есть информация» (Д. Халперн).

Приведённые нами в этом параграфе и сборнике упражнения, отобранные Д. Халперн и взятые из собственной педагогической практики алгоритмы сбора, отработки информации, интерпретация её в виде метафор, аналогий и т.п. не исчерпывают творческие подходы к решению поставленных задач. Творческий процесс – настолько индивидуальный феномен, что он не может быть «втиснут» ни в одну из классификаций и дефиниций. Тем более он не может регламентироваться правилами формальной логики. Напротив, творчество – это всегда некоторое исключение из правил. Причём не только правил формальной логики, но и правил как таковых.

Динамика становления творческой личности, вектор развития таланта трудно предсказуем. А точнее, непредсказуем вообще, потому, что он вынужденно противоречит всем устоявшимся нормам мышления. История человечества знает немало примеров, когда творческая личность скоротечно исчерпывает свои возможности. Так было, например, с классиком французской поэзии А. Рембо, который к шестнадцати годам своей скоротечной жизни написал все свои выдающиеся произведения и на этом закончил свой творческий путь. Известны случаи, когда к зрелому возрасту творческая личность создавала столько произведений, что их с «лихвой» бы хватило на десятки авторов. Самый яркий пример А. Пушкин – классик русской литературы. И напротив, А. Грибоедов, современник Александра Сергеевича, известен русскому читателю благодаря всего лишь одной пьесе «Горе от ума». Иногда самоактуализация творческой личности продолжается в течение многих лет, но пика своего творчества достигает только в третьем возрасте. В этом смысле показательно творчество поэтов-фронтовиков Б. Окуджавы, Д. Самойлова, А. Тарковского и многих других, которые стали известны в России широкой публике только в 60-70-е годы, то есть спустя 15-20 лет после окончания Великой Отечественной войны. Иногда творческие достижения становятся достоянием человеческой мысли только после окончания жизненного пути. Такова судьба многих научных открытий Леонардо да Винчи.

Это говорит о том, что творческий ресурс человека формируется под воздействием разных трудно регламентируемых факторов. Можно лишь приблизительно определить, что на развитие творческих способностей личности влияет: генетический фонд (и не только прямая наследственность); ближайшее социальное окружение в детские годы; референтная группа в юношеские, взрослые и зрелые годы; социальные условия жизнедеятельности; природная среда; этническая принадлежность; особенности жизненного пути, возможно, выраженные в экстремальных обстоятельствах (война, природные катаклизмы, техногенные катастрофы и т.п.) и другие.

Самоактуализация творческих способностей имеет прямую зависимость от адекватной оценки своих потенциальных возможностей (личностного ресурса) и непрерывной самоидентификации в процессе диалога со своим внутренним «Я», внешней социальной и природной средой.

Можно согласиться с Д. Халперн и другими авторами, на мнение которых она «опирается», что человек научаем творчеству. Но только с одной оговоркой: невозможно научить человека творчески мыслить только с помощью тренировки его разума специально разработанными алгоритмами.

Что мы под этим подразумеваем?

Ни в коем случае нельзя рекомендовать человеку, мечтающему развить свои творческие способности, выполнять те или иные упражнения «дословно». Слепое следование алгоритму – против самой природы творчества. Алгоритм не может быть лекалом для организации творческой деятельности. Он может лишь означать направление, в котором желательно

двигаться творческой личности, потому что «чужая мысль – мёртвая мысль». А значит чужой путь развития творческого мышления для другого человека – путь умерщвления своего творческого начала. Как нельзя прожить чужую жизнь, так нельзя по образцу кого-то творчески мыслить. У каждого свой путь, который, согласно природе творчества, не поддаётся унификации.

Как же быть? – Необходимо эту мысль (в нашем случае – алгоритм), как принято говорить в педагогике, «присвоить». То есть сделать её своей. А это означает обязательную ассимиляцию её через своё сознание и некий личный эмпирический опыт. На практике это означает интерпретацию и развитие предлагаемого алгоритма, сообразно имеющейся сумме знаний, навыков конструктивного многофункционального живого мышления и опыта применения его на практике в различных сферах деятельности человека.

«Подлинное творчество – это всегда первопроходчество. Акт творчества не способен преследовать заранее заданную, внешнюю цель, продукт его во многом непредсказуем и невыводим из начальных условий. Зачастую творец не знает, что именно он хочет сказать, до того как скажет что-то. Он осознаёт свою цель по мере того, как открывает пути к её достижению. Творчество – это обязательно преобразование, трансформация как того, что имелось вначале, так и того, что было промежуточным результатом. Преобразующая природа творчества проявляется и в том, что, формируя, уточняя и интегрируя открывающиеся возможности, творец одновременно конкретизирует и видоизменяет стоящую перед ним задачу» (А. Ивин).

Творческое потенцирование мышления неизбежно приводит к потенцированию его бытия. Потенцировать бытие – значит внести в него избыточность и пре-ступаемость. Хайдеггер, определяя человека как «хранителя бытия», забыл уточнить, что одновременно он выступает творцом бытия. Осуществляет он свой творческий акт через потенцирование бытия, к которому он, как потенцировано мыслящее существо, способен от природы.

Потенцированное бытие представляет само по себе субстанцию, состоящую из еще неосвоенных новых образов, которым предстоит воплощать явные и неявные стороны бытия. Потенцированное бытие – это потенцирование новых смыслов жизни как творческого акта, направленного на размывание замкнутых границ традиционных представлений человека о смысле его жизни.

Резюме

Творчество (креативность) являет собой бинарно организованное понятие, в котором объединяются необычное или уникальное и качественное или полезное. Но это понятие субъективное; каждый человек сам решает, что он считает творчеством, а что нет.

Эдвард де Боно подразделил мышление на вертикальное и латеральное. Вертикальное мышление логично и прямолинейно; в то время как латеральное мышление – это способ рассуждения «вокруг» задачи.

В психологии растет популярность мнения, что творческие личности не слишком сильно отличаются от всех нас. У каждого есть способности к творчеству.

С практической стороны творческий процесс состоит в поисках новых путей постановки задачи и в отборе нужной информации.

Творчество было описано как смесь чувствительности, синергии и интуиции. Это выглядит так, как будто счастливая случайность соединила разнородные понятия для человека, чувствительного к их соединению.

Творчество можно рассматривать как когнитивный процесс, в котором используется информация, хранящаяся в памяти и выходящая за рамки личного опыта. Когнитивные психологи описывают этот процесс как расширение активации сетей знания с повторяющимися циклами генерирования и исследования.

Часто творчество строится на аналогии, т. е. решение адаптируется из другой области знания.

Творческие личности отличаются большей самомотивацией, они толерантны, терпимы к неопределенности и склонны рисковать.

Внутренняя мотивация является одним из мощнейших двигателей творчества. Для того чтобы человек стремился к творчеству, необходимо, чтобы окружающая среда подпитывала его внутреннюю мотивацию.

Мы представили несколько стратегий, развивающих творческое мышление.

Мозговой штурм опирается на убеждение, что если у человека много идей, то среди них всегда найдутся подходящие.

Каждый пункт контрольного списка творческих идей может способствовать тому, что блеснет огонек творчества.

Стратегия «плюс-минус-интересно» порождает новые решения, принуждая человека исследовать различные стороны задачи.

Аналогии и метафоры наводят нас на сходства и различия, которые могут быть важными при решении.

Визуальное мышление применяется во многих видах творчества – особенно в искусстве и науке.

Все стратегии, направленные на повышение творческого потенциала, включают поиск в сетях знания человека – для того, чтобы можно было совместить отдаленные идеи, провести аналогии с разными областями знания и сделать доступной информацию, хранящуюся в памяти.

Творческое потенцирование мышления неизбежно приводит к потенцированию его бытия. Потенцировать бытие – значит внести в него избыточность и пре-ступаемость. Хайдеггер, определяя человека как «хранителя бытия», забыл уточнить, что одновременно он выступает творцом бытия. Осуществляет он свой творческий акт через потенцирование

бытия, к которому он, как потенцировано мыслящее существо, способен от природы.

Потенцированное бытие представляет собой субстанцию, состоящую из еще неосвоенных новых образов, которым предстоит воплощать явные и неявные стороны бытия. Потенцированное бытие – это потенцирование новых смыслов жизни как творческого акта, направленного на размывание замкнутых границ традиционных представлений человека о смысле его жизни.

Термины для запоминания:

Бионика – применение к задачам, стоящим перед человеком, аналогий, которые черпаются из природы.

Бисоциативное мышление – соединение прежде несовместимых понятий или «систем отсчета».

Вертикальное мышление – логическое и прямолинейное мышление. Используется для усовершенствования и развития идей. Сравните с латеральным мышлением.

Внешняя мотивация – задание выполняется ради получения награды или избежание наказания.

Внутренняя мотивация – собственное желание заниматься каким-либо заданием ради него самого, а не ради награды или чтобы избежать наказания.

Интуиция – счастливое неожиданное открытие, которое происходит тогда, когда вы его совсем не ждёте.

Контрольные списки творческих идей – эти списки предполагают выработку творческих идей путём варьирования отдельных компонентов задачи и связей между ними.

Латеральное мышление – размышление «вокруг» проблемы. Используется для выработки новых идей, а иногда как синоним творческого мышления. Сравните с вертикальным мышлением.

Метафора – аналогия или сравнение, находящее сходства между двумя абсолютно непохожими вещами.

Мозговой штурм – групповой или индивидуальный метод поиска решения задачи. Поощряется выдвижение неожиданных и необычных идей, а их рассмотрение откладывается до той поры, когда их можно будет модифицировать или скомбинировать. Цель состоит в том, чтобы найти как можно больше вариантов решения.

Образ – отображение чего-либо в мозгу в виде своего рода картины.

Плюс-минус-интересно – план поиска решения Эдварда де Боно (De Bono, 1976), заключающийся в фиксации положительных, отрицательных и интересных черт рассматриваемых решений.

Подвижность идей – характеризуется выработкой при решении задач большого количества идей.

Потенцированное бытие – это потенцирование новых смыслов жизни как творческого акта, направленного на размывание замкнутых границ традиционных представлений человека о смысле его жизни.

Список свойств – при этом методе выработки творческого решения каждая характеристика или качество объекта или ситуации записывается, а затем исследуется на возможность модификации или перекомбинирования.

Синергия – соединяет кажущиеся несопоставимыми части в полезное и действующее целое. Такие сочетания часто используются в творческом мышлении.

Творчество (креативность) – создание чего-то оригинального и полезного.

Чувствительность – восприимчивость к информации, получаемой через органы чувств; «подмечает» стимулы, важные для принятия творческого решения.

3.3. Логические парадоксы как способ познания

«Движение вперед нашего познания природы происходит тогда, когда между теорией и опытом возникают противоречия. Эти противоречия дают ключ к более широкому пониманию природы, они заставляют нас развивать нашу теорию»

П.Л. Капица

«Логические парадоксы озадачили с момента своего открытия и, вероятно, будут озадачивать нас всегда. Мы должны, я думаю, рассматривать их не столько как проблемы, ожидающие решения, сколько как неисчерпаемый сырой материал для размышления. Они важны, поскольку размышление о них затрагивает наиболее фундаментальные вопросы всей логики, а значит, и всего мышления»

Г. фон Вригт

«У всякого безумия есть своя логика»

В. Шекспир

Вы узнаете:

- Что бытие человека – это неявный логический парадокс.
- Что такое коэволюция природы и человека, и какова её роль в проецировании жизни человечества.

- О том, что софизм это не только «интеллектуальное мошенничество», но и своеобразная форма осознания и словесного выражения проблемной ситуации.
- Что такое «параболичность мышления», и какие её формы наиболее «активно присутствуют» в научном познании и художественном творчестве.
- О парадоксальной сущности творческого познания окружающего мира.

Мышление это инструмент, с помощью которого человек познает окружающий его мир. Познание связано с необходимостью осознания того, что неизвестно, через известное ранее. Сама по себе эта ситуация, если вдуматься, парадоксальная «неизвестное через ранее известное!!!». Мыслить это и значит стремиться преодолеть этот парадокс¹⁰¹, отдавая себе отчёт в том, что никому не дано знать – возможно ли это. Парадоксальность заложена в самой основе мышления. Существует множество древних парадоксов, которые не поддаются логическому объяснению и таким образом «доказывают» противоречивую по сути своей природу человеческого мышления. Достаточно привести всего несколько примеров из них: «Я лгу», «Я знаю только то, что ничего не знаю» (Сократ), «Если всякое мнение истинно, то истинно и мнение, что некоторое мнение ложно; значит, не всякое мнение истинно» (Демокрит), «Все мнения ложны и истинных мнений нет» (Ксениад).

Прежде чем мы рассмотрим некоторые наиболее распространённые виды парадоксов, хотелось бы обратить внимание на то, что и само бытие человека представляет собой своеобразный неявный логический парадокс. Ведь биологическое объяснение бытия человека, которое считается наиболее «доказанным», низводит его до уровня одного из видов животного мира. А любое другое объяснение его бытия многим кажется неправдоподобным, да и к тому же с материалистической точки зрения, доминирующей в современной науке, необоснованным. Простые вопросы: «Кто мы? И в чём заключается наша миссия на земле?» – создают такое психологическое возмущение, что система информационного и иного обеспечения жизнедеятельности человека, именуемая сознанием, образно говоря, замыкает.

Логический способ объяснения нашего бытия и всего сущего лишь инструментарий, приспособленный объяснять то, что наблюдает сознание на ближних своих рубежах, в «видимых» временных и материальных пределах. Это предотвращает хаотичное, нелинейное движение мыслей, стабилизирует состояние биоматерии, давая возможность ей в своём коконе сохранять определённое время необходимую энергию, создавая ощущение полной

¹⁰¹ «Парадокс в широком смысле – это утверждение, резко расходящееся с общепринятыми, устоявшимися мнениями, отрицание того, что представляется «безусловно правильным». Само греческое слово, от которого произведено наше слово «парадокс». Парадокс в более узком и более современном значении – это два противоположных утверждения, для каждого из которых имеются представляющиеся убедительными аргументы» (А.А. Ивин)

субъектности и самодостаточности её носителя. Звучит немного грустно, но зато честно. В данной ситуации «раб», понимающий, что он «раб», по крайней мере, выглядит более разумно, чем «раб», который воображает себя «повелителем». Кроме того, признание полной зависимости себя от природной среды и неспособности её видоизменить (то есть и быть «рабом») даёт хоть какой-то шанс быть созидающей, а не паразитирующей частью природы. А значит, хотя бы не быть ею поглощенной, переработанной, уничтоженной, как элемент, не вписавшийся в систему.

Природа нам даёт этот шанс в виде живого природного многокомпонентного, многовекторного, многофункционального мышления, которое в конечном счёте может привести человека к такому же созидающему многосоставному бытию. Логическое прагматическое, рациональное мышление, которым мы активно пользуемся сегодня, не отдалило, а противопоставило нас живой природе в виде внешней среды и в виде нас самих. «Умные» люди совсем неумно убивают друг друга и безжалостно уничтожают внешнюю природную среду, то есть рубят сук, на котором сидят. Потихонечку принимаются то же самое делать и с космосом. «Последнее утверждение вряд ли следует доказывать, ибо, как только любой живой вид его нарушает (например, превращается в монополиста в своей экологической нише), то ему угрожают деградация и гибель. Прежде всего, из-за разрушения его экологической ниши» (Н.Н. Моисеев). В складывающейся эколого-психологической ситуации настаивать на эволюции только человеческого общества, на определяющей роли научно-технического прогресса (в том числе и информационных технологий) крайне опасно. Единственно разумный путь – коэволюция¹⁰² человека и природы. Конечно, такого рода взаимообусловленное соразвитие должно происходить во всех сферах деятельности человека, но базироваться оно неизбежно будет на мышлении, точнее, на методологических и методических основаниях сознания человека, которые будут формировать принципиально новую систему ценностей

Другими словами, не изменив сознания человека, не преодолев его технократические ограничения, человечество не сможет выйти на уровень коэволюции и, исчерпав себя как вид, освободит для другого вида свою экологическую нишу. Коэволюция логического сознания человека и таких природных его качеств, как подсознание и воображение, на первый взгляд, с точки зрения технократического мышления, выглядит абсурдно (парадоксально). Как может способствовать «ненаучное мышление» прогрессу? Но как нельзя «описать особенности эволюции биосферы с помощью одних механизмов отрицательных обратных связей», так нельзя игнорировать положительные обратные связи, «поскольку именно положительные обратные связи и являются ключом к развитию системы, то есть усложнению системы и росту разнообразия элементов, что приводит к

¹⁰² Коэволюция (co – приставка, обозначающая в ряде языков совместность, согласованность; лат. evolutio – развертывание) – термин, используемый современной наукой для обозначения механизма взаимообусловленных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему.

сохранению её целостности» (Н.Н. Моисеев). Сознание человека – это тоже сложная психолого-физиологическая система, состоящая из разнообразных элементов и являющаяся одновременно частью биосферы. Поэтому необходимо определить «положительные обратные связи» между понятийным мышлением, подсознанием и художественно-образным мышлением.

Сознание человека – сложная саморазвивающаяся информационная система. Если следовать теоретическим предположениям исследователя ноосферогенеза¹⁰³ Н.Н. Моисеева, некоторые части этого «механизма» играют «роль положительных, а другие – отрицательных обратных связей. Первые отвечают за развитие системы, рост ее сложности и разнообразие элементов. Вторые – за стабильность (гомеостаз) системы и сохранение уже существующего квазиравновесия. Разделение этих механизмов весьма условно. Однако оно даёт качественное представление о характере функционирования сложной развивающейся системы» (Н.Н. Моисеев).

Н.Н. Моисеев говорит о том, что «современные «присваивающие» цивилизации», в которых доминирует рациональный тип мышления, «возникли в начале голоцена, после неолитической революции». Учёный подчёркивает, что, «по-видимому, они исчерпали свои возможности, и человечеству предоставляются две альтернативы: либо оно будет продолжать жить по-старому, постепенно совершенствуя свои технологии», то есть, продолжая опираться на технократический тип мышления, «либо перейдёт к совершенно новому типу цивилизации», отказавшись от тоталитарного управления сознанием с позиции формальной логики. «В первом случае его ожидает общепланетарный экологический кризис, борьба за ресурсы, которых заведомо на всех не хватит, тоталитаристское управление «золотого миллиарда». <...> Вторая альтернатива основывается на гипотезе о том, что человечество сможет опереться на свой коллективный разум и найти пути создания общества, способного к совместному развитию с биосферой, то есть сможет перейти в эпоху ноосферы. И общество это будет качественно отличаться от современного» (Н.Н. Моисеев).

К сожалению, сознание людей очень консервативно и с трудом отказывается от стереотипных представлений об отношении человека к природе. Как когда-то человечество слепо поклонялось силам природы, так теперь оно почему-то считает себя вправе «управлять» ими.

Попытка разрешения любого парадокса с точки зрения формальной логики начинается с постановки проблемы, то есть выявления определенных

¹⁰³ «В основе теории ноосферогенеза лежат новые принципы нравственности, новая система нравов, которая должна быть универсальной для всей планеты, при всем различии цивилизаций населяющих ее народов. Когда в начале XX века Вернадский произнес вещь фразу о том, что однажды человеку придется взять на себя ответственность за развитие и природы, и общества, вряд ли он думал, что это время наступит столь скоро. В условиях уже наступившего экологического кризиса становится ясной неспособность современного планетарного сообщества с ним справиться. Структура общественного устройства должна претерпеть кардинальные изменения» (Н.Н. Моисеев).

противоречий между основными тезисами. Применительно к вышесказанному это означает, что, с одной стороны, человеческое сознание является результатом биологического развития индивида, а, с другой стороны, оно же формируется под воздействием внешней социальной среды, создаваемой самим человеком. Конкретный анализ проблемных ситуаций в парадоксе показывает, что далеко не каждая проблема сразу же приобретает вид явного вопроса. Не всякое исследование начинается с выдвижения проблемы и кончается её решением. Нередко бывает так, что проблема формулируется одновременно с решением. Иногда случается даже, что она осознается только через некоторое время после решения. Зачастую поиск проблемы сам вырастает в отдельную проблему. Что мы и наблюдаем в случае с рассмотрением условий формирования человеческого сознания.

По этому поводу исследователь А.А. Ивин говорит, что: «Мир проблем сложен и многообразен, как и порождающий проблемы процесс познания. Деятельность по обнаружению и раскрытию проблем связана с самой сутью творческого мышления. Представлять эту деятельность как что-то простое, упорядоченное в линию «вопрос – ответ – новый вопрос – новый ответ...» – значит обеднять богатую палитру познания как творчества, постоянного поиска не только решений проблем, но и самих проблем. <...> Можно отметить два фактора, оказывающих влияние на способ постановки проблем. Это, во-первых, общий характер мышления той эпохи, в которую формируется и формулируется проблема, и, во-вторых, имеющийся уровень знания о тех объектах, которых касается возникшая проблема. Каждой исторической эпохе свойственны свои типичные формы проблемных ситуаций. В древности проблемы ставились во многом иначе, чем, скажем, в средние века или в современном мышлении».

Если мы согласимся с данным высказыванием учёного, то из этого следует, что сегодня мы должны относиться к постановке и разрешению проблемных ситуаций иначе, по крайней мере, чем в эпоху Просвещения, которая ориентировала человечество на осознание всесильности, исключительности человеческого разума и необходимости строгого следования в своей практической деятельности законам формальной логики.

Например, софизм¹⁰⁴ может быть формой «интеллектуального мошенничества», если в нём сознательно нарушаются законы формальной логики. А.А. Ивин говорит, что «Хорошим примером софизма является ставший знаменитым ещё в древности софизм «Рогатый». С его помощью можно уверить каждого человека, что он рогат: «Что ты не терял, то имеешь; рога ты не терял; значит, у тебя рога. Софизмы являются логически неправильными рассуждениями, выдаваемыми за правильные и доказательные.

¹⁰⁴ В энциклопедиях и словарях софизм определяется как умозаключение или рассуждение, обосновывающее какую-нибудь заведомую нелепость, абсурд или парадоксальное утверждение, противоречащее общепринятым представлениям (А.А. Ивин).

В софизме «Рогатый» обыгрывается двусмысленность выражения «то, что не терял». Иногда оно означает «то, что имел и не потерял», а иногда просто «то, что не потерял, независимо от того, имел или нет»... Можно, например, спросить человека: «Не вы ли потеряли зонтик?», не зная заранее, был у него зонтик или нет. В посылке «Что ты не терял, то имеешь» оборот «то, что ты не терял» должен означать «то, что ты имел и не потерял», иначе эта посылка окажется ложной. Но во второй посылке это значение уже не проходит: высказывание «Рога – это то, что ты имел и не потерял» является ложным». Но, несмотря на то, что «Неприязнь к софистике как систематическому использованию мошеннических приемов велика и вполне оправданна, – рассуждает А.А. Ивин, – эта неприязнь не должна заслонять тот факт, что софизмы могут играть и другую роль. В древности софизмы были, прежде всего, своеобразной формой осознания и словесного выражения проблемной ситуации.

Первым на эту сторону дела обратил внимание в начале прошлого века немецкий философ Г. Гегель. Он проанализировал ряд старых софизмов и вскрыл те реальные проблемы, которые поднимались ими.

Большое число софизмов обыгрывает тему скачкообразного характера всякого изменения и развития. Постепенное, незаметное, чисто количественное изменение какого-то объекта не может продолжаться бесконечно. В определенный момент оно достигает своего предела, происходит резкое качественное изменение – скачок – и объект переходит в другое качество. Например, при температуре от 0 ° до 100 °С вода представляет собой жидкость. Постепенное нагревание её заканчивается тем, что при 100 °С она закипает и резко, скачком переходит в другое качественное состояние – превращается в пар.

Вопросы софистов: «Создаёт ли прибавление одного зерна к уже имеющимся зернам кучу?», «Становится ли хвост лошади голым, если вырвать из него один волос?» – кажутся наивными. Но в них, говорит Гегель, находит своё выражение попытка древних греков представить наглядно скачкообразность всякого изменения.

Многие софизмы поднимали проблему текучести, изменчивости окружающего мира и в своеобразной форме указывали на трудности, связанные с отождествлением объектов в потоке непрерывного изменения. «Взявший займы, – говорит древний софист, – теперь уже ничего не должен, так как он стал другим». «Приглашенный вчера на обед приходит сегодня непрошенным, так как он уже другое лицо» – здесь опять-таки речь не о займах и обедах, а о том, что всеобщая изменчивость вещей постоянно сталкивает нас с вопросом: остался рассматриваемый предмет тем же самым или же он настолько переменялся, что его надо считать другим?

Очень часто софизмы ставят в неявной форме проблему доказательства. Что представляет собой доказательство, если можно придать видимость убедительности нелепым утверждением, явно не совместимым с

фактами? Например, убедить человека в том, что у него есть рога, копыта или хвост, что он произошел от собаки и пр.» (А.А. Ивин).

Известно, что софизмы появились как форма речевого взаимодействия задолго до аристотелевской логики, которая во многом и возникла благодаря тому, что был необходим способ их нейтрализации. Таким образом, вполне правомерно говорить о том, что софизм – это не только инструмент «интеллектуального мошенничества», но способ активизации логического мышления человека с целью его упорядочивания, прояснения, а также форма постановки проблемы.

Софизм яркий, но не единственный пример, указывающий на природную парадоксальность мышления человека. Сознание человека как некая психофизическая система предполагает создание различного информационного продукта, который используется в различных видах деятельности человека для достижения как терминальных, так и утилитарных целей. Прямолинейное логическое мышление приспособлено для достижения коротких утилитарных, а значит более легко понимаемых человеком целей. Мышление человека теряет свою линейно направляющую силу по мере принятия более отдалённых целей, которые выглядят скорее как некий идеал, смутное предположение. Теряя свою строгую заданность, а значит и направленность, мышление человека становится более свободным и приобретает вид параболы. А.А. Ивин замечает: «Слово «парабола» означает, как известно, не только определенную незамкнутую кривую, но и иносказание, нравоучение. В притче «Перед параболами» Ф. Кафка писал: «Слова мудрецов подобны параболам. Когда мудрец говорит: «Иди туда», то он не имеет в виду, что ты должен перейти на другую сторону. Нет, он имеет в виду некое легендарное «там», нечто, чего мы не знаем, что и он сам не мог бы точнее обозначить».

Параболичность мышления человека реализуется в различных видах его деятельности. Особенность его заключается в том, что оно не поддается строгой классификации в силу трудной предсказуемости (нелинейности) и возможности возникновения всё новых и новых форм.

Например, более просто назвать несколько устоявшихся форм параболического мышления в современной науке в том виде, в котором она представляет сегодня нам. Это различные виды гипотез, о которых мы будем говорить в параграфе 3.4. Несколько сложнее говорить о формах параболического мышления в художественной литературе и, тем более, в искусстве вообще. А.А. Ивин выделяет среди них мифы, сказки, притчи и другие так называемые иносказания.

Мифы как информационные системы, которые были сформированы на основе некоего прошлого опыта бытия человеческого сознания, были направлены (адресованы) не только и не столько в настоящее, сколько в будущее. «Мифы складывались веками, в них запечатлелась глубокая народная мудрость. Чтобы постичь её, надо выявить их скрытый и тайный

смысл, расшифровать их иносказания» (А.А. Ивин).

Для примера обратимся к рассмотрению мифа о русском богатыре Илье Муромце в интерпретации Д. Барлена¹⁰⁵. Исследователь говорит о том, что «Илья Муромец: возставая с ложа милостью калик-перехожих – самого Иисуса Христа и двух апостолов <...>. Жизнь и подвиги Ильи Муромца и младших богатырей дают яркую картину духовного пути русского народа в прошлом и будущем. Особая трудность для понимания этих былин заключается в том, что они изложены совершенно особым способом, свойственным творческому сознанию древнего времени: речь может идти о чисто внешних фактах и событиях, и незаметно переходить затем на внутренние душевные переживания <...>».

Об Илье Муромце известно, что он тридцать три года «сиднем сидел» без рук и без ног, днем и ночью усердно молясь Богу <...>. Затем появляются калики-перехожи, Иисус Христос с двумя апостолами. Происходит исцеление Ильи».

Все дальнейшее в мифе представлено Д. Барленом как путь духовного становления И.Муромца, который ассоциируется с духовным становлением русского мира и его миссии в современной цивилизации. Победа над Сорловьём-разбойником – это схватка «с могучей силой групповой души, кровородственных уз, преграждающих человеку прямую дорогу к его высшему «Я». Дерево, на котором сидит Соловей-разбойник, есть не что иное, как родословное, генеалогическое древо; он концентрирует свою силу на древовидных разветвлениях кровеносной системы, в крови» (Д. Барлен).

Победа над Святогором «была предуготована самим ходом нормальной земной эволюции. <...> Но Илья Муромец не убивает его; наоборот, он пытается даже освободить Святогора. Но силы его окрепшего «Я» (меч-кладенец) начинают уже проявляться и действовать независимо от его низшей воли и сковывают заключающий Святогора гроб. И настолько глубока заложенная в былинах скрытая духовная мудрость, что и в этом драматическом месте подчеркивается победа не мечом, но крестом: сковавшие гроб железные обручи образовали на нём очертание креста».

Из борьбы с атавистическими зовами древности Илья Муромец вышел победителем, в значительной мере закалённым и укрепленным в обладании меча-кладенца и переданной ему части Святогоровой силы. Отныне он поворачивается лицом к будущему, прокладывая себе дорогу к грядущему Свету и неся навстречу ему духовное наследие, полученное от Святогора» (Д. Барлен).

Д. Барлен говорит о том, что тридцатилетняя парализация физически могучего Ильи Муромца символизирует собой его духовную немощь. «Илья поднимается со своего ложа для активной деятельности именно в силу изливающегося на него импульса Христова <...>. Миссия Христа состоит в том, чтобы «принести человеку в душу внутреннюю самостоятельность, полную силу «Я». Отдельное «Я» должно почувствовать себя вполне самостоятельным и обособленным, вполне само-в-себе-стоящим, и сблизать

¹⁰⁵ Здесь и далее - Барлен Д. Русские былины в свете тайноведения.

человека с человеком должна только любовь, приносимая в виде свободного дара».

Такое истолкование Д. Барленом старого рассказа об Илье Муромце не является, конечно, единственно возможным. Считается, что как реконструкция тех проблем, которые поднимаются мифом, так и выводимая в итоге мораль во многом определяются духом времени. В данном случае – духовных исканий русской философии начала двадцатого века. Но эта реконструкция выразительно показывает, что данный миф далеко не так прост, как это может показаться поверхностному взгляду. За бесхитростным рассказом о богатой событиями жизни Ильи Муромце скрываются глубокие вопросы. Миф ставит их в непривычной для нас форме – форме параболы. И он же дает на них своеобразные – неявные, требующие размышления и расшифровки ответы.

В чем причина того, что самые глубокие проблемы, касающиеся смысла жизни и назначения человека, его места в мире и т. п., принимали когда-то вид иносказания, параболы?

Бэкон так отвечал на этот вопрос: «...когда речь идет о новых открытиях, далёких от представлений толпы и глубоко скрытых от неё, нужно искать более удобный и лёгкий доступ к человеческому пониманию через параболы. Поэтому в древности, когда открытия и заключения человеческого разума – даже те, которые теперь представляются банальными и общеизвестными, – были новыми и непривычными, всюду мы встречаем всевозможные мифы, загадки, параболы, притчи, к которым прибегали для того, чтобы поучать, а не для того, чтобы искусно скрывать что-то, ибо в то время ум человеческий был ещё груб и бессилён и почти не способен воспринимать тонкости мысли, а видел лишь то, что непосредственно воспринимали чувства».

К этим словам Бэкона можно добавить, что непривычного и непонятного в мире с древнейших времён не убавилось, а, наоборот, вследствие проникновения человека во всё более тонкие сферы познания, только увеличилось. Следовательно, востребованность параболического мышления сохраняется. Например, в форме притчи. Притча как особая форма выражения проблемных ситуаций сохранилась до наших дней, например, в народном фольклоре, художественной литературе, публицистике. Все существующие религии активно используют притчи в своей духовной литературе и проповедях.

К иносказаниям, понятым как своеобразный способ постановки проблем, в чём-то близки афоризмы, максимы и сентенции. «Там, где кончается государство, там начинается человек», «Разучился повиноваться, теперь ты будешь повелевать» (Ф. Ницше); «Познание – воспоминание душой своего доземного существования» (Платон); «Мышление – самосознание природы» (Б. Спиноза); «Я мыслю, следовательно, существую» (Р. Декарт); «Мы осознаём мир не таким, какой он есть на самом деле, а так,

как он нам является» (И. Кант); «Бытие вещей независимо от силы познания и существуют отдельно» (А. Радищев); «Тела существуют в пространстве, которое есть объективная форма мира, а также во времени, которое субъективно» (П. Чаадаев). Подобные афоризмы и сентенции не просто констатируют что-то общеизвестное, мимо чего можно равнодушно пройти, а склоняют к размышлению и требуют, подобно вопросу, ответа «да» или «нет».

«Интересно отметить, – говорит А.А. Ивин, – что проблемные ситуации порождаются также эпиграммами, каламбурами, анекдотами и вообще всеми проявлениями комического в интеллектуальной сфере.

Сказки, возникшие гораздо позднее мифов и прекрасно чувствующие себя и в наше время, тоже являются иносказаниями. Они повествуют о событиях, происходящих в каком-то ином мире, только отдаленно напоминающем наш. И вместе с тем они в своеобразной форме, особенно интересной и понятной детскому уму, ставят какие-то вопросы и одновременно отвечают на них. «Сказка-ложь, да в ней намёк...» – заметил Пушкин».

Русские сказки, как и сказки других народов мира, в этом смысле представляют собой настоящий клад мудрости. Причём они не только содержат информацию об особенностях мифологичности мышления предыдущих поколений людей, но и дают своеобразные ответы-решения поставленных в них задач с помощью советов-нравоучений, в виде своеобразной заключённой в них «морали». Актуальность их часто привязана к сегодняшнему социальному бытию человека. Особенно наглядно это прослеживается в трансформации образов некоторых главных героев сказок. Иван, который прямо в русских народных сказках называется обидным прозвищем «дурак», на поверку в современной интерпретации является носителем не самых плохих национальных черт: наивность, открытость, смелость, бескорыстность. Современному российскому читателю (зрителю), возможно, представляется это само собой разумеющимся. Но знакомство со сказками, записанными А. Афанасьевым ещё в девятнадцатом веке, свидетельствует о другом: народ безжалостно наделял Ивана качествами, далеко не лицеприятными для нации, такими как простодырство, глупость, самовлюблённость, непослушание и многими другими, влекущими за собой беды для других людей и т.п. Типичный пример «Сказка про Алёнушку и братца Иванушку», когда Иванушка не послушался сестрицу Алёнушку, и это повлекло за собой целую цепь неприятных событий, связанных с необходимостью его расколдовывания. Интересна интерпретация под интересующим нас углом зрения образа Ивана в сказке Салтыкова-Щедрина «Как мужик двух генералов прокормил». Да и в сказках А.С. Пушкина образ «Ивана», а точнее его вариаций в виде некоторых героев (старик в «Сказке о рыбаке и рыбке» и др.) далеко не романтичный.

Ещё одной своеобразной формой, которую иногда принимает

проблема, является антиномия¹⁰⁶. «Первые формулировки проблем в виде антиномий встречаются ещё у античных мыслителей.

Древнегреческий философ Горгий написал сочинение с интригующим названием «О несуществующем, или О природе». Возможно, Горгий уже в названии своего сочинения хотел показать одновременно и силу, и слабость строгого логического доказательства.

Рассуждение Горгия о несуществовании природы разворачивается так. Сначала доказывается, что ничего не существует. Как только доказательство завершается, делается как бы шаг назад и предполагается, что нечто всё-таки существует. Из этого допущения выводится, что существующее непостижимо для человека. Ещё раз делается шаг назад и предполагается вопреки, казалось бы, уже доказанному, что существующее всё-таки постижимо. Из последнего допущения выводится, что постижимое невыразимо и необъяснимо для другого» (А.А. Ивин).

Ещё один интересный пример антиномии – известное высказывание древнекитайского философа Хуэй Ши, который, в частности, утверждал: «То, что не обладает толщиной, не может быть накоплено, и всё же его громада может простираться на тысячу ли. – Небо и земля одинаково низки, горы и болота одинаково ровны. – Солнце, только что достигшее зенита, уже находится в закате: вещь, только что родившаяся, уже умирает. – Южная сторона света не имеет предела и в то же время имеет предел. – Только сегодня отправившись в Юэ, туда я давно уже прибыл».

Эти примеры приводит в своей книге «Искусство правильно мыслить» А. Ивин и спрашивает: «Не ушли ли антиномии в прошлое, и стоит ли сейчас «церемониться» с ними, так сказать, «разводить антимионии с антиномиями»?

Несомненно, стоит. «Антиномии, столь характерные для античности, не редки и сейчас. Они встречаются как в повседневном, так и в научном мышлении, особенно на начальной ступени развития научных теорий. В период, когда основные принципы теории только кристаллизуются, а поддерживающие их устойчивые «факты» только вычленяются из данных опыта и эксперимента, многие проблемы принимают вид явных или завуалированных антиномий» (А.А. Ивин).

Нередки, например, ситуации, когда формулируется одна проблема, а на самом деле обсуждается и решается совершенно иная. Такие ситуации можно считать обычными или, как говорят в журналистике, «штатными» при написании материалов по заданию редакции. Например, перед одним из журналистов небольшого сибирского города Иркутской области в 1986 году

¹⁰⁶ Когда-то слово «антиномия» (буквально — «против закона») использовалось только юристами и означало противоречие между двумя законами или противоречие отдельного закона с самим собой. Сейчас «антиномия» понимается гораздо шире и означает два противоречащих друг другу высказывания, относящихся к одному и тому же предмету и допускающих, как кажется, одинаково убедительное обоснование (А.А. Ивин).

была поставлена задача: вникнуть в социальную политику одного из старейших предприятий области, которое занималось производством фарфоровой продукции. В ходе журналистского расследования было установлено, что часть социальных объектов (школа, библиотека, музей и т.п.) понесли значительный материальный ущерб в период руководства предприятия чиновником, который позже возглавлял район, а в то время уже занимал один из важных постов в областной администрации. Ничего не подозревающий журналист собирал факты об экономически некомпетентном руководстве. И только в процессе вдруг понял, что речь идёт об уголовном деле, так как этот руководитель был страстным коллекционером и через подставных лиц продал себе за бесценок множество ценнейших исторических экспонатов. Но и на этом история не закончилась. После публикации материала она получила политическую окраску: руководитель такого ранга был крупным партийным функционером (в то время это было неизбежно), который своими мошенническими действиями замарал «честь мундира», чем нанёс значительный ущерб репутации партии на региональном уровне. Этим фактом, в свою очередь, воспользовалась нарождающаяся оппозиция, которая развернула вокруг него целую информационную кампанию, целью которой было обвинить уже всю КПСС в коррупции и стяжательстве.

А.А. Ивин в книге «Искусство мыслить» приводит другой пример: «Великому поэту и выдающемуся учёному И. Гёте чрезвычайно не нравилась теория света И. Ньютона. Гёте считал ошибкой использование при изучении такого естественного явления, как свет, отверстий, выделяющих узкий пучок света, призм, разлагающих световой луч, и т. п. Свет следует наблюдать, полагал Гёте, непосредственно, таким, как он существует в природе, без всяких искажающих его свойства искусственных приспособлений. Поставив задачу опровергнуть Ньютона, Гёте построил собственную теорию световых явлений. Эта теория подверглась не только критике, но и осмеянию, особенно со стороны английских физиков. Сам Гёте был твёрдо убежден в правоте своей теории. Он даже считал её своим высшим научным достижением, не оставившим камня на камне от авторитета Ньютона в оптике.

Когда полемика между сторонниками теорий Ньютона и Гёте отошла в прошлое, стало ясно, что последний решал – и, в общем-то, успешно – совсем не ту задачу, которую он ставил перед собой. Вопреки его убеждению, ему не удалось ни опровергнуть, ни даже поколебать ньютоновскую оптику. Его собственная теория касалась на самом деле совсем другого класса физических явлений: она давала не экспериментальный, количественный анализ световых явлений, а качественное, без чисел, описание восприятия света и цвета человеческим глазом.

К неявным проблемным ситуациям близки и те довольно обычные случаи, когда исследование движется чувством или, как иногда говорят,

страстью, а не желанием разделаться с какими-то возникшими и прямо сформулированными вопросами или затруднениями. «Живое предчувствие, возникающее в ходе непредубежденного размышления, – отмечал немецкий философ Э. Гуссерль, – ведёт нас к пониманию чрезвычайно важных обстоятельств, прослеживая которые, мы можем подтвердить достоверность своих предчувствий. Предчувствие – эмоциональный путеводитель всех открытий».

Одна черта, восходящая ещё к мифологическому мышлению, сохраняется и в современном мышлении: осознание проблемной ситуации нередко переплетается с самим процессом поиска выхода из неё. Проблема формируется и уточняется по мере исследования, идущего без четкого плана и ясно выраженной цели. Окончание исследования оказывается одновременно и формулировкой самой решавшейся в нём задачи.

«Когда мы говорим о некоторой проблеме, – пишет философ К. Поппер, – мы почти всегда делаем это задним числом, исходя из того, что уже совершено. Человек, работающий над проблемой, нередко не в состоянии ясно сказать, в чём она состоит (до того, как он её решит), и даже тогда, когда он может объяснить, в чём состоит его проблема, это объяснение может оказаться ошибочным. И это справедливо даже по отношению к учёным, хотя они и принадлежат к числу тех немногих, кто сознательно старается до конца понять свои проблемы».

В удвоении и подмене проблем, в их смутности и подчас невыразимости, в постепенном прояснении проблемной ситуации по мере её разрешения – во всём этом нет ничего странного с точки зрения общего характера творчества.

Подлинное творчество – это всегда первопроходство. Акт творчества не способен преследовать заранее заданную внешнюю цель, продукт его во многом непредсказуем и невыводим из начальных условий. Зачастую творец не знает, что именно он хочет сказать, до того, как скажет что-то. Он осознает свою цель по мере того, как открывает пути к её достижению. Творчество – это обязательно преобразование, трансформация как того, что имелось вначале, так и того, что было промежуточным результатом. Преобразующая природа творчества проявляется и в том, что, формируя, уточняя и интегрируя открывающиеся возможности, творец одновременно конкретизирует и видоизменяет стоящую перед ним задачу» (А.А. Ивин).

Итак, «парадоксальность – характерная черта современного научного познания мира» (А.А. Ивин). Хотелось бы, чтобы все представители науки в полной мере осознали эту простую мысль А.А. Ивина. Дело в том, что «наука во все времена находилась в определённом конфликте с тем, что уже устоялось и стало привычным. Постоянно расширяющееся знание периодически оказывалось не просто в рассогласовании, а даже в противоречии со старыми догмами. Временами это противоречие достигало такой остроты, что его впрямь было назвать парадоксом» (А.А. Ивин). Таким

своеобразным парадоксом является сегодня необходимость признания равноправности в научном познании таких психолого-физиологических феноменов, как подсознание, художественно-образное и логическое мышление, которые на определенном историческом отрезке доминировали в сознании человека.

Ещё сто лет тому назад парадоксы воспринимались по преимуществу как крайне досадное препятствие на пути познания. Современная трактовка парадоксов в корне отлична от этой обеспокоенной и опасливой реакции.

«Противоречия науки и парадоксы как их наиболее своеобразная и резкая форма воспринимаются теперь как естественное следствие процесса развития научного знания. Требование не просто «новых», а «сумасшедших» новых теорий – это, в сущности, требование парадокса. Как сказал Шерлок Холмс, «все теории, объясняющие явления природы, должны быть смелы, как сама природа» (А.А. Ивин).

Резюме

Бытие человека представляет собой своеобразный неявный логический парадокс. Логический способ объяснения нашего бытия и всего сущего лишь инструментарий, приспособленный объяснить то, что наблюдает сознание на ближних своих рубежах, в «видимых» временных и материальных пределах. Это предотвращает хаотичное, нелинейное движение мыслей, стабилизирует состояние биоматерии, давая возможность ей в своём коконе сохранять определённое время необходимую энергию, создавая ощущение полной субъектности и самодостаточности её носителя. Звучит немного грустно, но зато честно. В данной ситуации «раб», понимающий, что он «раб», по крайней мере, выглядит более разумно, чем «раб», который воображает из себя «повелителя». Кроме того, признание полной зависимости себя от природной среды и неспособности её видоизменить (то есть и быть «рабом») даёт хоть какой-то шанс быть созидающей, а не паразитирующей частью природы. А значит, хотя бы не быть ею поглощённой, переработанной, уничтоженной, как элемент, не вписавшийся в систему.

Природа нам даёт этот шанс в виде живого природного многокомпонентного, многовекторного, многофункционального мышления, которое, в конечном счёте, может привести человека к такому же созидающему многосоставному бытию. Логическое прагматическое, рациональное мышление, которым мы активно пользуемся сегодня, не отдалило, а противопоставило нас живой природе в виде внешней среды и в виде нас самих.

В складывающейся эколого-психологической ситуации настаивать на эволюции только человеческого общества, на определяющей роли научно-технического прогресса (в том числе и информационных технологий) крайне опасно. Единственно разумный путь – коэволюция человека и природы. Конечно, такого рода взаимообусловленное соразвитие должно происходить во всех сферах деятельности человека, но базироваться оно неизбежно будет на мышлении. Другими словами, не изменив сознания человека, не преодолев его технократические ограничения, человечество не сможет выйти на уровень коэволюции и, исчерпав себя как вид, освободит для другого вида свою экологическую нишу.

Попытка разрешения любого парадокса с точки зрения формальной логики начинается с постановки проблемы, то есть выявления определённых противоречий между основными тезисами. Конкретный анализ проблемных ситуаций в парадоксе показывает, что далеко не каждая проблема сразу же приобретает вид явного вопроса. Не всякое исследование начинается с выдвижения проблемы и кончается её решением. Нередко бывает так, что проблема формулируется одновременно с решением. Иногда случается даже, что она осознаётся только через некоторое время после решения. Зачастую поиск проблемы сам вырастает в отдельную проблему.

Можно отметить два фактора, оказывающих влияние на способ постановки проблем. Это, во-первых, общий характер мышления той эпохи, в которую формируется и формулируется проблема, и, во-вторых, имеющийся уровень знания о тех объектах, которых касается возникшая проблема. Каждой исторической эпохе свойственны свои типичные формы проблемных ситуаций. Из этого следует, что сегодня мы должны относиться к постановке и разрешению проблемных ситуаций иначе, по крайней мере, чем в эпоху Просвещения. Например, софизм может быть формой «интеллектуального мошенничества», если в нём сознательно нарушаются законы формальной логики. Но софизмы могут быть и своеобразной формой осознания и словесного выражения проблемной ситуации.

Софизм яркий, но не единственный пример, указывающий на природную парадоксальность мышления человека. Сознание человека как некая психофизическая система предполагает создание различного информационного продукта, который используется в разных видах деятельности человека для достижения как терминальных, так утилитарных целей. Прямолинейное логическое мышление приспособлено для достижения коротких утилитарных, а значит более легко понимаемых человеком целей. Мышление человека теряет свою линейно-направляющую силу по мере принятия более отдалённых целей, которые выглядят скорее как некий идеал, смутное предположение. Теряя свою строгую заданность, а значит и направленность, мышление человека становится более свободным и приобретает вид параболы

Параболичность мышления человека реализуется в различных видах

его деятельности. Например, устоявшимися формами параболического мышления в современной науке являются различные виды гипотез. Распространёнными формами параболического мышления в художественной литературе можно назвать мифы, сказки, притчи и другие так называемые иносказания.

Мифы как информационные системы, которые были сформированы на основе некоего прошлого опыта бытия человеческого сознания, были направлены (адресованы) не только и не столько в настоящее, сколько в будущее. «Мифы складывались веками, в них запечатлелась глубокая народная мудрость. Чтобы постичь её, надо выявить их скрытый и тайный смысл, расшифровать их иносказания» (А.А. Ивин).

К иносказаниям, понятым как своеобразный способ постановки проблем, в чём-то близки афоризмы, сентенции. Сказки, возникшие гораздо позднее мифов и прекрасно чувствующие себя и в наше время, тоже являются иносказаниями. Они повествуют о событиях, происходящих в каком-то ином мире, только отдалённо напоминая нам. И вместе с тем они в своеобразной форме, особенно интересной и понятной детскому уму, ставят какие-то вопросы и одновременно отвечают на них. «Сказка – ложь, да в ней намёк...», – заметил Пушкин». Ещё одной своеобразной формой, которую иногда принимает проблема, является антиномия. Сейчас «антиномия» понимается и означает два противоречащих друг другу высказывания, относящихся к одному и тому же предмету и допускающих, как кажется, одинаково убедительное обоснование (А.А. Ивин).

Подлинное творчество – это всегда первопроходство. Акт творчества не способен преследовать заранее заданную внешнюю цель, продукт его во многом непредсказуем и невыводим из начальных условий. Зачастую творец не знает, что именно он хочет сказать, до того, как скажет что-то. Он осознаёт свою цель по мере того, как открывает пути к её достижению.

Ещё сто лет тому назад парадоксы воспринимались по преимуществу как крайне досадное препятствие на пути познания. Сегодня парадоксальность мышления – одна из характерных черт познания человеком окружающего мира. Формальная логика вынуждена признать, что «привычные формы теоретического мышления сами по себе не обеспечивают надёжного продвижения к истине. Парадокс можно рассматривать как критику логики в её наивной, интуитивной форме.

Парадоксы играют роль фактора, контролирующего и ставящего ограничения на пути конструирования логических систем. И здесь их можно сравнить с экспертами правильности таких наук, как, скажем, физика и химия, заставляющих вносить в них изменения» (Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров).

«Противоречия науки и парадоксы как их наиболее своеобразная и резкая форма воспринимаются теперь как естественное следствие процесса развития научного знания. Требование не просто «новых», а «сумасшедших»

новых теорий – это, в сущности, требование парадокса. Как сказал Шерлок Холмс, «все теории, объясняющие явления природы, должны быть смелы, как сама природа» (А.А. Ивин).

Термины для запоминания:

Логический парадокс – два противоположных утверждения, для каждого из которых имеются убедительные аргументы.

Коэволюция – (со – приставка, обозначающая в ряде языков совместность, согласованность; лат. evolutio – развёртывание) – термин, используемый современной наукой для обозначения механизма взаимообусловленных изменений элементов, составляющих развивающуюся целостную систему.

Нооферогенез – новые принципы нравственности, новая система нравов, которая должна быть универсальной для всей планеты, при всём различии цивилизаций населяющих её народов.

Софизм – умозаключение или рассуждение, обосновывающее какую-нибудь заведомую нелепость, абсурд или парадоксальное утверждение, противоречащее общепринятым представлениям.

Параболичность мышления – мыслительный процесс, который основан не на линейно-направляющем действии, а на нелинейном или парадоксальном, поэтому трудно предсказуемом развитии мысли.

Антиномия – означает два противоречащих друг другу высказывания, относящихся к одному и тому же предмету и допускающих, как кажется, одинаково убедительное обоснование.

3.4. Гипотеза как форма исследования

«Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять её ввысь, не опираясь на воздух. Факты – это воздух учёного. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши теории – пустые потуги»

И.П. Павлов

*«Для художника факты интересны тем, что их не обязательно
придерживаться»*

Д. Гранин

*«Не бойтесь быть инакомыслящими...
Озарение – это жемчужина сознания»*

Н. Бехтерева¹⁰⁷

Вы узнаете:

- О гипотетико-дедуктивном предположении Н. Бехтеровой, что может представлять собой сознание человека.
- Чем отличаются друг от друга догадка (предположение), фантазия и гипотеза.
- О некоторых способах проверки гипотез.
- О логических критериях обоснованности конструирования гипотез.
- Об особенностях гипотез в теоретико-эмпирических исследованиях, проводимых в социально-экономической сфере.
- О применении нестрогой, с точки зрения формальной логики, гипотезы в бизнесе, образовании, художественной литературе и публицистике.

Несмотря на всё вышесказанное, о феномене сознания человека сам человек знает настолько мало, что даже специалисты, которые посвятили всю свою жизнь изучению деятельности мозга человека, вынуждены бессильно разводиться руками.

Н. Бехтерева в книге «Магия мозга и лабиринты жизни» пишет, что считает своим долгом изучить необъяснимое и «не шарахается» от паранормальных явлений, связанных с мышлением. Мозг, по её мнению, впитывает информацию, обрабатывает её и принимает решения – это так. Но иногда человек получает готовую формулировку как бы из ниоткуда.

Возможно, это феномен озарения. «О нём знают все, – размышляет Н. Бехтерева, – кто занят творчеством. И не только творчеством: эта ещё мало изученная способность мозга часто играет решающую роль в любом деле. В новелле Стейнбека «Жемчужина» ловцы жемчуга говорят: для того чтобы найти крупный и чистый жемчуг, требуется особое состояние духа, сравнимое с творческим. На этот счёт есть две гипотезы. Первая: в момент озарения мозг работает, как идеальный приёмник. Но тогда нужно признать, что информация поступила извне – из космоса или из четвёртого измерения. Это пока недоказуемо. А можно сказать, что мозг сам себе создал идеальные условия и «озарился».

¹⁰⁷ Наталья Петровна Бехтерева (7 июля 1924, Ленинград – 22 июня 2008, Гамбург, Германия) – российский нейрофизиолог. Член-корреспондент АН СССР (1970), академик АМН СССР (1975), академик АН СССР (1981). С 1990 года – научный руководитель Центра «Мозг» Академии наук СССР, а с 1992-го – Института мозга человека РАН (Санкт-Петербург). Доктор медицинских наук, профессор. Внучка В. М. Бехтерева

По мнению Бехтеревой, сознание и душа «не синонимы». Но она не берётся утверждать, где в организме человека находится душа. «Можно сказать – «во всём организме» или «вне организма, где-то рядом», – размышляет учёная, – я думаю, этой субстанции не нужно места. Если она есть, то во всём теле. Что-то, пронизывающее весь организм, чему не мешают ни стены, ни двери, ни потолки. Что такое душа, я не знаю. Говорю вам, как есть. <...>

Сознание – феномен мозга, хотя и очень зависимый от состояния тела. Вы можете лишить человека сознания, пережав ему двумя пальцами шейную артерию, изменить кровоток, но это очень опасно. Сознание это результат деятельности, я бы даже сказала – жизни мозга. Так точнее. Когда вы просыпаетесь, в ту же секунду приходите в сознание. «Оживает» сразу весь организм. Как будто одновременно включаются все лампочки.

Не исключено, что в экстремальные моменты в мозге включаются не только обычные механизмы видения, но и механизмы голографической природы. Например, при родах: по нашим исследованиям, у нескольких процентов рожениц тоже бывает состояние, как если бы «душа» выходит наружу» (Н. Бехтерева).

В западных научных кругах появилось и такое предположение: сознание человека не связано с мозгом, а лишь использует серое вещество как приёмник и передатчик мысленных сигналов, которые преобразуются в поступки и эмоции.

Все озвученные выше мысли есть научные предположения, основанные на некоторых косвенных фактах, их принято называть гипотезами¹⁰⁸. «При этом факты не являются чем-то абсолютно твёрдым и неизменным. Они могут пересматриваться, уточняться и даже отбрасываться. Ни одна гипотеза не способна охватить всех явлений, изучаемых в конкретной области. Круг их не определён однозначно и жёстко, границы его в большей или меньшей мере размыты. Гипотеза ориентируется, как правило, не на всё, а лишь на немногие, но ключевые в каком-то смысле факты» (А.А. Ивин).

Следует различать догадку (предположение), фантазию и гипотезу. Особенно разграничение содержаний этих понятий важно в гуманитарной сфере, в которой главным исследовательским инструментом являются не цифры, а слова, которые могут стать средством манипуляции сознанием большого количества людей. Любые слова должны подтверждаться фактами в виде статистических данных, состояния предметно-вещевой среды и мнением конкретных людей, выступающих в качестве ключевых или типичных экспертов. А.А. Ивин предлагает «понять» эту разницу на основе ряда примеров, приведённых им в книге «Искусство правильно мыслить».

¹⁰⁸ Гипотеза (от греч. hypothesis – основание, предположение) – положение, выдвигаемое в качестве предварительного, условного объяснения некоторого явления или группы явлений; предположение о существовании некоторого явления.

«Далеко не всякую догадку, предположение можно назвать гипотезой. Гипотеза в отличие от простого предположения должна быть обоснованной. Лучше всего это различие между обычными предположениями и гипотезами пояснить на простом примере.

Маленький мальчик четырёх с половиной лет прыгнул вслед за своими укатившимися санками с набережной на лед, провалился и ушёл под воду. Когда через двадцать минут спасатели нашли его и вытащили из воды, налицо были все признаки смерти. Температура его тела упала до 27 градусов. Врачи, тем не менее, делали всё возможное, чтобы его оживить. И после полутора часов клинической смерти сердце мальчика начало биться. Врачи объяснили это неожиданное чудо «оживления» тем, что, оказавшись в воде, тело мальчика сильно охладилось и как бы законсервировалось. Несколько дней спустя специалисты стали очень медленно повышать температуру тела. На девятый день, когда стало ясно, что организм сам поддерживает свою жизнедеятельность, ребёнка перенесли из реанимационной в обычную палату. Он постепенно пришёл в себя, но, однако, забыл все, что раньше знал. Его лечащий врач сказал: «То, с чем мы столкнулись, не имеет прецедента. Что будет с мальчиком дальше? Предсказать ничего нельзя. Но успехи, которые мальчик делает каждый день, свидетельствуют о поразительной скорости выздоровления. Вполне можно надеяться на его полное возвращение к норме».

Журналист, рассказавший эту историю, заключил её так: «Если сегодня ребёнок ожил после полутора часов клинической смерти, то завтра люди смогут умирать по своему желанию и просыпаться через тридцать или сто лет... Вполне можно представить, что в будущем человек сможет разделить свою жизнь на несколько отрезков по десять-двадцать лет, умирая и воскресая по своему желанию в течение столетий до полного износа организма».

Учёный, прокомментировавший этот случай, был гораздо осторожнее в своём прогнозе. Существует возможность искусственного замедления жизненных процессов организма, в частности путём охлаждения или погружения его в состояние гипобриоза, подобное зимней спячке животных. Но это ещё не повод для спекулятивных прожектов. Гипобриоз может оказаться средством временной «консервации» жизни людей, пострадавших во время стихийных бедствий. Замораживание же любого животного, включая рыб и амфибий, необратимо разрушает организм, так что желающие заморозиться до «лучших времён» не должны питать иллюзий.

Здесь три разных предположения, высказанных соответственно лечащим врачом, журналистом и учёным. Мнение врача осторожное, оно касается индивидуального случая и относится только к ближайшему будущему. Мнение журналиста опирается на этот же единичный случай. Но обобщает его на всех людей и на столетия вперёд. Проверить такой прогноз, конечно, нет никакой возможности. И наконец, суждение учёного,

взвешенное и спокойное, ставит рассматриваемый случай в связь с другими известными фактами, с теоретическими представлениями о замедлении жизненных процессов. Высказываемое на этой основе предположение может быть подвергнуто проверке уже сейчас, при нынешнем состоянии науки, а не в отдалённом и туманном будущем.

Из этих трёх предположений лишь последнее можно назвать гипотезой. Первое – только ближайший прогноз, второе – фантазия и лишь третье – научная гипотеза, указывающая путь дальнейшего исследования» (А.А. Ивин).

Гипотезы создают простор (расширяют информационное пространство) для размышлений. Делается это с помощью гипотетико-дедуктивного метода. Развивая полученную информацию, мы можем предположить, что сознание человека – это некий психофизический орган, который имеет неизвестную для нас, но материально выраженную структуру. Например, оно может включать в себя некие области, которые мы склонны относить исключительно к абстрактным категориям (своеобразным мифологемам!), но которые с древнейших времён человечество почему-то настойчиво и дружно, причём у разных народов на разных континентах, выделяет как самостоятельные субстанции: совесть, душа, разум и т.п. Однако всё это нам не даёт основания в категоричной форме утверждать, что это так и есть на самом деле. Гипотеза – это вероятное знание, ещё не доказанное логически и не настолько подтверждённое опытом, чтобы считаться достоверной теорией. Гипотеза – это умозаключение, которое не истинно и не ложно. Любая гипотеза требует своего подтверждения или опровержения. Гипотеза, упрощенно говоря, есть определённый план действия, основанный на догадках, озарении, косвенных фактах. Претворение этого «плана» в жизнь зависит от теоретических и (или) эмпирических исследований, которые могут присутствовать в нём в разной степени в зависимости от характера исследования и сферы деятельности, в котором оно проводится. Поэтому гипотезы в чисто теоретических (математическая логика и т.п.) и прикладных (педагогика и т.п.) областях деятельности человека могут быть весьма непохожими друг на друга.

В научных кругах существуют разные взгляды на то, как могут проверяться гипотезы. Например, А.А. Ивин убеждён, что: «Способы проверки гипотез можно разделить на эмпирические и теоретические. Первые включают непосредственное наблюдение явлений, предсказываемых гипотезой (если оно возможно), и подтверждение в опыте следствий, вытекающих из неё. Теоретическая проверка охватывает исследование гипотезы на непротиворечивость, на эмпирическую проверяемость, на приложимость ко всему классу изучаемых явлений, на выводимость её из более общих положений, на утверждение её посредством перестройки той теории, в рамках которой она выдвинута (об этом подробнее будет рассказано далее – прим. автора).

Очевидным требованием к гипотезе является её согласие с

фактическим материалом, на базе которого и для объяснения которого она выдвигается. Гипотеза должна также соответствовать установившимся в науке законам и теориям. Этим не предполагается, конечно, что гипотеза не может оказаться несовместимой с какими-то ранее установленными фактами или теоретическими выводами» (А.А. Ивин).

У Д. Халперн своя точка зрения на цель проверки и основные логические методы проверки гипотез. В частности, она пишет: «Цель проверки гипотез заключается в том, чтобы точно предсказать события, происходящие в той части мира, с которой мы соприкасаемся». Она считает, что направления анализа могут быть либо индуктивными, либо дедуктивными. И в связи с этим отмечает: «При использовании индуктивного метода вы наблюдаете события, а затем строите гипотезу об этих событиях. При использовании дедуктивного метода вы начинаете с гипотезы, которую считаете верной, а затем проверяете её с помощью систематических наблюдений. Очень важно искать также и данные, опровергающие гипотезу. Но, несмотря на то, что эти два типа мышления обычно различают между собой, оба они являются просто различными фазами метода проверки гипотез. Часто люди наблюдают события, формулируют гипотезы, снова наблюдают события, переформулируют гипотезы и продолжают накапливать наблюдения. Вопрос о том, что первично – наблюдения или гипотеза, – является спорным, поскольку наши гипотезы определяют выбор объекта наших наблюдений, а наши наблюдения определяют, какие нам придут в голову гипотезы. Это похоже на вечный вопрос о том, что было раньше – курица или яйцо? Каждый из процессов существенно зависит от другого. Таким образом, наблюдения и выдвижение гипотез образуют замкнутый цикл, причём наблюдения изменяют гипотезу, а гипотеза изменяет объект наблюдения» (Д. Халперн).

Формальная логика имеет многолетний опыт осмысления содержания понятия «гипотеза». Она однозначно трактует, какие бывают виды гипотез, критерии обоснованности, какую логическую взаимосвязь имеет гипотеза и теория.

Остановимся на критериях обоснованности гипотезы. Первый критерий: *условие непротиворечивости*. «Являясь принципиально важным, оно не означает, однако, что от гипотезы нужно требовать полного, пассивного приспособления к тому, что в момент её выдвижения считается фактом. Факты – не только исходный момент конструирования гипотезы, но и руководство к действию – к возможной корректировке как выдвигаемого предположения, так и самих фактов. В определённых условиях правомерна даже гипотеза, противоречащая установленным фактам; вырывая факты из привычного теоретического контекста, она заставляет посмотреть на них с новой точки зрения и повышает вероятность обнаружить в них то, что ранее проходило незамеченным. Всё это относится и к согласованию гипотезы с

утвердившимися в науке теоретическими положениями: соответствие им гипотезы разумно до тех пор, пока оно направлено на утверждение лучшей, более эффективной теории, а не просто на сохранение старой теории.

Второе необходимое условие обоснованности гипотезы – её *проверяемость*, означающая, что гипотеза должна в принципе допускать возможность опровержения и возможность подтверждения. Гипотеза, не отвечающая этому требованию, не указывает пути для дальнейшего исследования. Таково предположение о существовании сверхъестественных, ничем себя не обнаруживающих объектов или гипотеза о «жизненной силе», проявляющейся только в известных и объяснимых и без неё явлениях.

Третьим способом теоретического обоснования гипотезы является проверка её на принципиальную *приложимость к широкому классу исследуемых объектов*: она должна охватывать не только явления, для объяснения которых специально предложена, но и более обширный круг родственных им явлений. Хорошим примером здесь может служить гипотеза квантов М. Планка, выдвинутая вначале для объяснения сравнительно частного явления (излучения абсолютно чёрного тела). Она в короткое время распространилась на целый ряд областей и объяснила из одного основания чрезвычайно широкое поле физических явлений. Если гипотеза, выдвинутая для одной области, ведёт к новым результатам не только в исходной, но и в смежных областях, её объективная значимость существенно возрастает. Тенденция к экспансии, к расширению сферы своей приложимости в большей или меньшей степени присуща всем плодотворным научным гипотезам.

Четвёртый, собственно логический способ обоснования гипотезы – *выведение её из некоторых более общих положений*. Если выдвинутое предположение удаётся вывести из каких-то утвердившихся истин, это означает, что оно истинно. Данный приём находит, однако, только ограниченное применение. Самые интересные и важные гипотезы являются, как правило, весьма общими и не могут быть получены в качестве следствий уже установленных положений. К тому же гипотезы обычно выдвигаются относительно новых, не изученных в деталях явлений, не охватываемых ещё универсальными принципами.

Пятый путь утверждения гипотезы – *внутренняя перестройка теории, в рамках которой она выдвинута*. Выдвижение гипотезы диктуется динамикой развития теории, стремлением охватить и объяснить новые факты, устранить внутреннюю несогласованность и противоречивость и т. д. Успех гипотезы является одновременно и подкреплением породившей её теории. С другой стороны, сама теория способна сообщать выдвинутой на её основе гипотезе определённые импульсы и силу и тем самым содействовать её утверждению.

Во многом поддержка, оказываемая гипотезе теорией, связана с внутренней перестройкой последней. Эта перестройка обычно заключается во введении номинальных определений вместо реальных, принятии новых

соглашений относительно изучаемых объектов, уточнении основополагающих принципов теории, изменении иерархии этих принципов или сферы их действия и т. д. Вводимые таким образом новые принципы, образцы, нормы, правила и т. п. меняют внутреннюю структуру как самой теории, так и постулируемого ею «теоретического мира».

Эмпирические способы обоснования гипотезы принято называть *верификацией*, или подтверждением. Прямая верификация – это непосредственное наблюдение тех явлений, существование которых предполагается гипотезой. Примером может служить доказательство гипотезы о существовании планеты Нептун: вскоре после выдвижения Г. эту планету удалось увидеть в телескоп. Прямая верификация возможна лишь в том случае, когда речь идёт о единичных объектах или ограниченных их совокупностях, что делает её сферу чрезвычайно узкой.

Наиболее важным и вместе с тем универсальным способом верификации является *выведение следствий из гипотезы и их последующая опытная проверка*. Однако этот способ верификации сам по себе не позволяет установить истинность гипотезы, он только повышает её вероятность» (Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров).

Данный подход к рассмотрению обоснованности гипотез ценен тем, что он позволяет в ходе обоснования гипотезы, например, в теоретико-эмпирическом исследовании¹⁰⁹, применять как количественные¹¹⁰, так и качественные¹¹¹ методы. Хотя прямо об этом представители формальной логики и не говорят, ограничиваясь понятиями «эмпирические» и «теоретические» методы, но нельзя не согласиться с Д. Халперн, что индуктивный и дедуктивные методы, которые, конечно, не являются им синонимами, дают более широкие возможности для конструирования и реконструирования гипотезы в ходе исследования.

На деле это означает, что в теоретико-эмпирическом исследовании гипотеза рождается ещё до начала теоретического и эмпирического исследования, т.е., как говорят социологи, «до выхода в поле» в виде «дебютной идеи» – *формулирования ключевого исследовательского вопроса*. В нём обосновывается, какие противоречия необходимо разрешить в ходе исследования проблемы, в чём может быть практическая и теоретическая значимость исследования.

Например, в педагогическом исследовании развития критического мышления учащихся, при формировании ключевого вопроса, можно

¹⁰⁹ Теоретико-эмпирические исследования – т.е. имеющие теоретическую и эмпирическую части; свойственно для гуманитарного типа исследований в таких сферах знания как социология, психология, педагогика, журналистика и др.

¹¹⁰ Количественные методы – основываются на статистических данных: цифрах, процентах и других показателей. Главной задачей количественных исследований является получение численной оценки состояния проблемы или реакции респондентов на некое событие.

¹¹¹ Качественные методы – предполагают сбор информации в свободной форме; они фокусируются не на статистических измерениях, а опираются на понимание, объяснение и интерпретацию эмпирических данных, являются источником формирования гипотез и продуктивных идей. Задача методов качественных исследований – получить разведочные данные, а не количественное распределение мнений. В качественных методах для того, чтобы объяснить, интерпретировать понятия, используются не цифры, а слова.

рассматривать, что тормозит это развитие (психофизические особенности личности, ближайшее социальное окружение, организация учебного процесса, внешняя социальная среда и т.п.) и какие положительные эффекты и риски могут возникнуть вследствие развития критичности мышления учащегося. В журналистском исследовании, например, неблагоприятных экологических факторов осмысление ключевого вопроса может помочь журналисту определить основные направления поиска необходимой информации (экономическая, социальная, политическая составляющая социума), а также предположить, каков будет общественный резонанс и к каким он может привести последствиям.

Затем «дебютной идее», которая в сознании имеет пока всего лишь вид «картинки» (т.е. апеллирует более к чувствам, чем к разуму), исследователь придаёт общие, но более конкретные очертания в виде рабочих определений умозаключений, возможно, предварительных схем, классификаций и т.п. Таким образом определяется рабочая гипотеза, имеющая вид примерного плана (алгоритма) исследования. Для такой гипотезы характерны слишком общие подходы для решения поставленной проблемы. Это своеобразное теоретическое предположение, которое в ходе эмпирического исследования детализируется, углубляется и расширяется. А вместе с ним то же самое происходит и теорией.

В педагогическом исследовании рабочая гипотеза – это предположение о том, при каких социальных, учебных, психологических условиях возможно развитие необходимых личностных качеств учащегося. В журналистике – это предположение, при каких социальных, геополитических, национальных, экономических, политических, конфессиональных и прочих условиях возможно решение поставленной проблемы.

Далее уже в процессе самого исследования происходит развитие гипотезы, её «дотраивание», превращение её в *основную гипотезу*, которая может предложить конкретные методы достижения поставленной цели. Процесс её формирования сопряжён с возможным отказом условий, предъявленных в рабочей гипотезе, а также выдвижением новых, «рождённых» в процессе «дотраивания». А процесс этот может продолжаться вплоть до окончания исследования, то есть до её подтверждения или опровержения.

Осознанное наличие рабочей гипотезы в теоретико-эмпирическом исследовании даёт психологическое право относиться к ней как «рабочему материалу». То есть исследователь может её без моральных потерь видоизменять. Гипотеза может под воздействием объективных фактов приобретать черты, далёкие от первоначального её варианта. Это будет способствовать появлению промежуточных гипотез, которые могут значительно расширить поле исследования. Наконец, это даёт возможность исследователю мыслить более раскованно, не линейно. То есть возвращаться, сколько это потребует, к разным предыдущим этапам исследования, корректируя при необходимости уже полученные данные. Мышление исследователя в этом случае будет более пластичным, он будет

морально готов совершить ошибки, которые неизбежны в ходе практически любого исследования. Разумеется, для того чтобы их исправить.

Гипотезы как исследовательский инструмент применяются не только в науке. Она может быть художественным и публицистическим приёмом. Например, гипотезы буквально рассыпаны в творчестве Кэмпбелла Дойла. Формальная логика часто и «с большим удовольствием» обращается за примерами к образу Шерлока Холмса, из уст которого гипотезы в основном и звучат. Вообще гипотезы в том или ином виде являются обязательным атрибутом детективного романа.

Также достаточно часто в скрытой или явной форме гипотезы присутствуют в научно-популярной фантастике, научно-популярной публицистике. Причем не только в художественной или публицистической литературе, но на телевидении и в кинематографе. В этом случае гипотезы не только «озвучиваются» главными героями. В литературе это может делаться с помощью авторских отступлений, в кино с помощью закадрового текста. Кроме того, сам сюжет или сценарий может быть своеобразной гипотезой. Особенно этим славится американский кинематограф. Голливудская киноиндустрия не скупится на показ кровавых событий из будущего человечества, к сожалению, некоторые гипотезы-сценарии уже оказались претворёнными в жизнь. Так, за несколько лет до трагических событий 11 сентября 2001 года по подобному сюжету было снято несколько фильмов в Голливуде.

Публицистика также любит строить прогнозы. В последнее время стало модным в СМИ и особенно в Интернете публиковать гипотезы о развитии острых политических событий. Так, в поисковой системе «Рамблер» 19 августа 2014 года был выставлен материал под интернет-рубрикой «Чем закончится война на востоке Украины» («Газета. Ру») «Новороссийские сценарии», в котором читателям было предложено четыре версии, имевшие собственные названия: «Сценарий 1. Федерализация Украины». Сценарий 2. Преднепровский. Сценарий 3. Разгром республик. «Сценарий 4. Ввод контингента РФ». Каждая из этих журналистских версий имела все признаки гипотезы. Конечно, не научной, но в ней были представлены аргументы, обосновывающие предполагающиеся события. Причём с указанием возможных рисков, что не всегда можно встретить, например, в таких разновидностях научного исследования, как диплом и диссертация.

Кроме того, в СМИ, особенно на ТВ, весьма часто гипотеза используется как художественно-публицистический приём в журналистском расследовании. На российских региональных и центральных ТВ-каналах популярно название передач «Версия», есть печатное издание с аналогичным названием. К этому жанру относятся такие передачи центральных ТВ, как «Человек и закон» (ведущий – А. Пиманов), «Специальный корреспондент» (ведущий – В. Мамонтов), «Однако» (ведущий – М. Леонтьев) и многие другие.

В экономике при составлении бизнес-плана большое внимание уделяется проверке непротиворечивости, т.е. эффективности выдвигаемых предположений, и приложимости своего товара ко всему классу изучаемых потребителей. То же самое наблюдается и в образовании при создании концепций развития конкретных учебных учреждений и т.д. и т.п.

Все вышеприведённые факты говорят о том, гипотеза как способ исследования, а значит специфического гипотетико-дедуктивного мышления, активно используется практически во всех сферах деятельности человека. В социальной практике теоретические подходы формирования гипотез не исключают эмпирических, количественные методы качественных, а дедуктивные индуктивных, и наоборот. Их синтез позволяет такую нестрогую с точки зрения формальной логики гипотезу сделать органичной частью социального бытия человека, превращая её в эффективный социально-психологический инструментальный формирования его общественного сознания.

Резюме

Гипотеза (от греч. hypothesis – основание, предположение) – положение, выдвигаемое в качестве предварительного, условного объяснения некоторого явления или группы явлений; предположение о существовании некоторого явления. Гипотеза может касаться существования объекта, причин его возникновения, его свойств и связей, его прошлого и будущего и т. д. Выдвигаемая на основе определённого знания об изучаемом круге явлений гипотеза играет роль руководящего принципа, направляющего и корректирующего дальнейшие наблюдения и эксперименты. Гипотеза представляет собой необходимое звено в развитии научного знания.

Следует различать догадку (предположение), фантазию и гипотезу. Особенно разграничение содержания этих понятий важно в гуманитарной сфере, в которой главным исследовательским инструментом являются не цифры, а слова, которые могут стать средством манипуляции сознанием большого количества людей. Любые слова должны подтверждаться фактами в виде статистических данных, состояния предметно-вещевой среды и мнением конкретных людей, выступающих в качестве ключевых или типичных экспертов.

Гипотезы создают простор (расширяют информационное пространство) для размышлений. Гипотеза – это вероятное знание, ещё не доказанное логически и не настолько подтверждённое опытом, чтобы считаться достоверной теорией. Гипотеза – это умозаключение, которое не истинно и не ложно. Любая гипотеза требует своего подтверждения или опровержения. Гипотеза, упрощённо говоря, есть определённый план действия, основанный на догадках, озарении, косвенных фактах. Претворение этого «плана» в жизнь зависит от теоретических и (или)

эмпирических исследований, которые могут присутствовать в нём в разной степени в зависимости от характера исследования и сферы деятельности, в котором оно проводится. Поэтому гипотезы в чисто теоретических (математическая логика и т.п.) и прикладных (педагогика и т.п.) областях деятельности человека могут быть весьма непохожими друг на друга.

«Способы проверки гипотез можно разделить на эмпирические и теоретические. Первые включают непосредственное наблюдение явлений, предсказываемых гипотезой (если оно возможно), и подтверждение в опыте следствий, вытекающих из неё. Теоретическая проверка охватывает исследование гипотезы на непротиворечивость, на эмпирическую проверяемость, на приложимость ко всему классу изучаемых явлений, на выводимость её из более общих положений, на утверждение её посредством перестройки той теории, в рамках которой она выдвинута. Очевидным требованием к гипотезе является её согласие с фактическим материалом, на базе которого и для объяснения которого она выдвигается. Гипотеза должна также соответствовать установленным в науке законам и теориям. Этим не предполагается, конечно, что гипотеза не может оказаться несовместимой с какими-то ранее установленными фактами или теоретическими выводами» (А.А. Ивин).

«Цель проверки гипотез заключается в том, чтобы точно предсказать события, происходящие в той части мира, с которой мы соприкасаемся». Д. Халперн считает, что направления анализа могут быть либо индуктивными, либо дедуктивными. И в связи с этим отмечает: «При использовании индуктивного метода вы наблюдаете события, а затем строите гипотезу об этих событиях. При использовании дедуктивного метода вы начинаете с гипотезы, которую считаете верной, а затем проверяете её с помощью систематических наблюдений. Очень важно искать также и данные, опровергающие гипотезу. Но, несмотря на то, что эти два типа мышления обычно различают между собой, оба они являются просто различными фазами метода проверки гипотез. Часто люди наблюдают события, формулируют гипотезы, снова наблюдают события, переформулируют гипотезы и продолжают накапливать наблюдения. Вопрос о том, что первично – наблюдения или гипотеза, – является спорным, поскольку наши гипотезы определяют выбор объекта наших наблюдений, а наши наблюдения определяют, какие нам придут в голову гипотезы. Это похоже на вечный вопрос о том, что было раньше – курица или яйцо? Каждый из процессов существенно зависит от другого. Таким образом, наблюдения и выдвижение гипотез образуют замкнутый цикл, причём наблюдения изменяют гипотезу, а гипотеза изменяет объект наблюдения» (Д. Халперн).

В теоретико-эмпирическом исследовании гипотеза рождается ещё до начала теоретического и эмпирического исследования, т.е., как говорят социологи, «до выхода в поле» в виде «дебютной идеи» – формулирования

ключевого исследовательского вопроса. В нём обосновывается, какие противоречия необходимо разрешить в ходе исследования проблемы, в чём может быть практическая и теоретическая значимость исследования.

Затем «дебютной идее», которая в сознании имеет пока всего лишь вид «картинки» (т.е. апеллирует более к чувствам, чем к разуму), исследователь придаёт общие, но более конкретные очертания в виде рабочих определений умозаключений, возможно, предварительных схем, классификаций и т.п. Так им определяется рабочая гипотеза, имеющая вид примерного плана (алгоритма) исследования. Для такой гипотезы характерны слишком общие подходы для решения поставленной проблемы. Это своеобразное теоретическое предположение, которое в ходе эмпирического исследования детализируется, углубляется и расширяется. А вместе с ней тоже происходит и теорией.

Далее уже в процессе самого исследования происходит развитие гипотезы, её «доставивание», превращение её в *основную гипотезу*, которая может предложить конкретные методы достижения поставленной цели. Процесс её формирования сопряжён с возможным отказом условий, предъявленных в рабочей гипотезе, а также выдвиганием новых, «рождённых» в процессе «доставивания». А процесс этот может продолжаться вплоть до окончания исследования, то есть до подтверждения или опровержения гипотезы.

Осознанное наличие рабочей гипотезы в теоретико-эмпирическом исследовании даёт психологическое право относиться к ней как «рабочему материалу». То есть исследователь может без моральных потерь видоизменять её. Гипотеза может под воздействием объективных фактов приобретать черты, далёкие от первоначального её варианта. Это будет способствовать появлению промежуточных гипотез, которые могут значительно расширить поле исследования. Наконец, это даёт возможность исследователю мыслить более раскованно, нелинейно. То есть возвращаться, сколько это потребует, к разным предыдущим этапам исследования, корректируя при необходимости уже полученные данные. Мышление исследователя в этом случае будет более пластичным, он будет морально готов совершить ошибки, которые неизбежны в ходе практически любого исследования. Разумеется, для того чтобы их исправить.

Гипотезы как исследовательский инструмент применяются не только в науке. Например, нестрогая с точки зрения формальной логики гипотеза может быть художественным и публицистическим приёмом, она активно применяется в бизнес-планах и в концепциях развития образовательных учреждений.

В социальной практике теоретические подходы формирования гипотез не исключают эмпирических, количественные методы качественных, а дедуктивные индуктивных, и наоборот. Их синтез позволяет такую нестрогую с точки зрения формальной логики гипотезу сделать органичной частью социального бытия человека, превращая её в эффективный

социально-психологический инструментарий формирования его общественного сознания.

Термины для запоминания:

Гипотеза (от греч. hypothesis – основание, предположение) – положение, выдвигаемое в качестве предварительного, условного объяснения некоторого явления или группы явлений; предположение о существовании некоторого явления.

Верификация (подтверждение) – эмпирические способы обоснования гипотезы.

Дебютная идея – формулирование ключевого исследовательского вопроса. В нём обосновывается, какие противоречия необходимо разрешить в ходе исследования проблемы, в чём может быть практическая и теоретическая значимость исследования.

Качественные методы исследования – предполагают сбор информации в свободной форме; они не фокусируются на статистических измерениях, а опираются на понимание, объяснение и интерпретацию эмпирических данных, являются источником формирования гипотез и продуктивных идей. Задача методов качественных исследований – получить разведочные данные, а не количественное распределение мнений. В качественных методах для того, чтобы объяснить, интерпретировать понятия, используются не цифры, а слова.

3.5. Искусство ведения спора

«Не высказывайте ничего, что не может быть доказано простыми и решительными опытами... Читите дух критики, сам по себе он не пробуждает новых идей, не толкает к великим делам. Но без него все

шатко. За ним всегда последнее слово»

Л. Пастер

«Если вы спорите и возражаете, вы иногда можете добиться победы, но это будет бесполезная победа, потому что вы никогда не добьетесь этим хорошего отношения к вам со стороны вашего противника»

Б. Франклин

«...Кто чувствует в себе силу сделать лучше, тот не испытывает страха перед признанием своей ошибки»

Т. Бильрот

Вы узнаете:

- Когда и при каких условиях начинает формироваться искусство ведения спора у человека.
- Какие были исторические предпосылки возникновения искусства спора.
- Какие основные виды спора и чем они отличаются друг от друга.
- Какими общими принципами следует руководствоваться в споре.
- Какие существуют корректные и некорректные приёмы ведения спора.

Искусство ведения спора начинает формироваться у человека, как это не покажется, возможно, кому-то странным, из культуры диалога со своим внутренним «Я». Внешнее проявление этого диалога может представляться человеку монологом. На самом деле любой внутренний монолог подразумевает присутствие воображаемых зрителей, которые представляются в едином лице незримого собеседника в виде своего внутреннего «Я». На подсознательном уровне человек, произносящий монолог корректирует своё речевое поведение сообразно тому, как его воспринимают, или могли бы воспринимать определенные люди, параллельно идёт согласование или рассогласование коммуникативных смысловых позиций.

Порой не замечая того мы «спорим» со своими виртуальными собеседниками, ориентируясь на их предположительное мнение, от их имени сами себе задаём вопросы и отвечаем на них. Наше внутреннее «Я» в этот момент становится многоликим. И чем оно разнообразнее, принципиальнее и искуснее, чем неожиданнее его вопросы, тем плодотворнее проходит мыслительный процесс и у «собеседников» появляется больше навыков такого рода межличностной коммуникации, которые оседают сначала в

подсознании, а затем постепенно начинают проявляться в реальном общении.

Поэтому необходимо следить уже на уровне внутреннего общения, чтобы аргументы «с той и другой стороны» были корректными, а культура речи была на должном уровне. Если человек будет общаться со своим внутренним «Я» активно используя, например, ненормативную лексику, то такой стиль общения закрепится в его подсознании. В результате высокая вероятность того, что в реальном общении он произвольно воспроизведёт ставшие привычными для «внутреннего общения» (но неприличные для внешнего!) отдельные слова и обороты речи.

От уважения к своему многоликому «внутреннему собеседнику», от умения виртуально себя идентифицировать с ним, зависит культура общения человека вообще и, в частности, в споре с реальными людьми в процессе диалога или полилога¹¹².

Культура ведения спора¹¹³ стала предметом изучения ещё в Древней Греции. Там же она стала именоваться искусством ведения спора – эристикой¹¹⁴. «Эристика получила большое распространение в Древней Греции в связи с расцветом политической, судебной и моральной полемики. Первоначально эристика понималась как средство отыскания истины с помощью спора, она должна была учить умению убеждать других в правильности высказываемых взглядов и, соответственно, умению склонять человека к тому поведению, которое представляется нужным и целесообразным. Но постепенно эристика выродилась в обучение тому, как вести спор, чтобы достичь единственной цели — выиграть его любой ценой, совершенно не заботясь об истине и справедливости. Широкое хождение получили разнообразные нелояльные приемы достижения победы в споре (использование ложных и недоказанных аргументов, софизмов, доводов, подобных аргументу к публике, аргументу к силе, аргументу к невежеству и т. д.). Это серьезно подорвало доверие к обучению искусству спора. Эристика распалась на диалектику и софистику. Первая развивалась Сократом, впервые применившим само слово «диалектика» для обозначения искусства вести эффективный спор, диалог, в котором путем взаимозаинтересованного обсуждения проблемы и противоборства мнений достигается истина. Софистика же, ставившая целью спора победу в нем, а не истину, существенно скомпрометировала саму идею искусства спора» (Д.П. Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров).

Сегодня считается, что эристика должна включать в себя определенные сведения из области логики, риторики и социальной психологии. Это, прежде всего, логические понятия дедукции и индукции, доказательства и опровержения, определения, классификации и др., культура речи и публичного общения, вербальные и невербальные методы общения,

¹¹² Полилог - спор в команде (группе).

¹¹³ Спор - столкновение мнений, позиций, в ходе которого каждая из сторон аргументировано отстаивает свое понимание обсуждаемых проблем и стремится опровергнуть доводы другой стороны.

¹¹⁴ Эристика - (от греч. *eristika* — искусство спора) — искусство ведения спора.

социально-психологические способы управление вниманием собеседника и др.

То, что называют общим именем «спор», имеет много разновидностей и вариантов, которые трудно поддаются классификации. Два основных из них — дискуссия и полемика.

Дискуссия - разновидность спора, которая характеризуется цивилизованным обменом мнений, стремлением в ходе его внимательно выслушивать мнение другой стороны и, при отстаивании своей позиции, обращаться исключительно к корректным логическим приемам доказательства и опровержения. Спорящие в дискуссии называют себя оппонентами.

«Дискуссия — одна из важнейших форм коммуникации, метод решения спорных проблем и своеобразный способ познания. Она позволяет лучше понять то, что не является в полной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования. И если даже участники дискуссии не приходят в итоге к согласию, они определенно достигают в ходе дискуссии лучшего взаимопонимания. Польза дискуссии еще и в том, что она уменьшает момент субъективности. Убеждениям отдельного человека или группы людей она сообщает общую поддержку и тем самым определенную обоснованность.

Дискуссия представляет собой серию утверждений, по очереди высказываемых несколькими лицами, общающимися между собой. Заявления участников дискуссии должны относиться к одному и тому же предмету, или теме. Это придает общению необходимую связность. Тема дискуссии формулируется в некотором утверждении. Оно - исток дискуссии, ее исходный пункт. Цель дискуссии - достижение определенной степени согласия ее участников относительно дискутируемого тезиса. Используемые в дискуссии средства, должны, как правило, признаваться всеми, кто принимает в ней участие. У каждого из участников дискуссии имеются определенные представления относительно обсуждаемого предмета. Задача дискуссии — отыскание такого общего представления об этом предмете, которое опиралось бы на частные представления участников и признавалось ими всеми.» (А.А. Ивин).

Полемика – разновидность спора, которая характеризуется непримиримыми позициями противоборствующих сторон. Участники полемики стремятся достичь своей победы в ходе интеллектуального противостояния любыми средствами, в том числе, некорректными логическими приемами. Спорящие, участвующие в полемике, называются противниками.

Полемика, во многом подобная дискуссии, существенно отличается от последней в отношении, как своей цели, так и применяемых средств. Цель полемики — не достижение согласия, а победа над другой стороной, утверждение собственной точки зрения. Средства, употребляемые в полемике, не обязательно должны быть настолько нейтральными, чтобы с

ними соглашались все участники. Каждый из них применяет те приемы, которые находит нужными для достижения победы, и не считается с тем, насколько они соответствуют представлениям других участников полемики о допустимых приемах спора.

Именно это различие целей и средств дискуссии и полемики лежит в основе того, что противоположная сторона в дискуссии именуется обычно «оппонентом», а в полемике — «противником». Poleмику можно сравнить с военными действиями, не предполагающими, что противник согласится с применяемыми против него средствами; дискуссия подобна «военной игре», в ходе которой допустимо опираться только на средства, доступные другой стороне и признаваемые ею. Хотя полемика и направлена по преимуществу на утверждение своей позиции, нужно постоянно помнить, что главным в споре является достижение истины. Победа ошибочной точки зрения, добытая благодаря уловкам и слабости другой стороны, как правило, недолговечна, и она не способна принести моральное удовлетворение» (А.А. Ивин).

Теоретически не так уж сложно отделить дискуссию от полемики. Сложнее это сделать в практике межличностного общения. В обычных спорах элементы дискуссии и полемики чаще всего «переплетаются». «Чистая дискуссия, - пишет А.А. Ивин, - такая же редкость, как и чистая полемика: то развернувшаяся дискуссия становится бурной, перерастает в полемику, в результате «оппонент» превращается в «противника; то полемика, делаясь спокойней, начинает походить на дискуссию и вместо «противника» появляется «уважаемый оппонент». Особенно справедливо это утверждение в отношении производственных, иногда научных и публичных споров, происходящих во время прямого эфира на ТВ. В этих и других случаях спорящие, как правило, настраиваются на цивилизованную дискуссию. Но в процессе столкновения мнений страсти накаляются и одно «неосторожно брошенное слово» способно, подобно искре в загазованном помещении, привести к их взрыву.

«Встречаются люди, - размышляет А.А. Ивин, - готовые спорить по поводу и без повода, иногда они даже гордятся этим. Такие завзятые спорщики, ввязывающиеся в спор ради него самого, чаще всего только мешают прояснению дела. Полезно всегда помнить, что спор представляет ценность не сам по себе, а как средство достижения определенных целей. Если ясной и важной цели нет или она может быть достигнута без всякого спора, затевать спор бессмысленно. Постоянная нацеленность на спор, на оппозицию любым мнениям, не совпадающим полностью с собственным мнением, развязывание мелких споров и т. п. характеризует человека не с лучшей стороны».

Вместе с тем не следует бояться споров, стараться любыми способами уклоняться от них. По принципиальным проблемам, решить которые не удастся без дискуссии и полемики, нужно спорить. Но чтобы не вести мелких

и бесполезных споров, надо брать коренные вопросы и конкретно к ним подходить».

Особенно опасно избегать споров в научном исследовании и при обсуждении социальных и политических проблем. Нет нужды создавать видимость единомыслия и единодушия, якобы, «царящих» в науке и обществе. Такого никогда не было и не будет. А спор позволяет, если не снять проблемы, то сблизить позиции людей, развить предлагаемые идеи.

Существует расхожее мнение, что человек после спора всегда остаётся «при своём мнении» и обида, нанесённая ему в споре от поражения, не стоит добытой истины.

Но, во-первых, как утверждает А.А.Ивин: «Неверно, что человека нельзя переубедить в споре. Многое зависит от манеры спора и приводимых аргументов. Если бы споры не вели к изменению позиций сторон, было бы непонятно, под влиянием чего меняются убеждения людей». А, во-вторых, внешне человек, действительно, как правило, не признает свою неправоту, но это вовсе не означает, что он в дальнейшем не учтёт прозвучавшего мнения.

«Ссылка на обязательную, якобы, обиду побежденного в споре тоже легковесна. Как говорил Леонардо да Винчи: «Противник, вскрывающий ваши ошибки, полезнее для вас, чем друг, желающий их скрыть». Неудача в споре действительно может показаться обидной. Но если человек осознал, что был неправ, он не станет сетовать на горькое лекарство. «Когда узнаешь свои ошибки, имеешь шанс их исправить» — эти слова Роберта Бернса являются и косвенной похвалой спора, представляющего собой хорошее средство прояснения ситуации. Что было бы действительно обидно, так это лишиться спора как одного из эффективных путей устранения ошибок и недоразумений.

Пожелание или требование избегать всяких споров и постоянно стремиться к примирению неоправданно, да и просто неосуществимо. Спор объективен и необходим в том смысле, что он является одной из неотъемлемых особенностей общения людей и достижения ими взаимопонимания. Нужно, однако, не упускать из виду и другую сторону вопроса.

Спор — не единственное средство обеспечения понимания людьми друг друга. Он даже не главное такое средство. Неприемлем спор ради спора, с целью доказательства абстрактной правоты и посрамления противника. Главная задача спора — не сама по себе победа над противной стороной, а решение некоторой конкретной проблемы, лучше всего — обоюдоприемлемое ее решение.

Спор — сложное явление. Он не сводится к столкновению двух несовместимых утверждений. Протекая всегда в определенном контексте, он затрагивает такие черты характера человека, как достоинство, самолюбие, гордость и т. д. Манера спора, его острота, уступки спорящих сторон, используемые ими средства определяются не только соображениями,

связанными с разрешением конкретной проблемы, но и всем тем контекстом, в котором она встала. Можно достичь формальной победы в споре, настоять на правоте или целесообразности своего подхода и одновременно проиграть в чем-то ином, но не менее важном. Мы не сумели изменить позицию оппонента в споре, не добились его понимания, обидели его, оттолкнули от взаимодействия и взаимопомощи в решении проблемы, вызвавшей спор, — эти побочные следствия спора могут существенно ослабить эффект победы в нем. Истина всегда конкретна. Истина, вызывающая спор или рождающаяся в споре, также является конкретной» (А.А.Ивин).

Какими общими принципами следует руководствоваться в споре, чтобы создать наиболее благоприятные условия для его плодотворного разрешения?

1. *Необходимо определить предмет спора.* Предмет спора – это некоторая проблема, тема, истинна, которую доказывают (каждый со своей точки зрения) противоборствующие стороны. Нельзя спорить просто ради того, чтобы спорить. Относительно предмета спора должна существовать реальная противоположность мнений. Если такой противоположности нет, то спор может оказаться беспредметным, и он быстро превратится в бессодержательный разговор.

«Желательно, чтобы предмет спора был относительно ясным. Лучше всего в самом начале зафиксировать этот предмет особым утверждением, чтобы избежать потом довольно обычного вопроса: о чем же все-таки шел спор!?! Беспредметные споры, споры по проблемам, неясным для спорящих сторон, оставляют, как правило, тяжелый осадок из-за своей бессвязности и беспомощности. Не давая участникам возможности обнаружить свои знания и способности, такие споры представляют их в искаженном свете. «Дальше всех зайдет тот, — говорил Кромвель, — кто не знает, куда идти».

Тема не должна изменяться или подменяться другой на всем протяжении спора. Это условие редко когда удается соблюсти, что, в общем-то, вполне объяснимо. В начале спора тема не является, как правило, достаточно определенной. Это обнаруживается, однако, только в процессе спора. Его участники вынуждены постоянно уточнять свои позиции, что ведет к изменению подходов к теме спора, к смещению акцентов самой этой темы.

Уточнение и конкретизация позиций спорящих — важный момент спора, без него не обойтись. Но нужно все-таки постоянно иметь в виду основную линию спора и стараться не уходить далеко от нее. Если предмет спора изменился, целесообразно специально обратить на это внимание и подчеркнуть, что спор относительно нового предмета — это, в сущности, другой, а не прежний спор» (А.А. Ивин).

2. *Необходимо определить основу спора.* Основа спора – это, с одной стороны, ясное понимание из-за чего между спорящими людьми возникли определённые противоречия, и в чём заключается их суть. А, с другой

стороны, принципы, положения, убеждения, которые признаются обеими сторонами. Если нет ни одного такого положения, с которым бы согласились обе стороны, то спор оказывается невозможным.

«Многие споры кончаются тем, что их участники еще больше утверждают в своей правоте. Было бы поспешным, однако, делать из этого вывод о неэффективности большинства споров. Пусть позиции споривших не изменились, но они, несомненно, стали яснее, чем до момента спора. Далеко не всякая полемика кончается тем, что все переходят в «одну веру». Но почти каждая полемика помогает сторонам уточнять свои позиции, найти для их защиты дополнительные аргументы. Именно этим объясняется возросшая убежденность участников закончившегося спора в собственной правоте.

Спор характеризуется не просто определенным предметом, а наличием несовместимых представлений об одном и том же объекте, явлении и т. д. «Если хотите спорить не втуне и переубедить собеседника — советовал Б.Паскаль, - прежде всего, уясните себе, с какой стороны он подходит к предмету спора, ибо эту сторону он обычно видит правильно. Признайте его правоту и тут же покажите, что если подойти с другой стороны, он окажется не прав. Ваш собеседник охотно согласится с вами — ведь он не допустил никакой ошибки, просто чего-то не разглядел, а люди сердятся не тогда, когда не все видят, а когда допускают ошибку...»

«Существует мнение, что между крайними точками зрения лежит истина. Никоим образом! Между ними лежит проблема». Эти слова И.Гете направлены против поисков пресловутой «золотой середины», попыток все примирить и сгладить. Истина не между крайностями, а в одной из них, если этими крайностями являются два противоречащих друг другу суждения об одном и том же предмете. Между крайностями лежит как раз проблема: какая именно из двух крайних точек зрения верна?

Спор предполагает, так же, определенную общность исходных позиций сторон, некоторый единый для них базис. Всякий спор опирается на определённую общность мнений, знаний, посылок, которые хотя иногда и трудно определимы, но являются той площадкой, на которой и разворачивается противоборство предпосылки. Общность базиса обеспечивает начальное взаимопонимание спорящих людей. Те, кто совершенно не понимают друг друга, не способны спорить, точно так же как они не способны прийти к согласию.

Обычно предпосылки спора просты и не требуют специальной констатации. Но если базис не вполне ясен или толкуется по-разному, лучше всего начать с его уточнения и прояснения. Спор без общности предпосылок, без одинакового отношения к исходным и неоспариваемым идеям имеет мало шансов на то, чтобы оказаться в какой-то мере эффективным» (А.А. Ивин).

3. *Необходимо иметь умения и навыки понятийного мышления, основанные на знаниях формальной логики.* А.А. Ивин так характеризует эту

потребность: «Прежде всего, предполагается умение выводить следствия из своих и чужих утверждений, замечать противоречия, выявлять отсутствие логических связей между утверждениями. Обычно для всех этих целей достаточно интуитивной логики, стихийно сложившихся навыков правильного рассуждения. Определенную пользу может принести знакомство с простыми правилами аргументации, упоминаемыми далее.

Требование быть логичным и последовательным в споре не предполагает, разумеется, что спор должен разворачиваться как некое сугубо формальное доказательство определенной точки зрения. В ходе дискуссии или полемики уместны и шутки, и отступления, и многое другое, что не связано прямо с логикой развития мысли. Спорят между собою живые люди, а не какие-то «логические машины», озабоченные только неуклонным выведением следствий из принятых посылок.

Известный греческий оратор Демосфен, выступая в одном сложном деле, увидел, что судьи рассеянны и невнимательны. Демосфен прервал свою речь и начал рассказывать о человеке, нанявшем осла с погонщиком. День был жаркий, и седок, спешившись, присел отдохнуть в тени, которую отбрасывал осёл. Погонщик возразил, что отдал внаем только осла, а не его тень. Спор превратился в судебную тяжбу. Тут Демосфен умолк, а когда судьи попросили его закончить рассказ, с горечью заметил: «Басню о тени осла вы готовы слушать, а важное дело выслушать не желаете». Шутка, отход от темы и т. п. могут иногда оказаться неплохими помощниками в споре» (А.А. Ивин).

4. *Требуются некоторые знания о предмете спора.* Бессмысленно вступать в спор о том, о чем ты не имеешь ни малейшего представления.

«Спор требует известного знания тех вещей, о которых идет речь. Это знание не может быть полным, иначе не возникли бы разногласия и полемика. Но оно все-таки должно быть достаточно обширным. Плохо, когда люди начинают спорить о том, о чем они знают только понаслышке, а то и вовсе не имеют представления. И, тем не менее, привычка с апломбом рассуждать и спорить о малоизвестном и даже совсем неизвестном у некоторых укоренилась довольно глубоко.

Человек, являющийся специалистом в какой-то области, обычно критически оценивает свои познания в этой области, хотя ее изучению он, возможно, посвятил всю свою жизнь. Грешит самоуверенностью и претензией на широкие знания, как правило, тот, чьи представления как раз поверхностны и неглубоки. Как с иронией заметил кто-то, профессор медицины знает о болезнях кое-что, врач — многое, а фельдшер — все. Отсутствие основательных знаний часто идет рука об руку с привычкой подходить ко всему с готовыми мерками и определениями, на каждый вопрос иметь готовый ответ. Эти, как их назвал Н.Гоголь, «умники, имеющие готовые определения на каждый предмет», чаще всего и являются самыми заядлыми спорщиками, которых практически невозможно переубедить.

Есть темы, относительно которых почему-то кажется, что о них судить легче всего (например, политика, образование и т.п. – прим. автора). Обычно это темы, известные не на основе специального изучения, а из повседневной жизни. Обращаясь к ним, нужно быть вдвойне осторожным: здравый смысл не всегда в состоянии заменить конкретные знания» (А.А. Ивин).

5. *Психологическая готовность к продуктивному диалогу.* Психологическая готовность к продуктивному диалогу выражается в способности и желании спорящих поставить себя на место другого человека внимательно выслушивать друг друга, быть готовым признать свою ошибку и, возможно, правоту собеседника.

Казалось бы, чего проще мысленно поставить себя на место другого человека, чтобы лучше понять его смысловую позицию? Но «познание» таким образом другого человека всегда оборачивается у здравомыслящих людей познанием себя. Социально-психологический механизм такой стороны общения в социальной психологии называется перцептивной. Перцептивное взаимодействие подразумевает как минимум три этапа: идентификацию (уподобление) с другим человеком, эмпатию – способность постижения эмоционального состояния другого человека и рефлекссию. Это не просто знание или понимание партнера по общению, а знание того, как партнер понимает меня, своеобразный удвоенный процесс зеркальных отношений друг с другом.

Создание благоприятного социально-психологического климата и умение слушать партнёра по общению связано со способностью внушения ему его собственной значимости, демонстрации к нему хорошего отношения, «считывания» и, желательно, учитывания его желаний, «уход», по возможности, от ортодоксальных утверждений, манера выражать свое мнение скромно и др. социально-психологические приёмы управления вниманием человека.

Готовность признать свою ошибку, возможную правоту собеседника вовсе не означает обязательное принятие позиции оппонента. Просто «в споре нужно проявлять определённую гибкость, поскольку ситуация в нем постоянно меняется. Вводятся новые аргументы, всплывают неизвестные ранее факты, меняются позиция участников — на все это приходится реагировать. Но гибкость тактики спора вовсе не предполагает резкой смены позиции с каждым новым моментом.

Вступив в спор и уяснив свое отношение к обсуждаемому предмету, надо твердо стоять на занятой позиции, стараясь сделать ее как можно более определенной и ясной. Иносказания, гипотезы, отсутствие прямых ответов — все это размывает границы позиции, делая полемику уклончивой, а то и просто малосодержательной. Временами и уклончивость хороша, но только временами. Правилom должна быть четкая, недвусмысленно выраженная позиция» (А.А. Ивин).

А.А.Ивин пишет, что в споре нельзя быть ни слишком «мягким» (тогда другая сторона тебя использует в своих интересах), ни слишком

«жестким», потому что «дело часто кончается тем, что противная сторона реагирует столь же хлестко, изнуряя его самого, истощая его ресурсы, и это наносит вред взаимоотношениям обеих сторон.

Более эффективен способ не жесткий и не уступчивый, а скорее соединяющий в себе особенности и того, и другого. Там, где это возможно, нужно искать точки соприкосновения и совпадения взглядов, а там, где последние вступают в противоречие, настаивать на решении, основанном на беспристрастных критериях, не зависящих от спорящих сторон. Жесткость необходима, когда речь идет о существовании вопроса; если же дело касается деталей, частных, личностных моментов, субъективных симпатий и антипатий, обычно лучше проявить уступчивость и терпимость. Это позволит решать сложные спорные вопросы по существу, минуя мелкие препирательства и вместе с тем, не поступаясь своими взглядами и своим достоинством.

Главное это внести свою долю в положительную разработку обсуждаемого вопроса. Человек, убедившийся в неверности каких-то своих представлений, должен сказать об этом с полной откровенностью, без всяких недомолвок, и противопоставить тому, что оказалось ошибкой, верное положение. Это делает спор наиболее плодотворным.

Нужно быть терпимым к критике и не бояться того, что кто-то укажет нам на ошибки. В споре, когда критические замечания высказываются в лицо, это особенно важно.

Человек, упорствующий в своем заблуждении, выглядит иногда даже смешно. <...> Иногда неверно понятое самолюбие мешает нам исправить очевидную ошибку» (А.А.Ивин) и это неизбежно приводит к контрпродуктивным последствиям.

6. *Стремление к истине.* «В споре нужно стремиться к выяснению истины — это одно из наиболее важных, если не самое важное требование к спору.

Принципиальное значение этого требования впервые подчеркнул, пожалуй, Сократ, остро полемизировавший с софистами. Последние, как известно, ставили своей целью выдавать слабое за сильное, а сильное — за слабое, совершенно не заботясь о том, как все обстоит на самом деле.

«По их мнению, — говорил Сократ, — тому, кто собирается стать хорошим оратором, совершенно излишне иметь истинное представление о справедливых и хороших делах или о людях, справедливых или хороших по природе либо по воспитанию». Результат такой позиции прискорбен: «В судах решительно никому нет никакого дела до истины, важна только убедительность — констатирует Сократ. — А она состоит в правдоподобии, на чем и должен сосредоточить свое внимание тот, кто хочет произнести искусную речь. Иной раз в защитительной и обвинительной речи даже следует умолчать о том, что было в действительности, если это

неправдоподобно, и говорить только о правдоподобном: оратор изо всех сил должен гнаться за правдоподобием, зачастую распрощавшись с истиной»¹¹⁵.

Иначе обстоит дело в дискуссии, в которой обе стороны честно стремятся к выяснению истины. Хорошо об этом писал польский философ и логик Т.Котарбиньский, называвший такую дискуссию «предметной»: «Кто хочет выявить истину, тот не менее усердно ищет ее и в убеждениях или предположениях противника, хотя последние вначале и не согласуются с его собственными взглядами. Чтобы извлечь ее также и оттуда, он старается помочь противнику найти для его мысли слова, которые наиболее точно выражали бы ее. Он пытается, как говорят, понять противника лучше, чем тот сам себя, понимает. Вместо того, чтобы использовать каждый слабый пункт аргументации противника для низложения, развенчания и уничтожения того дела, которое он отстаивает, участник предметной дискуссии прилагает усилия к тому, чтобы извлечь из утверждений противника все то ценное, что поможет выявлению истины. И в этом нет противоречия. Это как бы определенное разделение труда: «Ты будешь пытаться отстаивать свою гипотезу, а я свою, и посмотрим, что из этого выйдет. Я буду пытаться опровергнуть твои утверждения, а ты — мои. Давай в нашем исследовании опровергать все, ибо только таким образом можно выявить то, что опровержению не поддается. То, что при этом устоит, и явится совместно найденной истиной. Пусть же она и окажется единственным победителем в этом споре»¹¹⁶.

Итак, в споре нужно бороться не за утверждение собственного мнения, а за установление истины. Это особенно важно, когда речь идет о ростках нового, не встречавшегося ранее и еще не нашедшего достаточного числа сторонников.

«Новая идея» возникает, когда кто-нибудь открывает новую комбинацию, новую модификацию или новое применение уже существующих идей. Объекты, люди или идеи соединяются так, как никогда раньше не соединялись.

В момент выдвижения идеи человек обычно не может последовательно доказать ее жизнеспособность. Обоснование приходит потом. Именно поэтому новые идеи так хрупки. Их легко отвергнуть и отодвинуть в сторону до лучших времен. Новое пробьет себе, в конце концов, дорогу, но время, которое будет упущено, нельзя будет ничем возместить.

Дискуссии и полемика, с особой остротой разворачивающиеся вокруг новых идей, должны вестись с предельным вниманием к самим этим идеям, отвлекаясь от всяких привходящих обстоятельств. Истинна выдвинутая идея или нет, продуктивно ли внесенное предложение и, в какой мере — вот что должно в первую очередь заботить спорящих, а не то, кому первому пришла

¹¹⁵ Ивин А.А. Логика: Пособие для учащихся. – М.: Просвещение, 1996. – С. 182

¹¹⁶ Т.Котарбиньский. Избранные произведения. М., 1973.

в голову идея, насколько она согласуется с нашими убеждениями и положением и т. д.» (А.А. Ивин).

Только при соблюдении вышеперечисленных условий спор может быть плодотворным, конструктивным, привести к обнаружению истины или выявлению ложности, к согласию или победе истинного мнения. Или стать основой для дальнейшего плодотворного осмысления поставленной проблемы.

В споре, как и в других делах, нельзя быть неразборчивым в применяемых средствах. Не следует вступать в спор с единственной целью — победить в нем любой ценой, не считаясь ни с чем, даже с истиной и справедливостью.

Тактические приемы, помогающие выиграть спор, можно разделить на допустимые и недопустимые, на, так сказать, корректные и некорректные, лояльные и нелояльные. Первые носят по преимуществу технический характер, в них есть элемент хитрости, но нет прямого обмана. Приемы второго рода — это разнообразные обманные действия, сознательное применение которых в споре недопустимо.

К корректным приёмам ведения спора можно отнести следующие:

1. *Важно с самого начала захватить инициативу.* Т.е. предложить свою формулировку предмета спора и свой план его обсуждения, а так же направлять ход дискуссии в нужном для вас направлении.

2. *Важно в споре не обороняться, а наступать.* Т.е. следует с самого начала вести спор так, чтобы в положении обороняющегося находился ваш оппонент, чтобы он опровергал ваши аргументы, отвечал на возражения и т.п.

3. *Уметь бремя доказательства переложить на плечи другой стороны.* Предвидя возможные аргументы противника, следует их высказывать самому – и тут же их опровергать. Необходимо дело повернуть так, чтобы доказывать и опровергать пришлось не вам, а вашему оппоненту.

4. *Концентрация внимания на наиболее слабом звене в доказательстве другой стороны.* Т.е. не стремиться к опровержению всех аргументов противника, а «ломать» его доказательство (оборону!) в наиболее слабом месте.

5. *Эффект внезапности.* Например, наиболее важные аргументы можно приберечь до конца дискуссии. Высказав их в конце, когда оппонент уже исчерпал свои аргументы, можно привести его в замешательство и одержать победу.

6. *Последнее слово.* Подводя итоги спора, можно представить его результаты в выгодном для вас свете.

К некорректным приемам ведения спора формальная логика и социальная психология традиционно относят:

1. *Сознательную подмену тезиса.* Это тот случай, когда вместо того, чтобы доказывать или опровергать одно положение, доказывают или опровергают другое положение, лишь по видимости схожее с первым.

2. *Сознательную подмену понятий.* Например, вместо «военные» - «военщина», вместо «молодые люди» – «мальчишки» и т.п.

3. *Навешивание ярлыков.* Приписывание несуществующих признаков, свойств, качеств своему противнику.

4. *Сознательный переход в другой род.* Существуют две его разновидности:

- Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает (вместо того, чтобы обсуждать конкретную тему, спор уводится в плоскость слишком общих рассуждений на заданную тему);

- Кто слишком мало доказывает, тот ничего не доказывает (речь идет об использовании для доказательства какого-то частного факта, положения, которое лишь косвенно относится к предмету спора и не может быть основанием его истинности или ложности).

5. *Аргумент к авторитету.* «Прикрытие» своей некомпетентности по обсуждаемому вопросу, высказыванием авторитетного в своей области деятельности человека (учёного, педагога, политика и т.п.).

6. *Аргумент к публике.* Это привлечение сочувствия аудитории с помощью прямого обращения к ней, с целью эмоционального давления на оппонентов.

7. *Аргумент к личности.* Суть его заключается в переводе обсуждения с предмета спора на личность оппонента с акцентом на не самые лучшие её стороны (например, неграмотность, внешний вид, происхождение и т.п.).

8. *Аргумент к тщеславию.* Цель его – усыпить бдительность и оказать психологическое давление на оппонента лестью в его адрес.

9. *Аргумент к силе.* Аргумент, который содержит в себе открытую или скрытую угрозу в адрес оппонента.

10. *Аргумент к жалости.* Это приём «вызывания» жалости у оппонента, с целью его психологической дестабилизации.

11. *Аргумент к невежеству.* Применяется с помощью использования слов, которые оппонент не способен декодировать (понять). Это может вызвать у оппонента чувства своей неполноценности.

Все перечисленные выше аргументы являются некорректными и не должны использоваться в споре. Заметив аргумент подобного рода, следует указать оппоненту на то, что он прибегает к некорректным способам ведения спора, следовательно, не уверен в прочности своих позиций. Добросовестный человек в этом случае должен будет признать, что ошибся. С недобросовестным человеком лучше вообще не вступать в спор.

Данные корректные и некорректные приёмы часто осознанно или неосознанно применяются в дискуссиях, круглых столах, полемике, их разновидностях в различных сферах профессиональной деятельности человека. Но особенно актуально знать о них современным педагогам и журналистам, так как они активно участвуют социально-педагогической

деятельности, которая формирует личностную и общественную систему ценностей и коллективное сознание людей.

Резюме

Искусство ведения спора начинает формироваться у человека, как это не покажется, возможно, кому-то странным, из культуры диалога со своим внутренним «Я». Внешнее проявление этого диалога может представляться человеку монологом. На самом деле любой внутренний монолог подразумевает присутствие воображаемых зрителей, которые представляются в едином лице незримого собеседника в виде своего внутреннего «Я». На подсознательном уровне человек, произносящий монолог корректирует своё речевое поведение сообразно тому, как его воспринимают, или могли бы воспринимать определенные люди, параллельно идёт согласование или рассогласование коммуникативных смысловых позиций.

Культура ведения спора стала предметом изучения ещё в Древней Греции. Там же она стало именоваться искусством ведения спора – эристикой. Сегодня считается, что эристика должна включать в себя определенные сведения из области логики, риторики и социальной психологии.

То, что называют общим именем «спор», имеет много разновидностей и вариантов, которые трудно поддаются классификации. Два основных из них — дискуссия и полемика.

Дискуссия - разновидность спора, которая характеризуется цивилизованным обменом мнениями, стремлением в ходе его внимательно выслушивать мнение другой стороны и, при отстаивании своей позиции, обращаться исключительно к корректным логическим приемам доказательства и опровержения. Спорящие в дискуссии называют себя оппонентами.

Полемика – разновидность спора, которая характеризуется непримиримыми позициями противоборствующих сторон. Участники полемики стремятся достичь своей победы в ходе интеллектуального противостояния любыми средствами, в том числе, некорректными логическими приемами. Спорящие, участвующие в полемике, называются противниками.

Какими общими принципами следует руководствоваться в споре, чтобы создать наиболее благоприятные условия для его плодотворного разрешения?

1. *Необходимо определить предмет спора.* Предмет спора – это некоторая проблема, тема, истинна, которую доказывают (каждый со своей точки зрения) противоборствующие стороны. Нельзя спорить просто ради того, чтобы спорить. Относительно предмета спора должна существовать реальная противоположность мнений. Если такой противоположности нет, то

спор может оказаться беспредметным, и он быстро превратится в бессодержательный разговор.

2. *Необходимо определить основу спора.* Основа спора – это, с одной стороны, ясное понимание из-за чего между спорящими людьми возникли определённые противоречия, и в чём заключается их суть. А, с другой стороны, принципы, положения, убеждения, которые признаются обеими сторонами. Если нет ни одного такого положения, с которым бы согласились обе стороны, то спор оказывается невозможным.

3. *Необходимо иметь умения и навыки понятийного мышления, основанные на знаниях формальной логики.* А.А. Ивин так характеризует эту потребность: «Прежде всего, предполагается умение выводить следствия из своих и чужих утверждений, замечать противоречия, выявлять отсутствие логических связей между утверждениями».

4. *Требуются некоторые знания о предмете спора.* Бессмысленно вступить в спор о том, о чем ты не имеешь ни малейшего представления.

5. *Психологическая готовность к продуктивному диалогу.* Психологическая готовность к продуктивному диалогу выражается в способности и желании спорящих поставить себя на место другого человека, внимательно выслушивать друг друга, быть готовым признать свою ошибку и, возможно, правоту собеседника.

6. *Стремление к истине.* «В споре нужно стремиться к выяснению истины — это одно из наиболее важных, если не самое важное требование к спору» (А.А. Ивин).

Тактические приемы, помогающие выиграть спор, можно разделить на допустимые и недопустимые, на корректные и некорректные, лояльные и нелояльные. Первые носят по преимуществу технический характер, в них есть элемент хитрости, но нет прямого обмана. Приемы второго рода — это разнообразные обманные действия, сознательное применение которых в споре недопустимо.

К корректным приёмам ведения спора можно отнести следующие:

1. *Важно с самого начала захватить инициативу.* Т.е. предложить свою формулировку предмета спора и свой план его обсуждения, а также направлять ход дискуссии в нужном для вас направлении.

2. *Важно в споре не обороняться, а наступать.* Т.е. следует с самого начала вести спор так, чтобы в положении обороняющегося находился ваш оппонент, чтобы он опровергал ваши аргументы, отвечал на возражения и т.п.

3. *Уметь бремя доказательства переложить на плечи другой стороны.* Предвидя возможные аргументы противника, следует их высказывать самому – и тут же их опровергать. Необходимо дело повернуть так, чтобы доказывать и опровергать пришлось не вам, а вашему оппоненту.

4. *Концентрация внимания на наиболее слабом звене в доказательстве другой стороны.* Т.е. не стремиться к опровержению всех аргументов

противника, а «ломать» его доказательство (оборону!) в наиболее слабом месте.

5. *Эффект внезапности.* Например, наиболее важные аргументы можно приберечь до конца дискуссии. Высказав их в конце, когда оппонент уже исчерпал свои аргументы, можно привести его в замешательство и одержать победу.

6. *Последнее слово.* Подводя итоги спора, можно представить его результаты в выгодном для вас свете.

К некорректным приемам ведения спора формальная логика и социальная психология традиционно относят:

1. *Сознательную подмену тезиса.* Это тот случай, когда вместо того, чтобы доказывать или опровергать одно положение, доказывают или опровергают другое положение, лишь по видимости схожее с первым.

2. *Сознательную подмену понятий.* Например, вместо «военные» - «военщина», вместо «молодые люди» – «мальчишки» и т.п.

3. *Навешивание ярлыков.* Приписывание несуществующих признаков, свойств, качеств своему противнику.

4. *Сознательный переход в другой род.* Существуют две его разновидности:

- Кто слишком много доказывает, тот ничего не доказывает (вместо того, чтобы обсуждать конкретную тему, спор уводится в плоскость слишком общих рассуждений на заданную тему);

- Кто слишком мало доказывает, тот ничего не доказывает (речь идет об использовании для доказательства, какого-то частного факта, положения, которое лишь косвенно относится к предмету спора и не может быть основанием его истинности или ложности).

5. *Аргумент к авторитету.* «Прикрытие» своей некомпетентности по обсуждаемому вопросу, высказыванием авторитетного в своей области деятельности человека (учёного, педагога, политика и т.п.).

6. *Аргумент к публике.* Это привлечение сочувствия аудитории с помощью прямого обращения к ней, с целью эмоционального давления на оппонентов.

7. *Аргумент к личности.* Суть его заключается в переводе обсуждения с предмета спора на личность оппонента с акцентом на не самые лучшие её стороны (например, неграмотность, внешний вид, происхождение и т.п.).

8. *Аргумент к тщеславию.* Цель его – усыпить бдительность и оказать психологическое давление на оппонента лестью в его адрес.

9. *Аргумент к силе.* Аргумент, который содержит в себе открытую или скрытую угрозу в адрес оппонента.

10. *Аргумент к жалости.* Это приём «вызывания» жалости у оппонента, с целью его психологической дестабилизации.

11. *Аргумент к невежеству.* Применяется с помощью использования слов, которые оппонент не способен декодировать (понять). Это может вызвать у оппонента чувства своей неполноценности.

Термины для запоминания:

Полилог - спор в команде (группе).

Спор - столкновение мнений, позиций, в ходе которого каждая из сторон аргументировано отстаивает свое понимание обсуждаемых проблем и стремится опровергнуть доводы другой стороны.

Эристика - (от греч. *eristika* — искусство спора) — искусство ведения спора.

Дискуссия - разновидность спора, которая характеризуется цивилизованным обменом мнениями, стремлением в ходе его внимательно выслушивать мнение другой стороны и при отстаивании своей позиции, обращаться исключительно к корректным логическим приемам доказательства и опровержения.

Полемика – разновидность спора, которая характеризуется непримиримыми позициями противоборствующих сторон. Участники полемики стремятся достичь своей победы в ходе интеллектуального противостояния любыми средствами, в том числе некорректными логическими приемами.

Предмет спора – это некоторая проблема, тема, истинна, которую доказывают (каждый со своей точки зрения) противоборствующие стороны.

Основа спора – это ясное понимание из-за чего между спорящими людьми возникли определённые противоречия и в чём заключается их суть.

Психологическая готовность к продуктивному диалогу - выражается в способности и желании спорящих поставить себя на место другого человека, внимательно выслушивать друг друга, быть готовым признать свою ошибку и, возможно, правоту собеседника.

Перцептивная сторона общения – направлена на умение понять собеседника и добиваться положительных психологических эффектов.

Эмпатия – способность постижения эмоционального состояния собеседника, с целью формирования у него положительного отношения к себе.

Аргумент к авторитету. «Прикрытие» своей некомпетентности по обсуждаемому вопросу высказыванием авторитетного в своей области деятельности человека (учёного, педагога, политика и т.п.).

Аргумент к публике. Это привлечение сочувствия аудитории с помощью прямого обращения к ней, с целью эмоционального давления на оппонентов.

Аргумент к личности. Суть его заключается в переводе обсуждения с предмета спора, на личность оппонента с акцентом на не самые лучшие её стороны (например, неграмотность, внешний вид, происхождение и т.п.).

Аргумент к тщеславию. Цель его – усыпить бдительность и оказать психологическое давление на оппонента лестью в его адрес.

Аргумент к силе. Аргумент, который содержит в себе открытую или скрытую угрозу в адрес оппонента.

Аргумент к жалости. Это приём «вызывания» жалости у оппонента, с целью его психологической дестабилизации.

Аргумент к невежеству. Применяется с помощью использования слов, которые оппонент не способен декодировать (понять). Это может вызвать у оппонента чувства своей неполноценности.

3.6. Создание образа своего мышления

*«От красивых образов мы перейдем к красивым мыслям,
от красивых мыслей к красивой жизни
и от красивой жизни - к абсолютной красоте»*
Платон

*«Мысль рождается из удивления вещам как таковым...
Мысль не есть исчисление...
Мысль нельзя подумать механически,
она рождается из душевного потрясения»*
Мераб Мамардашвили

*«В нас рождается человеческое ...на каких-то неестественных,
неприродных, немеханических, неавтоматических основаниях,
и участник этого рождения есть нечто,
что мы называем мыслью»*
Мераб Мамардашвили

*«Мышление есть состояние, в котором видение видит себя...
Свет, освещающий сам себя»*
Мераб Мамардашвили

Вы узнаете:

- Почему «живое мышление» человека не может быть унифицировано.
- Почему ничего иррационального в жизни человека не бывает.
- Отчего идея рационального мышления надумана (придумана) самим прагматично мыслящим человеком.
- Как формируется логический образ в процессе мышления человека.
- В чём специфика создания художественного образа в процессе

мышления.

- На что опирается человеческое мышление при осмыслении сверхчувственного образа.
- Почему формирование индивидуального образа мышления человека должно быть связано со способностью органичного для каждой личности неразрывного (синкретического) соединения различных способностей нашего сознания.
- А также о том, что образ мышления человеку можно и должно формировать на протяжении всей жизни.

Утверждать что-то определённое, тем более в категоричной форме, о том, как можно создать образ своего мышления нельзя уже только по одной причине, что само осознание этого неминуемо становится актом творчества. А осмысление образа через образ – это всего лишь художественное предположение. Но, тем не менее, есть желание хотя бы поделиться опытом своего осмысления этой «проблемы», с тем, чтобы он стал толчком для других в её осмыслении. Поэтому всё, изложенное ниже, нельзя рассматривать, как прямое руководство к действию. Это всего лишь исходный материал для собственного понимания данной проблемы. И это принципиально даже для той части параграфа, в которой будут предлагаться, например, алгоритмы для развития мышления.

Живое мышление человека по «задумке» природы не может быть унифицировано. К унификации его принуждает «искусственная природа» - среда, создаваемая самим человеком. В связи с этим неясны «полномочия» человека на создание такой действительности, которую можно в общих чертах назвать социальной действительностью, потому что именно из социального образа жизни человека «произрастают» экономика, политика и прочие её составляющие. В конечном итоге, из неё же «произрастает» и его образ мыслей.

Если человек действительно часть природы, которая порождена ей, а не искусно сконструированный биоробот, которого кто-то использует втёмную (т.е. он сам не понимает, что игрушка в чьи-то руках), то создаваемая им социальная среда должна органично стать частью природной среды. Потому что подобное создает себе подобное, только привнося разнообразие в окружающий мир для его дополнения и дальнейшего развития. А техногенные катастрофы - это своеобразная болезнь роста.

А если он, человек, всё же является чем-то наподобие биоробота (некая саморазвивающаяся, созданная кем-то биотехническая система), то в этом случае, формируемая им техногенная среда должна рано или поздно вступить в противоречие с природной средой. Потому что, будучи несовместимой с ней, она рано или поздно будет либо «переработана», либо отторгнута той средой, внутри которой она существует и развивается как инородное тело. Или, создаваемая таким человеком техногенная среда,

поглотит природную среду. И, как говорится, если далее размышлять с позиции формальной логики, «третьего не дано...»

Но в том-то и дело, что жизнь – живая саморазвивающаяся, самоизменяющаяся система, которая не может форматироваться и унифицироваться. Тем более под «сочинённые» всего лишь человеком законы искусственного мышления, каковым и является в отрыве, как минимум от подсознания и художественно-образного мышления, логическое мышление. Как сказал Д. Бенгам: «То, что нам кажется иррациональным и противоречивым имеет смысл с божественной точки зрения...». Возьмём в кавычки «божественную точку зрения» и предположим, что иррациональное и противоречивое действительно имеет смысл, как и всё что в этой жизни есть сущее.

Как уже говорилось нами ранее, сама жизнь человека, своеобразное неизвестное поле, потому что для него, как существа, которому зачем-то даровано право мыслить, остаётся непостижимым смысл его собственного существования. И чтобы человек не вымышлял по этому поводу: продолжение жизни будет на небе или в подземном царстве Аида, его душа переселится в тело другого человека, животного или растения и т.п., это всего лишь гипотеза. На фоне этого смутного, неизвестного смысла собственного существования (смысла жизни!), даже смерть как прекращение биологического существования организма, более понятна.

Остается несомненным только одно: у человека есть на земле одно призвание – оставаться человеком в любом виде деятельности. Т.е. заниматься каким-то делом, касаться своим челом (разумом, душой) века (времени, космоса), при этом, не превращаясь в зверя (животного) или машину (биоробота). И, как показывает жизнь, это весьма и весьма непросто осуществить. Поэтому такому гордому и высокому призванию, могут соответствовать на земле пока ещё не очень многие из людей. Как ни странно мешают этому во многом не чувства, многие из которых присущи животным, а тот самый разум, благодаря которому мы принципиально отличаемся от животного и растительного мира. Или, по крайней мере, думаем, что в этом и состоит наше основное с ними различие.

Человечество слишком увлечено рационализацией своей жизнедеятельности, отрицая все иные подходы объяснения своего бытия, которые всё же существовали, согласно мифам и легендам, среди людей. Иисус Христос, Будда, Пророк Мухаммед и многие другие герои духовной и высоконравственной земной жизни так и остаются идеалами, мечтой, к которой искренне стремится в масштабах всего населения планеты относительно небольшое количество людей. Всё остальное человечество озабоченно исключительно материальным благоустройством своей униженно короткой земной жизни. И делает это с таким звериным рвением, как будто каждая персональная человеческая жизнь вечная. Парадокс!

Между тем, вполне очевидно, что ничего иррационального в жизни человека не бывает, любые «бесполезные» мысли и чувства рано или поздно

рационализируются (актуализируются) в его деятельности; как не бывает в чистом виде прагматизма, потому что идея рационального мышления надумана самим прагматично мыслящим человеком. Он сопротивляется «божественному вдохновению», старается изо всех сил всё объяснить самому себе, не ошибаться, быть точным, уравновешенным, аккуратным и т.п. В итоге он всего этого не в состоянии достигнуть, по крайней мере, на сто процентов.

И более того, его рациональная логика сама «выталкивает» его в реальной жизни, пестрящей противоречиями и абсурдом, на иррациональные поступки, которые не согласуются с законами формальной логики. И это естественно! Так же, как естественно любое дерево в тайге. Например, все кедровые имеют схожую «рациональную» архитектуру. Но она, в зависимости от местности и региона, меняет своё «содержание» и внешний вид. Поэтому вкус и строение шишки, хвоя, кора, ствол дальневосточного и сибирского кедрового достаточно разные.

Рационализм - это всегда насильственное действие человека, совершаемое над собой, который скорее существо иррациональное, понимающее, что ему надо для выживания в природной и искусственной среде быть более прагматичным. Во взаимодействии с природной средой это преимущество и один из шансов на выживание. Во взаимоотношении с искусственной средой, это – социальная мимикрия, т.е. стремление соответствовать, слиться с ней. Что означает также получение шанса на выживание. Такое «насилие над собой» выражается в необходимости сдерживания своих чувств, в управлении своим поведением, в структурировании своих мыслей в письменной и устной речи и т.п. Всего того, что в конечном итоге, структурирует сознание человека.

Но поскольку всякое действие в этой жизни равно противодействию, человек неизбежно совершает различные иррациональные акты своего бытия, которые могут иметь вид самых разнообразных поступков: физическое действие, книга, статья, живописное полотно, спектакль и мн. др. Чем больше человек в себе сдерживает свою иррациональную природу, тем «катастрофичнее» случается прорыв. Образно говоря, они могут быть подобны половодью, прорвавшейся плотине, извержению вулкана – яркими и запоминающимися для большого количества людей на множество лет.

Очевидно, человек, как сложное психофизическое духовно-рациональное синкретное существо, органично сочетающее в себе рациональное и иррациональное начало, не может совсем игнорировать ни то и не другое. Попробуем проиллюстрировать это на нестандартном примере – эссе.

Эссе – один из результатов и процессов жизнедеятельности человека, соответственно, его мышления. Это художественно-публицистическое произведение, которое наиболее полно способствует свободе самовыражения человека. Т.е. в нём могут использовать все известные человеку способы, а лучше сказать оттенки его мышления.

Но пишущий его (по крайней мере, журналист) должен понимать, что свобода эта не хаос в принятом смысле этого слова. Т.е. это ни вольница, ни словесный и смысловой беспредел, а социально ответственный выбор форм независимости или, другими словами, средств самовыражения, который не должен наносить вред или боль другим людям, да и самому автору тоже.

Это способ организации территории свободы. Но у любой территории есть свои границы, своё, образно говоря, «население» (внутреннее «Я», потенциальные читатели) и ... своя логика. Не формальная, но всё же, логика! Даже если она воспринимается как антилогика и состоит сплошь из алогизмов, парадоксов и т.п. То есть какая-то особенная «логика» осуществления взаимодействия личности пишущего с «народонаселением» этой территории.

Если автор сознательно или несознательно игнорирует это «народонаселение», тем самым якобы не допуская его на свою территорию свободы, он рискует превратиться в нечто неприглядное для читателя, а значит в конечном итоге и для себя. Оставаться человеком «не общаясь» с людьми, то есть, игнорируя их способность воспринимать написанное на сверхчувственном, чувственном и понятийном уровне, невозможно! Это уже не творчество, а патология. Тем не менее, мы можем наблюдать, например, в художественном творчестве, попытки разделить сверхчувственное, чувственное и понятийное. Некоторые художники, опять-таки в широком смысле этого слова, пытались и пытаются организовывать свою территорию свободы на свехчувственном уровне (С.Дали, В.Хлебников и т.п.), на чувственном (А.Рембо, В. Ван Гог и т.п.), понятийном (Т.Мор, Леонарда да Винчи и т.п.). Это порождает новые направления в искусстве, которые его развивают. Но, во-первых, ни одно из этих направлений, даже при самых одиозных декларациях (например, «Пощечина общественному вкусу» кубофутуристов), не могло, естественно, освободиться полностью от этих трёх составляющих живого человеческого мышления. А крайнее проявление их в отдельных произведениях (например, в некоторых стихах В.Хлебникова), законно, опять-таки с точки зрения живого мышления (здорового разума) воспринималось обществом как социальная патология¹¹⁷. Поэтому эссе, разумеется, это всегда поиск индивидуального образа мышления (органичного сочетания сверхчувственного, чувственного и понятийного), но мышления, которое адресовано кому-то, даже если внешне оно выглядит как послание самому себе.

То есть, создание собственного образа мышления не может происходить в отрыве от социальной реальности, которая у каждого, не смотря на единый хронологический алгоритм (рождение – жизнь – смерть), одновременно многообразна и индивидуальна. Важнейшей её составляющей является сфера основной деятельности. У большинства людей в зрелом возрасте это профессиональная деятельность. Образ мышления человека

¹¹⁷ Под «социальной патологией» в данном случае мы подразумеваем неадекватное социальное поведение автора, которое направлено не на установление, а на разрушение коммуникативных связей с другими людьми.

зависит от творческого подхода к её организации. Нетворческих профессий не бывает, хотя творческие возможности в каждой из них неравные. Например, заведомо творческими считаются профессии актёра, художника, писателя и т.п. И, наоборот, не имеющие отношения к творчеству, профессии шахтёра, военнослужащего, дворника и т.п. Но, как говорится, «нет, не интересных дел, есть неинтересные люди». В любой профессиональной деятельности есть пространство творчества (а значит пространство свободы), и человек сам выбирает, как относиться к своим профессиональным обязанностям: с «выдумкой» или формально.

Например, одной из самых нетворческих профессий считается у журналистов работа редактора. Они их, как правило, недолюбливают, считают придирами, которые сами писать не умеют, а только поучают других. В широком смысле, редактор - статист, который исправляет чужие тексты с точки зрения семантики (смыслообразования) и грамматики (нормативного написания). В общих чертах, искусство редактора заключается в том, чтобы так семантически и грамматически «причесать» текст автора, чтобы он не потерял своей индивидуальности. Проще говоря, исправить в нём грамматические и логические ошибки. Вообще, на первый взгляд, ничего интересного... Попробуем такой поверхностный взгляд на редакторскую работу «разоблачить» отрывком из интервью с представителем этой профессии, которое было взято нами специально для данного учебного пособия у одного из редакторов небольшой районной газеты Иркутской области.

«Я ищу в тексте, прежде всего, мысль, изящество и красоту. В этом смысле я его «не просматриваю», а как бы создаю. Точнее, досоздаю на основе уже написанного автором. Я соучастник этого процесса – сомыслитель, сотворец. Если мне этого не хочется делать – текст теряет для меня смысл, потому что я, в первую очередь, не редактор, а читатель. А читатель для меня не статист и зевака, а такой же творец. Поэтому я читаю, а не выискиваю ошибки...

Мне искренне жаль тех людей, которые не обладают этим скромным даром читателя. Я догадываюсь, сколько они испытывают разочарований, когда их статистический ум то и дело «спотыкается» об орфографические ошибки, которые им, очевидно, кажутся показателями ума и совершенства души.

А художник (журналист, писатель), чем он талантливей, тем более в определённом смысле, несовершенный... У него всегда душевный разлад, чувства опережают мысль, внутренняя речь не стыкуется с внешней (отсюда косноязычие), поэтому, как правило, талантливые писатели не очень, с точки зрения нормативных правил русского языка, грамотные люди... Они не статисты, не регистраторы, не фиксаторы речи, а её творцы. А любое творчество – это риск, отступ от правил, «грехопадение нормативного языка»...

И ещё... Грамотное графическое оформление устной речи – это тоже отдельный вид творчества... Это вторая важная составляющая часть

редакторской работы. Специфика его заключается в том, что он берёт чью-то естественную речь как готовый природный материал (как выброшенную на берег Байкала корягу) и, почти ничего не изменяя, делает его зримым для большинства людей, которым трудно воспринимать написанное, если оно загромождено лишними досадными деталями – «сучками, задоринками» орфографических и стилистических ошибок. Редактор в этом случае - статист особого рода. «Статист», который ищет в тексте гармонию, соразмерность, помогающую зримее донести до читателя несовершенные мысли и чувства другого человека. Его задача «корягу-текст», превратить в оригинальную скульптуру, подчеркнув её природную структуру, придав удобочитаемый вид.

Типичная «беда» нашей профессии заключается в том, что редактор может впасть в крайности: т.е. либо быть только «искателем красоты», либо только «статистом». И тех и других подсознательно, как правило, не любят журналисты, главным образом, за их ограниченность...»¹¹⁸.

Данное высказывание редактора, вполне соотнобразится с мыслью Мераба Мамардашвили, сказавшего: «Когда я произношу «явление» или «явившееся», то обозначаю этим уже нечто развившееся настолько, что это явление предстает как образ, а образ есть первоявление истины. Поэтому в такое мгновение и рождается не только поэт, мастер образа, но и философ, мыслитель».

Образы логический (понятийный), чувственный (художественный) и сверхчувственный имеют разные структуры.

Логический образ в процессе мышления формируется на основе осмысления фактов, путём их сравнения. Неправильно думать, что образное мышление чуждо, например, современной науке: «Тело медузы студенистое, похожее на зонтик»; «Почки – небольшие парные органы, имеющие форму бобов»; «Цветок гороха напоминает сидящего мотылька» (примеры взяты из учебников по биологии, авторами учебного пособия «Логика» А.Д. Гетмановым, А.Л. Никифоровым, М.И. Пановым и др.).

Образ художественный в процессе мышления формируется на основе чувственного восприятия с помощью прямых аналогий (метафор) и других художественных троп (приёмов), таких как гипербола, литота, оксюморон и т.п.: «Голова моя машет ушами как крыльями птица – ей на шее ноги маячить больше невмочь» (С.Есенин).

Образ сверхчувственный в процессе мышления формируется на основе ассоциативного восприятия действительности, опираясь на интуицию и информацию, хранящуюся в подсознании человека. Эта информация, на первый взгляд, возникает из ниоткуда, а на самом деле, долго, возможно веками дремлет в недрах нашего разума в виде смутного предчувствия: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна).

¹¹⁸ В.П. Скороход – редактор с сорокалетним стажем, последнее место работы – газета «Усольские новости и мировые репортажи».

Соответственно, формирование индивидуального образа мышления человека должно быть связано со способностью органичного для каждой личности неразрывного (синкретического) соединения этих способностей нашего сознания. Это творчество особого высшего уровня...

Таким образом, мы можем предположить, что создание индивидуального образа мышления человека невозможно при совершенно неразвитой способности его к образному мышлению, хотя бы по одному из выделенных нами его аспектов (сверхчувственное-чувственное-понятийное). Ключевое понятие в данном суждении – «при совершенно неразвитой способности». То есть, уровень развития их может быть разным, чем отчасти и объясняется индивидуальность нашего сознания. С другой стороны, тем самым мы подчёркиваем, что образ мышления – это ни есть что-то данное или не данное человеку от рождения. Он может, на основе добровольного волеизлияния и имеющихся у него от природы духовно-интеллектуальных ресурсов, формироваться и видоизменяться человеком в течение всей жизни. Конечно, этот процесс сугубо индивидуален, а стало быть, многообразен. Каких-то конкретных «рецептов приготовления» собственного образа мышления, очевидно, не существует и не может существовать. Однако, способствовать этому может развитие, в том числе, и выделенных в данном пособии аспектов его мыслительной деятельности.

Человек должен уметь критически оценивать поступки свои и поступки других людей для того, чтобы развивать свое социальное мышление: уметь «руководить» своими эмоциями; познавать других людей, а через их восприятие самого себя; для активизации своей социальной памяти как инструмента избегания ошибок в жизнедеятельности; для умения планировать и прогнозировать свою жизнедеятельность. Отметим, что «Доводы, до которых человек додумывается сам, обычно убеждают его больше, нежели те, которые пришли в голову другим» (Б.Паскаль). При этом надо помнить: «...Истина все же скорее возникает из ошибки, чем из спутанности...» (Ф. Бэкон). А «Искусство правильно мыслить предполагает не только логическую последовательность, но и многое другое. И, прежде всего, стремление к истине, интеллектуальную честность, творчество и смелость, критичность и самокритичность ума, его неуспокоенность, умение опереться на предшествующий опыт, выслушать и принять другую сторону, если она права, способность аргументированно отстаивать свои собственные убеждения» (А.А.Ивин).

Человек должен развивать диалогичность мышления для того, чтобы корректно и гуманно общаться со своим внутренним «Я», референтным окружением, внешней социальной и природной средой. Словом, он должен уметь общаться со всем окружающим его многообразным миром: «Если я хочу стать тем, чем я могу, мне надо делать то, что я должен. Если я хочу стать самим собой, я должен выполнять личные и конкретные задачи и требования. Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир» (В. Франкл).

Человек должен развивать своё конструктивное мышление, чтобы иметь навыки рассмотрения проблем с разных сторон, с различных точек зрения для продуцирования своей жизнедеятельности, нахождения в ней новых, в том числе и духовно-нравственных смыслов. Это просто необходимо для того, чтобы человек не разуверился в своих потенциальных возможностях, не потерял интерес к себе самому, окружающим его людям и природе: «Поставленные вопросы ясно указывают на то, что нечто, называемое мыслью, пока ещё далеко от расшифровки... Конечно, нужно расшифровывать при этом и человека, существо загадочное и остающееся загадочным. Даже если мы не разгадаем эту загадку, я уверен, повозившись с ней, мы кое-что всё-таки узнаем, поймём...» (М. Мамардашвили).

Человек должен развивать своё творческое мышление для того, чтобы почувствовать свою сопричастность к своей судьбе, к судьбе других людей и природы. Это наполнит его жизнь особым смыслом и социальной ответственностью перед прошлым, настоящим и будущим всего сущего, по крайней мере таким, каким оно является его сознанию: «Потенцировать бытие это значит не переделывать мир, а открывать его новые возможности... Расстояние между означаемым и означающим есть пространство возможностей» (М. Эпштейн). Человек, мыслящий творчески способен использовать эти возможности.

Человек должен развивать культуру своего мышления, потому что рациональное его начало, не уравновешенное иррациональным, приводит к духовному выхолащиванию, потере социокультурных смыслов его бытия и смертельно опасному противостоянию живой природе, которая существует по законам пока ещё недоступным человеческому разуму: «В нас рождается человеческое ... на каких-то неестественных, неприродных, немеханических, неавтоматических основаниях, и участником этого рождения есть нечто, что мы называем мыслью... Чтобы начать мыслить, в нас должно происходить нечто, что не есть в то же время явление природы самой по себе» (М. Мамардашвили).

Образ мышления человеку можно и должно, как говорилось выше, формировать на протяжении всей жизни. Возможность духовного рождения в этом смысле, по крайней мере, в её хронологических рамках, неисчерпаема. Такой подход к организации своей мыслительной деятельности позволяет не только максимально потенцировать своё мышление, но и потенцировать своё бытие. То есть вполне сознательно перевести его с утилитарного уровня жизнедеятельности на духовно-нравственный уровень житетворчества. В этом случае жизнь человеком будет восприниматься как творческий акт. Это даст возможность человеку наиболее полно актуализировать данный ему индивидуально, лично природой интеллектуально-духовный потенциал, адекватно самоидентифицироваться в окружающих его социальной и природной среде.

Резюме

Живое мышление человека по «задумке» природы не может быть унифицировано. К унификации его принуждает «искусственная природа» - среда, создаваемая самим человеком. В связи с этим неясны «полномочия» человека на создание такой действительности, которую можно в общих чертах назвать социальной действительностью, потому что именно из социального образа жизни человека «произрастают» экономика, политика и прочие её составляющие. В конечном итоге, из неё же «произрастает» и его образ мыслей.

У человека есть на земле одно призвание – оставаться человеком в любом виде деятельности. Т.е. заниматься каким-то делом, касаться своим челом (разумом, душой) века (времени, космоса) при этом не превращаясь в зверя (животного) или машину (биоробота). И, как показывает жизнь, это весьма и весьма непросто осуществить.

Ничего иррационального в жизни человека не бывает, любые «бесполезные» мысли и чувства рано или поздно рационализируются (актуализируются) в его деятельности; как не бывает в чистом виде прагматизма, потому что идея рационального мышления надумана самим прагматично мыслящим человеком. Его рациональная логика сама «выталкивает» его в реальной жизни, пестрящей противоречиями и абсурдом, на иррациональные поступки, которые не согласуются с законами формальной логики.

Очевидно, человек, как сложное психофизическое духовно-рациональное синкретное существо, органично сочетающее в себе рациональное и иррациональное начало, не может совсем игнорировать ни то ни другое. Создание собственного образа мышления не может происходить в отрыве от социальной реальности, которая у каждого, не смотря на единый хронологический алгоритм (рождение – жизнь - смерть), одновременно многообразна и индивидуальна.

Образы логический (понятийный), чувственный (художественный) и сверхчувственный имеют разные структуры.

Логический образ формируется в процессе мышления на основе осмысления фактов, путём их сравнения. Неправильно думать, что образное мышление чуждо, например, современной науке: «Тело медузы студенистое, похожее на зонтик»; «Почки – небольшие парные органы, имеющие форму бобов»; «Цветок гороха напоминает сидящего мотылька» (примеры взяты из учебников по биологии, авторами учебного пособия «Логика» А.Д. Гетмановым, А.Л. Никифоровым, М.И. Пановым и др.).

При создании художественного образа в процессе мышления активно используется воображение, которое с помощью прямых аналогий (метафор) и других художественных троп отражает процесс познания: «Голова моя машет ушами как крыльями птица – ей на шее ноги маячить больше невмочь» (С.Есенин).

Образ сверхчувственный в процессе мышления опирается на подсознание – информацию, возникнувшую, на первый взгляд, из ниоткуда. Но на самом деле долго, возможно, веками, дремлющую в недрах нашего

разума в виде смутного предчувствия: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна).

Соответственно, формирование индивидуального образа мышления человека должно быть связано со способностью органичного для каждой личности неразрывного (синкретического) соединения этих способностей нашего сознания.

Человек должен уметь критически оценивать поступки свои и поступки других людей для того, чтобы развивать свое социальное мышление.

Человек должен развивать диалогичность мышления для того, чтобы корректно и гуманно общаться со своим внутренним «Я», референтным окружением, внешней социальной и природной средой.

Человек должен развивать своё конструктивное мышление, чтобы иметь навыки рассмотрения проблем с разных сторон, с различных точек зрения для продуцирования своей жизнедеятельности, нахождения в ней новых, в том числе и духовно-нравственных смыслов.

Человек должен развивать своё творческое мышление для того, чтобы почувствовать свою сопричастность своей судьбе, судьбе других людей и природы. Это наполнит его жизнь особым смыслом и социальной ответственностью перед прошлым, настоящим и будущим всего сущего, по крайней мере, таким, каким оно является его сознанию.

Человек должен развивать культуру своего мышления, потому что рациональное его начало, не уравновешенное иррациональным, приводит к духовному выхолащиванию, потере социокультурных смыслов его бытия и смертельно опасному противостоянию живой природе, которая существует по законам пока ещё недоступным человеческому разуму.

Образ мышления человеку можно и должно формировать на протяжении всей жизни. Возможность духовного рождения в этом смысле, по крайней мере, в её хронологических рамках, неисчерпаема.

Термины для запоминания:

Социальная патология - в данном случае под этим термином мы подразумеваем неадекватное социальное поведение автора, которое направлено не на установление, а на разрушение коммуникативных связей с другими людьми.

Социальная мимикрия - стремление ради самосохранения соответствовать нормам поведения и ценностям социальной среды, даже если они не совпадают с мировоззренческими установками личности, с целью сделаться незаметным, выглядеть внешне таким, как все.

Иррациональные акты бытия – дела, поступки человека, которые не имеют объяснения с прагматической точки зрения.

Эссе – (франц. «essey» – опыт, набросок) жанр, находящийся на пересечении литературы, публицистики, науки. Эссе может быть

философским, литературно-критическим, историко-биографическим, публицистическим. Это жанр, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с непринужденным, часто парадоксальным изложением, ориентированным на разговорную речь.

Территория свободы – индивидуальная пространственно-деятельная идентификация, трактуется как территория социальной активности индивида, как свое социальное пространство, не уже освоенное, а скорее, как пространство, которое стоит осваивать.

Логический образ в процессе мышления формируется на основе осмысления фактов, путём их сравнения: «Тело медузы студенистое, похожее на зонтик»; «Почки – небольшие парные органы, имеющие форму бобов».

Образ художественный в процессе мышления формируется на основе чувственного восприятия с помощью прямых аналогий (метафор) и других художественных троп (приёмов), таких, как гипербола, литота, оксюморон и т.п.: «Голова моя машет ушами как крыльями птица – ей на шее ноги маячить больше невмочь» (С.Есенин).

Образ сверхчувственный в процессе мышления формируется на основе ассоциативного восприятия действительности, опираясь на интуицию и информацию, хранящуюся в подсознании человека: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна).

Социальное мышление – это умение: «руководить» своими эмоциями; познавать других людей, а через их восприятие - самого себя; активизировать свою социальную память для избегания ошибок в будущей жизнедеятельности; планировать и прогнозировать свою жизнедеятельность.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Дускаева Л.Р. Функц.-стилистическая категория диалогичности в газетно-публиц. текстах // Публицистика и информация в совр. обществе. – М., 2000.

2. Балаян А.Р. Еще один монолог о диалоге (и полилоге). – РЯЗР. – 1981. – №4.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 521.
5. Библиер В.С. Мышление как творчество (Введение в логику мысленного диалога). – М., 1975.
6. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог (структура и динамика). – Екатеринбург, 2001.
7. Буш Г. Диалектика и творчество. Рига, 1985. С.- 16.
8. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи. – Пермь, 1986.
9. Краткий словарь по логике / Д.П.Горский, А.А. Ивин, А.Л. Никифоров; Под ре. Д.П.Горского. - М.: Просвещение, 1991. – 208 с.
10. Левидов А.М. Автор-образ-читатель. Изд. Ленинградского университета, 1983. – 349 с.
11. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 832-833.
12. Манделъштам О. Слово и культура / / Манделъштам О. Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1971. С. 227.
13. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М., 1999.
14. Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979. С. 213.
15. Негодаев И.А. Информатизация культуры. – Ростов-на-Дону. – 2002. – С.204-267. (http://www.i-u.ru/biblio/archive/negodaev_info/03.aspx).
16. Полонский В. Сознание и творчество. М; Л., 1936.
17. Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования, М., 1958.
18. Эпштейн М. Философия возможного (Интернет-источник).
19. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборнике: Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я.Гозмана и Д.А. Леонтьева; вст. Ст. Д.А. Леонтьева. - М.: Прогресс, 1990. – 398 с.
20. Шеллинг Ф. В. И. О конструкции в философии//Шеллинг Ф. В. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1989.
22. Халперн Д. психология критического мышления dge: An Introduction to Critical Thinking Third edition Lawrence Erlbaum Associates, Publishers 1996 Mahwah, New Jersey 4-е международное издание Издательство: Питер 2000 г.
21. Хосе Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г. М. Фридлендера; Сост. В. Е. Багно. – М.: Искусство, 1991.

УПРАЖНЕНИЯ, ТВОРЧЕСКИЕ АЛГОРИТМЫ, ЗАДАНИЯ И ПРИЛОЖЕНИЯ

Упражнение «Китайская энциклопедия»

Задание

1. Произвести классификацию найдя различные основания.

Даны животные:

Жаренные, бальзамированные, Сирены, принадлежащие императору, прирученные, молочные поросята, Чебурашка, бродячие собаки, дрессированные львы, употребляемые в пищу человеком, нарисованные тонкой кистью, неисчислимы, из далека кажущиеся мухами, быстро бегущие, хитрые, огромных размеров, сделанные их фарфора, крокодил Гена, питающиеся травой и листьями, водоплавающие, хищные, сумчатые, фантастические, приведение Эмпус, домашняя кошка, цепной пес Цербер...

Ключ к упражнению «Китайская энциклопедия»

Животных можно классифицировать по следующим основаниям:

1. Сказачные животные
2. Мифологические животные
3. Домашние животные и т.д.

Практическая работа для темы «Искусство классификации»

Задание

1. Произвести классификацию объединив, приведенные ниже суждения по нескольким основаниям.

Суждения для классификации

1. Перья у писателя были. Ему не хватало крыльев.
2. Чем дальше хочется прыгнуть, тем ниже надо согнуться.
3. Счастье не в деньгах, а в их количестве.
4. Без женщин нельзя жить на свете – тем более в темноте.
5. Чтобы как следует понять душу, лучше всего ее вынуть.
6. Дурак, совершенствуясь, становится круглым.
7. С кем поведешься, с тем и наберешься.
7. Скажи мне, чем ты богат, и скажу, где ты служишь.
8. Все в природе взаимосвязано, поэтому без связей лучше не жить.
9. Не брал за горло никого кроме бутылки.
10. Морская качка изображена художником с таким сходством, что при одном взгляде на картину – тошнило.
11. Стояла тихая Варфоломеевская ночь.
12. Сила земного притяжения ощущается особенно сильно, когда поднимаешься по служебной лестнице.
13. Странная картина открылась взору уважаемого классика: это была экранизация его романа.
14. Если ты считаешь, что ты уже сделал карьеру, ты не настоящий карьерист.
15. Мечтал о полете мысли, но так и не дождался летной погоды.
16. Семь раз отмерь – один раз отрежь! – объяснял старый палач молодому.
17. Деньги зло, значит их надо уничтожать.

18. Мне с Вами скучно, поэтому мне с вами спать хочется.
19. В его пустую голову пришла мысль, но не застав там никого – ушла.
20. Она шипела на мужа, как газированная вода.
21. Я пью не больше ста граммов, но, выпив сто граммов, я становлюсь другим человеком, и этот другой пьет очень много.
22. Не бойтесь этой гранаты – она ручная.
23. Дети цветы жизни, но пусть они лучше цветут на чужом подоконнике.
24. Сколько прекрасных мыслей гибнет в лабиринтах извилин.
24. «Не легкий писательский труд!» - говорил редактор издательства, относя ежедневно на приемный пункт макулатуры по 20 килограммов произведений своих коллег
25. оговорка военных: «Призвание хорошо, а звание лучше!».
26. Поэт шел в гору, но гора эта была Парнасом.
27. Лишь тяжелый кошелек позволяет угнаться за модой.
28. «Душит, значит любит!» - подумала Дездемона.
29. В настойчивых поисках братьев по разуму, но оказался в вырезвители.
30. Писал с принципиальных кассовых позиций.
31. Бог создал женщин глупыми, чтобы они любили мужчин.
32. Почему чаще всего неограниченные возможности у ограниченных людей?
33. Ссорясь, они швыряли друг в друга стульями, но не семейной жизни, ни стульям это не вредило: семья была крепкая, мебель – тоже.
34. «У меня ничего не осталось, кроме тебя», - признался он ей ... за три дня до зарплаты.
35. Круглые дураки в люди не выходят. Их выкатывают.
36. Мясник строил свое благополучие на чужих костях.
37. «Пить – здоровью вредить!» - сказала Юдифь, отсекая голову ассирийскому военачальнику Олоферну, как только тот уснул, опьяненный вином ее и ласками.
38. И на «пегасах» порой гарцуют всадники без головы.
39. Только в очень хорошем настроении она называла получку мужа деньгами.
40. Те, кому дают на чай, пьют коньяк.
41. «Удивительное – ядом!» - сказал Сальери.
42. Нарушение моды королями становится модой для их подданных.
43. Нетрезвый взгляд на вещи помогает обходиться без них.
44. Если у тебя умная жена, будешь есть плоды с дерева познания, если глупая – с дерева жизни.
45. Когда она заговорила о черно-бурой лисе, муж смотрел на нее волком.
46. Не только сам укладывался в получку, но и укладывал своих приятелей.
47. Женщине по служебной лестнице легче идти в короткой юбке.
48. Когда музы молчат, говорят жены поэтов.
49. В повести так много пили, что из нее можно было гнать спирт.
50. Мечтает устроится на доходное лобное место.
51. В это столовой можно не только червячка заморить.
52. Последний крик моды часто раздавался из-под прилавка.
53. Если все время мыслить, на что же существовать?
54. Чем продуктивнее творчество, тем нужнее холодильник.
55. Ломал голову, сломал шею.
56. Закон всеобщего тяготения к шаблону.
57. Интеллигенты умирают сидя.
58. Бараны умеют жить: у них самая паршивая овца в караулы ходит.
59. Многие женятся по любви, потому что не имеют возможности жениться по расчету.
60. Любопытство к женщинам не должно быть праздным.
61. Если жена не следит за модой – за ней можно не следить.
62. Не всякая кучка могучая.
63. Чем приятнее формы, тем безразличнее содержание.

Упражнение «Самопрезентация»

Для выполнения упражнения необходимо подготовить художественные фотографии, репродукции и другой визуальный материал.

Задание

1. Участникам предлагаются различные картинки, из которых они выбирают понравившиеся.

2. С помощью линейного мышления они должны определить утилитарное значение изображенного.

Например, изображена лодка на берегу Байкала. Дается определение: лодка – небольшое судно, предназначенное для перевозки людей по воде.

3. Далее, с помощью полифункциональных свойств (многовекторных) мышления определяют философское значение изображенного.

Например, лодка - элементарное техническое средство, которое позволяет человеку сменить обстановку, отдохнуть от ежедневных обязанностей и забот, пообщаться с живой природой и друзьями. Или средство временного побега от «жестокой» социальной действительности береговой жизни. Или одно из технических воплощений мечты человечества победить статичность времени и пространства. И т.д.

4. Далее, используя ассоциативное мышление, участникам предлагается создать вербальный философский образ.

Например, «старая лодка» (линейный уровень), «лодка умудренная опытом» (полифункциональный уровень).

5. И, наконец, участникам предлагается, используя полученный философский образ изображаемого, от его имени изображенного предмета самопрезентовать себя.

Например, «Я умудренная жизнью, но еще не старая лодка, которая очень любит путешествовать, но большую часть своей жизни мне приходится только мечтать об этом, поэтому это стало смыслом моей жизни. И я об этом не жалею, потому что знаю, что мечты мои периодически сбываются, а это значит, что они не бесплодные и сила, разнообразие и красота моих чувств это - энергия, которая способна материализовывать мои мысли.

Коллективно-творческая игра «Здоровая газета»

Условия

Участники, вернувшись на Большую землю с фантастических Оранжевых островов, проживая на которых они занимались несколько лет исключительно творчеством, поняли, что они уже не могут жить друг без друга и без творчества. Они решают вновь объединиться для совместной деятельности уже в реальных условиях современного общества. Им кажется важным для пропаганды здорового образа жизни создать свою газету.

Содержание

Первый этап (организационный)

Участники разрабатывают основные принципы деятельности их печатного издания:

- обосновывается актуальность издания, определяются социальные партнеры, источники финансирования, материально-техническая база, основные принципы

творческой деятельности и распространения издания (почему обществу необходима информация, пропагандирующая здоровый образ жизни; кто заинтересован и может помочь в издании и распространении газеты; какие организации, учреждения, частные лица могут стать источниками финансирования и почему; какое оборудование и помещение необходимо для издания газеты; какие формы и методы приемлемы для подготовки, распространения информации и взаимодействия с обществом и т.п.);

- распределяют социальные роли и договариваются, кто за какую работу будет отвечать (главный редактор - за тактику и стратегию общего руководства, литературный редактор – за грамотность и читабельность материалов, технический редактор – за верстку и дизайн газеты, менеджер - за распространение газеты, взаимодействие с социальными партнерами и рекламодателями, авторы – за написание материалов и т.п.);

- определяется цель издания газеты, основные задачи, моральные принципы совместной профессиональной жизнедеятельности, прогнозируют ее результаты (название, программа или концепция деятельности газеты).

- приступают к теоретической разработке содержания «пилотного» (пробного, нулевого) номера газеты, демонстрирующего цели, задачи, принципы деятельности газеты.

Второй этап (реализация проекта)

- создание содержания газеты (написание статей, фотосъемка, разработка макета, рисунков и т.п.);

- производство газеты (последняя корректировка содержания материалов, расположение материалов (вёртка) согласно макету на полосах на компьютере или вручную в зависимости от технических условий, в которых проходит игра, вычитка материалов на полосе, тиражирование издания и т.п.);

- презентация газеты (устное и визуальное представление газеты широкой публике в свободной форме с целью привлечь её внимание к деятельности издания);

- пресс-конференция (ответы творческого коллектива на вопросы участников других групп, представляющих редакции родственных изданий. Поиски совместных форм работы для привлечения как можно большего количества людей к здоровому образу жизни).

Мозговой штурм «Дети и СМИ»

Цель: создать условия, чтобы дети меньше смотрели телевизор и больше читали книги.

Алгоритм подготовки:

- Прочтите предложенный ниже список идей, до которых додумались родители подобного мозгового штурма.
- Классифицируйте их.
- К каждому классу сформулируйте предложение-вопрос для проведения мозгового штурма.
- Проведите мозговой штурм и запишите поступившие от родителей предложения.
- Поступившие предложения обсудите с родителями и выберите из них самые оптимальные и приемлемы для разработки стратегии управления поведением детей по избранной теме.

Список идей

1. Заткнуть розетку, в которую включается телевизор.
2. Сломать телевизор.
3. Отводить на просмотр телевизора ограниченное время.

4. Повысить интерес к книгам.
5. Установить в телевизор плохую электронную трубку.
6. Переориентировать антенну, чтобы ухудшить прием программ.
7. Подобрать книгу, которую рекламировали по телевизору.
8. Читать самим и подавать пример.
9. Купить детям переносной радиоприемник.
10. Определять качество телепрограмм.
11. Поощрять походы в библиотеку.
12. Заставить детей писать отчеты о прочитанных книгах.
13. Давать деньги на кино.
14. Подарить телевизор библиотеке.
15. Проводить больше времени с детьми на природе.
16. После просмотра телефильма (например, о Робинзоне Крузо) дать детям прочесть эту книгу.
17. Читать детям вслух, пока они еще маленькие.
18. Читать им интересные книги.
19. Сделать чтение таким же удобным, как и просмотр телепрограмм.
20. Поставить в детскую шкаф с книгами.
21. Дарить детям аудио CD.
22. Подписаться на детские журналы.
23. Выбирать книги, подходящие по возрасту.
24. Заинтересовать детей ежедневными газетами — хотя бы комиксами. (470:)
25. Помогать детям делать домашнее задание.
26. Подбирать для детей статьи, которые они должны прочесть.
27. Обсуждать с детьми содержание прочитанных ими книг.
28. Заставить детей читать вам вслух.
29. На родительском собрании обсудить эту проблему с учителями, пусть они посоветуют книги для чтения детям.
30. Поощрять чтение в группах.
31. Купить ребенку хороший толковый словарь.
32. По возможности всегда отвечать на вопросы детей.
33. Купить хорошую детскую энциклопедию.
34. Вводить игры, где требуется знать как можно больше слов и нужна общая эрудиция.
35. Устроить в школах курсы быстрого и правильного чтения.
36. Проверить здоровье ребенка — возможно, он не может читать по объективным причинам.
37. Кроме карманных денег давать детям вознаграждение за каждую прочитанную книгу.

Алгоритм отбора релевантной информации

Практически каждый творческий акт влечет за собой ранее неизвестные пути определения и отбора информации, необходимой для достижения цели.

Обычно мы связываем понятие творчества с искусством и наукой, однако оно может и должно присутствовать и в обыденной жизни — начиная с распределения своих финансов таким образом, чтобы их хватило до конца месяца, и, кончая тем, как заставить учителя принять не вовремя сданную работу.

Задание. Отбор релевантной информации производится для поиска творческого решения испорченных отношений между супругами.

Условия. Давайте рассмотрим отношения супругов, которые явно нуждаются в совете. Жена жалуется, что муж проводит слишком много времени на работе. Она говорит, что если он ее действительно любит, то должен больше бывать дома. Муж

жалуется на то, что у него очень много работы и, чтобы справляться, он вынужден подолгу задерживаться на службе. Если жена любит его, она должна его понять. Существует много возможных путей постановки этой задачи. Супруги могут задаться вопросом: «А не подать ли нам на развод?»

Но возможны другие формулировки:

1) *Что нам сделать, чтобы больше времени проводить вместе?*

2) *Как доказать друг другу свою любовь?*

3) *Как мужу справляться со своими делами, проводя на работе все же меньше времени?*

4) *Как им научиться справляться с такой ситуацией в целом?*

5) *Действительно ли так важна для мужа эта работа?*

6) *Что может делать жена в отсутствие мужа, чтобы не чувствовать себя одинокой и обиженной?*

Подумав над задачей еще несколько минут, вы наверняка придумаете множество вариантов ее представления. Каждый раз, когда вы пересматриваете задачу, меняется и ваш взгляд на пути ее решения. Отбор информации, необходимой для достижения цели, зависит от того, насколько хорошо вы ориентируетесь в пространстве задачи. В данном случае вам придется узнать эту пару поближе.

Например. Предположим, вы узнаете, что жена — увлеченный художник. Тогда вы можете предложить ей заниматься искусством, чтобы не так остро чувствовать свое одиночество. Или, к примеру, если вам становится известно, что для мужа существует возможность поменять работу, вы именно это ему и посоветуете сделать.

Алгоритм «Плюс-минус-интересно»

Плюс-минус-интересно (ПМИ) — это план начала процесса решения задачи, предложенный де Боно. Когда вы ищете решение трудной задачи, единственное, что можно сделать, это перечислить все, что известно о задаче, и все вероятные ее решения (даже нереальные), а затем рассмотреть каждое — что в нем хорошо, что — плохо и что делает его интересным.

Идея этого метода состоит в том, что тщательное рассмотрение отдельных компонентов задачи, сопровождаемое подчеркиванием положительных сторон и устранением отрицательных, может помочь человеку найти новые решения.

То, что попало в категорию «интересно», несомненно, еще раз привлечет внимание человека и в результате приведет к рассмотрению новых альтернатив.

По сути, такой метод также представляет из себя план поиска информации, необходимой для решения, и, как все подобные стратегии, ведет к изучению сетей знаний.

Основные принципы

Несмотря на то, что все эти программы отличаются друг от друга, они основаны на некоторых общих принципах.

1. Обучать студентов искать разные пути достижения цели и затем выбирать наилучший.
2. Обеспечивать их достаточным количеством пособий и упражнений для выработки и тренировки творческих навыков.
3. Обучать их задавать необходимые вопросы и определять само наличие задачи.
4. Обучать их определять качество идеи по ее последствиям.
5. Вознаграждать оригинальные и полезные идеи, следя за тем, чтобы учащиеся получали удовольствие, прежде всего, от самого творческого процесса. Дать понять учащимся, что их идеи ценятся.
6. Предлагать учащимся находить решения в нестандартных ситуациях. Доказать важность проявления настойчивости при неудачах.

7. Предлагать учащимся составлять приблизительный план поиска решений. Учащиеся должны знать, какая релевантная информация хранится в их памяти, как к ней обращаться и каким образом переплетаются их знания в различных областях. Такой план должен включать в себя распознавание неизвестных фактов, поиск информации, выработку возможных решений, взгляд на задачу с различных точек зрения и переопределение целей.

8. Избегать слишком быстрого навешивания ярлыков, отнесения задачи к уже известной категории задач и поспешного принятия решения — подобное навешивание ярлыков приводит к косности и потере гибкости мышления.

Алгоритм «Список свойств»

Задание. При составлении списка свойств каждая характеристика и качество объекта или ситуации записывается, а потом по очереди исследуется на возможность модификации и рекомбинации. Попробуем пояснить эти действия на примере.

Например. Предположим, вы хотите приготовить на ужин нечто необычное. Вы хотите сделать что-то, чего никто в мире еще не пробовал. Что же для этого предпринять? Для начала можно составить список разнообразных продуктов:

- яйца
- сосиски
- печенье
- маринованные помидоры
- мясо
- шоколадный пудинг и т.д.

Напротив каждого продукта напишите его отличительные черты, такие как форма, консистенция, состав, цвет, запах, температура и т.д. Затем наугад составляйте пары из этих свойств — и вы придумаете новое блюдо. Думая о «мягком и мерцающем» желе и холодном мороженом, вы можете додуматься до замораживания желе или взбивания мороженого.

Тест «Свободные ассоциации»

Задание. Ниже приводится тест на способность к творчеству, основанный на наблюдении, что творческие люди способны соединять, казалось бы, несовместимые вещи. Испытуемым дают три слова и предлагают дописать четвертое, относящееся ко всем трем. Например, какое слово связано со словами:

Пример. ПРОИГРЫШ ВИНО ДОК

Можете ли вы придумать общее для них слово? (**Ответ** — сухой) Попробуйте решить несколько сходных задач:

ФУТБОЛ МАГНИТ ЧУДЕСА (**Ответ** - поле)

ПАР КОНЬ МЫСЛЬ (**Ответ** – стремительный)

Действительно ли люди, занимаясь творчеством, прибегают к свободным ассоциациям? Похоже, что такое случается. Изобретение Майкла Рейнолдса из Таоса, Нью-Мексико, является олицетворением этого типа мышления. Зная о высокой цене жилья и о свалке банок из-под кока-колы за городом, он, прибегнув к свободной

ассоциации, построил дом из алюминиевых банок. Для своего второго дома он наполняет банки водой, чтобы они, нагретые солнцем, могли его обогревать.

Логическая задача «Пять озер»

Сегодня на географии мы повторяли озера. Учитель нарисовал на доске пять озер. Около каждого поставил номер и дал такое задание: «Каждый из вас должен определить два озера, записать в тетрадке их номера и названия». Задание до звонка успели выполнить пятеро, к тому же каждый из них одно озеро определил верно, другое неверно.

Петя написал: №3 - Ладожское, №2 - Балхаш.

Коля написал: №1 – Байкал, №2 – Онежское.

Таня написала: №3 – Онежское, №5 – Байкал.

Майка написала: №2 – Балхаш, №4 – Иссык-Куль.

Сереза написал: №4 – Иссык-Куль, №1 – Ладожское

Составьте, пожалуйста, правильный перечень озер по номерам.

Алгоритм решения

Подготовка к решению

1. Вычертить график для решения задачи: разбить по вертикали прямоугольник на пять секторов, поставив напротив каждого из них имя ученика. Разбить по горизонтали прямоугольник то же на пять секторов, поставив напротив каждого из них порядковый номер.

2. В образовавшемся квадрате (своеобразной «шахматке»), заполнить каждую клеточку в соответствии с имеющейся у нас информацией.

Первый логический ход

Получилось, что в четвертом секторе по вертикали и по горизонтали сошлось только два ответа, причем каждый из учеников (Майка и Сереза) назвал одно озеро – Иссык-Куль. Если мы предположим, что их ответ неправильный, то это вступит в противоречие с условием задачи, так как в нем сказано, что четвертое кто-то или какие-то из учеников угадали. Стало быть, четвертый номер это – озеро Иссык-Куль.

Второй логический ход

Если Майка и Сереза правильно угадали под каким номером располагалось озеро Иссык-Куль, их ответы, в соответствии с условием, об расположении озер Ладожского и Балхаша – неверны. Мы их вычеркиваем.

Третий логический ход

В соответствии с логикой предыдущего логического шага получается, что ответ Пети по поводу нахождения Балхаша, который он определил как и Сереза под вторым номером, то же неверен. Вычеркиваем это озеро и у Пети. Значит, оставшееся Ладожское у Пети озеро расположено правильно под третьим номером.

Четвертый логический ход

Если Петя правильно определил местонахождение Ладожского озера под номером три, то тогда Танин неверный ответ будет расположен под этим же номером Онежского озера. Мы его тоже вычеркиваем.

Пятый логический ход

В таком случае, получается, что второй правильный ответ Тани это расположение озера Байкал под пятым номером.

Шестой логический ход

Следовательно, Коля правильно мог определить только Онежское озеро под номером два, а Байкал, который он расположил под номером один, мы вычеркиваем.

Седьмой логический ход (заключение)

В результате у нас получилось, благодаря использованию метода исключения, что озера располагались в следующем порядке:

- 1. Балхаш**
- 2. Онежское**
- 3. Ладожское**
- 4. Иссык-Куль**
- 5. Байкал**

Логическая задача «Зебра»

Задание. В пяти домах, расположенных в одну линию, живут люди разных национальностей. У каждого дома – свой цвет, у каждого владельца дома есть свое любимое животное, любимый напиток и своя манера курить.

Англичанин живет в красном доме.

Испанец держит собаку.

Швед живет в крайнем слева доме, рядом с синим домом.

Итальянец вообще не курит.

Француз пьет чай.

В центральном доме пьют молоко.

Тот, кто курит трубку, пьет апельсиновый сок.

Кофе пьют в зеленом доме, который расположен рядом с белым домом и слева от него.

Владелец кошки живет по соседству с любителем маленьких сигар.

Тот, кто курит большие сигары, держит попугайчиков.

Сигареты курит сосед владельца обезьяны.

Маленькие сигары курят в желтом доме.

Кто-то пьет коньяк.

Необходимо определить: *кому принадлежит зебра?*

Алгоритм решения

Для успешного решения этой задачи предлагается прибегнуть к линейному ее решению. Для этого на листе бумаге рисуется пять четырехугольников, которые будут символизировать дома. Слева направо присваиваем им порядковые номера: 1,2,3,4,5. Напротив крайнего слева дома мы произвольно записываем поочередно данные в условии задачи основания для деления. Предположим, в таком порядке: цвет, национальность, вид напитка, манера курить, домашнее животное. От каждого основания деления прочерчиваем горизонтальные линии. Получается прямоугольник, который разделен по горизонтали и по вертикали на пять секторов состоящих из 25 квадратиков. Во время последующего решения задачи мы правильные ответы поочередно вносим в соответствующие квадратики. Сигналом к окончанию задачи будет заполнение всех квадратиков, соответствующим содержанием и логическое расположение которых не будет противоречить условию задачи.

Первый логический ход.

Швед живет в крайнем слева доме, рядом с синим домом. Это первый дом. Значит рядом с ним второй дом, который синего цвета.

Второй логический ход.

В центральном доме, т.е. в третьем, так как в условии задачи дано пять домов, живет тот, кто пьет молоко.

Третий логический ход.

Кофе пьют в зеленом доме, который расположен рядом с белым домом и слева от него. Зеленый дом может быть только четвертым, т.к. слева от известных домов может быть только четвертый из них.

Потому что:

- Это не может быть первый дом, так как рядом с ним только синий дом.
- Это не может быть третий дом, так как слева от него будет то же синий дом.
- Это не может быть пятый дом, потому что в этом случае четвертым домом был бы белый, а слева от него уже пьют по условию задачи молоко!

Остается только четвертый дом, который зеленый и в котором пьют кофе. Следовательно, пятый дом – белый.

Четвертый логический ход.

Англичанин живет в красном доме. Это дом номер три, т.к. в первом доме живет швед, в синем, зеленом и белом он не может жить по условию задачи. Из этого так же следует, что дом, в котором живет швед - желтого цвета.

Пятый логический ход.

Маленькие сигары курят в желтом доме, следовательно, их курит швед.

Шестой логический ход.

Владелец кошки, живет по соседству с любителем маленьких сигар, т.е. со шведом. Это может быть, исходя из наших предыдущих рассуждений, только владелец второго дома, так как сосед шведа только один.

Седьмой логический ход.

Испанец держит собаку. Значит, собаки нет ни у шведа, ни у англичанина. Нет собаки и во втором доме, так как там хозяин держит кошку. Следовательно, собаку может держать испанец, а заодно и сам там жить – только в четвертом (зеленом) или пятом (белом) домах.

В свою очередь, француз может жить и пить чай только во втором и пятом домах. Возникает два варианта дальнейшего решения задачи (два хода наших рассуждений, т.е. суждений).

Первое - француз живет в 5-ом доме и тогда испанец живет в 4-ом доме.

Второе – француз живет во 2-ом доме и тогда испанец живет либо в четвертом, либо в пятом домах.

Одно из этих суждений истинное и третьего не дано, так гласит закон исключенного третьего.

Проверяем оба этих варианта.

Вариант первый.

Итак, предположим, что француз живет и пьет чай в пятом доме. Тогда, как уже было сказано выше, испанец должен жить только в 4-ом доме и держать там собаку.

Исходя из этого суждения, получается, что апельсиновый сок пьют и курят трубку. Получается, что во втором доме должен жить итальянец.

Но по условию задачи, итальянец вообще не курит! Следовательно, это наше решение (суждение) неверно. Остается только второй вариант решения. Проверим его в следующем логическом ходе.

Восьмой логический ход

Вариант второй

Предположим, что француз живет и пьет чай во 2-ом доме. Тогда тот, кто пьет апельсиновый сок и курит трубку должен жить в пятом доме, так, как нам уже известно,

что во 2,3,4-ом домах, соответственно, пьют чай, молоко, кофе. А в первом доме швед курит маленькие сигары, следовательно, поэтому он не может пить апельсиновый сок.

Продолжая наш ход размышления, выясняется, что в первом доме швед пьет коньяк, так, как нам уже известно, что во 2,3,4,5-ом домах, соответственно, пьют чай, молоко, кофе и апельсиновый сок.

Девятый логический ход.

Раз итальянец вообще не курит и нам уже известно, что в первом, втором и третьем доме соответственно живут швед, француз и англичанин, а в пятом некто кто курит трубку, получается, что он живет в четвертом доме.

Десятый логический ход.

Таким образом, нам стало известно, что в первом доме живет – швед, во втором – француз, в третьем – англичанин, в четвертом – итальянец. Следуя методу исключения, получается, что испанец, живет в пятом доме, где он и держит, как сказано в условии задачи, свою собаку.

Одиннадцатый логический ход.

Сигареты курит француз, так как итальянец вообще не курит, испанец курит трубку, швед – маленькие сигары. А большие сигары он по условию не может курить, так как человек курящий их держит попугайчиков, а француз держит кошку!

Двенадцатый логический ход.

Следовательно, большие сигары курит англичанин. Так, как нам уже известно, что швед курит маленькие сигары, француз – сигареты, итальянец не курит, испанец предпочитает курить трубку. По этой же самой причине, как следует из условия задачи, он, соответственно, держит попугайчиков.

Тринадцатый логический ход.

Обезьяну держит швед, так как сказано, что сигареты курит сосед владельца обезьяны. А он у шведа один – француз.

Четырнадцатый логический ход.

Таким образом, из нашего умозаключения следует, что зебру держит итальянец.

Методические рекомендации. Данное упражнение рекомендуется для темы «Искусство классификации», так как способ ее решения связан непосредственно с умением произвести классификацию по основаниям, которые указаны в условии задачи:

1. Цвет дома
2. Любимое животное
3. Любимый напиток
4. Своя манера курить
5. Национальность хозяина

Когда всё это будет «разложено по полочкам», т.е. классифицировано, выяснится, что на одной из «полочек» место животного пустует. Его и должна «занять» зебра. Правильный ответ: зебру держит итальянец, живущий в четвертом домике, который не курит, пьет кофе.

В целом же картина будет выглядеть таким образом.

1. В первом желтом доме слева живет швед. Он пьет коньяк, курит маленькие сигары, держит обезьяну.
2. Во втором синем доме живет француз. Он пьет чай, курит сигареты, держит кошку.
3. В третьем красном доме живет англичанин, который курит большие сигары, пьет молоко, держит попугайчиков.
4. В четвертом зеленом доме живет итальянец, который не курит, пьет кофе и держит зебру.
5. В пятом белом домике живет испанец. Он курит трубку, пьет апельсиновый сок, держит собаку.

Первый дом.

1. Дом желтого цвета

2. Живет в нем швед
3. Пьет коньяк
4. Курит маленькие сигары
5. Держит обезьяну

Второй дом

1. Дом синего цвета
2. Живет в нем француз
3. Пьет чай
4. Курит сигареты
5. Держит кошку

Третий дом

1. Дом красного цвета
2. Живет в нем англичанин
3. Пьет молоко
4. Курит большие сигары
5. Держит попугайчика.

Четвертый дом

1. Дом зеленого цвета
2. Живет в нем итальянец
3. Пьет кофе
4. Не курит
5. *Держит зебру*

Пятый дом

1. Дом белого цвета
2. Живет в нем испанец
3. Пьет апельсиновый сок
4. Курит трубку
5. Держит собаку

Упражнение на развитие гибкости мышления

«Контрольный список творческих идей»

Заставляя людей изменять готовый у них ответ, можно добиться повышения гибкости мышления.

Первый список. В одном из исследований, посвященных изучению эффективности применения списков для стимулирования творческого мышления, Дэвис и Роветон выдали студентам приведенный ниже перечень, озаглавленный как «Помощь при размышлениях об изменении физического состояния»:

- А. Прибавить или отнять что-нибудь.
- Б. Изменить цвет.
- В. Изменить материал.
- Г. Поменять местами части.
- Д. Изменить форму.
- Е. Изменить размер.
- Ж. Изменить внешний вид.

Задание. Студентам было дано задание: «Придумайте как можно больше вариантов, как изменить чертежную кнопку».

Второй список. Возможно, самым известным контрольным списком является обобщенный список, который можно применять в различных ситуациях. Вайтинг приписывает такой список Осборну:

Есть ли другое применение? Есть ли новые пути использования? Можно ли использовать в измененном виде?

Можно ли адаптировать? На что это похоже? На какие мысли это наводит? Что скопировать? Кому подражать?

Как изменить? Вывернуть наизнанку? Изменить назначение, цвет, движение, запах, форму? Изменить как-то еще?

Увеличить? Что прибавить? Продлить время работы? Увеличить частоту? Усилить? Удлинить? Сделать толще оболочку? Увеличить объем? Добавить ингредиенты? Удвоить? Умножить? Преувеличить?

Уменьшить? Что заменить? Сжать? Скопировать в миниатюре? Сделать ниже? Короче? Легче? Пренебречь? Упростить? Разделить? Укрыть от глаз?

Заменить? Кем заменить? Чем заменить? Другой ингредиент? Другой материал? Другую процедуру? Другую энергию? Другое место? Другой подход? Другую интонацию голоса?

Переставить? Поменять местами компоненты? В другом порядке? В ином плане? В другой последовательности? Поменять местами причину и следствие? Изменить длину шага? Изменить расписание?

Сделать наоборот? Поменять плюс на минус? А как насчет оппонентов? Повернуть назад? Перевернуть кверху ногами? Поменяться ролями? Сменить стиль на противоположный? Сменить тон на противоположный? Подставить другую щеку?

Совместить? Как насчет смеси, сплава, ассорти, ансамбля? Совместить части? Совместить предложения? Совместить идеи?

Задание. Дается произвольно. Желательно, использовать хорошо известные явления, события, предметы, чтобы помочь взглянуть на них под другим углом зрения. Холодильник, телевизор, СМИ, автомобиль, дискуссия, любовь, совесть, честь, государство и т.п.

Третий список. Несмотря на то, что существует много подобных списков, третьим наилучшим можно назвать список Парнса, который советует при поиске новых идей задавать себе следующие наводящие вопросы:

1. Каково искомое состояние объекта?
2. На каких людей и/или группы воздействовать?
3. Каковы необходимые затраты?
4. Применимы материальные ценности (материалы, оборудование и т.д.)?
5. Существуют ли моральные, или правовые ограничения?
6. Какие нематериальные стимулы следует учесть? (мнения, отношения, чувства, ценностные ориентации и т.д.)?
7. Не приведет ли это к новым задачам?
8. Какие могут возникнуть сложности в дальнейшем? Что в таком случае потребуется?
9. Какими могут быть последствия неудачи?
10. Каковы сроки? И т.д.

Задание. Произвольное, аналогичное предыдущему.

Предполагаемые риски. Несмотря на то, что конечной целью использования контрольных списков творческих идей является создание новых идей, **они (списки) могут ограничивать мышление. Принимая во внимание только данные списка, можно упустить из виду другие идеи, не входящие в него.**

Все мы когда-либо переживали состояние «ступора», когда на ум не приходит ни одна стоящая мысль. Вот именно в такие моменты и помогут предлагаемые списки. Можно быстро пробежаться глазами по всем предложенным пунктам, и мысли возобновят свое течение. Для поиска нужных сведений лучше всего обращаться к разным видам источников информации.

Практическая работа:

«Конструирование иной смысловой реальности»

Ключевые понятия:

Рациональное мышление – способность человека формировать конкретные представления о материальном мире, руководствуясь законами и правилами формальной логики для решения сугубо практических задач своей деятельности.

Иррациональное мышление - способность человека формировать абстрактные представления о материальном мире, для решения прогностических задач своей деятельности.

Двухмерное мышление – способ познания, основанный на современных представлениях о пространстве и времени как явлениях, не подлежащих интерпретации.

Линейное мышление – способ познания, предполагающий последовательность перехода от фактов (аргументов), к определенному выводу, с помощью законов формальной логики.

Многофункциональное или многовекторное мышление – способ познания, предполагающий многовариантность выстраивания вектора исследования с использованием линейного, художественно-образного и интуитивного мышления.

Искусственный интеллект – организация мыслительной деятельности человека на основе двухмерного линейного мышления.

Природный интеллект – организация мыслительной деятельности человека, основанной на врожденной многофункциональности его мышления.

Утилитарный смысл понятия - содержание, которое направлено на определение конкретных, материальных качеств предметов, явлений, которые являются объектами в рациональной деятельности человека.

Духовных смысл понятия – содержание, которое направлено на определение абстрактных свойств предметов, явлений, которые являются объектами в их иррациональной деятельности.

Рациональная реальность – материальная, видимая и непосредственно осязаемая основными органами чувств человека, как правило, обозначаемая им с помощью конкретных понятий.

Иррациональная реальность – не осязаемая непосредственно органами чувств человека, как правило, обозначаемая им с помощью абстрактных понятий.

Конструирование иррациональной реальности – процесс перевода конкретного содержания понятия в абстрактное, который позволяет находить иные векторы движения и развития мышления.

1. Конструирование иной смысловой (содержательной) реальности понятий

Понятие – форма мышления, в которой на основе существенных признаков обобщаются в некоторый класс и выделяются (обозначаются) предметы (А.Д.Гетмонова). Под предметами в формальной логике понимаются – материальные объекты, их качества, действия и свойства, события и явления.

Шаг первый: Перевод конкретного понятия в абстрактное

Простые понятия:

Квадрат - квадратный.

Дерево - деревянный.

Человек - человеческий.

Шаг второй: Операция конкретизации абстрактного понятия

Советь - совестливый человек.

Красота - красивый (ая, ое и т.п.) дом.

Добро - добрая (ый, ое и т.п.) женщина.

Шаг третий: Расширение содержания понятий с помощью соединения конкретных и абстрактных понятий

В данном случае расширение содержание понятия может уже рассматривать как процесс конструирования **иной смысловой реальности.**

Конкретное (утилитарное предназначение) - абстрактное (духовное)
ЧЕЛОВЕК СОВЕСТЬ

Абстрактное понятие
СОВЕСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Конкретное (утилитарное предназначение) - абстрактное (духовное)
ДЕРЕВО КРАСОТА

Абстрактное понятие
КРАСИВОЕ ДЕРЕВО

Конкретное (утилитарное предназначение) - абстрактное (духовное)
СОБАКА ДОБРО

Абстрактное понятие
ДОБРАЯ СОБАКА

Шаг четвёртый: Расширение содержания понятий с помощью соединения абстрактных понятий:

Абстрактное
КИСЛЫЙ

Абстрактное
СЛАДКИЙ

Абстрактное
ВКУС

Абстрактное понятие
КИСЛО-СЛАДКИЙ ВКУС

Шаг пятый: Расширение содержания понятий с помощью соединения понятий (абстрактных и конкретных) противоположных по смыслу:

Абстрактное
ЖИВОЙ

Конкретное
ТРУП

Абстрактное
ЖИВОЙ ТРУП

Абстрактное
МЁРТВЫЙ

Абстрактное
ДУША

Абстрактное
МЁРТВЫЕ ДУШИ

Шаг шестой: *Расширение содержания понятий с помощью соединения понятий (абстрактных и конкретных) далёких по смыслу:*

Конкретное
ЗВЁЗДЫ

Конкретное
ТЕАТР

Абстрактное
ТЕАТР ЗВЁЗД

Шаг седьмой: *Расширение содержания понятия с помощью трехуровневого анализ слова* (апеллирование к ассоциативному, образному и понятийному мышлению человека).

2. Трехуровневый анализ понятия

Алгоритм:

а) Уровень подсознания. Определение понятия на ассоциативном уровне с помощью апеллирования к подсознанию в виде интуиции (если это запах, если это дерево, если это река, если это цвет и т.п.)

б) Художественно-образный уровень. Определение понятия на художественно-образном уровне. Формируется из возникнувшего до этого на уровне подсознания ассоциативного ряда.

в) Понятийный уровень. Определение понятия с помощью абстрактного мышления. Используется технология явного определения (классического) содержания понятий (через род и видовые признаки), на основе наивного этимологического анализа, т.е. расчленения понятия на составные части (приставку, корень, суффиксы и т.п.) и угадывание принадлежащего им первоначального смысла.

Пример первый. Дано понятие «верхозгляд»

а) Уровень подсознания (интуитивные ощущения, первые ассоциации): легкое, мимолетное, мгновенное, неуловимое

б) Уровень художественно-образный: высоченный худой человек, передвигающийся на ходульных ногах

в) Понятийный, логический уровень: человек, не вникающий в суть, строящий свои суждения на основе поверхностного (видимого) взгляда на вещи.

Пример второй. Дано понятие «воспитание»

а) Уровень подсознания. Определение понятия «воспитание» на ассоциативном уровне с помощью апеллирования к подсознанию в виде интуиции (если это запах, если это дерево, если это река, если это цвет и т.п.)

б) Художественно-образный уровень. Определение понятия «воспитание» на художественно-образном уровне. Формируется из возникнувшего ассоциативного ряда:

если это человек – стройная девушка со светлыми волосами, которая может прилететь на зонтике в грозу и спасти от страха; или это – женщина средних лет с правильными, но «железными» чертами лица (домомучительница, снежная королева и т.п.), главное слово в устах которой «нельзя» и «надо».

в) Понятийный уровень. Определение понятия «воспитание» с помощью абстрактного мышления. Понятие состоит из корня «питание» и частицы (приставки?) «вос».

Частица «вос» обозначает направление движения в вверх, в небо (восход, воспламенился, восхождение и т.п.).

1. Корень «питание» - может быть неким продуктом способствующим насыщению организма.

Как правило, когда речь идет о животном мире, в котором под «организмом» понимается некий биологический организм. Когда речь идёт о человеке, который единственный из всех биологических видов способен с помощью абстрактного мышления обозначать видимые предметы, явления, события с помощью понятий (слов или их сочетанием), то есть конструировать интеллектуальную реальность и параллельно с биологической жизнью осуществлять в ней (интеллектуальной реальности) духовную жизнь, то у «питания» появляется ещё один и более точный смысл – духовная пища или пища способствующая насыщению нашей души и разума.

2. Корень «питание» - может означать процесс усвоения пищи. И уже по аналогии у человека это может быть с одной стороны процесс, который способствует поддержанию биологической деятельности организма, а с другой, процесс способствующий поддержанию духовной жизни человека.

Исходя из вышесказанного содержание понятия «воспитание» может быть определено как *одновременный (взаимно обуславливающий) биологический и духовный процесс, направленный на восхождение человека на более высокий уровень своего биологического и духовного развития.* Другими словами «воспитание» это процесс, способствующий восхождению человека ввысь, возможно, в небо.

Даны понятия:

1. Подколотный
2. Вольница
3. Марсель
4. Амазонки
5. Равнодушный
6. Воробей.

3. Конструирование (моделирование) посредством понятий в суждениях иной смысловой (содержательной) реальности

Суждения – форма мышления, в которой что-либо утверждается или отрицается о существовании предметов, о наличии или отсутствии у них каких-то свойств, о состоянии, виде деятельности или отношениях между предметами (А.Д.Гетмонова). Суждения бывают истинными или ложными.

Виды простых суждений

1. **Суждения свойства** (атрибутивные). В суждениях этого вида утверждается или отрицается принадлежность предмету известных свойств, состояний, видов деятельности. Например, «У розы приятный запах», «Всякая кавказская овчарка – собака» и т.п.

2. **Суждения отношения.** В этих суждениях говорится об отношениях между предметами. Например, «Всякий протон тяжелее электрона», «Отцы старше своих детей» и т.п.

3. **Суждения существования** (экзистенциальные). В них утверждается или отрицается существование предметов (материальных или идеальных) в действительности. Например, «Существуют атомные ледоколы», «Не существует беспричинных явлений» и т.п.

Мы в своем исследовании будем выделять кроме этих видов конкретные и абстрактные суждения.

Конкретные суждения – объясняющие, при помощи линейного мышления, утилитарное значение предметов.

Абстрактные суждения – объясняющие, при помощи апелляции к понятийному, художественно-образному мышлению и интуиции, духовную суть предметов.

Логический парадокс: «Я лгу».

1. Я в этот момент говорю неправду.

2. Я в этот момент говорю правду (о том, что говорю неправду).

3. **Технология преодоления линейности мышления в суждении через конструирование загадки.**

1.Задание. Тренер зачитывает ученикам (студентам) ту часть художественного определения, в которой не указывается, что определяется. Участники должны отгадать, какое понятие в них «зашифровано». Далее индивидуально или в ходе эвристической беседы учащиеся объясняют, почему тот или иной смысл был заложен в конкретное определение писателем или учёным.

Жизнь – это

... величественное, неукротимое движение ко всеобщему счастью (М.Горький).

... Нет науки, которой было бы труднее овладеть... (М.Монтень).

... Её истинным стимулом является завтрашняя радость (А.С.Макаренко).

... Это ему тем больше доставляет удовольствие, чем выше человек по умственному и нравственному развитию (А.П.Чехов).

Да будет *это* для всех других отрадой.

Дари себя другим, как гроздья винограда.

Но если нет в тебе такой больной души –

То маленькая пусть сияет, как лампада.

(Хисроу).

...Это ни благо, ни зло: вместилище и блага, и зла... (М.Монтень).

... Это не зрелище и не праздник, а трудное занятие (Дж.Сантаяна).

... Делать это значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать (В.Г.Белинский).

... Как ты бережешь это у себя, так ты берешь это у других (Из жизни Викрамы).

... Кто этого не ценит, тот этого не достоин (Леонардо да Винчи).

... Ничего люди не желают больше сохранить и ничего между тем меньше не берегут...

(Ж.Лабрюйер)

Здоровье – это

... То, что никогда не может потерять своей цены в глазах человека (Н.Г.Чернышевский).

... Обладающий этим человек - самое драгоценное произведение природы (Т.Карлейль).

... Это единственная красота, которую я знаю (Г.Гейне).

...Это дает самое лучшее счастье – чувствовать себя в конце жизни, чем в начале (Торо).

...Тот, кто крепок телом, может терпеть и жару, и холод. Тот, кто этим обладает душевно, в состоянии перенести и гнев, и горе, и радость и остальные чувства (Эпиктет).

... Ночная бабочка летит на огонь, не зная боли ожога; и рыба глотает червяка на удочке, не зная опасности; а вот человек не расстается с чувственными наслаждениями, хотя отлично знает, что опутаны сетью бедствий (Индийская мудрость)

... Нега, излечение и неумеренное чувств услаждение губят и тело и дух (А.Н.Радищев).

... Каждое обретение вновь этого, есть возвращение или возрождение нашей молодости; мы любим землю и её обитателей с обновленным сердцем (Жан Поль).

... Нехорошо болеть, еще хуже умирать, а болеть и умирать с мыслью, что ничего не остается после тебя на свете, хуже всего (В.Г.Белинский).

... Это всему голова (М.А.Шолохов).

... Это главное жизненное благо (Я.Корчак)

Образ это...

... То, что ставит перед нашим взором вместо абстрактной сущности конкретную ее реальность (Н.В.Гоголь).

... форма отражения действительности (Сл. лит. терминов).

... это то, что выполняет познавательные, коммуникативные, эстетические, воспитательные функции ... (Сл. лит. терминов).

... это одно из средств познания и изменения мира... (Сл. лит. терминов).

... это синтетическая форма отражения и выражения чувств, мыслей, стремлений, эстетических переживаний ... (Сл. лит. терминов).

... Это результат одновременного процесса поглощения предмета художником и художника предметом ... (Сл. лит. терминов).

... сплав объективных отражений явлений жизни и субъективных открытий... (Сл. лит. терминов).

... это то, что всегда индивидуально, а, значит, всегда являет из себя открытие нового (Сл. лит. терминов).

... это то, что неисчерпаемое как жизнь ... (Сл. лит. терминов).

... познание этого позволяет жизни человека «умножаться на бесконечность» (Гете).

... первая заслуга *этого* в том, что через его познание умнеет все, что может умнеть. ...Кроме наслаждения, кроме форм для выражения мыслей и чувств, *это* дает и самые формулы мыслей и чувств (А.Н.Островский).

... результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании людей (Сов. энциклоп.сл.)

... это наши ощущения, восприятие, представление и понятия об окружающем мире, выраженные в определенной форме нашей жизнедеятельности (Собств.)

В заключение занятия участники выбирают из предложенных определений понятий «жизнь», «здоровье», «образ» по одному наиболее для них приемлемых для своего мировосприятия и конструируют собственное определение понятию «здоровый образ жизни».

Задание. Дать собственное определение, продолжив суждение: «Здоровый образ жизни – это...».

Шаг второй: Прояснение логической структуры загадки

а) Дана загадка: *Сто одежек и все без застёжек*

Отгадка: *капуста*

б) Реконструкция суждения: *Капуста – это сто одежек и все без застёжек.*

в) Рефлексия: *Значит, загадка представляет собой определяемую часть суждения в форме неявного определения понятия.*

Шаг третий: **Конструирование загадки как один из способов конструирования иной смысловой (содержательной) реальности в суждении** (технология выполнения, как правило, связана с конструированием иррациональной реальности определяющей

части для конкретных понятий, и, наоборот, стремящейся к рационализации для абстрактных понятий).

а) Даны конкретные понятия: *тапочки, звезды, мобильный телефон*. Придумать к ним определяющую часть (загадку)

б) Даны абстрактные понятия: *зло, добро, совесть*. Придумать к ним определяющую часть (загадку).

4. Логическая операция моделирования из утилитарного (конкретного) суждения духовного (абстрактного, многозначного, многомерного).

МЁРТВЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕ РАЗГОВАРИВАЕТ

Шаг первый: *Формулирование проблемы*

Данное конкретное (утилитарное) суждение ограничивает духовное понимание содержание понятия, сводя его лишь к материалистическим представлениям. Это означает, что для того чтобы расширить свои представления о нём необходимо сконструировать иную (иные) смысловую (ые) реальность (сти).

Шаг второй: *Определение утилитарного (конкретного) содержания понятий, входящих в состав суждения* (Осуществляется посредством явного, т.е. классического определения).

Мёртвый – состояние биологического организма, характеризующееся полным прекращением в нём жизненных функций.

Человек – млекопитающая биологическая особь, обладающая способностью свои представления преобразовывать с помощью абстрактного мышления. Или – биологический вид, обладающий способностью абстрактного мышления. И т.п.

Не разговаривает – прекращение функций вербальной и невербальной коммуникации. И т.п.

Шаг третий: *Расширение содержания понятий с помощью объединения в одну смысловую единицу нескольких.*

Мертвый человек – биологическая особь, организм которой полностью прекратил выполнять свои жизненные функции, вследствие чего утратил способность к абстрактному мышлению.

Шаг четвёртый: *Определение духовного (абстрактного) содержания понятий, входящих в состав суждения* (Осуществляется посредством неявного, т.е. художественно-образного, философского и т.п. определений).

Мёртвый – утративший способность чувствовать, сочувствовать и сопереживать, т.е. воспринимать других как живых. И т.п.

Человек – существо, способное материальные условия своего существования преобразовывать в духовные, то есть, находить в биологическом своём существовании иные смыслы, с помощью абстрактного мышления.

Не разговаривает – потому что говорить, это значит делиться с кем-то искренне своими мыслями и чувствами, искать взаимопонимания, сочувствия. «Не разговаривает», потому что этот человек неспособен к этому. Т.е. он неспособен искренне делиться своими мыслями, чувствами.

Шаг пятый: *Расширение содержания понятий с помощью объединения в одну смысловую единицу нескольких.*

Мертвый человек – утративший способность чувствовать, сочувствовать и сопереживать, поэтому он не способен материальные условия своего существования преобразовывать в духовные, то есть, находить в биологическом своём существовании иные смыслы, кроме материального существования.

Шаг шестой: *Определение ключевых понятий в утилитарных (явных, классических) и духовных (абстрактных, неявных) определениях понятий, входящих в состав суждения*

В качестве ключевых понятий нами понимаются те, которые являющиеся субъектами (S) суждений, в которых сосредоточена основная смысловая нагрузка.

1. Утилитарные (явное) определение содержания понятий

Мертвый человек – биологическая особь, организм которой полностью прекратил выполнять свои жизненные функции, вследствие чего утратил способность к абстрактному мышлению.

Не разговаривает – прекращение функций вербальной и невербальной коммуникации

Утратил способность к абстрактному мышлению – **первое ключевое понятие.**

Прекращение функций коммуникации - **второе ключевое понятие.**

2. Духовное (неявное) определение содержания понятий

Мертвый человек – утративший способность чувствовать, сочувствовать и сопереживать, поэтому он не способен материальные условия своего существования преобразовывать в духовные, то есть, находить в биологическом своём существовании иные смыслы, кроме материального существования.

Не разговаривает – потому что говорить, это значит делиться с кем-то искренне своими мыслями и чувствами, искать взаимопонимания, сочувствия. «Не разговаривает», потому что человек неспособен к этому. Т.е. он не способен искренне делиться своими мыслями, чувствами.

(Человек) утративший способность находить в биологическом своём существовании иные смыслы – **первое ключевое понятие.**

(Человек) неспособный искренне делиться своими мыслями, чувствами – **второе ключевое понятие.**

Шаг седьмой: *Перевод утилитарного (конкретного, линейного) содержания суждения в духовное (абстрактное, многомерное, многозначное) содержание (Выполняется с помощью соединения ключевых понятий, определенных в неявных и явных определениях понятий, входящих в состав суждения).*

Под суждением «МЁРТВЫЙ ЧЕЛОВЕК НЕ РАЗГОВАРИВАЕТ» может подразумеваться человек, который утратил способность находить в биологическом своём существовании иные смыслы с помощью абстрактного мышления, поэтому он не способен сочувствовать, сопереживать, т.е. «по-человечески» разговаривать с другими людьми. С этой точки зрения, он – ЖИВОЙ ТРУП.

5. Логическая операция моделирования из духовного (философского, абстрактного, многозначного, многомерного) суждения утилитарного (конкретного, линейного)

РАЗУМ ВСЕГО ЛИШЬ ВНУТРЕННОСТЬ СЕРДЦА (Ф.Ницше «Как говорил Заратустра)

Шаг первый: *Формулирование проблемы*

Утилитарный смысл этого суждения – неясен. Для того, чтобы прояснить его смысл, необходима конкретизация духовного содержания. Это означает, что необходимо сконструировать иную смысловую реальность.

Шаг второй: *Определение духовного (абстрактного) содержания понятий, входящих в состав суждения (осуществляется посредством неявного, т.е. художественно-образного, философского и т.п. определений).*

Разум – то, что организует мыслительную деятельность человека. И т.п.

Внутренность – сущность, скрытая от посторонних глаз, невидимая и, возможно, потаенная от другого человека. И т.п.

Сердце – психологический орган, отвечающий за чувственную деятельность человека

- где сосредоточены душа и чувства человека. И т.п.

Шаг третий: *Расширение содержания понятий с помощью объединения в одну смысловую единицу нескольких*

Абстрактное

ВНУТРЕННОСТЬ

Абстрактное

СЕРДЦЕ

Абстрактное

ВНУТРЕННОСТЬ СЕРДЦА

Внутренность сердца – потаенная (тайная) душевная, деятельность человека, основанная на его чувствах. Или потаённые чувства. И т.п.

Шаг четвёртый: *Определение утилитарного (линейного) смысла понятий, входящих в состав суждения (Осуществляется посредством явного, т.е. классического определения).*

Разум – психофизический орган, отвечающий за организацию мыслительных процессов, посредством которых регулируется поведение человека

Внутренность - органическая система, с помощью которой осуществляется деятельность биологического организма.

Сердце - биологическая механизм, (предсердия, желудочки, клапан и т.п.) с помощью которого осуществляется циркуляция крови в организме, например, человека.

Шаг пятый: *Расширение содержания понятий с помощью объединения в одну смысловую единицу нескольких понятий.*

Конкретное

ВНУТРЕННОСТЬ

Конкретное

СЕРДЦЕ

Конкретное

ВНУТРЕННОСТЬ СЕРДЦА

Внутренность сердца - органическая система, обеспечивающая деятельность внутреннего биологического органа, осуществляющего циркуляцию крови в организме человека.

Шаг шестой: *Определение ключевых понятий в утилитарных (явных, классических) и духовных (абстрактных, неявных) определениях понятий, входящих в состав суждения.*

1. Утилитарные (явные) определения содержания понятий

Разум – психофизический орган, отвечающий за организацию мыслительных процессов, посредством которых регулируется поведение человека. Т.е. Разум - регулирующий.

Внутренность сердца - органическая система, обеспечивающая деятельность внутреннего биологического органа, осуществляющего циркуляцию крови в организме человека

2. **Духовные (неявные) определения содержания понятий**

Разум – то, что организует мыслительную деятельность человека.

Внутренность сердца – потаенная (тайная) душевная, деятельность человека, основанная на его чувствах, определяющая его поведение. Или потаённые чувства, определяющие поведение человека.

Шаг седьмой: *Перевод духовного (абстрактного, многомерного, многозначного) содержания суждения в утилитарное (конкретное, линейное) или конкретизация духовного содержания суждения, с целью прояснения его смысла (выполняется с помощью соединения ключевых понятий, определенных в неявных и явных определениях понятий, входящих в состав суждения).*

- Разум всего лишь регулирующий чувств, которые определяют поведение человека.

И т.п.

Вывод

В результате проделанных логических операций нами были сконструированы из утилитарных и духовных суждений иные смысловые реальности, количество и качество которых зависит от понятийного, художественно-образного и интуитивного мышления индивидов, производящих моделирование.

6. Конструирование иной смысловой (содержательной) реальности умозаключения

Умозаключение – форма мышления, в которой из одного или нескольких суждений с необходимостью следует новое суждение, имеющее форму вывода (заключения).

Силлогизм – одна из разновидностей умозаключений, в котором из двух категорических суждений следует с необходимостью вывод.

Пример, простого категорического силлогизма:

Все люди смертны.

Кай – человек.

Значит, Кай – смертен.

Шаг первый: *формулирование проблемы.*

Данное конкретное (утилитарное) суждение ограничивает духовное понимание содержание понятия, сводя его лишь к материалистическим представлениям. Это означает, что для того чтобы расширить свои представления о нём необходимо сконструировать иную (иные) смысловую (ые) реальность (сти).

Шаг второй: *Определение утилитарного (линейного) смысла понятий, входящих в состав первого суждения (Осуществляется посредством явного, т.е. классического – через род и видовые признаки - определения).*

Дано суждение: *Все люди смертны.*

Суждение состоит из двух понятий:

- люди,
- смертны (подвержены смерти)

Люди (человечество, человек) – биологический вид млекопитающихся, населяющий планету Земля, прямоходящий, питающийся преимущественно растительной и животной пищей, в процессе жизнедеятельности объединяющийся в социальные сообщества, умеющие коллективно и индивидуально осмысливать свои поступки.

Подверженные смерти (смертные) – биологические организмы, которые в силу как естественных так и неестественных причин прекращают материальное существование, что сопровождается его распадом на элементарные частицы, которые становятся органическим материалом для других форм жизни на Земле.

Шаг третий: *Определение духовного (абстрактного, нелинейного) содержания понятий, входящих в состав первого суждения.*

Люди (человечество, человек) – существа, способные в процессе своего материального существования в объективно существующей реальности, создавать посредством мыслительной деятельности индивидуальную и коллективную иррациональную (духовную) реальность, определяющую ценности и нормы поведения их жизнедеятельности.

Подверженные смерти (смертные) – признающие только нормы и ценности связанные с материальным существованием, что приводит:

- к прекращению их нравственной ориентации (после меня хоть потоп!) в человеческом обществе,
- утрачивается способность формирования иррациональной реальности,
- жизненные смыслы сводятся к оперированию только конкретными понятиями,
- начинается распад духовного «организма», который прекращает своё существование задолго до распада материального.

Смертные это те, кто не способен формировать иррациональную реальность, так как не в состоянии понять даже с помощью абстрактного мышления, что смерть в духовном смысле не абсолютна.

Шаг четвёртый: *Определение утилитарного (линейного) смысла понятий, входящих в состав второго суждения (Осуществляется посредством явного, т.е. классического определения).*

Дано суждение: *Кай – человек.*

Кай – имя одного из людей, которое позволяет отличать его от других индивидов во время непосредственного или опосредованного общения.

Человек – см. в шаге втором определение понятия *люди*. То же самое, только в единственном числе.

Шаг пятый: *Определение духовного (абстрактного, нелинейного) содержания понятий, входящих в состав второго суждения.*

Кай – сказочный персонаж, часть иррациональной реальности, созданной определенным человеком с помощью абстрактного мышления.

Человек – см. в шаге третьем определение понятия *люди*. То же самое только в единственном числе.

Шаг шестой: *Определение ключевых понятий в утилитарных (явных, классических) и духовных (абстрактных, неявных) определениях понятий, входящих в состав суждений из которых конструируется смысловая реальность умозаключения (ключевые понятия выделяются в суждениях подчеркиванием).*

Утилитарные (явные) определения содержания понятий

Первое суждение: *«Люди смертные».*

Люди (человечество, человек) – биологический вид млекопитающихся, населяющий планету Земля, прямоходящий, питающийся преимущественно растительной

и животной пищей, в процессе жизнедеятельности объединяющийся в социальные сообщества, умеющие коллективно и индивидуально осмысливать свои поступки.

Смертные (подверженные смерти) – биологические организмы, которые в силу как естественных, так и неестественных причин прекращают материальное существование, что сопровождается их распадом на элементарные частицы, которые становятся органическим материалом для других форм жизни на Земле.

Второе суждение: «Кай человек».

Кай – маленький мальчик, вымышленный персонаж сказки «Снежная королева».

Человек – см. в шаге втором определение понятия *люди*. То же самое, только в единственном числе.

Духовное (неявное) определение содержания понятий

Первое суждение: «Люди смертные».

Люди (человечество, человек) – существа, способные в процессе своего материального существования в объективно существующей реальности, создавать посредством мыслительной деятельности индивидуальную и коллективную иррациональную (духовную) реальность, определяющую ценности и нормы поведения их жизнедеятельности.

Подверженные смерти (смертные) – признающие только нормы и ценности связанные с материальным существованием, что приводит:

- к прекращению их нравственной ориентации (после меня хоть потоп!) в человеческом обществе,
- утрачивается способность формирования иррациональной реальности,
- жизненные смыслы сводятся к оперированию только конкретными понятиями,
- начинается распад духовного «организма», который прекращает своё существование задолго до распада материального.

Смертные это те, кто не способны формировать иррациональную реальность, так как не в состоянии понять даже с помощью абстрактного мышления, что смерть в духовном смысле не абсолютна.

Второе суждение: «Кай человек».

Кай – иррациональная реальность, созданная автором сказки «Снежная королева» с помощью абстрактного мышления.

Человек – см. в шаге третьем определение понятия *люди*. То же самое только в единственном числе.

Шаг седьмой: *Перевод содержания первого и второго утилитарных суждений (конкретных, линейных), входящих в состав умозаключения, в духовное (абстрактное, многомерное, многозначное) содержание.* Выполняется с помощью соединения ключевых понятий, прежде всего, определенных в неявных определениях понятий, входящих в состав суждения. Но перевод утилитарного содержание в духовное, может осуществлять и за счёт произвольного соединения ключевых понятий утилитарных с духовными, если это только будет делаться не в ущерб духовному содержанию.

1. Все люди (умеющие коллективно и индивидуально осмысливать свои поступки, способные создавать индивидуальную и коллективную иррациональную, духовную реальность) смертны (прекращают материальное существование, не способны формировать иррациональную реальность).

Т.е. все люди способны создавать индивидуальную и коллективную иррациональную реальность, прекращают своё духовное существование, когда утрачивают способность формировать иррациональную реальность.

2. Кай (сказочный персонаж, иррациональная реальность) - человек (умеющие коллективно и индивидуально осмысливать свои поступки, способные создавать индивидуальную и коллективную иррациональную, духовную реальность).

Т.е. Кай, являющийся иррациональной реальностью, способен создавать индивидуальную и коллективную иррациональную, духовную реальность.

Шаг восьмой: *Конструирование из духовного (абстрактного, многомерного, многозначного) содержания суждений, входящих в состав умозаключения, новой иррациональной смысловой реальности. Выполняется согласно правилам термина и посылок в силлогизме.*

Все люди способные создавать индивидуальную и коллективную иррациональную реальность, прекращают своё духовное существование, когда утрачивают способность формировать иррациональную реальность.

Кай, являющийся иррациональной реальностью, он способен создавать индивидуальную и коллективную иррациональную, духовную реальность (в душах людей).

Кай – прекратит своё духовное существование, когда утратит способность формировать иррациональную реальность (в душах людей).

P.S. Вывод полученный нами в результате конструирования иной смысловой реальности (духовной) из утилитарного умозаключения может показать для человека, мыслящего только линейно, странным. Но на самом деле в нём нет никакой странности. Любой литературный герой – иррациональная реальность, созданная человеком. Он является её носителем и после физической смерти писателя. Уже вне зависимости от него, самостоятельно, он несёт новым поколениям людей идеалы и ценности, которые могут быть востребованы человечеством вечно, очень продолжительное время или забыты, как говорится, на завтра. Примеров такой «духовной смерти» литературных героев, увы, не мало. Кто сегодня знает, например, героев стихов поэта Демьяна Бедного, которые были так же широко известны в свое время как лирические герои стихов Владимира Маяковского и Сергея Есенина. Кай в этом смысле тоже может быть «смертен». Но пока он «жив» и конструирует иррациональную реальность в душах миллионов людей, преимущественно, детей, являясь носителем идеала добросердечия, которое способно «растопить лёд» в сердце самых чёрствых людей.

Заключение

Предложенная нами методика конструирования иной смысловой реальности понятий, суждений, умозаключений не является «точкой» в исследовании многовекторности человеческого мышления. Скорее, это - многоточие...

Особо хотелось бы подчеркнуть то, обстоятельство, что варианты полученных результатов не абсолютны и не могут быть таковыми. В том-то и заключается смысл конструирования, что даже если несколько людей придут в ходе индивидуального конструирования иной смысловой реальности примерно к одному и тому же смысловому результату, в конечном итоге, у каждого из них всё равно будет своя смысловая реальность, т.е. отличная от других.

Но результат может быть и совершенно противоположным, все зависит от индивидуальности человека, от его психофизических особенностей его личности, от ценностных установок, от интеллектуального, художественно-образного, интуитивного уровней развития мышления и, возможно, ещё от каких-то неизвестных нам индивидуальных обстоятельств физиологического и духовного развития человека.

Например, вывод классического силлогизма «Кай - смертен» в духовной интерпретации мог звучать **«Кай подвержен духовной смерти, которая может наступить раньше, чем физическая»**. И это не последний вариант.

Научные подходы выработанные нами в ходе эксперимента, позволяют поставить вопрос о бесконечности, с теоретической точки зрения, конструирования иной смысловой реальности.

Мы остановились на моделировании иной смысловой реальности с помощью нескольких суждений, из которых с необходимостью следует вывод. А если бы мы с вами усложнили задачу и попробовали тоже сделать, например, с помощью нескольких умозаключений, когда они выступали бы в роли посылок? Совершенно ясно, что из них с необходимостью будет проистекать новое суждение или новое умозаключение. А если их, в свою очередь соединить между собой? Не произойдет ли то же самое?

В этом смысле процесс конструирования иной смысловой реальности может быть даже линейно бесконечен. А теперь представьте себе, что этот процесс, одновременно, будет протекать в разных направлениях!

Упражнение «Поэтическое определение творчества»

Принц (Prince, 1970) предложил свое поэтическое определение творчества, которое, на наш взгляд, само по себе можно назвать творческим. Суть его заключается в том, чтобы охарактеризовать творчество двумя парадоксальными определениями.

Итак, творчество — это

- *несогласованная гармония,*
- *прогнозируемое потрясение,*
- *привычное откровение,*
- *знакомый сюрприз,*
- *щедрый эгоизм,*
- *уверенное сомнение,*
- *непоследовательное упорство,*
- *жизненно важный пустяк,*
- *дисциплинированная свобода,*
- *пьянящее постоянство,*
- *повторяющееся начинание,*
- *тяжелая радость,*
- *предсказуемая рулетка,*
- *эфемерная твердость,*
- *одинаковое разнообразие,*
- *требовательное потакание,*
- *ожидание неожиданного,*
- *привычное удивление.*

Попробуйте продолжить этот ряд.

Приложение №1

Открытие мира через СЛОВО

Ученик как на плаху выходит к доске.

Две шпательки запряты в левом носке.

Отчужденность в глазах – глубже спрятать свечу.

*(И идти не хочу, не хочу, не хочу!
Ведь меня не зовут, чтоб – любить, чтоб – лечить,
А зовут - уличить, уличить, уличить!).*

*Вам не нравится эта картина, как крик?
Класс. Учитель. Зевота. Стоит ученик...
Как мне Вам объяснить, чтоб смогли Вы понять,
Что нельзя Вам не строить его, не ломать,
Как нельзя изготовить цветка лепесток,
Если в Вашей руке – молоток, молоток,
(Если б вместо его Вам бы тоже – свечу,
Я на этот огонь – захочу! Полечу!).*

*Как прекрасен итог: сколько знаний всего
Вы вложили в него! А всего – ничего:
Чур, от сих и до сих – истин сто прописных,
Нудных правил – законов пустых хоровод...
Из учебной программы - решеток стальных -
Отпустите его – пусть душа оживет.*

*Пусть в воскресшей душе закружит карнавал:
Пушкин, Моцарт, Ключевский, Тарковский, Шагал ...
Отпустите его – пусть душа воспарит,
Если в спящей душе ещё что-то горит.
Если Вы не успели свечу затушить...
А иначе нет смысла и повода жить!*

**Сережа Красноярский,
г. Ленинград**

А.И. Гордин

ИСКУССТВО МЫСЛИТЬ

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Подписано в печать 30.09.2014

Формат 90x60 1/16. Усл. печ. л. 20. Тираж 300 экз. Заказ №882.

Отпечатано в ООО «Типография «Иркут», 664020, ул. Новаторов, 3.

664007, ул. Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел. 203-523.

Краткие сведения об авторе

Гордин Александр Иннокентьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии «Восточно-Сибирской государственной академии образования», доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента Иркутского государственного университета, член Союза журналистов России. Автор более сорока научных

публикаций, в т. ч. монографий «Себя забывший бог: педагогический потенциал поэзии М. Волошина» (2007 г.), «Ценностное самоопределение взрослых средствами общественно-литературной газеты в процессе неформального образования» (2008 г.), «Неформальное и неформальное образование взрослых: вопросы практики и теории» (2010 г.), «Социально-педагогические эффекты общественно-образовательной деятельности сибирской литературной газеты» (2012 г.) и учебно-методических пособий «Социализация личности в информационно-ценностном пространстве средств массовой коммуникации» (2006 г.), «Освещение национальных проблем и связь с общественностью в деятельности СМИ: социально-педагогический аспект» (2012 г.), «Социально-педагогические качественные полевые исследования» (2012 г.).

Имеет многолетний опыт работы в сфере неформального и неформального образования взрослых. В разные времена возглавлял литературное объединение г. Усолья-Сибирского (1986–89 гг.), молодёжную редакцию «Будущел» (1993–2000 гг.), усольское отделение Союза журналистов России (2000–2006 гг.). Был литературным сотрудником газеты «Ленинский Путь» (1985–88 гг.), главным редактором кабельного телевидения «Эхо» г. Усолья-Сибирского» (1989–1991 гг.), а также редактором и издателем газет, выходящих в свет на территории Иркутской области: «Свеча» (усольский вариант, 1997–2000 гг.), «Усольские новости и мировые репортажи» (2000–2003 гг.), сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» (2001–2003 гг.), которая является лауреатом и победителем нескольких всероссийских и межрегиональных конкурсов профессионального журналистского мастерства.

С 2005 г. Александр Иннокентьевич участник сетевого проекта «Обучающийся регион». При поддержке Российского гуманитарного научного фонда осуществлял исследовательский проект «Традиции неформального образования взрослых в сибирской печати и пути их актуализации в современной России» (2007–2009 гг.). Один из региональных координаторов организации акции ЮНЕСКО «Неделя образования взрослых» в России (г. Иркутск – 2007 г.).

Один из создателей и в настоящее время член совета директоров Высшей народной школы г. Иркутска, руководитель литературного клуба при этой школе, редактор художественно-публицистического альманаха «Родные берега» (2014 г.) и научно-популярного, художественно-публицистического альманаха «Народное обозрение» (2014 г.).